

В. БРЮСОВ

ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1955

Вступительная статья

А. С. МЯСНИКОВА

Редакция текста и примечания

И. М. БРЮСОВОЙ

В. Я. БРЮСОВ

I

Я действительности нашей не вижу

В 1893 году студент историко-филологического факультета Московского университета Валерий Брюсов, недавний гимназист и автор множества ненапечатанных стихов, попытался определить свое отношение к декадентству — начинавшему тогда входить в моду направлению буржуазного искусства. Оно казалось юному поэту путеводной звездой в тумане, и он верил, что декадентству принадлежит будущее. Себя Брюсов считал достойным быть вождем этого направления в России и вскоре от деклараций перешел к делу. В 1894—1895 годах Брюсов опубликовал три тонких тетрадки стихов, которым дал программное название — «Русские символисты». Могло создаться впечатление, что выступила целая школа новых поэтов. Однако стихи, подписанные разными именами, принадлежали, главным образом, самому Брюсову, который стремился дать в этих сборниках образцы всех форм «новой поэзии», подражая Верлену, Маллармэ, Рембо и другим французским декадентам. Он называл эти сборники маленькой хрестоматией декадентства.

Выход «Русских символистов» принес Брюсову шумную известность. Появилось множество заметок, рецензий, пародий.

Вскоре одна за другой вышли его книги стихов: «Chefs d'œuvre (1894—1895)» и «Me eum esse» (1896—1897). Экцентricность этих книг молодой поэт подчеркивал необычными их названиями.

Считая себя уже вождем русского декадентства, Брюсов в 90-х годах пытается создать оригинальную поэтику, свою собственную систему эстетических средств, которые отразили бы его понимание задач нового искусства. Он сознательно отталкивается от классиче-

ских «узаконенных форм». Ему кажется, что эпигонская лирика 80-х годов, во главе с Надсоном, свидетельствует о кризисе всей классической поэзии. Его возмущают трафаретные образы, шаблонные эпитеты, вялая речь, обычные размеры и т. д.

Брюсов уже тогда резко ставит (в стихах и статьях) проблему формы и содержания поэзии. В этом смысле характерно его стихотворение «Сонет к форме», являющееся своего рода программным. Здесь дано два ярких сопоставления. Брюсов утверждает, что существуют какие-то неведомые связи меж контуром и запахом цветка; их может постигнуть только поэт. Работа поэта подобна работе ювелира, превращающего в процессе упорного труда алмазы в бриллианты. Так художник должен дать совершенное выражение своим образам, которые, «окаменев, живут потом века в отточенной и завершенной фразе». Чтобы создать эту отточенную и завершенную фразу, считающуюся на века, нужно быть мастером прежде всего. Уже в этом определении роли мастерства в поэзии намечается некоторая творческая самостоятельность Брюсова, отличающая его от остальных символистов, для которых поэт прежде всего пророк, ясновидец, в порыве творческого вдохновения проникающий за пределы видимого материального мира.

В другом программном стихотворении тех лет — «Юному поэту» — Брюсов в вызывающе острой форме, противопоставляя пафосу общественного служения принципы «чистого искусства», призывает поклоняться искусству, «только ему, безраздельно, бесцельно». Весь смысл творчества он видит в культе личности поэта — служителя красоты.

Лирический герой раннего Брюсова — воинствующий индивидуалист («Я не знаю других обязательств, кроме девственной веры в себя»), противник материализма, поборник реакционной теории искусства для искусства, презирающий современность и уверенный в том, что его поймут и оценят только потомки. Ему кажется, что он, как поэт, неизмеримо расширил в сравнении со своими предшественниками сферу творческого внимания художника, ввел в область поэзии такие темы и сюжеты, которых до него никто не разрабатывал.

Брюсов разделял многие взгляды символистов, но в решении некоторых принципиальных вопросов занимал своеобразную позицию. В противоположность символистам, которые считали свои философско-эстетические взгляды универсальными и обязательными для всякого искусства, Брюсов видел в символизме только одну из школ современного искусства. Символисты полагали, что основная задача поэта — в проникновении в запредельные миры. Брюсов ставил другие цели.

По его мнению, смысл символизма заключается в том, чтобы заставить читателя по-новому увидеть мир, возбудить в нем активную деятельность воображения. Преследуя эти задачи, поэт-символист не должен давать точных определений образов, предоставляя угадывать их содержание по отдельным намекам. Полемизируя с правоверными символистами, поэт решительно подчеркивал свое несогласие с ними, утверждая, что символизм не поэзия символов, а поэзия намеков. Брюсову казалось, что такое понимание расширяет границы творческого видения художника, открывая «область неизведанного».

Поэтическая практика Брюсова основывается в этот период главным образом на использовании различных систем метафор, которым он стремится придать неожиданность и необычайность. Он нередко прибегает к материализации отвлеченных понятий, как, например, в стихотворении «Осеннее чувство»: «Замерзают в льдинах сказки о страданиях весны». Слово для Брюсова перестает обозначать то, что обозначало оно в обыденном языке, оно входит в систему сложных ассоциаций и метафорических построений. В этом же стихотворении он пишет: «И сквозь окна снов бессвязных не встречаются звезд алмазных утомленные мечты». Все здесь становится необычным. Сны — это окна в загадочный мир, мечта одушевляется и т. д. Привычные понятия теряют свою определенность, входя в систему изощренных ассоциаций, что действительно позволяет вкладывать в них произвольный субъективный смысл.

Нередко Брюсов пользуется еще одним приемом, который так же ведет к смещению обычных реальных представлений. В стихотворении «Творчество», например, он сознательно смешивает логические понятия: тишина у него оказывается звонко-звучной, руки — фиолетовые, месяц всходит при луне и т. д. Не реальный мир изображает Брюсов, а стремится закрепить в стихотворных строчках поток своих субъективных впечатлений, связанных между собой не логической и жизненной связью, а капризной декадентской фантазией. В этом и в других произведениях он демонстративно стремился утвердить право субъективного произвола в поэзии, которое считал средством расширения творческих возможностей искусства. Но субъективно-идеалистические представления не расширяли знаний о мире, а искажали его реальную картину. Такого рода поэтические приемы, особенно привлекавшие молодого Брюсова, свидетельствовали об упадочности, бедности и бессилии декадентской поэзии, а не о ее богатстве и силе.

Горький в одной из статей 90-х годов, рассматривая всякие декадентские новшества, определял их как стремление искусственно оживить пресыщенные вкусы буржуазного читателя, который не способен уже нормально чувствовать.

В поисках необычайного Брюсов обращается и к такому поэтическому средству, как изысканные рифмы. В своих стихах он часто стремится поразить такими сочетаниями, как *страуса — Яуза, прерий — атмосфере, саги — зигзаги* и т. д. Одновременно он охотно пользуется и неточными, приблизительными рифмами типа *скромный — наполним, тополей — аллее, унынием — полуминиям* и т. д.

Однако, как ни стремился Брюсов в 90-е годы к оригинальности во что бы то ни стало, в его стихах явно ощущалась связь с некоторыми сторонами поэтики русской романтической школы начала XIX века. Это особенно заметно в лексике, где, пожалуй, чаще всего встречаются «тени» и «мечты», а за ними — длинный ряд таких традиционных для романтической поэтики слов, как тайна, печаль, мгновенья, сны, грезы, лампада, призраки, луна, тьма, безбрежность и т. д. Они кочуют из одного стихотворения в другое в самых различных синтаксических и стилистических сочетаниях.

Значительное место в творчестве раннего Брюсова занимает любовная лирика.

По идейному содержанию и стилю она может быть разделена на две основные группы. Первая группа — это стихи о разочарованиях в любви. Страдания лирического героя объясняются, главным образом, тем, что он не может любить самозабвенно и горячо. Он не испытывает полной радости в любви потому, что — как говорит поэт — «сокровища, заложенные в чувстве, я берегу для творческих минут». Да и любовь для него «старая сказка», вечно повторяющаяся и «бапальная, как лунная ночь».

Вторая группа лирических стихов Брюсова — стихов преимущественно второй половины 90-х годов — проникнута мотивами бурного упоения страстью, в изображении которой натуралистические и бытовые описания переплетаются со всякого рода экзотическими образами и условными сценами. То он во сне видит себя в первобытном лесу, обороняющимся от диких зверей, и воинственными криками пугает лежащую рядом возлюбленную («В ночной полумгле»), то рассказывает о гаданиях индусских женщин, которые пускают по реке Годавери широкий лист банана с положенными на него цветами («На журчащей Годавери»). Стихи этого цикла пестрят такими словами, как орхидеи, лианы, криптомерии, вау-вау, лук, колчан, бананы, мимозы, азалии, баядеры и т. д. Вся эта экзотика, очевидно, также служила одним из путей ухода поэта из реального мира.

Однако, как ни далек был Брюсов в те годы от общественно-политической жизни, он глубоко ощущал неудовлетворенность своим творчеством. В его поэзии, в его отношении к действительности назревал кризис. «Мучительный дар» — так назвал он свою поэзию. «Я запер дверь и проклял наши дни», — писал он. И хотя вопроса

об изменении социальных отношений поэт тогда и не думал ставить («Земля мне чужда, небеса недоступны»), но в мощных контрастных параллелях такого, например, стихотворения, как «Мучительный дар», нельзя не почувствовать трагизма положения поэта, который уже не приемлет окружающую жизнь, но еще не знает путей ее изменения.

II

Я все мечты люблю, мне дороги все речи

В начале нового века Брюсов выпускает две книги стихов — «Tertia vigilia» («Третья стража», 1898—1901) и «Urbi et orbi» («Городу и миру», 1901—1903), которые свидетельствуют о новом этапе его творческого развития. Одновременно он становится редактором и издателем, принимая активное участие в альманахе «Северные цветы» и журнале «Весы» (1904—1909) — центральном органе русского символизма.

С конца 90-х годов Брюсов начинает вести большую научно-исследовательскую работу, сотрудничает в журнале «Русский Архив», публикует ряд работ о Пушкине, Вяземском, Баратынском, Тютчеве, Фете и других.

Главное, что отличает теперь Брюсова, заключается не только в расширении сферы его деятельности, но и в изменении взгляда на мир и человека. В одном из стихотворений этого периода он говорит о своих первых сборниках «Русские символисты»: «Далеко первая ступень. Пять беглых лет, как пять столетий».

Для характеристики Брюсова начала 900-х годов интересный материал дает его переписка с А. М. Горьким. В рецензии на сборник «Tertia vigilia» Горький отмечал, что Брюсов стал серьезнее относиться к поэзии, хотя его стихи странны, эксцентричны, неуловимы по настроению. Однако в той же рецензии высоко оценивается одно из стихотворений Брюсова, где поэту удалось выдержать народный склад речи и народный взгляд на жизнь («Сказание о разбойнике»). Горький этим противопоставлением как бы подчеркивал, по какому пути должна развиваться настоящая поэзия.

В письмах к Брюсову Горький говорит, что в нравственном облике поэта ему понравилось что-то крепкое, твердое, здоровое, уверенное, какая-то глубокая мысль и вера. Горькому казалось, что поэт способен хорошо заступиться за угнетенных, что он не может быть равнодушным созерцателем событий общественной жизни. Он указывал на Бунина, талант которого прекрасен, как матовое серебро, но не отточен в оружие борьбы.

Таким оружием не было и творчество Брюсова тех лет. Однако под влиянием развивающейся революции в нем совершались глубокие перемены. Поэт декларативно заявляет о том, что разрывает с прежними своими идеалами и начинает жить по-новому, в шумной суете повседневности. Этот разрыв с прежней жизнью он воспринимает, как радостное освобождение, как расцвет всех лучших чувств и дум. Многие стихотворения сборников «Третья стража» и «Городу и миру» посвящены изображению этого переворота. Поэт теперь видит смысл жизни и деятельности в непрерывном движении, в непрерывном устремлении вперед. «Жизнь не в счастье, жизнь в исканьи, цель не здесь, вдали всегда», — пишет теперь Брюсов. Он впервые чувствует себя не одиноким, замкнутым скитальцем среди людей, каким он был в 90-е годы, а представителем бессмертного человечества. Его лирический герой становится современником всех эпох, он чувствует себя то жрецом Астарты и Гекаты, то посетителем Илксес и Академий. Отсюда — пафос истории, пронизывающий многие произведения Брюсова. История и современность переплетаются в его произведениях.

Неизмеримо расширяется творческий диапазон поэта. Появляются новые темы, которых он почти не затрагивал в раннем творчестве. Он пишет об исторических и мифологических героях, о современном городе, по-новому подходит к проблемам искусства.

Углубление в историю, в седую древность не было для Брюсова уходом от тревожных вопросов современности. Поэт искал идеал героической личности, человека больших идей, непреодолимых страстей, непобедимой воли. Таких людей в современной жизни он не находил. Идейное направление творчества Горького, призывавшего создавать героические характеры и уже создавшего в те годы не только образы смелого Сокола и мятежного Буревестника, но и образ рядового представителя борющегося рабочего класса — машиниста Нила (пьеса «Мещане»), — это направление не могло стать в те годы знаменем Брюсова, еще не расставшегося с догмами декадентского искусства. Современник больших исторических событий, далекий от освободительного движения, поэт еще только пытался как-то по-своему осознать пути и закономерности исторического процесса, условия появления героических характеров.

Произведения Брюсова на исторические темы отличаются характерной особенностью. Поэт не ставит перед собой цели всесторонне изобразить историческое лицо или сколько-нибудь полно рассказать о его жизни. Он останавливается на какой-нибудь одной черте своего героя, которую считает главной и близкой ему самому. В одном из писем к Горькому Брюсов подчеркивал эту особенность своих произведений в отличие от цикла историко-мифологических

сонетов Эредиа. «У того все изображено со стороны,— писал Брюсов,— а у меня везде — и в Скифах, и в Ассаргадоне, и в Данте — везде мое «я». Право же, дьявольская разница!»¹ Поэтому в стихотворениях этого цикла нет беспристрастной эпичности, в них рядом с образом героя присутствует образ поэта.

Путешествуя от эпохи к эпохе, от народа к народу, собирает поэт отдельные черты облика «любимцев веков». Вот перед взором поэта халдейский пастух. Кругом пустынная степь. На небе ярко горят звезды. Он первый познал законы их движения, первый из людей дал названия созвездиям. В безлюдной степи пастух древней Халдеи испытал всю радость научного дерзания. «И в этой радости дайслиться на мгновение с тобой, о искренний, о неизвестный друг!» — восклицает Брюсов («Халдейский пастух»). Древний ассирийский царь Ассаргадон стал владыкой царей и государств, уничтожив своих врагов. Он совершил такие подвиги, что в его время сама мечта о новых подвигах становится детской забавой. Царь Ассаргадон стоит один, упоенный величием, исчерпав возможности человеческой славы («Ассаргадон»). «В любви душа вскрывается до дна», все случайное исчезает, открывается неповторимая глубина человеческой души. Дон-Жуан любит многих женщин. Душа каждой из них раскрывает ему «новый мир и манит вновь безвестной тайной» («Дон-Жуан»). Наполеон оставил страшный след на дороге поколений. Он уничтожал все, что создавалось упорным вековым трудом. «И стало, наконец, вселенной неведомо носить тебя!» («Наполеон»). Брюсова привлек образ Лермонтова. «Ты мечтал об ангельски-прекрасном, ты демонски-мятежное любил», — говорит о нем Брюсов. «И мы тебя, поэт, не разгадали, не поняли младенческой печали в твоих как будто кованных стихах!» («Лермонтов»). Герои Брюсова всецело поглощены одной страстью — будь то жажда научных открытий, земная слава, любовь, поэзия.

Стихи этого цикла пестрят географическими, историческими и мифологическими названиями и именами — Ассаргадон, Сидон, Изиды, Фта, Нил, Киприда, Кассандра, Лета, Ида, Феб, Эней, Ганг, Сузы, Вавилон, Дарий, Аммон, Баязет, Тимур, Десятинная церковь, Золотые ворота и т. д.

Стихи циклов «Любимцы веков» и «Близким» построены по-разному. Одна, сравнительно немногочисленная часть, представляет собой монологи героев («Ассаргадон», «Жрец Изиды», «Дон-Жуан»). Другая, более многочисленная, написана в форме обращения поэта к этим героям («Халдейский пастух», «Психея», «Александр Великий», «Скифы», «Наполеон», «К портрету Лермонтова»).

¹ «Литературное наследство», № 27—28, стр. 640.

По своему характеру творчество Брюсова в эти годы резко отличается и от его собственных ранних опытов и от поэзии современных ему декадентов. В нем нет эмоционально-расплывчатой, неточной, темной фразеологии. Слова точно и подчас сухомерно определяют предмет. Композиция ясна и определена и напоминает логические построения. В ней нет характерного для декадентов неожиданного перескакивания с предмета на предмет по капризной прихоти поэта. «Умея ковать стихи,— справедливо отмечал Блок,— Брюсов умел ковать и идеи, не давая им расплываться. Это — черта большого поэта. Брюсов всегда закончен, чеканен»¹.

В большинстве своем стихи Брюсова торжественно-величавы, отличаются ораторским пафосом. Не случайно, как вспоминает один из современников, сам поэт читал их повелительно-властным голосом, точно отдавая приказы по армии. Эти эстетические принципы характерны не только для разбираемого цикла произведений, но и для всей его поэтики 900-х годов.

Историческая тема была в известной мере для Брюсова одним из средств борьбы с крайним субъективизмом самого поэта. Но в процессе этой борьбы он впадал в другую крайность — в крайность буржуазного объективизма. Это нашло отражение в ряде его произведений. Особенно характерно стихотворение «Я». Его герой — сам поэт. Он, много изучивший и много передумавший, называет себя современником и учеником древних мыслителей. Но философы древности несли в мир разные, порой совершенно противоположные друг другу учения. Брюсов утверждает: «И странно полюбил я мглу противоречий и жадно стал искать сплетений роковых. Мне сладки все мечты, мне дороги все речи, и всем богам я посвящаю стих». Подобные мотивы встречаются в целом ряде других стихотворений Брюсова: «Царю Северного полюса», «Довольным» и т. п. «Моей мечтой всегда был пантеон, храм всех богов», — писал Брюсов. Поэта часто интересует проявление сильного характера само по себе, вне социально-политической оценки деятельности героя. Вот почему он воспекает и грозного деспота царя Ассаргадона и «океан народной страсти, в щепы дробящий утлый трон». Борясь с измельчанием личности в условиях буржуазно-дворянской России, но не будучи связанным с освободительным движением, поэт не мог правильно и последовательно разрешить проблему подлинного героя истории.

Новой темой в творчестве Брюсова начала 900-х годов была тема города. Ее нельзя отделить от тех идейно-творческих сдвигов, какие произошли в сознании поэта.

¹ Рецензия А. Блока на сборник «Венок». Литературное приложение к газете «Слово», 1906, № 382.

Творчество Брюсова начала 900-х годов свидетельствовало о значительном приближении поэта к реальному миру. А реальный мир — это буржуазно-дворянская Россия, вступившая в эпоху «самоновейшего капитализма», империализма, лихорадочного роста городской культуры. Тема города явилась в творчестве Брюсова одной из самых актуальных тем современности.

Одно из значительных произведений Брюсова на эту тему — стихотворение «Мир» построено на контрастном сопоставлении купеческого города конца XIX века (хорошо знакомого поэту по детским воспоминаниям) и нового города, выросшего в период бурного развития империализма. «Громадный, неподвижный, серый», — таким представляется Брюсову старый мир, воплощенный в виде мрачного патриархального дома. Поэт дает как бы анатомическое строение этого дома. Исторически-конкретное, точное и скупое описание купеческого быта, изображение жилья, людей, звуков, запахов создавало необыкновенно гнетущую картину. Герой не мог вырваться из цепких лап этого мира и только мечтал об иной жизни.

Наступило другое время.

Резкими штрихами поэт подчеркивает основные черты нового капиталистического города. В старом мире господствовали «тишина и грязь». В новом — «сверкало все, гремело в гуле гулком». Старый мир как бы стремился вниз, жался к земле, новый — весь устремлен вверх, к свету. «Воздвиглись здания из стали и стекла, дворцы огромные, где вольно бродят взоры». Появились новые люди. «И лица новые, и говор чужд», — пишет о них Брюсов. Изменился и сам поэт: «Во мне все новое, как в городе торговли: и мысли, и мечты, и чаянья, и страх».

По стилю первая часть этого стихотворения отличается от второй. Первая часть полна необычного для Брюсова внимания к деталям конкретного мира, вторая дана в плане эстетизации некоторых наиболее общих черт современного города.

Брюсов любит современный капиталистический город. «Под вольный грохот экипажей мечтать и думать я привык», — пишет он. Во многих стихотворениях он с любовью говорит о пространстве площадей, об узких улицах, больших домах, конках со звонкими колокольчиками, о певучем городском грохоте и шуме.

Однако поэт не только любит городскими пейзажами. Он не мог не ощущать, что не все благополучно в этом городе.

В поэме «Замкнутые», например, он уже подходит к изображению социальных противоречий капиталистического города. Поэт приходит в ужас, видя, что жизнь здесь подчинена привычке. Расчет вытесняет чувство. Люди говорят: «строгий долг», «скорбь об идеале»,

прикрывая этими словами свое бездушие, неумение и нежелание бороться за счастье. «И страшная мечта меня в те дни томила: что, если Город мой — предвестие веков? Что, если Пошлость — роковая сила и создан человек для рабства и оков?»

Между тем в те годы шла великая освободительная борьба. Русский народ, руководимый пролетариатом и его партией, отстаивая в борьбе свои интересы, наглядно показывал, что человек не создан «для рабства и оков». Отголоски этой борьбы долетали и до Брюсова. Так, например, в стихотворении «Ночь» он писал о рабочем классе: «И, спину яростно клоня, скрывают бешенство проклятий среди железа и огня давно испытанные рати». В 1901 году Брюсов создал одно из лучших своих произведений о людях труда и их думах — стихотворение «Каменщик», построенное в форме диалога. Стилистически однообразные вопросы случайного прохожего переплетаются здесь с очень яркими ответами каменщика, блестящими то грубоватыми и простодушными, то ироническими и гневными оттенками народной речи. В маленьком стихотворении отражена большая народная драма.

Новые мотивы творчества Брюсова не могли не сказаться и на разработке им темы любви. Очень противоречлива любовная лирика Брюсова!

Поэт полагал, что страсть способна открыть перед человеком новые стороны бытия. Ряд произведений Брюсова посвящен изображению испепеляющей страсти. В то же время во многих стихах, помещенных в книгах «Третья стража» и «Городу и миру», повторяется мотив бегства от страстной, но стесняющей свободу поэта любви. «Бегу от пышного алькова безумный, вольный и нагой», — пишет он, например, в стихотворении «Побег».

Среди лирических произведений Брюсова на тему любви особое место занимает стихотворение «Habet illa in alvo» («Она понесла в чреве»). Он создал прекрасную поэму о материнстве, прославив не только возлюбленную — о возлюбленных писали поэты всех времен и народов, — но женщину, готовящуюся стать матерью, женщину-мать, проявив при этом и мудрую зрелость и глубокий такт. В этом стихотворении бытовые и даже отчасти физиологические подробности переплетаются с метафорами высокого стиля, частные зарисовки с общефилософскими выводами. Такого произведения в 90-х годах Брюсов создать не мог.

По-новому смотрит Брюсов в этот период на искусство. Размышляя над «тайнами» «святого ремесла», он и в эти годы, так же как и в 90-е, настаивал на том, что настоящая поэзия не рождается без постоянного труда. В 1903 году он пишет стихотворение «В ответ», где изображает поэта в образе пахаря, а мечту — в образе вола,

которого он подгоняет тяжелым кнутом: «Вперед, мечта, мой верный вол!.. Я сам тружусь, и ты работай!» Такое изображение поэтического труда резко противостояло традиционному представлению поэта с лирой, музы в виде прекрасной женщины и явилось смелым вызовом символистам, для которых поэт был мистическим пророком.

Однако и здесь Брюсов непоследователен. Большинство его лучших произведений начала 900-х годов находится в кричащем противоречии с теми теоретическими взглядами, которые нашли отражение, например, в статье «Ключи тайн». Эта работа в известной степени подытоживала эстетические воззрения всех символистов. В своей статье Брюсов резко отделяет науку от искусства, полагая, что наука будто бы изучает только внешнюю сторону явлений и прославляет поэзию за то, что она будто бы мистическими средствами проникает в мир подлинных сущностей.

Творчество Брюсова начала 900-х годов развивалось совсем по другому направлению. От подавляющего большинства его стихов веет духом рационализма, столь противоположного по своему характеру декадентскому эмоциональному потоку впечатлений и мистики. Этому ему не могли простить приверженцы символизма. «Брюсов холоден, как рассудительный покойник на 20 гр. морозе», — писал Леонид Андреев¹.

Брюсов шел вперед, преодолевая тяжелый груз декадентских пережитков, спотыкаясь и падая, но веря «в возможность новых совершенств».

III

Ломать — я буду с вами! Строить — нет!

В начале 900-х годов Брюсов становится признанным поэтом. В 1905 году выходит сборник его стихов «Stephanos» («Венок»), в 1909 году — «Все напевы», в 1912 году — «Зеркало теней», в 1916 — «Семь цветов радуги». Одновременно Брюсов продолжает журналистскую и издательскую работу.

Поэт впервые начинает широко откликаться на важнейшие события современности. Русско-японская война, революция 1905 года, первая мировая война становятся темами его творчества и определяют новое направление взглядов поэта на ряд принципиально важных вопросов жизни и искусства.

Отношение Брюсова к русско-японской войне не было последовательным. В первый период войны его стихи почти не отличаются от официальной шовинистической поэзии. Во второй период, когда

¹ Письма Леонида Андреева, ред. Г. Чулкова, Л. 1924, стр. 21.

все яснее становилось, что русское самодержавие проигрывает войну, стихи Брюсова исполнены презрения к бездарному царскому командованию и боли за позор родной страны.

В стихах Брюсова о войне читатель не находил ни образов винов, ни описаний сражений, ни изображения тех мест, где велась война. Брюсов изображает войну в отвлеченных и грандиозных образах. Так, например, в стихотворении «К Тихому океану» поэт дает образы двух великанов — России и Тихого океана. Они тянутся друг к другу, ибо оба полны сил и величия. В стихотворении «Война» поэт персонифицирует образ войны, называя ее дочерью таких же персонифицированных отвлеченных понятий — Силы и Раздора. Война с детства воспитывалась среди зверей и с молоком их всосала жажду крови. Поэт воспроизводит страшный облик войны: «И кровь блеснит полоской красной на жемчугах твоих зубов».

Стихотворение «На новый 1905 год» тоже навеяно думами о войне. Оно тоже полно отвлеченных персонифицированных образов. Новый Год — суровое и слепое существо, которое держит в длани традиционные весы. На роковых чашах этих весов — счастье и несчастье народов. Война, по мнению поэта, — «веков азартная игра».

В декабре 1904 года Брюсов пишет страстное, но ошибочное по своей идее стихотворение «К согражданам». Поэт призывает прекратить перед лицом врага политическую борьбу внутри страны, ему кажется, что это поможет победе. В свое стихотворение он вводит, кроме общеупотребительных слов, ряд образов античного мира («Вы, ликторы, закройте форум! Молчи, неистовый трибун!», «Пускай опять идут плебеи на свой священный Авентин!»), библейские образы («Парит бессменно Азраил», «Кто назначенье мировое предать способен, как Исав»), образы отвлеченной патетики («В каждом доме стоит кровавая мечта», «Пусть помнят все, что ряд столетий России ведать суждено»), слова газетно-публицистического стиля («Ждем столбцов газетного листа»), — стремясь разнообразными художественными средствами усилить впечатление.

Совершенно иным духом и тоном проникнуты стихотворения Брюсова, написанные в период поражения царской армии. Стихотворение «Цусима», например, полно искренней печали. Прекрасны строки о флоте, погибшем в героической борьбе, образ скорбящего поэта, который выражает мысли и чувства многих русских людей, горестный и величавый образ России, рыдающей над тяжелой утратой. Примыкающее к этому произведению стихотворение «Цепи» имеет характерный подзаголовок: «По поводу заключения мира с Японией и по другим поводам». Этот подзаголовок помогает осмыслить строфы стихотворения в гораздо более широком социально-политическом плане. Если первые стихотворения Брюсова о войне

были проникнуты патетическим пафосом, если стихотворение «Цусима» полно тяжелой скорби, то эти стихи звучат гневно и сатирически. Поэт упрекает тех, кто руководил этой войной, в трусости, в уступчивости, в изменах. «Так слушайте напев веселый,— с презрением пишет Брюсов в последних строках стихотворения.— Поэт венчает вас позором!» Еще раньше, когда стало известно о падении Порт-Артура, Брюсов писал, что со времен битвы на Калке Россия не знала более тяжелого поражения.

Так, крушение царизма в русско-японской войне подводило Брюсова к более ясному представлению о закономерности развертывающейся в России революции.

Революция 1905 года глубоко взволновала Брюсова. Поэт сам признавался, что никогда в жизни до этого он не переживал таких мучительных и радостных дней.

Брюсову казалось, что революция создает те мощные, цельные, героические характеры, которые поэт искал до этого в глубинах истории, в прошлом родной страны. В период революции он написал такое, например, стихотворение, как «Паломникам свободы». К храму свободы приходили «тропинкой еле зримой» пилигримы — в их образе Брюсов изображал революционеров-одиночек. Они могли только плакать, возжигать фимнам и учить своей вере сыновей. Но наступило иное время. «Дорогой той пришел народ». Он разбил чугунные ворота и овладел храмом свободы. Обобщенный образ народа и есть тот героический характер, о котором тосковал Брюсов.

Революция привлекала Брюсова и грандиозностью своих масштабов, невиданным величием событий, ярко выраженной патетикой. Революция — это океан народной страсти, смерч, смертный шквал, море, молния («Довольным»), буря летучая («Грядущие гунны»), сноп молний («Фонарики»).

Как известно, во время революции 1905 года особенно подло, трусливо и лицемерно вела себя буржуазия. С одной стороны, она хотела пробраться к власти и внешне, казалось, была в оппозиции к самодержавному режиму, с другой стороны, она боялась пролетариата и поэтому была готова идти против него на любые сделки с самодержавием. «Манифест 17 октября» полностью устраивал буржуазию. 18 октября Брюсов написал бичующее стихотворение «Довольным». «Мне стыдно ваших поздравлений, мне страшно ваших гордых слов», — с возмущением писал поэт по этому поводу. Он говорит, что радость буржуазных болтунов он может сравнить только с радостью стада, «нашедшего клочок травы». В сильнейшей строфе — пятой — этого стихотворения поэт говорит: «Но ненавистны полумеры» — и противопоставлением ряда контрастных образов резко выражает свое отношение к совершившемуся: «Не

море, а глухой канал, не молния, а полдень серый, не агора, а общий зал». Эти мудрые и резкие, как бичи, антитезы клеймят врагов революции. Агора — место народных собраний древних греков — больше привлекает Брюсова, чем общий зал современного ему буржуазного парламента. Когда в 1906 году происходили выборы в Думу и стало ясно, что она будет кадетской, он писал, что предпочел бы ей Совет рабочих депутатов. Конечно, эти строчки не могут служить доказательством того, что поэт понял правду большевизма, но они наглядно свидетельствуют, в какую сторону склонялись его симпатии.

Во взгляде Брюсова на революцию, однако, проявились те элементы буржуазного объективизма, которые были характерны для его исторической концепции. Революция грандиозна, но грандиозен и восточный деспот Ассаргадон: «Прекрасен в мощи грозной власти восточный царь Ассаргадон и океан народной страсти, в щепы дробниций царский трон».

Брюсов видел только одну сторону революции — стихию разрушения. Созидательных сил революции он не знал. Характерно в этом плане стихотворение «Грядущие гунны». Поэт опять прибегает к привычным историческим аналогиям. Революция представляется ему в виде нашествия гуннов, которые до основания уничтожают всю материальную и духовную культуру буржуазно-дворянского общества, расчищая место для новой истории человечества. Он даже не боится собственной гибели, приветствуя всеочищающую бурю этой «гуннской революции».

Наивно считая себя предельно левым, поэт в сущности подходил к оценке развернувшейся революции с анархических позиций. В стихотворении «Близким» (1906) он писал: «Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши». Брюсов полагал, что его задача — «крушить устои вековыс». В. И. Ленин имел в виду последнюю строчку этого стихотворения Брюсова, когда писал об отношении пролетариата к революционному крылу трудовой группы. «По адресу этих, — писал В. И. Ленин, — да и других мелкобуржуазных революционеров мы могли бы сказать, как один поэт анархист сказал по нашему адресу: «Помать мы будем вместе, строить — нет!»¹

Итак, революция 1905 года стала предметом непосредственного художественного воспроизведения Брюсова, что отразилось в ряде стихотворений этих лет, в неоконченной поэме «Агасфер в 1905 году», написанной около 1909 года, и других. Развертывание революционных событий заставило поэта задуматься о социализме, что нашло свое отражение в неопубликованной тогда статье «Торжество со-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 11, стр. 428.

ипалпзма» (1903), некоторых стихах, в частности «К счастливым» (1902—1905), где он мечтает о новой эре в истории человечества, когда не будет частной собственности, люди покорят природу и «свобода, братство, равенство» станут законами их существования. Есть в этом стихотворении, обращенном к дальним потомкам, и нотки жертвенности: свое поколение Брюсов рассматривает лишь как переходной.

Сложными, непоследовательными, противоречивыми были по-прежнему взгляды Брюсова на искусство в 1904—1917 годах.

Среди его стихотворений на эту тему есть непосредственно продиктованные революционными днями 1905 года. В «Знакомой песни», например, Брюсов называет песни свободы «колоколом вселенной с языком из серебра». Песни освобождения, которые распевали Брут, Робеспьер, Марат, для него «говор грома», «песнь торжественных времен». Он называет себя богомольным слушателем колокола свободы, правда, оговариваясь, что не может хвалить «на колокольные неписанных звонарей». В стихотворении «Книжал», написанном несколько раньше, Брюсов, продолжая лермонтовскую традицию, сравнивает поэзию с острым книжалом, с оружием борьбы за свободу и дает блестящие поэтические и политические формулы: «Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза, и песня с бурей вечно сестры».

В период революции 1905 года он не только не разделяет пресловутый реакционный взгляд сторонников чистого искусства, считавших, что, когда гремят пушки, молчат музы, но и пытается разъяснить место своей поэзии в общественной борьбе. Он даже пишет стихотворение с очень характерным названием: «Одному из братьев (упрекнувшему меня, что мои стихи лишены общественного значения)». Брюсов считает не только необходимым отвечать на такие упреки, но и опровергать их. По его мнению, существуют две формы борьбы: борьба реальным оружием и борьба идейными средствами, поэтическим словом. Поэт полагает, что поэтическое слово способно наносить сокрушительные удары по врагу: «Так! Я незримо стены рушу, в которых дух наш заточен!»

Проблемы общественного значения искусства ставятся им и позже: «Поэту» (1907), «Поэт — Музе» (1911), «Юношам» (1914) и другие. Особенно характерно стихотворение «Поэт — Музе». Поэт в страстных и ярких строках клянется в своей верности Музе, говорит, что он для нее «труд бросал, вставал с одра, больной», «отрывал уста от ласки страстной» и т. д. Он любит природу, его одолевают страсти, он стоит у ложа умирающей возлюбленной и т. д., — во всех случаях жизни, в радости и горе, поэт Брюсов как бы наблюдает за человеком Брюсовым, вслушивается в его слова, угадывает его желания, чтобы рассказать обо всем, что он видел, о чем

передумал, что пережил — своей Музе. В этом свойстве, с такой предельной искренностью раскрытом в стихотворении «Поэт — Музе» и кроется та особенность брюсовской поэзии, тот брюсовский рационализм, брюсовский пафос мысли, который накладывал отпечаток на все его произведения.

С первых дней своего творчества (достаточно вспомнить «Сонет к форме») до последних дней поэт очень настойчиво, постоянно и упорно работал над формой своих художественных произведений. Об этой стороне своей деятельности он писал не только в теоретических работах, но и в стихах. Так, например, в 1911 году он написал замечательное стихотворение «Родной язык». Это — страстный гимн в честь русского языка, богатого и могучего. В духе лучших традиций отечественной классической литературы он говорит, что родной язык его «спасал в часы бессилья и сокрушал избыток сил». Какую подлинную радость испытывал поэт, когда он находил совершенные формы для выражения своих чувств и мыслей, и какой болью и горечью обливало его сердце, когда он «тщетно ждал, чтоб был созвучен с душой дрожащей — отзвук твой!» На этом пути, пути поэтического творчества, художника ждут и удачи и поражения. Совершенства можно добиться только тогда, когда поэт упорно продолжает трудиться. Брюсов умел много и настойчиво работать. «Нет грани моему упорству», — справедливо писал он о себе в этом стихотворении.

Но у Брюсова оставались противоречия и серьезные ошибки в понимании сущности искусства и его целей. Трудно, например, поверить, что стихотворения «Служителю Муз» и «Сеятель» написаны одним поэтом в одном и том же году. В первом стихотворении, определяя задачи поэта в дни, когда стране угрожает враг, он говорит: «Забудь о тайпствах вселенной, поспешно отточи кинжал!» Во втором он восклицал: «О радость творчества, свободного, без цели». Перед читателем встают как будто два поэта: один — поэт-борец, другой — поэт-созерцатель, удалившийся от борьбы. И такие противоречивые строфы не составляют исключения в поэзии Брюсова. Даже в таком замечательном стихотворении, как «Кинжал», содержится ошибочное противопоставление исторических буден, затишья, историческим праздникам, дням восстаний. В дни затишья, по мнению Брюсова, поэт может не принимать никакого участия в борьбе, он имеет право уйти «в страну молчания и могил, в века загадочно былые». Наоборот, в дни революции, когда «раскинулись огнистые знамена», поэт чувствует себя борцом. В этом же стихотворении, написанном незадолго до революции 1905 года, Брюсов очень ярко говорит о родстве песни и народного восстания, называет себя «песельником борьбы». А в стихотворении «Грядущие гунны», законченном уже в период революции, этот «песельник борь-

бы» предлагает мудрецам и поэтам, благословляя революцию, унести величайшие достижения духовной культуры человечества «в катакомбы, в пустыни, в пещеры». Разумеется, такой образ отшельника, хранителя духовных ценностей, ничего общего не имеет с представлением о «песельнике борьбы». Нарисованный Брюсовым в стихотворении «Памятник» образ поэта, одинаково дорогого для людей «разных вкусов», для бойцов разных станов, также далек от традиций русской классической поэзии.

Особенно много ошибочных суждений об искусстве содержалось в теоретических статьях Брюсова начала 900-х годов. Руководимый поэтом журнал «Весы» был теоретическим органом русского символизма. Как уже отмечалось, его статья «Ключи тайн» явилась в известной степени программной работой. Обосновывая теорию символизма, поэт по-кантовски ставил вопрос о сущности и функциях искусства. Он считал, что, по замыслу художника, искусство не должно преследовать какие-либо цели, но созданное художником произведение может иметь общественное значение. Художник не должен заботиться о том, как будет использовано его художественное произведение. «В повести Марка Твена о принце и нищем, — писал Брюсов, — Бедный Том, попав во дворец, пользуется государственной печатью для того, чтобы колоть ею орехи. Может быть, Том колот орехи очень удачно, но все же назначение государственной печати — иное»¹.

Когда в 1905 году появилась статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», Брюсов делал попытки опровергнуть основные положения этой статьи. Он неправомерно ставил знак равенства между зависимостью литературы от эксплуатирующих буржуазных верхов и ее зависимостью от борющихся за свое освобождение трудящихся масс. На основе такого механического приравнивания несоизмеримых понятий Брюсов приходил к выводу, что и буржуазная и пролетарская литература одинаково не свободны, так как они зависят от определенных социальных сил. Брюсов утверждал, что будто бы он и его друзья из журнала «Весы» не меньше марксистов ненавидят существующий строй, но они хотят быть абсолютно свободными и поэтому не разделяют учения о партийности литературы².

Процесс преодоления декадентских догматов в теории шел у Брюсова гораздо труднее и продолжительнее, чем в практике художественного творчества.

¹ «Весы», 1904 г., № 1, стр. 9.

² Ср. с процитированной в 1906 году В. И. Лениным строкой из стихотворения Брюсова «Ломать я буду с вами, строить — нет!»

В период кризиса символизма в 40-х годах Брюсов резко выступил против программного доклада В. Иванова, который стремился гальванизировать умирающий символизм.

В статьях 1911 года Брюсов настойчиво повторяет мысль о том, что подлинное искусство опирается на изучение жизни, что отрыв от жизни ведет искусство к гибели. Те художники, которые не хотят учиться у жизни, не могут быть оригинальными, они вынуждены подражать другим художникам. Брюсов выступает с критикой двухплановой символистской поэтики, аллегоризма, ипосказательности. Он одновременно протестует как против мертвого, натуралистического копирования жизни, так и против субъективных вымыслов реакционной романтики. Он говорит, что будущее искусство будет каким-то невиданным синтезом «реализма» и «идеализма».

Эти противоречивые, порой взаимоисключающие взгляды Брюсова на поэзию определили и характер его стиля.

Совершенно справедливо о Брюсове писал Луначарский: «В нем есть что-то от каменщика, который строит здание человеческой цивилизации. Брюсов любит материю, любит камень и металлы больше, чем лучи, газ и пары, любит весомую, подчиняющуюся чеканке природу более, чем неуловимое и невыразимое; редко ищет намеков, старается, наоборот, словом захлестнуть, как арканом, свой предмет, очертить его им, как крепкой графической линией». Однако в эти годы у Брюсова встречаются и сложные метафоры и большое количество отвлеченных понятий (с большой буквы!) — Время, Город, Красота, Судьба, Солнце, Тайна, Безумье, Гордость, Нужда, Злоба, Нищета, Любовь, Рок, Промысел и т. п. Особенно перегружен словарь Брюсова историческими и архаическими терминами. Их обилие вызвало у молодого Маяковского проническое замечание, что стихи Брюсова о войне напоминают «язык седобородого свидетеля крестовых походов»¹.

Эти противоречия определили и трактовку Брюсовым темы города.

При изображении города основное внимание поэта обращено на воспроизведение его материальной культуры. Поэта привлекают грандиозные здания, стеклянные башни газетных издательств, электрические луны, висящие на выгнутых длинных столбах, янтарный блеск циферблатов светящихся часов и т. д. Гораздо меньше поэта интересуют люди. Он пишет: «Нет! люди — атомы в крови моей!» Вот только как атомы города они и интересуют Брюсова. Поэтому чаще всего он рисует персонифицированный образ городских толп, ограничиваясь простым перечислением тех, кого успел заметить

¹ Газета «Новь», 27 ноября 1914 г.

среди движущейся толпы: модного франта, проститутку, рабочего, юношу, старика и т. д.

В 1907 году Брюсов пишет знаменитый дифирамб «Городу», вводя два противоположных образа. С одной стороны, город — «чарователь неустанный», привлекающий к себе золотом, праздничными храмами, хрустальными залами, упирающимися в небосвод, а с другой стороны тот же город — «дракон, хищный и бескрылый», по железным трубам которого «струится газ, бежит вода», в нем «неумолчно ропщет Злоба» и «грозно стонет Ницета». В последней строфе Брюсов дает контрастное определение города: «коварный змей с волшебным взглядом!»

В его творчестве после революции 1905 года отчетливо обозначилась тема гуманизма. Правда, поэт не связывал эту тему с проблемами революции — в этом сказалась ограниченность его мировоззрения. Но то, что она появилась, несомненно свидетельствует о новом шаге в идейном развитии поэта. Необходимо подчеркнуть, что в эпоху реакции, наступившей за поражением революции, когда декаденты всех мастей стремились всячески унижить человека, когда Арцыбашев устами Санина произнес свою печально-известную фразу: «Человек от природы подл», Брюсов, обращаясь к людям будущего, мечтал, что «твердо станет вольный Человек пред ликом неба на своей планете». Образ Человека-победителя входит в пантеон лучших художественных образов поэта.

Наиболее ярким произведением Брюсова на эту тему является стихотворение «Хвала человеку», написанное в 1906 году.

Все стихотворение пропизано пафосом прогресса. Человек движется из глубины истории, он все смелее овладевает тайнами природы. Обращаясь к нему, поэт говорит: «камни, ветер, воду, пламя ты смирил своей уздой», «на стальных левиафанах пробежал державно ты». Он создает образ пытливого, упорного, уверенного в себе Человека. Восклицание: «Будь прославлен, Человек!», композиционно обрамляя стихотворение, является не только исходной точкой зрения поэта, но и выводом его, органически вытекающим из всего содержания произведения. Когда Брюсов говорит своему герою: «Ты своей рукой направишь бег планеты меж светил», то в этих словах видна не условная поэтическая гипербола, а глубокая вера в неисчерпаемые возможности человека.

Такой же важной для Брюсова, как и тема гуманизма, является тема родины и народа, впервые вставшая в его творчестве незадолго до революции 1905 года.

Брюсов любовно рисует пейзаж родной страны в разные времена года. Он умеет тонко подметить наиболее характерные черты родной природы и точно передать их хорошими русскими словами, подлинно

реалистически. Над пестрыми нивами и рощами шумит весенний дождь: «Ветер гнет струи в изгибы, словно стебли камыша» («Весенний дождь»). Он говорит о знойном лете: «Как ясно, как ласково небо! Как радостно реют стрижи вокруг церкви Бориса и Глеба» («По меже»). Брюсов рисует и осень, когда над страной — «покой осенний, дни отлетевших журавлей», когда молчит лес, звенит ручей, «но странно ясен и прекрасен омытый холодом простор» («В моей стране»). Многие пейзажные зарисовки Брюсова овеяны грустным лирическим чувством: поэт, утомленный думами и стремительной жизнью города, чувствует себя уютно и хорошо только на лоне родной природы.

В 1911 году Брюсов пишет стихотворение «К моей стране». Здесь поэт уже не ограничивается пейзажными зарисовками. Он вспоминает о печальных событиях русско-японской войны, о революции 1905 года, о годах реакции и делает знаменательный вывод. Страна спит, как река, скованная морозом, но ее сон не вечен: «Мы смеем верить скрытой силе, — ждать мая, мая в этот век!» Эти строфы были написаны у порога начала нового подъема освободительного движения в нашей стране.

Накануне революции 1905 года в творчестве Брюсова впервые появляется тема народа. Поэт обращается вглубь истории, к периоду античности. В 1904 году он пишет стихотворение «Гребцы триремы». Оно повествует о гребцах, прикованных к кораблю, едва различающих свет заката сквозь узкие окна. Их силой движется трирема, но не они управляют ею. Стихотворение как бы символизирует взаимоотношение социальных сил в капиталистическом мире, где народ трудится, производит все материальные ценности, но не участвует в управлении страной. В 1907 году в стихотворении «Век за веком» Брюсов обращается и к истории родной страны. Он рисует трудную историю русского народа, историю боев и мирного труда. Образ русского народа персонифицирован в былинном богатыре Миккуле, распахивающем бескрайние поля. Поэт видит длинную цепь поколений русских людей, век за веком участвующих в боях и труде. Они незримо присутствуют среди потомков. «А древние пращурсы зорко следят за работой сынов, ветлой наклоняясь с пригорка, туманом вставая с лугов». Поэт зримо, эпически-спокойно, без тени мистики передал это ощущение бессмертия человеческого рода.

Народ в изображении Брюсова не составляет однородной массы. Одна часть народа, изображенная, например, в стихотворении «Камешник» (1911), ничего, кроме горя и труда, не знает. «Камни бьем, чтоб жить на свете, и живем, чтоб бить», — в этой ужасающей своей простотой фразе изложена вся, так сказать, философия беспросветной жизни. Но еще в 1904 году Брюсов слагает торжественное сти-

хотворение «Слава толпе», в котором прославляет тот ослепительный день, когда толпа возвысит «свой голос мятежный, властительный», открывая «дорогу в столетье грядущее».

И попрежнему, как и до революции 1905 года, в поисках героического характера Брюсов обращается к истории. Стихотворения на исторические темы, написанные в период между двумя русскими революциями, продолжают развивать ту линию в творчестве поэта, которая наметилась в начале нашего века.

По страницам книг Брюсова снова проходит целая галерея исторических и мифологических образов. Александр Македонский совершил сказочные подвиги, оставил потомству яркое воспоминание о своих славных и страшных делах («Смерть Александра»). Мифические Дедал и Икар сделали себе крылья, прикрепили их воском к плечам и поднялись высоко в небо. Икар, почувствовав безграничную свободу, не прислушиваясь к благоразумным советам Дедала, поднялся слишком высоко, солнце растопило его крылья, и он погиб в пучине моря («Дедал и Икар»). Киевский князь Святослав мужественно вступает в бой с коварным врагом. «Пусть враги нас порубят, побьют, пусть обратно добычу отымут, — говорит он дружине, — но певцы про нас славу споют, ибо мертвые сраму неимут» («Завет Святослава»). В Ярославне видит поэт коренные черты национального характера русской женщины: «Или русских женщин лики все в тебе слиты! Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна — ты!» («Певцу слова»). Отчасти сквозь призму тютчевских образов воспринимает поэт декабристов. «Чья кровь на снегах продымилась, блеснула и полюс земной растопить не могла» («К Медному всаднику»). Число примеров, когда Брюсов использует героические образы истории и мифологии, можно легко увеличить. Он знает: «Только доблесть бессмертно живет, ибо храбрые славны вовеки» («Завет Святослава»), и не устает воспевать этих мужественных и сильных людей.

Брюсов смутно чувствует, что в истории существуют непреложные закономерности. Он пытается зрительно представить себе человеческую историю, прибегая к такой, например, метафоре. Разные периоды истории — это разноцветные фонарики, висящие на «прочной нити времени, протянутой в уме». Ассирия, Египет, Греция, Рим, век Данте, век Леонардо да Винчи, Лютера, «сноп молний — Революция» и, наконец, «век девятнадцатый, беспламенный пожар!» Но Брюсов жадно смотрит вперед, не зная, что может ожидать человечество в будущем («Фонарики»).

Даже в разработку лирической любовной темы Брюсов пытается внести героический элемент. В стихотворении «Антоний» он поэтизирует высокую страсть, как прежде в «Помпеянке». В стихотворении

«Встреча» слова говорит о любви, которая связывала возлюбленных много веков назад, когда их бессмертные души обитали в других людях.

Но в ряде стихов Брюсов поэтизирует случайные встречи и мгновенную страсть, изображает любовь-ненависть («Да, можно любить ненавидя», «Как птицы, очковой змеей очарованы»), трагическое ощущение одиночества («Романс»). Немало лирических стихотворений Брюсова этой поры пронизано тлетворными декадентскими идеями. Правда, мистика декадентов попрежнему чужда Брюсову. В 1914 году в стихотворном послании к поэту-символисту Эллису Брюсов издевается над мистической «вечной женственностью», которую воспевали в своих стихах С. Соловьев, Блок, Эллис. «Ах, поцелуй заменяет единый мне всех небесных невест!» — пронизывал Брюсов.

Империалистическая война заставила поэта задуматься еще и еще раз над исторической ролью родной страны и ее дальнейшей судьбой. Большой интерес в этом отношении представляет стихотворение Брюсова «Старый вопрос»: «Мы старый решаем вопрос: кто мы в этой старой Европе». Враги нас не желают даже признавать за цивилизованный народ, они считают нас ордой яростной и злобной, говорит поэт, но вслушайтесь в «слова исторических истин». Мы — народ-часовой, сдержавший напоры кочевников, не пустивший их в Европу. Мы «тот великий народ, чье имя не будет забыто, чья речь и поныне поет созвучно с напевом санскрита». Наш народ выдвинул таких титанов искусства, как Пушкин, Толстой, Достоевский. Мы входим в великую семью славянских народов. Брюсов очень хорошо понимал, что самым великим чувством, которое помогает человеку перенести тяжкие испытания и совершить героические подвиги, является чувство патриотизма. «Не пушки, не оружие стальное нас делают отважней и сильней: любовь к отчизне создаст героев с дней Марафона вплоть до наших дней» («Фламандцам»).

Стихи Брюсова о первой мировой войне имеют некоторое сходство со стихами, посвященными русско-японской войне, но и отличаются от них. Общее между этими двумя циклами в том, что поэт для изображения войны привлекает грандиозные образы, но разочаровывается в конце концов в войнах. Однако в стихах о первой мировой войне Брюсов гораздо глубже ставит вопрос об истоках патриотизма. Кроме того, поэт не ограничивается отвлеченными образами. В стихах о мировой войне Брюсов, сам побывавший на фронте, изображает «повязки белые на ранах и пятна красные крестов», поле, покрытое патронами, трупы лошадей с оскаленными зубами, траншеи, листки дневника убитого солдата, ранцы, воронки, т. е. те конкретные картины, которые характеризуют будни войны.

В те дни, когда Брюсов писал стихи о мировой войне и об исторических судьбах России, русский народ под руководством Коммунистической партии готовился к решительному штурму старого мира. Победа народа в дни Великой Октябрьской социалистической революции решила и судьбу поэта Валерия Брюсова, как одного из лучших представителей старой русской интеллигенции.

IV

*Но выше всех над датами святыми
сверкаешь ты, слепительный Октябрь.*

В предисловии к предполагавшемуся изданию своих сочинений в 1923 году Брюсов писал: «...великие события 10-х годов, европейская война и Октябрьская революция побудили меня в самой основе, в самом корне пересмотреть все свое миросозерцание. Переворот 1917 г. был глубочайшим переворотом и для меня лично: по крайней мере я сам вижу себя совершенно иным до этой грани и после нее». Масштабы революции, ставшей вехой на пути человеческой истории, особенно поразили Брюсова. Он хорошо понимает, что среди всех событий в мировой истории наша революция имеет особый характер: она уничтожила эксплуатацию человека человеком и создала новую, советскую государственность и культуру. В стихотворении «Октябрь 1917 года» он вспоминает борьбу с тиранией в древнем Риме, революции во Франции. «Но выше всех над датами святыми, над декабрем, чем светел пятый год, над февралем семнадцатого года, сверкаешь ты, слепительный Октябрь» (1920).

Брюсов с радостью чувствует себя включенным в общий поток исторического развития. Пафосом оптимизма, пафосом движения проникнуты новые произведения поэта. Оглядываясь назад в дни пятидесятилетнего юбилея своей жизни, поэт пишет: «Пятьдесят лет — пятьдесят вех; пятьдесят лет — пятьдесят всходов. Что день, то ступень, и стук минут — раздумья и труд, год за годом» («Пятьдесят лет»).

Брюсов не только принял Великую Октябрьскую социалистическую революцию, но и немедленно включился в активную работу в органах советской власти. Он заведовал Московской книжной палатой, затем отделом научных библиотек Наркомпроса, позже руководил литературным отделом этого наркомата. Он выполнял ответственную работу в Главпрофобре, в Государственном ученом совете и других учреждениях. В 1920 году поэт вступил в ряды Коммунистической партии.

С 1921 года Брюсов состоял профессором Московского государственного университета. Эту должность он занимал до самой смерти. В университете Брюсов читал ряд курсов: историю древнегреческой литературы, историю римской литературы эпохи империи, историю новейшей русской литературы.

В том же 1921 году, по инициативе Брюсова, был создан Высший литературно-художественный институт. Поэт придавал этому институту громадное значение. Он считал необходимым дать начинающим литераторам энциклопедическое профессиональное образование. Сам Брюсов читал в этом институте курсы истории греческой и римской литературы, истории русской литературы, энциклопедии стиха, сравнительной грамматики индоевропейских языков, латинского языка и даже историю математики. Его лекции привлекали не только студентов всех курсов, но и профессоров различных специальностей. В дни брюсовского юбилея, по постановлению Наркомпроса, институту было присвоено имя Брюсова.

С большим творческим напряжением работает поэт. В 1920 году он выпускает книгу стихов «Последние мечты». В 1921 году выходит его книга «В такие дни». В 1922 году появляется новая книга «Миг». Сборник «Дали» появился в 1922 году. Наконец, сборник «Меа», объединяющий стихи 1922—1924 годов, был выпущен в 1924 году.

16 декабря 1923 года в Российской академии художественных наук состоялось чествование Брюсова литературными, научными и общественными организациями по случаю 50-летия со дня его рождения.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета специальным постановлением вынес благодарность Брюсову за его выдающиеся заслуги перед народом. «Даровитый поэт,— было сказано в постановлении,— многосторонний ученый, он внес ценный вклад в культуру своей родины».

На чествовании Брюсова в Большом театре в Москве его приветствовали представители армянского народа. Ашуг исполнил песню армянского поэта Саят-Нова, которую перевел Брюсов. В заключение ашуг положил к ногам юбиляра национальный армянский музыкальный инструмент кема́нче в знак признательности за ту великую услугу, которую Брюсов оказал армянскому народу и его поэзии своими переводами и редактированием большой книги «Поэзия Армении». Совет Народных Комиссаров Армении присвоил Брюсову звание народного поэта Армении.

Поэт, принявший активное участие в строительстве молодой советской культуры, был до глубины души потрясен поведением той части буржуазной интеллигенции, которая не пожелала работать с советской властью.

В 1919 году Брюсов написал стихотворение «Товарищам-интеллигентам». Он назвал это произведение «Ипнективной». Это стихотворение — страстное осуждение той интеллигенции, которая не поняла Великой Октябрьской социалистической революции, людей с пустой душой, без воли, без яркого эмоционального чувства, далеких от тех вопросов, которые волнуют родину. «Еще недавно всего охотней вы к новым сказкам клонили лица», — говорит о них Брюсов. Эти интеллигенты много говорили и спорили о будущем, о трагизме и гибели. «И вы гадали, — пронизировал Брюсов, — в огне ль, на дыбе ль погибнет старая Европа». Но когда совершилась небывалая в истории революция, «когда из мира прозы вы взброшены в невероятность», когда над снежной ширью былой России «рассвет сияет небывалый», — эти интеллигенты растерялись. Они даже оглядываются назад. «И что ж в былое с тоской глядите, как в некий край обетованный?» — обращается к ним поэт. Этим интеллигентам доступна поэзия слов, но недоступна поэзия великих событий. Они умеют переживать бездейственным чувством рассказы о героических подвигах, но они не в состоянии не только принять активное участие в борьбе, но и просто понять величие революции. Проза их повседневного быта с бесконечными спорами и разговорами ближе им, чем действительная поэзия революционной жизни.

Великая Октябрьская социалистическая революция заставила Брюсова заново посмотреть на Россию, ее историю, ее место среди европейских государств и, наконец, на ее роль в мировой истории. Брюсова интересуют «бездны» «былых веков», железный ход истории, он по-новому вдумывается «в смысл тысячелетий» («В горнем свете»). Россия в период монгольского нашествия «спасла Европу от чингисхановой орды», заплатив за это столетиями собственных унижений. «В дни революции Петра» (так Брюсов называет время прогрессивных реформ Петра I) Россия поднялась «с палящей сталью взора» среди других держав. Теперь, в дни мировых испытаний, Россия оказалась впереди других стран. «Всех впереди, страна-вожатый, над мраком факел ты взметнула, народам озаряя путь» («России»).

Брюсов прославляет погибших борцов Парижской Коммуны. «Недаром вы легли в века», — говорит поэт. Русские революционеры — наследники коммунаров. «Мы ваши праведные грезы возносим над борьбой веков», — заканчивает поэт свое стихотворение «Коммунарам». В 1920 году он пишет стихотворение «Парки в Москве». Парки — мифологические образы трех старух. Им приписывалась власть над человеческой жизнью, нить которой они пряли. «Парки древние присутствовали в день крестильный, в Октябре», — пишет Брюсов. Они пряли нити, которые берут еще свои начала от Ивана Калиты. «То народными пирожницами, то крестьянками

в лаптях» парки «выскивали всей народной жизни нить», чтобы она тянулась «вновь на долгие века». В этом стихотворении — признание народного характера великой революции, хотя поэт еще недостаточно четко понимает ее качественное отличие от всех более ранних событий русской истории. Подчеркивая свою близость к народу, он пишет: «Я — твой, Россия, твой по роду! Мой предок вел соху в полях. Люблю твой мир, твою природу, твоих творящих сил размах!»

Три проблемы — проблема родины, проблема народа, проблема революции — тесно сплетаются между собой в послереволюционном творчестве Брюсова. «Не дружно ль, общей грудью, мы новые гимны поем?» — спрашивает поэт («Третья осень»). Россия поднялась к небывалому международному величию. Она полна творческих сил. Брюсов славит нерушимую дружбу советских республик: «Путь один держат к свету из древних пещер и трясин — абхазец и тюрк, армянин и грузин» («СССР», «РСФСР»). Поэт воспевает советский герб как символ труда, единства, научного дерзания, борьбы с врагами («Серп и молот»).

Поэт горячо любит родной народ. Века унижений и угнетения наложили свой отпечаток на народный характер, но не сломили его. «Полюби ж в толпе вседневный шум ее, и гул, и гам, даже грубый, даже гневный, даже с бранью пополам!» — писал Брюсов.

Брюсов не может обмануть революционный народ лживым прикрашиванием окружающей жизни. Страна пережила империалистическую войну, войну гражданскую и интервенцию. Ветер обшаривает пустые клетки, догоняет поезда, где люди «ругаются, корчатся, стонут, дрожат на мешках с крупой» («Третья осень»). Голод, холод, тьма — великие испытания мужества народа, уверенности его в своих силах, любви к социальной справедливости («Нам проба»). Советский человек — человек труда. Брюсов снова поет гимн в честь труда. Даже самое слово «труд» Брюсов называет священным. Все достояние прошлой культуры создано трудом. «Все искусство, знания, книги — воплощенные труды», — пишет поэт. Но и право на жизнь и уважение покупается ценой труда. Человек чувствует удовлетворение, если он успешно работает («Труд»). Эти высказывания Брюсова перекликаются со словами Горького: «Хорошо жить — хорошо делать». Брюсов преисполнен национальной гордости. Его страна, совершив величайшую в мире революцию, строя невиданное социалистическое общество, имеет право на самостоятельный путь. Глубоко понимая значение мировой культуры, Брюсов приветствует развитие национальных начал русской культуры. «Русский говор, — всеянный, вгребленный в память, — ропщет, не липы ль в бреду? Что нам звоны латыни серебряной: плавим в золоте нашу руду!»

Советский народ — народ-строитель, народ-труженик, народ-воин, поднятый революцией на небывалые подвиги, к небывалому творчеству. Быстро восстанавливается народное хозяйство. К четвертой годовщине Октября поэт пишет стихотворение «Окляки». На недавно пустом заводе, куда заходили волки, гудит гудок. Пролетают со свистом поезда. Окончены бои. «Люди, люди! Это лишь начало, Октября четвертого приход».

Брюсов с нежной любовью рисует пейзаж родины. Перед ним вновь встает лесная тишь июньских сумерек, дрожь оспины, томление мят с родных полей, заводь реки («Умилые слова»), овсы тугие, склоненные к земле, вышки колокольни, неспешно идущие облака, васильки во ржи («Весной»). Но привычный пейзаж дореволюционной России меняется в советских условиях. Это столкновение новой и старой России ярко рисует Брюсов в стихотворении с контрастно подчеркнутым заглавием «Лесная тьма». В безлюдной глуши, где слышались из столетия в столетие одни лишь птичьи голоса, стрекот насекомых да скрип стволов, появляются новые звуки: треск моторной лодки, шум пропеллера. Но это только начало. «Шум листьев в сумрачном хоре притих; идут смелей, грозней электроплуг, электротраллер, чудовища грядущих дней».

Брюсов всегда был искателем новых путей. В период, когда громадная страна получила право на творчество новой жизни, особенно обострилась пылкость исследователей. Пафос открытий волнуется и Брюсова. В стихотворении «Мир N измерений» Брюсов выражает неудовлетворенность обычным представлением о мире, которое знает лишь три измерения. Ему кажется, что ученые в будущем откроют еще неведомое число измерений. Наши трехмерные представления покажутся наивными людям будущих веков, открывшим новые дали. Для них мир будет сказочно богат. В стихотворении «Мир электрона» Брюсов пытается проникнуть в тайну самых мельчайших частичек материи. Может быть, говорит поэт, электрон — это целый мир, построенный по образцу нашего, но в микроскопическом размере. Не все удачно в этих стихотворениях Брюсова, но в них нашел отражение пафос веры в неограниченные возможности человеческого познания, разбуженный великой революцией 1917 года. «Ждем дня, — писал Брюсов в 1924 году, — корабль в простор планетный бросить, миры в связь мира единя!» («Машины»)

В предисловии к сборнику «Дали» Брюсов писал: «Стихам, собранным в этом сборнике, может быть сделан упрек, что в них слишком часто встречаются слова, не всем известные: термины из математики, астрономии, биологии, истории и других наук, а также намеки на разные научные теории и исторические события. Автор, конечно, должен признать этот факт, но не может согласиться, чтобы

все это было закрытым для поэзии. Ему думается, что поэт должен по возможности стоять на уровне современного научного знания и вправе мечтать о читателе с таким же мирозерцанием».

Так в изменившихся исторических условиях поэт продолжал искать те новые, еще не освоенные поэтические материки, которые помогли бы почти до беспредельности расширить область поэзии.

Все творчество Брюсова 900-х годов было пронизано поисками героической личности. Революция показала Брюсову такое величие народных характеров, о котором он не мог и мечтать. В этом плане перед Брюсовым встал образ В. И. Ленина. В образе В. И. Ленина он увидел концентрацию всех тех героических черт, которые он искал в истории, и тех, которых история еще не знала.

Еще в 1918 году Брюсов написал стихотворение «Народные вожди», в котором ставил проблему вождя и масс. Поэт писал: «Так ты, народный вождь, и силен и прекрасен, пока, как гребень волны, несешь тебя — народ!»

Таким вождем был для Брюсова В. И. Ленин. Ленин — прежде всего народный вождь, «воля миллионных воплощений». Ленин — гений, «кем изменен путь человечества, кем сжаты в один поток волны времен». Ленин — тот строитель нового общества, который дал «надежд земных осуществление». Эпоха Ленина выше по своему значению всех периодов истории человечества. Учение Ленина всемогуще. Заветы Ленина и после его смерти «с пути не сбьются нас заставят» («Ленин», «После смерти В. И. Ленина», 1924).

Кроме большой практической работы в области строительства советской культуры, кроме поэтического творчества, Брюсов и в этот период большое внимание уделял вопросам развития теории искусства и критики. Он написал ряд статей, в которых ставил важнейшие вопросы развития советской поэзии: «Пролетарская поэзия», «Смысл современной поэзии», «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» и др. В этих и других статьях, посвященных вопросам развития советского искусства, Брюсов писал о конце символизма и акмеизма, как литературных течений, о вреде проповеди идеализма, безидейного эстетизма, аполитизма, бегства от действительности, показывал враждебность революционной современности творчеству и теоретическим выступлениям Гумилева, Сологуба, Белого и других. Брюсов пытается начать разработку вопросов эстетики, опираясь на основные положения марксистско-ленинской теории. «Теперь уж становится ясным, — пишет Брюсов, — чем именно должна стать современная русская поэзия. Поэзия — всегда выражение своего времени. Наши годы, эпоха после войны и после Октября, глубочайшим образом отличаются от предшествующих лет: мы живем в но-

вом социальном укладе. Истинно современной поэзией будет та поэзия, которая выражает то новое, чем мы живем сегодня. Но подобная задача, перенесенная в область искусства, таит в себе другую, распадается на две. Надобно не только выразить новое, но и найти формы для его выражения...»

«Наши дни,— писал Брюсов,— всего правильнее назвать эпохой творчества. Поэзия прежних периодов, эпох самовластия, знала лишь пафос протеста или пафос уединенья и раздумья; теперь поэтам предстоит явить новый пафос творчества».

Брюсов принял Великую Октябрьскую социалистическую революцию, основные политические идеи пролетарского мировоззрения. Однако после революции он не смог в жизненно конкретных образах отразить многогранную жизнь советских людей. С горечью об этом писал сам поэт в стихотворении «Волшебное зеркало»:

Но глаза! глаза в полстолетие
 партидисциплине не обучены:
От книг, из музеев, со сцены
 осколки (как ни голосуй!),
Словно от зеркала Г. Х. Андерсена,
 засели в глаза.

Поэт очень часто подходит к явлениям новой жизни «от книг, из музеев, со сцены», а не от практики живой революционной действительности. Отсюда трудность понимания и абстрактность многих произведений послереволюционной лирики Брюсова. Стихи, посвященные революции, полны патетики, но часто очень отвлеченны, перегружены образами, заимствованными из арсенала символистской эстетики. Ассоциации и метафоры Брюсова сложны и не всегда улавливаются современным читателем. Например, Советская Россия персонифицируется Брюсовым в образе женщины в венце рубином и сапфиром, блеск которого пронзает тучи («Россия»), или в образе алого всадника, дробящего «тяжелым копытом обветшалые стены веков» («К русской революции»). В стихотворении «Серп и молот» Брюсов дает, между прочим, и такое чрезвычайно условное и очень отвлеченное толкование символики нашего герба: «Вселенский серп, сев истин жни, толщ тайн дробит, вселенский молот!» Стихи из разделов «научной поэзии» перегружены научными терминами, отвлеченными понятиями, именами исследователей и мыслителей, философскими раздумьями. Разумеется, такие произведения не отражали всей реальной сложности послереволюционной жизни и были мало понятны рядовым советским людям.

Однако эти недостатки не могут заслонить собою того нового, что отражено в стихах Брюсова, написанных после Октября.

В 1917 году А. М. Горький писал Брюсову: «Давно и пристально слежу я за вашей подвижнической жизнью, за вашей культурной работой, и я всегда говорю о вас: это самый культурный писатель на Руси. Лучшей похвалы не знаю: это искренно». В одной из своих заметок Брюсов признавал: «Выбери себе героя — догони его, обгони его,— говорил Суворов. Мой герой — Пушкин. Когда я вижу, какое количество созданий великих и разных набросков, поразительных по глубине мысли, оставалось у него в бумагах ненапечатанными,— мне становится не жалко моих, неведомых никому работ. Когда я узнаю, что Пушкин изучал Арго, д'Аламбера, теорию вероятностей Гизо, историю средних веков,— мне не обидно, что потратил годы и годы на приобретение знаний, которыми не воспользовался».

Брюсов был энциклопедически образованным человеком. Достаточно вспомнить, сколькими языками он пользовался в своей работе. Кроме русского, он свободно владел французским и латинским языками. Читал без словаря по-английски, по-итальянски, по-немецки, по-гречески и с некоторым трудом по-испански и по-шведски. Имел представление о языках: санскрите, польском, чешском, болгарском, сербском, древнееврейском, древнеегипетском, арабском, древнеперсидском и японском.

Брюсов мечтал написать обширный цикл стихов, составить из этих произведений специальную хрестоматию, в которой думал воспроизвести все формы лирической поэзии всех времен и народов. Эту книгу он предполагал назвать «Сны человечества». Она должна была включить до трех тысяч стихотворений. Образцы песен первобытных племен, лирики древнего Востока, античной, средних веков, периода Возрождения и нового времени должны были войти в эту книгу. Только такой энциклопедически образованный человек, как Брюсов, мог поставить перед собой подобную задачу. Преждевременная смерть поэта помешала осуществить этот грандиозный замысел.

Много работал Брюсов над изучением теории стиха. В 1918 году поэт издал сборник «Опыты по метрике и ритмике, эвфонии и созвучиям, по строфике и формам». В предисловии к этой книге Брюсов писал: «Задача каждого поэта,— рядом со своим творческим делом,— которое, конечно, остается главной задачей всей жизни,— по возможности способствовать и развитию техники своего искусства. Искать, повторять найденное другими, применяя к своему языку и своему времени, делать опыты, вот одна из важных задач, стоящая перед поэтом, если он хочет работать не только для себя, но и для других и для будущего». В этой книге Брюсов собрал свои поэтические опыты, рассказал о своих попытках усовершенствовать стихотворное мастерство. Позднее поэт опубликовал две научно-исследовательские работы: в 1919 году «Краткий курс науки о сти-

хе», в 1920 году «Основы стиховедения». Многие положения этих работ носят, однако, формалистический характер.

Один из крупнейших переводчиков нашего века, Брюсов переводил Верлена, Верхарна, Ромен Роллана и других поэтов и писателей, чаще всего ставя перед собой задачи историко-литературного характера, примером чего могут служить его антологии французских лириков XVIII и XIX веков. Особое значение, однако, придавал Брюсов переводам из Верхарна. В эпоху революции 1905 года он настаивал на публикации его переводов. «Этого я очень хочу,— писал он.— Верхарн воистину революционный поэт, и надо, чтобы его узнали теперь».

Разумеется, в переводах Брюсова отразились и его субъективные вкусы и интересы, что особенно сказалось в большом количестве переводов поэзии западных символистов.

В 1908 году он напечатал ряд переводов и кратких статей в книге «Французские лирики XIX века». Поэт работал также над переводом «Энеиды» Вергилия и «Фауста» Гёте. Он был одним из первых русских поэтов, кто отдал много сил переводу на русский язык произведений литератур братьских народов. В конце 1916 года вышла в свет книга «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». Большинство переводов в ней принадлежало перу В. Я. Брюсова. Поэт специально изучал историю армянского народа. «Я мог оценить,— писал он,— какое огромное значение имеет армянский мир для всего культурного человечества... Я убедился, что в судьбы армян включена одна из примечательнейших страниц всеобщей истории, озаряющая новым светом целый ряд вопросов исторической науки... Нам, русским, нужно знать армянскую историю, не считая того, что всем образованным людям нужно знать Армению».

Брюсов создал и ряд прозаических произведений. В 1907 году вышел первый сборник его рассказов «Земная ось». Это тонко сделанные стилизации, зарисовки, новеллы на социально-утопические темы. В 1906 году Брюсов закончил драму «Земля», в которой изобразил трагедию человечества, задавленного капиталистической цивилизацией. В 1909 году он опубликовал большую повесть из немецкой жизни XVI века «Огненный ангел», где показана трагическая история любви рационалиста, искателя таинственных сил, Рупрехта и изломанной женщины Ренаты. Поэт изучил огромный исторический материал. Повествование ведется от имени немца, современника описываемых событий. В книге с такой точностью воспроизведены детали быта и общественно-политической обстановки событий XVI века, что, когда роман перевели на немецкий язык, один из немецких критиков не поверил, что это оригинальное произведение русского автора. В 1912 году

Брюсов опубликовал роман «Алтарь победы», в котором ярко изобразил политическую борьбу, семейные отношения, литературные интересы Рима IV века, но уделил слишком большое место эротическим проблемам.

Брюсов — крупный историк литературы. Еще в конце прошлого века он опубликовал ряд работ о Тютчеве (1898), Баратынском (1898), Пушкине (1899), насыщенных большим фактическим материалом. В них поставлен ряд интересных текстологических и библиографических вопросов. Много лет отдал он изучению текстов и творчества Пушкина. В 1905 году под редакцией Брюсова вышли «Письма Пушкина и к Пушкину», в 1907 году было опубликовано текстологическое исследование «Лицейские стихи Пушкина», в 1917 году Брюсов опубликовал «Гавриилиаду». В 1919 году вышел первый том полного собрания сочинений Пушкина под редакцией Брюсова, в 1929 году ряд статей Брюсова о Пушкине был объединен в сборник «Мой Пушкин». Некоторые статьи Брюсова о русских писателях вошли в сборник «Далекие и близкие».

Брюсов был одним из виднейших литературных критиков своего времени. Он приветствовал первые шаги поэта нового мира — Владимира Маяковского. Он говорил: «Маяковский сразу, еще в начале 10-х годов показал себя поэтом большого темперамента и смелых мазков... Стихи Маяковского принадлежат к числу прекраснейших явлений поэзии: их бодрый слог и смелая речь были живительными ферментами нашей поэзии».

Современник трех революций, В. Я. Брюсов понимал, что Великий Октябрь — это начало новой эры:

Год пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен Февраль.
Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день Земли.

Путь Брюсова — путь крупнейшего русского поэта, стремившегося овладеть высотами мировой культуры. Он пришел к пониманию правды Великой Октябрьской революции и стал одним из талантливых поэтов страны советской.

А. М а с н и к о в

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я 1-го декабря (ст. ст.) 1873 г. в Москве. Дед по отцу был крепостным крестьянином Костромской губернии. Отец родился (в 1848 г.) тоже крепостным. Позднее дед получил «волю» и занялся торговлей, был купцом и довольно успешно. Отец этих способностей не унаследовал, принужден был по смерти деда торговлю бросить и перейти в сословие мещан. Дед по матери, А. Я. Бакулин, был лебедянский мещанин; будучи самоучкой, он увлекся литературой, писал и отчасти печатал стихи (особенно басни) и рассказы.

В 60-х годах мой отец, раньше учившийся только грамоте у дьячка, поддался общему движению и деятельно занялся самообразованием; одно время был вольнослушателем Петровской Академии. В те же годы отец сблизился с кружками тогдашних революционеров, идеям которых оставался верен до конца жизни. Между прочим, в 70-х годах отец был близок с Н. А. Морозовым, будущим шлисельбуржцем, образ которого я помню из дней моего раннего детства. Над столом отца постоянно висели портреты Чернышевского и Писарева. Я был воспитан, так сказать, «с пеленок» в принципах материализма и атеизма.

Учился я сначала в частных гимназиях Москвы (ибо то были годы, при жизни деда, наибольшего благосостояния нашей семьи), потом в Московском университете, курс которого по Историческому отделению Историко-филологического факультета окончил в 1899 г. Из профессоров с благодарностью вспоминаю Ф. Е. Корша, с которым

остался знаком и позже. Больше знаний, однако, чем в школе, я почерпнул из самостоятельного чтения. Выучившись читать еще 3-х лет от роду, я с тех пор непрерывно поглощал книги. Еще до поступления в гимназию я прочитал их огромное количество как чисто литературных, так и научных; особенно интересовался естественными науками и астрономией. В гимназии всего более увлекался математическими науками, — пристрастие, сохранившееся у меня и поныне. В университете много занимался историей философии.

Писать я начал тоже очень рано, еще ребенком, сочиняя (еще «печатными буквами») стихи, рассказы и «научные» статьи. Впервые напечатаны мои строки (какая-то статейка по вопросам спорта) еще в 80-х годах; стихи — в начале 90-х годов. Более регулярно стал я печатать свои произведения после 1894 г., когда появилось первое маленькое собрание моих стихов. После того ежегодно я выпускал не менее, как по книге, иногда по две, по три в год, так что к настоящему времени всех книг, появившихся с моим именем, насчитывается (считая переиздания) около 80 или даже более (некоторые не попали в печатные списки, и я их не припомню). Среди этих книг — сборники стихов, сборники рассказов, драмы, романы, научные исследования, собрания статей и длинный ряд переводов в стихах и прозе.

Написано мною гораздо больше, нежели собрано в книгах. С конца 90-х годов я стал сотрудничать в разных журналах и газетах. За 25 лет я состоял сотрудником большинства выходивших за этот период повременных изданий, в том числе сборников и альманахов. В этих изданиях напечатано мною бесчисленное число статей, заметок, рецензий (за моей подписью, под псевдонимами и вовсе без подписи), собирать которые в книги я считал совершенно излишним. Там же есть не малое количество стихов, рассказов и драматических сцен, также не включенных в отдельные издания. Пожалуй, еще большее количество написанного мною остается в рукописях. Там есть и законченные крупные произведения (поэмы, романы, драмы), доделать которые я как-то не удосужился, и разные научные исследования, которые долгими годами ждут своего довершения, и стихи, по разным причинам не напечатанные, и, конечно, всевозможные начала и наброски в стихах и в прозе.

Неоднократно я принимал участие в редактировании разных журналов или как единоличный редактор, или как редактор отдела. Особенно близко я участвовал в редакции «Нового пути», «Весов», «Русской мысли». Мои драмы и мои переводы драматических произведений много раз ставились на сценах в Москве, в Ленинграде, в провинции. В 900-х и 910-х годах я состоял членом большинства московских литературных организаций. В некоторых из них занимал выборные должности председателя; особенно близко я стоял к М. Литературно-художественному кружку и к Обществу свободной эстетики. Много раз я выступал как лектор с публичными лекциями. Виделся я с большинством выдающихся людей моего времени и с особой любовью вспоминаю дружбу, которой меня удостаивал Э. Верхарн.

Произведения мои вызвали интерес за границей. Очень многие переведены на большинство европейских языков и на некоторые внеевропейские. В отдельных изданиях мои сочинения имеются, сколько я знаю, на языках немецком (много), французском, английском, итальянском, латышском, армянском, польском и др.; в журналах — на языках шведском, голландском, ряде славянских, ново-греческом, японском и др. Оба мои романа, два сборника рассказов и одна драма имеются по-немецки как отдельные издания.

Несколько раз я совершал поездки по Западной Европе и по России. Бывал неоднократно во Франции, в Бельгии, в Италии, в Германии, в Швеции, в Голландии, в Испании; был на Волге, в Крыму и на Кавказе, где доезжал до Эчмиадзина. В годы империалистической войны я был на фронте корреспондентом от газеты «Русские ведомости»; одному из первых мне удалось, с товарищем, проехать в освобожденный Пшемысль. После занятия немцами Варшавы я вернулся в Москву, глубоко разочарованный войной, что тогда же и выразил в стихотворении, напечатанном в «Новой жизни» М. Горького.

После Октябрьской революции я еще в конце 1917 г. начал работать с советским правительством, что повлекло на меня тогда некоторое гонение со стороны моих прежних сотоварищей (исключения из членов литературных обществ и т. п.). С того времени работал преимущественно в разных отделах Наркомпроса. Был заведующим М. Книжной палаты, Отдела научных библиотек, Отдела Лито

НКП, Охобра (Отдел художественного образования), Главпрофобра и др. Работал также в Госиздате, в фотокино отделе, одно время в Наркомземе и др.; с 1921 г. состою профессором 1-го М. Гос. университета (раньше, в 1915—17 гг., читал лекции в б. «вольном» университете имени Шанявского). С 1921 г. состою также ректором (и профессором) Высшего литературно-художественного института.

Валерий Брюсов

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ

Из книги
«*JUVENILIA*» («ЮНОШЕСТВО»)
1892—1894

Из цикла «Пролог»

СОНЕТ К ФОРМЕ

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.

Пуškai мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и стройностью сонета
И буквами спокойной красоты!

6 июня 1895

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Гаснут розовые краски
В бледном отблеске луны;
Замерзают в льдинах сказки
О страданиях весны.

Светлых вымыслов развязки
В черный креп облечены,
И на празднествах все пляски
Ликом смерти смущены.

Под лучами юной грезы
Не цветут созвучий розы
На куртинах Красоты,

И сквозь окна снов бессвязных
Не встречаются звезд алмазных
Утомленные мечты.

19 февраля 1893

УНЫНИЕ

Сердце, полное унынием,
Обольсти лучом любви,
Все пределы и все линии
Беспощадно оборви!

Пусть во мраке неуверенном
Плачут призраки вокруг,
Пусть иду, в пути затерянный,
Через темный, страшный луг.

И тогда, обманам преданный,
Счастлив грезой своей,
Буду петь мой гимн неведомый,
Скалы движа, как Орфей!

1893

ТВОРЧЕСТВО

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластанся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластанся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1 марта 1895

* * *

Она в густой траве запряталась ничком,
Еще полна любви, уже полна стыдом.
Ей слышен трубный звук: то император пленный
Выносит варварам регалии Равенны;
Ей слышен чей-то стон, — как будто плачет лес:
То голоса ли нимф, то голос ли небес,
Но внемлют вместе с ней безмолвные поляны:
Богиня умерла, нет более Дианы!

3 октября 1894

Из цикла «Первые мечты»

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neue...

H. Heine

Я с ней повстречался случайно,
И, мальчик, мечтал я об ней,
Но долго заветная тайна
Таилась в печали моей.

Пришло золотое мгновенье,
Я высказал тайну свою;
Я видел румянец смущенья,
Услышал в ответ я «люблю».

И сблизились радостно взоры,
И губы сомкнулись в одно...
Вот старая сказка, которой
Быть юной всегда суждено.

27 апреля 1893

ИЗ ПИСЬМА

Милый, прости, что хочу повторять
Прежних влюбленных обеты.
Речи знакомые — новы опять,
Если любовью согреты.

Милый, я знаю: ты любишь меня,
И об одном все моления,—
Жить, умереть, это счастье храни,
Светлой любви уверенья.

Милый, но, если и новой любви
Ты посветишь свои грезы,
В воспоминаниях счастьем живи,
Мне же оставь наши слезы.

Пусть для тебя эта юная даль
Будет прекрасной, как ныне.
Мне же, мой милый, тогда и печаль
Станет заветной святыней.

18 мая 1894

Из цикла «Новые грезы»

* * *

Звезды тихонько шептались,
Звезды смотрели на нас.
Милая, верь мне, — в тот час
Звезды над нами смеялись.

Спрашивал я: «Не мечта ли?»
Ты отвечала мне: «Да!»
Верь, дорогая, тогда
Оба с тобою мы лгали.

16 сентября 1983

Из цикла «Лирические поэмы»

ВСТРЕЧА ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Забытая, бывшая обстановка:
Умолкший парк, луны застылый свет,
И у плеча — склоненная головка.

Пред ней учился юноша-поэт,
Как говорить любовные признанья
И как ловить ласкательный ответ.

Но так давно закончены свиданья!
Лишь в полусне, под шепот полутьмы
К ней изредка влеклись воспоминанья.

Зачем же здесь, как прежде, рядом мы,
В объятьях вновь и губы вновь сближая,
Под вырезом сосновой бахромы!

Зачем года проносятся, как звуки,
Зачем в мечтах туманятся года,
И нет уже и не было разлуки!

По синеве катилась звезда,
Когда она шепнула на прощанье:
«Твоя! твоя! опять и навсегда!»

Я шел один; дремали изваянья
Немых домов и призраки церквей;
И думал я, как лживо ожиданье.

О бард любви, далекий соловей,
О лунный свет, всегда необычайный,
О бахроме свисающих ветвей!

Вы создали пленительные тайны,
Вы подсказали пламенную ложь,
Мой страстный бред, красивый, но случайный.

Ищу в себе томительную дрожь,
Роптание живительных предчувствий...
Нет! прочь слова! себе ты не солжешь!

Сокровища, заложенные в чувстве,
Я берегу для творческих минут,
Их отдаю лишь в строфах, лишь в искусстве.

А в жизни я — как выпитый сосуд;
Томлюсь, дрожа, весь холоден, ликуя,
Огни страстей лишь вспыхнут, как умрут.

Дитя! прости обманы поцелуя:
Я лгу моля, твердя «люблю» я лгу.
Нет, никого на свете не люблю я,

И никого любить я не могу!

16 июня 1895

Из книги
«CHEFS D'ŒUVRE» («ШЕДЕВРЫ»)
1894—1896

Из цикла «Стихи о любви»

ВСЕ КОНЧЕНО

Все кончено, меж нами связи нет...

А. Пушкин

Эта светлая ночь, эта тихая ночь,
Эти улицы, узкие, длинные!
Я спешу, я бегу, убегаю я прочь,
Прохожу тротуары пустынные.
Я не в силах восторга мечты превозмочь.
Повторяю напевы старинные,
И спешу, и бегу, — а прозрачная ночь
Стелет тени, манящие, длинные.

Мы с тобой разошлись навсегда, навсегда!
Что за мысль несказанная, странная!
Без тебя и наступят и минут года,
Вереница неясно туманная.
Не сойдемся мы вновь никогда, никогда,
О любимая, вечно желанная!
Мы расстались с тобой навсегда, навсегда...
Навсегда? Что за мысль несказанная!

Сколько сладости есть в тайной муке мечты.
Этой мукой я сердце баюкаю,
В этой муке нашел я родник красоты,
Упиваюсь изысканной мукою.
«Никогда мы не будем вдвоем, — я и ты...»
И на грани пред вечной разлукою
Я восторгов ищу в тайной муке мечты,
Я восторгами сердце баюкаю.

14 ноября 1896

ВОСПОМИНАНИЯ О МАЛЮТОЧКЕ КОРЕ

Черные тени узорной решетки
Ясно ложатся по белому снегу.
Тихие звезды — задумчиво-кротки,
Месяц пророчит истому и негу.
 Черные окна немого собора
 Смотрят угрюмо на белое поле.
 Здесь ты и дремлешь, малюточка Кора,
 Спишь беспробудно в холодной неволе!

Вижу я ночь твоей родины дальней,
Яркое небо в пылающих звездах!
(Ах, там созвездия блещут кристальней,
Ах, там живей и томительней воздух!)
 Смуглая девочка знойного Юга,
 Что ты искала на Севере слепо?
 Счастья, в объятиях нового друга?
 Но обрела лишь молчание склена!

Ясными рунами вписанный в небе,
Я (астролог беспощадно-жестокий)
Верно прочел твой мучительный жребий,
Но утаил от тебя эти строки!
 Все совершилось безжалостно-скоро:
 Звезды родные солгать не хотели!
 Здесь ты и дремлешь, малюточка Кора,
 Спишь беспробудно под песни метели...

28 ноября 1895

Из цикла «Криптомерии»

НА ЖУРЧАЩЕЙ ГОДАВЕРИ

Лист широкий, лист банана,
На журчащей Годавери,
Тихим утром — рано, рано —
Помоги любви и вере!

Орхидеи и мимозы
Унося по сонным волнам,
Осуши надеждой слезы,
Сохрани венок мой полным.

И когда, в дали тумана,
Потеряю я из виду
Лист широкий, лист банана,
Я молиться в поле выйду;

В честь твою, богиня Счастья,
В честь твою, суровый Кама,
Серьги, кольца и запястья
Положу пред входом храма.

Лист широкий, лист банана,
Если ж ты обронишь ношу,
Тихим утром — рано, рано —
Амулеты все я сброшу.

По журчащей Годавери
Я пойду, верна печали,
И к безумной баядере
Снизойдет богиня Кали!

15 ноября 1894

С КОМЕТЫ

Помнишь эту пурпурную ночь?
Серебрилась на небе земля
И луна, ее старшая дочь.
Были явственно видны во мгле
Океаны на светлой земле,
Цепи гор, и леса, и поля.

И в тоске мы мечтали с тобой:
Есть ли *там* и мечта и любовь?
Этот мир серебристо-немой
Ночь за ночью осветит; потом
Будет гаснуть на небе ночном,
И одни мы останемся вновь.

Много есть у пурпурных небес,—
О мой друг, о моя красота,—
И загадок, и тайн, и чудес.
Много мимо проходит миров,
Но напрасны вопросы веков:
Есть ли *там* и любовь и мечта?

16 января 1895

Из цикла «Холм покинутых святынь»

МОЯ МЕЧТА

Моей мечте люб кругозор пустынь,
Она в степях блуждает вольной серной.
Ей чужд покой окованных рабынь,
Ей скучен путь проложенный и мерный.
Но, встретив Холм Покинутых Святынь,
Она дрожит, в тревоге суеверной,
Стоит, глядит, не шелохнет травой
И прочь идет с поникшей головой.

23 июня 1895

ЛЬВИЦА СРЕДИ РАЗВАЛИН

Гравюра

Холодная луна стоит над Пасаргадой.
Прозрачным сумраком подернуты пески.
Выходит дочь царя в мечтах ночной тоски
На каменный помост — дышать ночной прохладой.

Пред ней знакомый мир: аркада за аркадой;
И башни и столпы, прозрачны и легки;
Мосты, повисшие над серебром реки;
Дома, и Бэла храм торжественной громадой...

Царевна вся дрожит... блещут ее глаза...
Рука сжимается мучительно и гневно...
О будущих веках задумалась царевна!

И вот ей видится: ночные небеса,
Разрушенных колонн немая вереница
И посреди руин — как тень пустыни — львица.
24 июня 1895

В СТАРОМ ПАРИЖЕ

XVII век

Холодная ночь над угрюмою Сеной,
Да месяц, блестящий в раздробленной влаге,
Да труп позабытый, обрызганный пеной.

Здесь слышала стоны и звяканья шпаги
Холодная ночь над угрюмою Сеной,
Смотрела на подвиг любви и отваги.

И месяц, блестящий в раздробленной влаге,
Дрожал, негодуя, пред низкой изменой...
И слышались стоны, и звякали шпаги.

Но труп позабытый, обрызганный пеной,
Безмолвен, недвижим в речном саркофаге.
Холодная ночь над угрюмою Сеной

Не помнит про подвиг любви и отваги,
И месяц, забыв, как дрожал пред изменой,
Безмолвен, раздроблен в речном саркофаге!

10 августа 1895

В ПРОШЛОМ

Ты не ведала слов отречения.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь, ты шла на мученья,
Обнаженной забыла позор.

Вся полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу,—
И соломой тебя увенчали
И клеймо наложили на лбу.

А потом, когда смели бичами
Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю», — ты хотела сказать.

10 августа 1894

Из цикла «Будни»

ТУМАННЫЕ НОЧИ

Вся дрожа, я стою на подъезде
Перед дверью, куда я вошла накануне,
И в печальные строфы слагаются буквы созвездий.

О, туманные ночи в палящем июне!

Там, вот там, на закрытой террасе
Надо мной наклонялись зажженные очи,
Дорогие черты, искаженные в страстной гримасе.

О, туманные ночи! Туманные ночи!

Вот и тайна земных наслаждений...
Но такой ли ее я ждала накануне!
Я дрожу от стыда — я смеюсь! Вы солгали мне, тени!

Вы солгали, туманные ночи в июне!

12—13 августа 1895

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Серебро, огни и блески, —
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.

Это — область чьей-то грезы,
Это — призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.

Воплощение мечтаний,
Жизни с грезой игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!

21 января 1895

ПОДРУГИ

Три женщины, грязные, пьяные,
Обнявшись, идут и шатаются.
Дрожат колокольни туманные,
Кресты у церквей наклоняются.

Заслышавши речи бессвязные,
На хриплые песни похожие,
Смеются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожие.

Идут они, грязные, пьяные,
Поют свои песни, ругаются...
И горестно церкви туманные
Пред ними крестами склоняются.

27 сентября 1895

В КАМЫШАХ

Луна в облаках — далека, хоропа.
Челнок неподвижен в кустах камыша.

Дробятся лучи в беспокойной реке.
Задумчиво кто-то сидит в челноке.

Сияет венец вокруг холодной луны.
Чей плач нарушает покой тишины?

В таинственных далях как утром светло.
Чу! кто-то рыдает... упало весло.

22—23 октября 1895

Из цикла «Часы дней»

* * *

Когда бывшие дни я вижу сквозь туман,
Мне кажется всегда — то не мое былое,
А лишь прочитанный восторженный роман.

И странно мне теперь, в томительном покое,
Припомнить блеск побед и боль заживших ран:
И сердце, и мечты, и все во мне — иное...

Напрасен поздний зов когда-то милых лиц,
Не воскресить мечты, мелькнувшей и прожитой,—
От горя и любви остался ряд страниц!

И я иду вперед дорогою открытой,
Вокруг меня темно, а сзади блеск зарниц...
Но неизменен путь звезды ее орбитой.

1895

Из цикла «Méditation»

* * *

Хорошо одному у окна!
Небо кажется вновь голубым,
И для взоров обычна луна,
И сплетает опять тишина
Вдохновенье с раздумьем святым.

И гирлянду пылающих роз
Я доброшу до тайны миров,
И по ней погружусь я в хаос
Неизведанных творческих грез,
Несказанных таинственных слов.

Эта воля — свободна опять,
Эта мысль — как комета — вольна!
Все могу уловить, все могу я понять...
И не надо тебя целовать,
О мой друг, у ночного окна!

5 января 1895

* * *

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наши ступени.

Друзья! Мы спустились до края!
Стоим над разверзнутой бездной —
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая.

Мы верили напей дороге,
Мечтались нам отблески рая...
И вот — неподвижны — у края
Стоим мы в стыде и тревоге.

Неверное только движенье,
Хоть шаг по заветной дороге,—
И нет ни стыда, ни тревоги
И вечно, и вечно паденье!

Качается лестница тише,
Мерцает звезда на мгновенье.
Послышится ль голос спасенья:
Откуда — из бездны иль свыше?

18 февраля 1895

Из книги
«ME EUM ESSE» («ЭТО — Я»)
1896—1897

Из цикла «Новые заветы»

ХОЛОД

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!
Как царство белого снега,
Моя душа холодна.

Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва.

А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте, — неизменно
Я молюсь неземной красоте.

23 марта 1896

ЮНОМУ ПОЭТУ

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

ПО ПОВОДУ CHEFS D'ŒUVRE

Ты приняла мою книгу с улыбкой,
Бедную книгу мою...
Верь мне: давно я считаю ошибкой
Бедную книгу мою.

Нет! не читай этих вымыслов диких,
Ярких и странных картин:
Правду из образов, тайно великих,
Я прозреваю один.

О, этот ропот больных искушений,
Хохот и стоны менад!
То — к неземному земные ступени,
Взгляд — до разлуки — назад.

Виджу, из сумрака вышедши к свету,
Путь свой к лучам золотым;
Ты же на детскую долю не сетуй:
Детям их отблеск незрим!

Так! не читай этих вымыслов диких,
Брось эту книгу мою:
Правду страниц ее, тайно великих,
Я, покоряясь, гаю.

15 июля 1896

Из цикла «Видения»

ВЕСНА

Белая роза дышала на тонком стебле.
Девушка вензель чертила на зимнем стекле.

Голуби реяли смутно сквозь призрачный снег.
Грезы томили все утро предчувствием нег.

Девушка долго и долго ждала у окна.
Где-то за морем тогда расцветала весна.

Вечер настал, и земное утешилось сном.
Девушка плакала ночью в тиши, — но о ком?

Белая роза увяла без слез в эту ночь.
Голуби утром мелькнули — и кинулись прочь.

8 января 1896

Из цикла «Мгновения»

* * *

Холод ночи; смерзлись лужи;
Белый снег запорошил.
Но в дыханьи злобной стужи
Чую волю вешних сил.

Завтра, завтра солнце встанет,
Побегут в ручьях снега,
И весна с улыбкой взглянет
На бессильного врага!

16 марта 1896

Из цикла «Скитания»

I

Мы ехали долго, без цели, куда-то,
Куда-то далёко, вперед, без возврата...

Поспешно мелькали кусты,
Вставали березы, поля убегали,
Сурово стучали под нами мосты.

Мы ехали долго. Нам дождь повстречался
И долго в оконные стекла стучался,

Угрюмо пророча печаль...
Но мы ускользнули за области бури,
И к чистой лазури мы ринулись вдаль!

Начало апреля 1896

II

Мерный шум колес,
Поле, ряд берез,
Много смутных грез;
Мчимся, мчимся, мчимся...

Мерный шум и шум,
Свод небес угрюм,
Много смутных дум;
Дальше! Дальше! Дальше!

Апрель 1896

III

Четкие линии гор;
Бледно неверное море...
Гаснет восторженный взор,
Тонет в бессильном просторе.

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы, —
Что́ перед ним этот прах:
Степи, и скалы, и воды!

12 июня 1896

IV

ВЕЧЕР

Но в стихе умиленном найдешь
Эту вечно душистую розу.

А. Фет

Утомленный, сонный вечер
Успокоил тишью волны,
И померк далекий глетчер,
Вечно гордый и безмолвный.

Море темное простерто,
Ждет, в томленьи, постоянства,
Скоро ль выйдет месяц мертвый
Целовать его пространство.

Мысль, полна глухих предчувствий,
Голос будущего слышит...
Пусть же в строфах, пусть в искусстве
Этот гимн навеки дышит!

27 июня 1896

V

Поезд врывается в древние скалы —
Слева и справа гранит.
Вот на тропе пешеход запоздалый
Стал, прислонился, глядит.

Вырвались... Склоны, покрытые лесом,
Домики, поле, река,
Старая кирка под черным навесом.
Даль — хороша, далека.

Дальше... Опять надвигаются горы,
Замок сошел на утес,
Черные сосны, расщелин узоры...
Грохот и хохот колес!

31 мая 1897

VI

Бог помочь вам, друзья мои!

Пушкин

Первая русская книга после далеких скитаний,
Стих дорогого поэта — и думы дрожат от рыданий.
Что мне шумное море, что скалы и светлые гроты!
Холодно сердце дивится на их чужие красоты,
Холодно я бродил у дворцов всесветной столицы,
Но предо мною открылись родные, святые страницы,
Стих дорогого поэта — и думы дрожат от рыданий, —
Первая русская книга после далеких скитаний.

1 июня 1897

Из цикла «Ненужная любовь»

* * *

И снова дрожат они, грезы бессильные,
Бессильные грезы ненужной любви;
Как сестры, как братья, ряды кипарисные
Задумчиво слушают думы мои;
С упреком лаская тростинки росистые,
О будущем горе лепечут ручьи,
А в сердце дрожат, невозможные, чистые,
Бессильные грезы ненужной любви.

27 апреля 1896

* * *

Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгин,
И детский взор, — он мне напомнил
Глаза египетских богинь.

Нет, я не знаю жизни смутной:
Горят огни, шумит толпа, —
В моих мечтах — твои минуты,
Твои мемфисские глаза!

22 июля 1896

* * *

Побледневшие звезды дрожали,
Трепетала листва тополей,
И, как тихая греза печали,
Ты прошла по заветной аллее.

По аллее прошла ты и скрылась...
Я дождался желанной зари
И туманная грусть озарилась
Серебристой рифмой «Мари».

24 июня 1896

* * *

Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов,
Беспощадные, жадные тайны
Нас томили, томили без слов.
Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов...

Желтоватый, безжизненный месяц
Над лугами взошел и застыл,
Мир теней — утомлен и невесел —
К отдаленным кустам отступил.
Желтоватый, безжизненный месяц
За стволами взошел и застыл.

Ты хотела сказать... Невозможным
Диссонансом раздались слова:
Стебельки закачались тревожно,
Тренища зашептала трава.
Диссонансом больным, невозможным
В тишине прозвучали слова.

И опять — набегающий сумрак
Отуманил молчанье кругом.
Отдаваясь мучительным думам,
Мы брели в полумраке лесном,
И безжизненный месяц — угрюмо—
Озарял нас с тобою вдвоем.

10 августа 1896

* * *

Это матовым вечером мая
Ты так горько шепнула «твоя!»,
Что с тех пор я томлюсь, вспоминая,
Что и нынче волнуясь я.

С этих пор я боюсь трепетанья
Предзакатных, манящих лучей,
Мне томительны сны и желанья,
Мне мучителен сумрак ночей;

Я одною мечтою волнуем:
Умирать, не поверив мечтам,
Но пред смертью припасть поцелуем
К дорогим побледневшим губам.

9 сентября 1896

Из цикла «Ваянье смерти»

* * *

Последний день
Сверкал мне в очи,
Последней ночи
Встречал я тень.

А. Полежаев

И ночи и дни примелькались,
Как дольные тени волхву.
В безжизненном мире живу,—
Живыми лишь думы остались.

И нет никого на земле
С ласкающим, горестным взглядом,
Кто б в этой томительной мгле
Томился и мучился рядом.

Часы неизменно идут,
Идут и минуты считают...
О, стук перекрестных минут!
Так медленно гроб забивают.

12 января 1896

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

И я опять пишу последние слова,
Предсмертные стихи, звучащие уныло...
Опять, опять пишу унылые слова.

Но не забыто все, что грезилось и было!
Пусть будущего нет, пусть завтра — не мое,
Но не забыто все, что грезилось и было.

Теперь не жизни жаль, где я изведаль все:
Победу, и позор, и все изгибы чувства,—
Нет, мне не жизни жаль, где я изведаль все.

Но вы, мечты мои! провиденья искусства!
Ряды замысленных и не свершенных дел!
Вы, вы, мечты мои, провиденья искусства!

Как горько умирать, не кончив, что хотел,
Едва найдя свой путь к восторгам идеала!
О, горько умирать, не кончив, что хотел...

Так много думано, исполнено так мало!

24 июля 1896

* * *

Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.
Овекает странной сладостью
Тень таинственного сна.

Беспредельным далям преданный,
Там, где меркнет свет и шум,
Я покину круг изведанный
Повторенных слов и дум.

Грань познания и жалости
Сердце вольно перейдет,
В вечной бездне, без усталости,
Будет плыть вперед, вперед.

И все новой, странной сладостью
Овекает призрак сна...
Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.

14 июля 1898 и 3 февраля 1899

* * *

Ни красок, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрых рыб, ни полумертвых роз,
Ни даже снов беспечного разврата,
 Ни слез!

Поток созвучий все слова унес,
За вечера видений вот расплата!
Но странно нежит эта мгла без грез,
 Без слез!

Последний луч в предчувствии заката
Бледнеет... Ночь близка... Померк утес...
Мне все равно. Не надо — ни возврата,
 Ни слез!

10 декабря 1898

Из цикла «В пути»

* * *

Тайны мрака побелели;
Неземные акварели
Прояснились на востоке;
Но, таинственно-далеки,
Звезды ночи не хотели,
Уступив лучу денницы,
Опустить свои ресницы.

И в моей душе усталой
Брезжит день лазурно-алый,
Веет влагой возрожденья, —
Но туманные сомненья
Нависают, как бывало,
И дрожат во мгле сознанья
Исступленные желанья.

12 февраля 1896

* * *

Прохлада утренней весны
Пьянит ласкающим намеком;
О чем-то горестно далеко
Поют осмеянные сны.

Бреду в молчаньи одиноком.

О чем-то горестно далеко
Поют осмеянные сны,
О чем-то чистом и высоком,
Как дуновение весны.

Бреду в молчаньи одиноком.

О чем-то странном и высоком,
Как приближение весны...
В душе, с приветом и упреком,
Встают отвергнутые сны.

Бреду в молчаньи одиноком.

15 марта 1896

УТРО

Не плачь и — не думай:
Прошедшего нет!
Приветственным шумом
Врывается свет.

Уснувши, ты умер
И утром воскрес, —
Смотри же без думы
На дали небес.

Что вечно, — желанно,
Что горько, — умрет...
Иди неустанно
Вперед и вперед.

9 сентября 1896

* * *

О, когда бы я назвал своею
Хоть тень твою!
Но и тени твоей я не смею
Сказать: люблю.

Ты прошла недоступно небесной
Среди зеркал,
И твой образ над призрачной бездной
На миг дрожал.

Он ушел, как в пустую безбрежность,
Во глубь стекла...
И опять для меня — безнадежность,
И смерть, и мгла!

28/29 октября 1897

Из цикла «Завершение»

ЧИСЛА

Не только в жизни богов и демонов
раскрывается могущество числа.

Пифагор

Мечтатели, сибиллы и пророки
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли — вне сознания — далёко,
Туда, где светят парственные числа.

Предчувствие разоблачает тайны,
Проводником нелицемерным светит:
Едва откроется намек случайный,
Объемлет нас непересказный трепет.

Вам поклоняюсь, вас желаю, числа!
Свободные, бесплотные, как тени,
Вы радугой связующей повисли
К раздумиям с вершины вдохновенья!

10—11 августа 1898

Из цикла «Лирические поэмы»

ИДЕАЛ

Ее он увидел в магический час.
Был вечер лазурным, и запад погас,
И первые тени над полем и лесом
Дрожали, сквозили ажурным навесом.
В таинственном храме весенних теней,
Мечтатель, он встретился с грезой своей.

Они обменялись медлительным взглядом...
И девичьим, белым, прозрачным нарядом
Она замелькала меж тонких стволов.
И долго смотрел он — без грез и без слов,
Смотрел, наслаждаясь представшим виденьем,
Смотрел, отдаваясь наставшим мгновеньям.

Сияньем их жизнь озарилась с тех пор,
Как будто на небе застыл метеор;
И стали их дни многоцветны и яркие,
Как радостных радуг воздушные арки;
Им были слепительны думы и сны,
Как пышное утро расцветшей весны!

Но в чистые дали их робких мечтаний
Не смело проникнуть желанье свиданий:
В открытых просторах их девственных грез
Клонились цветы под наитием рос,
Шептала волна на побережье лагуны,
Чуть слышно звенели незримые струны.

И дивное счастье поведал им бог.
Вдали от людей и от шумных тревог,
В молчаньи лесном, убаюканном тайной,
Друг с другом они повстречались случайно.
Так в старой беседке, игрой ветерка,
Друг с другом слетаются два лепестка.

И, точно друзья после долгой разлуки,
Они протянули уверенно руки,
И все, о чем каждый мечтал сам с собой,
Другой угадал вдохновенной душой.
И были не нужны ни клятвы, ни речи
При этой короткой задумчивой встрече.

То был мотылек, пилигрим вечеров,
Который подслушал прощанье без слов;
То было смущенное облачко мая,
Которое, в дали лазоревой тая,
Над лилией видело алый цветок:
Улыбку, склоненную к трепету щек!

И больше они никогда не встречались!
Но светлой святыней в их душах остались
Блаженные тени мгновенного дня...
И жили они, эту тайну храня,
И память о жизни, о горестной жизни
Была им наградой в небесной отчизне.

Декабря 1894

СОН ПРОРОЧЕСКИЙ

В мое окно давно гляделся день;
В моей душе, как прежде, было смутно.
Лишь иногда отрадою минутной
Дышала вновь весенняя сирень,
Лишь иногда, пророчески и чудно,
Мерцал огонь лампы изумрудной.

Минутный миг! и снова я тонул
В безгрезном сне, в томительном тумане
Неясных форм, неверных очертаний,
И вновь стоял неуловимый гул
Не голосов, а воплей безобразных,
Мучительных и странно неотвязных.

Мой бедный ум, как зимний пилигрим,
Изнемогал от тщетных напряжений.
Мир помыслов и тягостных сомнений,
Как влажный снег, носился перед ним;
Казалось: ряд неуловимых линий
Ломался вдруг в изменчивой картине.

Стал сон ясней. Дымящийся костер
На берегу шипел и рассыпался.
В гирляндах искр туманом означался
Безумных ведьм неистовый собор.
А я лежал, безвольно распростертый,
Живой для дум, но для движений мертвый.

Безмолвный сонм собравшихся теней
Сидел вокруг задумчивым советом.
Десятки рук над потухавшим светом
Тянулись в дым и грелись у огней;
Седых волос обрывки развевались,
И головы медлительно качались.

И вот одна, покинув страшный круг,
Приблизилась ко мне, как демон некий.
Ужасный лик я видел через веки,
Горбатый стан угадывал, — и вдруг
Я расслышал, как труп на дне гробницы,
Ее слова, — как заклинанья жрицы.

«Ты будешь жить! — она сказала мне. —
Бродить в толпе ряды десятилетий.
О, много уст вопьются в губы эти,
О, многим ты «люблю» шепнешь во сне!
Замрешь не раз в порыве страсти пьяном...
Но будет все — лишь тенью, лишь обманом!

Ты будешь петь! Придут к твоим стихам
И юноши и девы, и прославят,
И идол твой торжественно поставят
На высоте. Ты будешь верить сам,
Что яркий луч зажег ты над туманом...
Но будет все — лишь тенью, лишь обманом!

Ты будешь ждать! И меж земных богов
Единого искать, тоскуя, бога.
И, наконец, уснет твоя тревога,
Как буйный ключ среди глухих песков.
Поверишь ты, что стал над Иорданом...
Но будет все — лишь тенью, лишь обманом!»

Сказав, ушла. Хотел я отвечать,
Но вдруг костер, пред тем как рухнуть, вспыхнул,
И шепот ведьм в беззвездной ночи стихнул,
Ужасный сон на грудь мне лег опять.
Вновь понеслись бесформенные тени,
И лишь в окно вливалась песнь сирени.

19 января 1896

Из книги
«TERTIA VIGILIA»
(«ТРЕТЬЯ СТРАЖА»)
1898—1901

Из цикла «Возвращение»

— Я —

Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.
Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

Я возносил мольбы Астарте и Гекате,
Как жрец, стотельчих жертв сам проливал я кровь,
И после подходил к подножиям распятий
И славил сильную, как смерть, любовь.

Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал реченья мудрецов;
Как верный ученик, я был ласкаем всеми,
Но сам любил лишь сочетанья слов.

На острове Мечты, где статуи, где песни,
Я исследил пути в огнях и без огней,
То поклонялся тем, что ярче, что телесней,
То трепетал в предчувствии теней.

И странно полюбил я мглу противоречий
И жадно стал искать сплетений роковых.
Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих...

24 декабря 1899

* * *

Ребенком я, не зная страху,
Хоть вечер был и шла метель,
Блуждал в лесу, и встретил пряжу,
И полюбил ее кудель.

И было мне так сладко в детстве
Следить мелькающую нить,
И много странных соответствий
С мечтами в красках находить.

То нить казалась белой, чистой;
То вдруг, под медленной луной,
Блистая тканью серебристой;
Потом слилась со мглой ночной.

Я, наконец, на третьей страже.
Восток означился, горя,
И обагрила нити пряжи
Кровавым отблеском заря!

21 октября 1900

* * *

Давно ушел я в мир, где думы,
Давно познал нездешний свет.
Мне странны красочные шумы,
Страстям — в душе ответа нет.

Могу я медлить миг мгновенный,
Но ввысь иду одной тропой.
Кто мне шепнул о жизни пленной?
— Моя звезда! я только твой.

25 января 1900

Из цикла «Любимицы веков»

АССАРГАДОН

Ассирийская надпись

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон.

17 декабря 1897

ХАЛДЕЙСКИЙ ПАСТУХ

Отторжен от тебя безмолвием столетий,
Сегодня о тебе мечтаю я, мой друг!
Я вижу ночь и холм, нагую степь вокруг,
Торжественную ночь при тихом звездном свете.

Ты жадно смотришь вдаль; ты с вышины холма
За звездами следишь, их узнаешь и числишь,
Предвидишь их круги, склонения... Ты мыслишь,
И таинства миров яснеют для ума.

Божественный пастух! среди тиши и мрака
Ты слышал имена, ты видел горний свет:
Ты первый начертал пути своих планет,
Нашел названия для знаков Зодиака.

И пусть безлюдие, нагая степь вокруг;
В ту ночь изведаль ты все счастье дерзновенья,
И в этой радости дай слиться на мгновенье
С тобой, о искренний, о неизвестный друг!

7 ноября 1898

ЖРЕЦ ИЗИДЫ

Я — жрец Изиды светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.

Уста не осквернял я ложью,
Корыстью не прельщался я,
И к женской груди, с страстной дрожью,
Не припадала грудь моя;

Давал я щедро подаянье
Всем обращавшимся ко мне...
Но есть в душе воспоминанье,
Как змей, лежащее на дне.

Свершал я путь годичный в Фивы...
На палубе я утра ждал...
Чуть Нил влачил свои разливы;
Смеялся вдалеке шакал.

И женщина, в одежде белой,
Пришла на пристань, близ кормы,
И стала, трепетно-несмело,
Там, пред порогом водной тьмы.

Дрожал корабль наш, мертвый, сонный,
Громадой черной перед ней,
А я скрывался потаенно
Меж бревен, весел и снастей.

И, словно в жажде утешенья,
Та, в белом женщина, ждала
И медлила свершить решение...
Но дрогнула пред утром мгла...

В моей душе все было смутно,
Хотел я крикнуть — и не мог...
Но вдруг повеял ветер попутный,
И кормщик затрубил в свой рог.

Все пробудились, зашумели,
Вознесся якорь с быстротой,
Канаты радостно запели,—
Но пристань видел я — пустой!

И мы пошли, качаясь плавно,
И быстро все светлело вокруг,—
Но мне казалось, будто явно
В воде распространялся круг...

Я — жрец Изида светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста!

9 марта 1900

ПСИХЕЯ

Что чувствовала ты, Психея, в оный день,
Когда Эрот тебя, под именем супруги,
Привел на пир богов под неземную сень?
Что чувствовала ты в их олимпийском круге?

И вся любовь того, кто над любовью бог,
Могла ли облегчить чуть видные обиды:
Ареса дерзкий взор, царицы злобный вздох,
Шушуканье богинь и злой привет Киприды!

И на пиру богов, под их бесстыдный смех,
Где выше власти все, все — боги да богини,
Не вспоминала ль ты о днях земных утех,
Где есть печаль и стыд, где вера есть в святыни!

23 декабря 1898

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

Неустанное стремление от судьбы к иной судьбе...
Александр Завоеватель, я — дрожа — молюсь тебе.

Но не в час ужасных боев, возле древних Гавгамел,
Ты мечтой, в ряду героев, безысходно овладел.

Я люблю тебя, Великий, в час иного торжества.
Были буйственные клики, ропот против божества.

И к войскам ты стал, как солнце: ослепил их грозный
взгляд,
И безвольно Македонцы вдруг отпрянули назад.

Ты воззвал к ним: «Вы забыли, кем вы были, что теперь.
Как стада, в полях бродили, в чащу прятались, как зверь.

Создана отцом фаланга, вашу мощь открыл вам он;
Вы со мной прошли до Ганга, в Сарды, в Сузы, в Вавилон!

Или мните: государем стал я милостью мечей?
Мне державство отдал Дарий! скипетр мой, иль он ничей!

Уходите! путь открытый! размечите бранный стан!
Дома детям расскажите о красотах дальних стран,

Как мы шли в горах Кавказа, про пустыни, про моря...
Но припомните в рассказах, где вы кинули царя!

Уходите! ждите славы! Но — Аммона вечный сын —
Здесь, по царственному праву, я останусь и один».

От курений залы пьяны, дышат золото и шелк.
В ласках трепетной Роксаны гнев стихает и умолк.

Царь семнадцати сатрапий, царь Египта двух корон,
На тебя — со скиптром в лапе — со стены глядит Аммон.

Стихли толпы, колесницы, на равнину пал туман...
Но, едва зажглась денница, взволновался шумный стан.

В поле стон необычайный, молят, падают во прах...
Не вздохнул ли, Гордый, тайно о своих ночных мечтах?

О, заветное стремление от судьбы к иной судьбе,
В час сомненья и томленья я опять молюсь тебе!

Ноябрь 1899

АМАЛТЕЯ

Пустынен берег тусклого Аверна,
Дрожат кругом священные леса,
Уступы гор отражены неверно,

И, как завеса, мутны небеса.
Здесь, в тишине, в пещере сокровенной,
Внимая вечно чьи-то голоса,

Живет сибилла. Судьбы всей вселенной
Пред ней проходят, — лица, имена
Сменяются, как сны, в игре мгновенной.

И этой сменой снов потрясена,
Сама не постигая их значенья,
На свитках записать спешит она

И звуки слов, и вещие виденья,
Пророчества, и тайны божества.
И пишет и дрожит от исступленья.

И в ужасе читает те слова...
Но кончен свиток, и со смехом, злобно,
Она его бросает и, едва

Успев взглянуть, берет другой, подобный,
И пишет вновь, в тревоге, чуть дыша.
А ветер скал лепечет стих надгробный,

Взвивает свитки и влечет, шурша.

15 февраля 1898

СКИФЫ

Если б некогда гостем я прибыл,
К вам, мои отдаленные предки, —
Вы собратом гордиться могли бы,
Полюбили бы взор мой меткий.

Мне легко далась бы наука
Поджидать матерого тура.
Вот — я чувствую гибкость лука,
На плечах моих барсова шкура.

Словно с детства я к битвам приучен!
Все в раздолье степей мне родное!
И мой голос верно созвучен
С оглушительным бранным воем.

Из пловцов окажусь я лучшим,
Обгоню всех юношей в беге;
Ваша дева со взором жгучим
Заласкает меня ночью в телеге.

Истукан на середине деревни
Поглядит на меня исподлобья.
Я уважу лик его древний,
Одарить его пышно — готов я.

А когда рассядутся старцы,
Молодежь запляшет под клики,—
На куске сбереженного кварца
Начерчу я новые лики.

Я буду, как все — и особый.
Волхвы меня примут, как сына.
Я сложу им песню для пробы,
Но от них уйду я в дружину.

Гей вы! слушайте, вольные волки!
Повинуйтесь жданному кличу!
У коней развеваются челки,
Мы опять летим на добычу.

Декабрь 1899

КЛЕОПАТРА

Я — Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восемнадцать лет.
Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,
Мой прах несчастный не хранит гробница.

В деяньях мира мой ничтожен след,
Все дни мои — то празднеств вереница.
Я смерть нашла, как буйная блудница...
Но над тобой я властвую, поэт!

Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщенного неверной тенью,
Я снова женщина — в мечтах твоих.

Бессмертен ты искусства дивной властью,
А я бессмертна прелестью и страстью:
Вся жизнь моя — в веках звенящий стих.

Ноябрь 1899

СТАРЫЙ ВИКИНГ

Он стал на утесе; в лицо ему ветер суровый
Бросал, насмехаясь, колючими брызгами пены.
И вал возносился и рушился, белоголовый,
И море стучало у ног о гранитные стены.

Под ветром уклончивым парус скользил на просторе,
К Винландии внук его правил свой бег непреклонный,
И с каждым мгновеньем меж ними все ширилось море,
А голос морской разносился, как вопль похоронный.

Там, там, за простором воды неисчерпно-обильной,
Где Скерлингов остров, вновь грянут губящие битвы,
Ему же коснеть безопасно под кровлей могильной
Да слушать, как женщины робко лепечут молитвы!

О, горе, кто видел, как дети детей уплывают
В страну, недоступную больше мечу и победам!
Кого и напевы военных рогов не сзывают,
Кто должен мириться со славой, уступленной дедом.

Хочу навсегда быть желанным и сильным для боя,
Чтоб не были тяжки гранитные, косные стены,
Когда уплывает корабль среди шума и воя
И ветер в лицо нам швыряется брызгами пены.

12 июля 1900

ДАНТЕ

Безумцы и поэты наших дней
В согласном хоре смеха и презренья
Встречают голос и родных теней.

Давно пленил мое воображенье
Угрюмый образ из далеких лет,
Раздумий одиноких воплощенье.

Я вижу годы, как безумный бред,
Людей, принявших снова вид звериный,
Я слышу вой во славу их побед.

(То с гвельфами боролись гибеллины!)
И в эти годы с ними жил и он,—
На всей земле прообраз наш единый.

Подобных знал он лишь в дали времен,
А в будущем ему виднелось то же,
Что в настоящем,— безобразный сон.

Мечтательный, на девушку похожий,
Он приучался к зрелищу смертей,
Но складки на челе ложились строже.

Он, веривший в величие людей,
Со стоном звал: пускай придут владыки
И усмирят бессмысленных детей.

Под звон мечей, проклятия и крики
Он меж людей томился, как в бреду...
О, Данте! о, отверженец великий,—

Воистину ты долго жил — в аду!

6 октября 1898

ДАНТЕ В ВЕНЕЦИИ

По улицам Венеции, в вечерний
Неверный час, блуждал я меж толпы,
И сердце трепетало суеверней.

Каналы, как громадные тропы,
Манили в вечность; в переменах тени
Казались дивны строгие столпы,

И ряд оживших призрачных строений
Являл очам, чего уж больше нет,
Что было для минувших поколений.

И, словно унесенный в лунный свет,
Я упивался невозможным чудом,
Но тяжек был мне дружеский привет...

В тот вечер улицы кишели людом,
Во мгле свободно веселился грех,
И был весь город дьявольским сосудом.

Бесстыдно раздавался женский смех,
И зверские мелькали мимо лица...
И помыслы разгадывал я всех.

Но вдруг среди позорной вереницы
Угрюмый облик предо мной возник.
Так иногда с утеса глянут птицы,—

То был суровый, опаленный лик,
Не мертвый лик, но просветленно-страстный.
Без возраста — не мальчик, не старик.

И жалким нашим нуждам не причастный,
Случайный отблеск будущих веков,
Он сквозь толпу и шум прошел, как властный.

Мгновенно замер говор голосов,
Как будто в вечность приоткрылись двери,
И я спросил, дрожа, кто он таков.

Но тотчас понял: Данте Алигьери.

18 декабря 1900

ФЛОРЕНЦИЯ ДЕКАМЕРОНА

Вы, флорентинки прошлых дней! — о вас
Так ясно я мечтал в обманах лунных,
О быстром блеске ваших крупных глаз.

Сады любви в тиши оград чугунных,
Певучий говор, и жемчужный смех,
Рассказы с перебоем песен струнных.

Принцессы, горожанки — здесь у всех
Веселость, острый ум, и взор лукавый,
И жажда ненасытная утех.

Красавца видя, все полны отравой,
И долго жадный взор его следит.
Для вас любовь всегда была забавой!

Вам было непонятно слово «стыд»!
Среди земных красот, земных величий
Мне флорентинки близок лживый вид,
И сладостно мне имя Беатриче.

21 июля 1900

БАЯЗЕТ

Тимур, прочтя оскорбительное письмо
Баязета, воскликнул: «Сын Мурата
сошел с ума!»

Нет! не с ума сошел Муратов сын,
Ошибся ты, хромец надменный!
Но он взревел, как вольный лев долип,
Узнав, что в мире есть еще один,
Что дерзких двое во вселенной.

И степи дрогнули под звон копыт,
И шум от сшибки замер в небе.
Покой пустыни воплями был сыт,
Багряной кровью сумрак был залит,
И верен был случайный жребий.

Февраль 1899

ДОН-ЖУАН

Да, я — моряк! искатель островов,
Скиталец дерзкий в неоглядном море.
Я жажду новых стран, иных цветов,
Наречий странных, чуждых плоскогорий.

И женщины идут на страстный зов,
Покорные, с одной мольбой во взоре.
Спадает с душ мучительный покров,
Все отдают они — восторг и горе.

В любви душа вскрывается до дна,
Яснее в ней святая глубина,
Где все единственно и не случайно.

Да! я гублю! пью жизни, как вампир!
Но каждая душа — то новый мир
И манит вновь своей безвестной тайной.

12 мая—25 июля 1900

МАРИЯ СТЮАРТ

О, если б знала ты, что пред тобою было,
Когда бежал корабль к туманной полосе,
От милой Франции к Шотландии немилрой,
Все беды, весь позор и униженья все!

Любила ты балы и пышный чин обеден,
И отдалась стране, где властвует туман,
Где в замках дедовских строй жизни хмур и беден
И где звучат псалмы угрюмых пуритан.

Ты страсти жаждала, как неба жаждут птицы,
Вся подчинялась ей, тонула в ярких снах,—
И слышала в ответ название блудницы,
И твой возлюбленный погиб в твоих руках.

Потом, захвачена соперницей надменной,
В тюрьме ты провлекла семнадцать гордых лет,
И, наконец, без сил, к ее ногам, смиренно,
Припала ты рабой... И смерть была ответ.

О! ты ждала ее! ты, с сердцем омертвелым,
У плахи слушала последних верных плач.
Но солгала и смерть: твоим безглавым телом
В последний раз насытился палач.

Декабрь 1901

РАЗОРЕННЫЙ КЛЕВ

Четыре дня мы шли опустошенной степью.
И вот открылось нам раздолье Днепра,
Где с ним сливается Десна, его сестра...
Кто не дивится там его великолепию!

Но было нам в тот день не до земных красот!
Спешили в Киев мы,— разграбленный, пустынный,
Чтоб лобызать хоть прах от церкви Десятиной,
Чтоб плакать на камнях от Золотых ворот!

Всю ночь бродили мы, отчаяньем объаты,
Среди развалин тех, рыдая о былом;
Мы утром все в слезах пошли своим путем...
Еще спустя три дня открылись нам Карпаты.

3 ноября 1898

НАПОЛЕОН

Да, на дороге поколений,
На пыли расточенных лет,
Твоих шагов, твоих движений
Остался неизменный след.

Ты скован был по мысли Рока
Из тяжести и властных сил:
Не мог ты не ступать глубоко,
И шаг твой землю тяготил.

Что строилось трудом суровым,
Вставало медленно в веках,
Ты сокрушал случайным словом,
Движеньем повергал во прах.

Сам изумлен служеньем счастья,
Ты, как пращой, метал войска,
И мировое самовластье
Бросал, как ставку игрока.

Пьянея славой неизменной,
Ты шел сквозь мир, круша, дробя...
И стало, наконец, вселенной
Невозмогу носить тебя.

Землядохнула полной грудью,
И ты, как лист в дыханье гроз,
Взвился, и полетел к безлюдью,
И пал, бессильный, на утес,—

Где, на раздолье одичалом,
От века этих дней ждала
Тебя достойным пьедесталом
Со дна встающая скала!

28 апреля 1901

Из цикла «У моря»

КРЫМ. ЧЕРНОЕ МОРЕ

I

Волны взбегают и пенятся,
Волны на шумном прибое;
Встанут и странно изменятся,
Гаснут в минутном покое.

Только что в дали сверкающей
Видел волны зарождение,
Миг — и с волной отбегающей
Тихо грохочут камня.

14 апреля 1898

II

Звезда затеплилась стыдливо,
Столпились тени у холма;
Стихает море; вдоль залива
Редееет пенная кайма.

Уже погасли пятна света
На гранях сумрачных вершин,—
И вот в селенье с минарета
Запел протяжно муэдзин.

20 апреля 1898

III

У перекрестка двух дорог
Журчанье тихое фонтана;
Источник скуден и убог;
На камне надпись из корана.

Здесь дышит скромный кипарис,
Здесь дремлет пыльная олива,
А ручеек сбегает вниз
К прибрежью вольного залива.

21 апреля 1898

IV

Месяца свет электрический
В море дрожит, извивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

Волны взбегают упорные,
Мечутся, дикие, пленные,
Гибнут в борьбе, непокорные,
Гаснут разбитые, пенные...

Месяца свет электрический
В море змеится, свивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

21 апреля 1898

V

Лежу на камне, солнцем разогретом,
И отдаюсь порывам теплым ветра.
Сверкают волны незнакомым светом,
В их звучном плеске нет родного метра.

Смотрю на волны; их неверных линий
Не угадав, смущен их вечной сменой...
Приходят волны к нам из дали синей,
Взлетают в брызгах, умирают пеной.

Кругом сверканье, говор и движение,
Как будто жизнь, с водой борьба утесов...
Я не пойму, в чем тайный смысл волнения,
А морю не понять моих вопросов.

28 апреля 1898

VI

Где подступает к морю сад,
Я знаю грот уединенный:
Там шепчет дремлющий каскад,
Там пруд недвижим полусонный.

Там дышат лавры и миндаль
При набежавшем тихом ветре,
А сзади, закрывая даль,
Уходит в небо пик Ай-Петри.

30 апреля 1898

VII

Словно птица большая
Неизведанных стран,
Поднялся, улетаю,
Беспощадный туман.

Поднялся и помчался
Над морской глубиной,
Развивался, свивался,
И исчез за водой.

Вновь зеленые склоны
Нам открылись; и лес
Отвечал, возрожденный,
На приветы небес.

13 мая 1898

VIII

Весь день был тусклый, бледный и туманный;
Шли облака в уныло-смутной смене;
Свет солнца был болезненный и странный,
И от деревьев не ложились тени.

И лишь под вечер солнце мимолетно
Вдруг озарило море, даль и горы,
Все вспыхнуло в надежде безотчетной...
Но тьма настала, и смежились взоры.

14 июня 1898

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ

I

День растоплен; море синее;
Подступили близко горы.
Воздух чист, и четкость линий
Утомляет взоры.

Под столетним кедром — тени,
Отзвук утренней прохлады
Слушай здесь, отдавшись лени,
Как трещат цикады.

24 июня 1898

II

Кипит встревоженное море,
Мянутся волны, как в плену;
Померк маяк на Ай-Тодоре,
Вся ночь приветствует луну.

Луна державно делит море:
То мрак, то отблесков игра.
И спит в серебряном просторе
Мир парусов из серебра.

27 июня 1899

III

Волны приходят, и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий.
По морю тени туманные бродят,
Чайки летят и кричат, как в тревоге.

Много столетий близ отмели дикой
Дремлют в развалинах римские стены,
Слушают чаек протяжные крики,
Смотрят на белое кружево пены.

30 июня 1899

IV

Мерно вьет дорога
Одинокий путь.
Отошла тревога,
Мирно дышит грудь.
Вольный, бесконечный,
Горный лес вокруг,
И случайный встречный—
Как желанный друг.

14 июля 1899

V

Обошла тропа утес,
Выше всходят буки.
Позади лесные звуки,
Крики птиц и диких коз.

Впереди редееет лес,
Камни у вершины,
Ветра свист, полет орлиный,
Даль земли и даль небес.

21 июля 1899

VI

Небо чернело огнями,
Море чернело без звезд.
Плотно обложен камнями
Был изогнутый объезд.

Вниз виноградник по скату
Тихо спускался; толпой
Кустики жались брат к брату...
Помнишь? мы шли той тропой!

1899

БАЛТИКА

I

Ветер с моря волны гонит,
Роев отмель, с суши споря;
Ветер дым до зыби клонит,
Дым в пространствах вольных моря.

Малых лодок реет стая,
Белым роем дали нежит.
В белой пене тихо тая,
Вал за валом отмель режет.

29 мая 1900

II

Из-за облака скользящий
Луч над зыблемой водой
Разбивается блестящей,
Серебристой полосой.

И спешит волна с тревогой
В ярком свете погореть,
Набежать на склон отлогий,
Потемнеть и умереть.

5 июня 1900

III

ЗАКАТ

Видел я, над морем серым
Змей-Горыныч пролетал.
Море в отблесках горело,
Отсвет был багрово-ал.

Трубы спящих броненосцев,
Чаек парусных стада
Озарились блеском грозным
Там, где зыблилась вода.

Сея огненные искры,
Закатился в тучу Змей;
И зажглись румянцем быстрым
Крылья облачные фей.

19 июня 1900

IV

ЕЩЕ ЗАКАТ

И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Ф. Тютчев

Свой круг рисуя все ясней,
Над морем солнце опускалось,
А в море полоса огней,
Ему ответных, уменьшалась.

Где чары сумрака и сна
Уже дышали над востоком,
Всходила мертвая луна
Каким-то жаждущим упреком.

Но вдоль по тучам, как убор,
Сверкали радужные пятна,
И в нежно-голубой простор
Лился румянец предзакатный.

28 июня 1900

V

Море — в бессильном покое,
Образ движенья исчез.
Море — как будто литое
Зеркало ясных небес.

Камни в дремоте тяжелой,
Берег в томительном сне
Грезят — о дерзкой, веселой,
Сладко-соленой волне.

23 июля 1900

Из цикла «В стенах»

ГОРОДУ

Я люблю большие дома
И узкие улицы города,—
В дни, когда не настала зима,
А осень повеяла холодом.

Пространства люблю площадей,
Стенами кругом огражденные,—
В час, когда еще нет фонарей,
А затеплились звезды смущенные.

Город и камни люблю,
Грохот его и шумы певучие,—
В миг, когда песню глубоко таю,
Но в восторге слышу созвучия.

29 августа 1898

* * *

Когда сижу один, и в комнате темно,
И кто-то за стеной играет долго гаммы,—
Вдруг фонари зажгут, и свет, пройдя в окно,
Начертит на стене оконные две рамы;
И мыслю я тогда, усталый и больной:
— Фонарь, безвестный друг! ты близок! ты — со
мной!

А после из-за крыш подымется луна,
И, вспыхнув, облака уйдут, как фимиамы,
И светлый луч луны, пройдя стекло окна,

Начертит явственной оконные две рамы;
О, как я оживлен! дрожа, мечтаю я:
— Луна, заветный друг! ты близко! ты — моя!

22 ноября 1898

* * *

Когда опускается штора
И ласковый ламповый свет
Умиряет усталые взоры,—
Мне слышится счастья привет.

Мне не нужно яркого блеска,
Красоты и величья небес.
Опустись, опустись, занавеска!
Весь мир отошел и исчез.

Со мной любимые книги,
Мне поет любимый размер.
— Да! я знаю, как сладки вериги
В глубине безысходных пещер.

3 октября 1899

* * *

Люблю вечерний свет, и первые огни,
И небо бледное, где звезд еще не видно.
Как странен взор людей в медлительной тени,
Им на меня глядеть не страшно и не стыдно.

И я с людьми как брат, я все прощаю им,
Печальным, вдумчивым, идущим в тихой смене,
За то, что вместе мы на грани снов скользим,
За то, что и они, как я, — причастны тени.

4—5 октября 1899

* * *

Я видел искры от кирпичи,
Ударившей о камень.
Вы, силы пламени, легки,
Люблю тебя, о пламень!

Ты встанешь некогда врагом,
Ты до неба воспрянешь!
И день, венчанный вечным днем,—
Я жду,— и ты настанешь!

8 марта 1900

* * *

В борьбе с весной редет зимний холод,
Сеть проволок свободней и нежней,
Снег, потемневший, сложен в кучи, сколот,
Даль улицы исполнена теней.

Вдали, вблизи — все мне твердит о смене:
И стаи птиц, кружащих над крестом,
И ручеек, звеня, бегущий в поле,
И женщина с огромным животом.

25 февраля 1899

Из цикла «Еще сказка»

ЖЕНЩИНЕ

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся от века — на тебя!

11 августа 1899

* * *

Осенний день был тускл и скуден,
А воздух недвижимо жгуч.
Терялся луч больных полуден
В бескрайности сгущенных туч.

Шли тополя по придорожью.
Ветрам зимы обнажены,
Но маленькие листья — дрожью
Напоминали сон весны.

Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты.
Мгновенья делались короче,
И было в мире — я и ты.

Когда, забыв о дольном плаче,
В пространствах две души летят,
Нельзя им чувствовать иначе,
Обменивая взгляд на взгляд!

23 октября 1900

* * *

Я — мотылек ночной. Послушно
Кружусь над яркостью свечи.
Сияет пламя равнодушно,
Но так ласкательны лучи.

Я этой лаской не обманут,
Я знаю гибель наизусть, —
Но крылья биться не устанут,
С усладой повторяю: пусть!

Вот все невыносимей жгучесть,
Тесней и опьяненной круг,
Так явно неизбежна участь;
Но в паданьи захвачен дух.

Хочу упиться смертью знойной,
Изведать сладости огня.
Еще один полет нестройный —
И пламя обовьет меня.

Сентябрь 1900

* * *

Роскошен лес в огне осеннем,
Когда закатом пьян багрец,
И ты, царица, входишь к теням,
И папоротник — твой венец!

Листва живет мгновеньем пышным,
От всех надежд отрешена,
И стало будущее лишним,
И осень стала, как весна!

Но вздрогнешь ты у той поляны,
Где мой припомнится привет,
И долго будет лист багряный
Хранить замедленный твой след.

28 сентября 1900

* * *

Настал заветный час дремотный.
Без слов, покорствуя судьбе,
Клонюсь я к бездне безотчетной,
С последней думой — о тебе!

В мечты мои ты льешь, царица,
Свет с изумрудного венца,
И дня прочтенная страница
Тобою дышит до конца.

13 сентября 1900

Из цикла «Милая правда»

МЕЖДУ ДВОЙНОЮ БЕЗДНОЙ...

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,
Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя.
В светлом небе—бесконечность: бесконечность милых глаз.
В светлом взоре — беспредельность: небо, явленное в нас.
Я смотрю в пространства неба, небом взор мой поглощен.
Я смотрю в глаза: в них та же даль пространств и даль
времен.
Бездна взора, бездна неба! я, как лебедь на волнах,
Меж двойною бездной рею, отражен в своих мечтах.
Так, заброшены на землю, к небу всходим мы, любя...
Я люблю тебя и небо, только небо и тебя.

26 июня 1897

* * *

И небо и серое море
Уходят в немую безбрежность.
Так в сердце и радость и горе
Сливаются в тихую нежность.

Другим — бушевания бури
И яростный ропот прибоя.
С тобой — бесконечность лазури
И ясные краски покоя.

На отмель идут неизбежно
И гаснут покорные волны.
Так думы с беспечностью нежной
Встречают твой образ безмолвный.

7 июня 1900

Из цикла «Близким»

К ПОРТРЕТУ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!

Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!

Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чем томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.

И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованных стихах!

6—7 мая 1900

ПО ПОВОДУ СБОРНИКОВ «РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ»

Мне помнятся и книги эти,
Как в полусне недавний день.
Мы были дерзки, были дети,
Нам все казалось в ярком свете...
Теперь в душе и тишь и тень.
Далеко первая ступень.
Пять беглых лет — как пять столетий.

22 января 1900

ПО ПОВОДУ «ME EUM ESSE»

«О, эти звенящие строки!
Ты сам написал их когда-то!»
—Звенящие строки далеки,
Как призрак умершего брата.

«О, вслушайся в голос подруги!
Зову я к восторгам бесстрастья!»
— Я слышу, на радостном Юге
Гремят сладострастно запястья.

«Я жду, я томлюсь одиноко,
Мне луч ни единый не светит!»
— Твой голос далеко, далеко,
Тебе не могу я ответить.

8 ноября 1897

К САМОМУ СЕБЕ

Я желал бы рекой извиваться
По широким и сочным лугам,
В камышах незаметно теряться,
Улыбаться небесным огням.

Обогнув стародавние села,
Подремав у лесистых холмов,
Раскатиться дорогой веселой
К молодой суете городов.

Пусть, подняв пароходы и барки,
Испытав и забавы и труд,
Эти волны — свободны и ярки —
В бесконечный простор потекут.

Но боюсь, что в соленом просторе —
Только сон, только сон бытия!
Я хочу и по смерти и в море
Сознавать свое вольное я!

28 июля 1900

Из цикла «Книжка для детей»

І. ЗЕЛЕНЫЙ ЧЕРВЯЧОК

Как завидна в час уныный
Жизнь зеленых червячков,
Что на легкой паутине
Тихо падают с дубов!

Ветер ласково колышет
Нашу веющую нить;
Луг цветами пестро вышит,
Зноя солнца не избыть.

Опускаясь, подымаясь,
Над цветами мы одни,
В солнце нежмся, купаясь,
Быстро мечемся в тени.

Вихрь иль буря нас погубят,
Смоет каждая гроза,
И на нас охоту трубят
Птиц пролетных голоса.

Но, клонясь под дуновеньем,
Все мы жаждем ветерка;
Мы живем одним мгновеньем,
Жизнь — свободна, смерть — легка.

Нынче — зноен полдень синий,
Глубь небес без облаков.
Мы на легкой паутине
Тихо падаем с дубов.

13 июня 1900

II. МЫШИ

В нашем доме мыши поселились
И живут, живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят;
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал, — свечу объелп,
Масло в кладовой,
Что поменьше, утащили в щели...
Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

8 января 1899

III. КОЛЯДА

Б а б а - Я г а

Я Баба-Яга, костяная нога,
Где из меда река, кисель берега,
Там живу я века — ага! ага!

К о щ е й

Я бессмертный Кощей,
Сторож всяких вещей,
Вместо каши да шей
Ем стрекоз и мышей.

С о л н ц е

Люди добрые, солнцу красному,
Лику ясному,
Поклонитесь, улыбнитесь
Распрекрасному.

У т р е н н я я з в е з д а
Пробудись, земля сыра!
Ночи минула пора!
Вышла солнцева сестра!

М е с я ц
Я по небу хожу,
Звезды все стерегу,
Все давно заприметил,
Сам и зорок и светел.

З в е з д ы
Мы звездочки, частые,
Золотые, глазастые,
Мы пляшем, не плачемся,
За тучами прячемся.

Р а д у г а
Распустив волоса,
Разлеглась я, краса,
Словно путь-полоса
От земли в небеса.

Д е д
Мы пришли,
Козу привели,—
Людей веселить,
Орешки дробить,
Деток пестовать,
Хозяев чествовать.

24 декабря 1900

IV. УТРО

Ночным дождем повалена,
Вся в серебре трава;
Но в облаках проталина —
Живая синева.

Шагам песок промоченный
Дает певучий скрип.
Как четки, как отточены
Верхи дубов и лип!

Цветы, в жару завялые,
Смеются мне в глаза,
И с песней птицы малые
Летят под небеса.

25 июня 1900

V. ПРЕД ГРОЗОЙ

В миг пред грозой набегающей трепет
Листья деревьев тревожит.
Ветер из облака образы лепит,
Формы чудесные множит.

Пыль поднялась по широкой дороге,
Громче смятение птичье.
Все на земле в ожиданье, в тревоге.
В небе и блеск и величье.

Капель начальных послышится лепет,
Волен, певуч, многovesен...
В миг пред грозой набегающей трепет —
Это ль предчувствие песен?

Июнь—июль 1900

Из цикла «Из дневника»

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Осенний скучный день. От долгого дождя
И камни мостовой и стены зданий серы;
В туман окутаны безжизненные скверы,
Сливаются в одно и небо и земля.

Близка в такие дни волна небытия,
И нет в моей душе ни дерзости, ни веры.
Мечте не унести в живительные сферы,
Несмело, как сквозь сон, стихи слагаю я.

Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребенных,

Как странно вновь стоять у темных их гробниц
И мертвых заклинять безумными словами!
О тени прошлого, как властны вы над нами!

Апрель 1898

ПАПОРОТНИК

Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Чутко папоротник дремлет.
Где-то крикнул пересмешник.

В этих листьях слишком внешних,
В их точеном очертаньи,
Что-то есть миров нездешних...
Стал я в странном содроганьи.

И на миг в глубинах духа
(Там, где ужас многоликий)
Проскользнул безвольно, глухо
Трепет жизни жалкой, дикой.

Словно вдруг стволами к тучам
Вырос папоротник мощный.
Я бегу по мшистым кучам...
Бор не тронут, час полночный.

Страшны люди, страшны звери.
Скалят пасти, копыта точат.
Все виденья всех поверий
По кустам кругом хохочут.

В сердце ужас многоликий...
Как он жив в глубинах духа?
Облик жизни жалкой, дикой
Закивал мне, как старуха.

Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Небо древним тайнам внемлет,
Где-то крикнул пересмешник.

23 июля 1900

Из цикла «Прозрения»

В НЕКОНЧЕННОМ ЗДАНИИ

Мы бродим в неконченном здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании,
Не веря вечерним часам.

Бессвязные, странные лопасти
Нам путь отрезают... мы ждем.
Мы видим бездонные пропасти
За нашим неверным путем.

Оконные встретив пробоины,
Мы робко в пространства глядим:
Над крышами крыши надстроены,
Безмолвие, холод и дым.

Нам страшны размеры громадные
Безвестной растущей тюрьмы.
Над безднами, жалкие, жадные,
Стоим, зачарованы, мы.

Но первые плотные лестницы,
Ведущие к балкам, во мрак,
Встают как безмолвные вестницы,
Встают как таинственный знак!

Здесь будут проходы и комнаты!
Здесь стены задвинутся сплошь!
О, думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертеж!

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет
И в глуби, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род.

И вот почему — в ожидании
Не верим мы темным часам:
Мы бродим в неконченном здании,
Мы бродим по шатким лесам!

1 февраля 1900

БРАТЬЯМ СОБЛАЗНЕННЫМ

Светлым облаком плененные,
Долго мы смотрели вслед.
Полно, братья соблазненные!
Это только беглый свет.

Разве есть предел мечтателям?
Разве цель нам суждена?
Назовем того предателем,
Кто нам скажет — здесь она!

Разве редко в прошлом ставили
Мертвый идол Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!

Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, как и шли!
Паруса развейте в воздухе,
Дерзко правьте корабли!

Жизнь не в счастье, жизнь в искании,
Цель не здесь — вдали всегда.
Славьте, славьте неустаннее
Подвиг мысли и труда!

12 июня 1899

ОТРАДЫ

Знаю я сладких четыре отрады.
Первая — радость в сознании жить.
Птицы, и тучи, и призраки — рады,
Рады на миг и для вечности быть.

Радость вторая — в огнях лучезарна!
Строфы поэзии — смысл бытия.
Тютчева песни и думы Верхарна,
Вас, поклоняясь, приветствую я.

Третий восторг — то восторг быть любимым,
Ведать бессменно, что ты не один.
Связаны, скованы словом незримым,
Двое летим мы над страхом глубин.

Радость последняя — радость предчувствий,
Знать, что за смертью есть мир бытия.
Сны совершенства! в мечтах и в искусстве
Вас, поклоняясь, приветствую я!

28 апреля 1900

Из цикла «Мы»

* * *

В мире широком, в море шумящем,
Мы — гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящим,
Предчувствием песни полны.

Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом,—
Мы — гребень встающей волны.

4 апреля 1899

ЗАЛОГ

К нам немного доходит из прошлого мира,
Из минувших столетий, — немного имен;
Только редкие души, как луч Алтаира,
Как звезда, нам сияют из бездны времен.

И проходят, проходят, как волны, как тени,
Бесконечно проходят века бытия...
Сколько слез, и желаний, и дум, и стремлений!
Миллионы погибших, исчезнувших «я»!

Одиноким мне видится образ Гомера,
Одиноким сверкает с небес Алтаир...
Но в мечтах предо мной — неизвестная сфера
И близ яркой звезды умирающий мир.

24 мая 1898

ЖЕРНОВА

Брошен веялкой на холод,
Жерновами тяжко смолот,
Мертвый колос возрожден.
Но остался прах зыбучий.
Он летит безкрылой тучей,
Заслоняя небосклон.

И стучат, стучат, не станут,
Словно стихнув, лишь обманут,
Не устанут жернова;
Неизменно мелют, мелют,
И струю слоями стелют,
И она опять жива.

А вдали, под светом неба,
Отделяют прах от хлеба,
Вышли веять на гумно.
Пусть познает обновление,
В смерти вкусит возрожденье
Только полное зерно!

Декабрь 1898

Из цикла «Лирические поэмы»

КРАСКИ

Я сегодня нашел свои старые краски.
Как часто взгляд на забытый предмет
Возвращает все обаянье ускользнувших лет!
Я сегодня нашел мои детские краски...
И странный отрок незванно ко мне вошел
И против меня уверенно сел за стол,
Достал, торопясь, тяжелую тетрадь...

Я ее не мог не узнать:
То были мои забытые, детские сказки!

Тогда я с ним заговорил; он вздрогнул, посмотрел
(Меня не видел он, — я был для него привиденьем),
Но через миг смущенья он собой овладел
И ждал, что будет, с простым удивленьем.
Я сказал: «Послушай! я тебя узнаю.
Ты — это я, я — это ты, лет через десять...»
Он засмеялся и прервал: «Я шуток не люблю!
Я знаю лишь то, что можно измерить и взвесить.
Ты — обман слуха, не верю в действительность твою!»

С некоторым гневом, с невольной печалью
Я возразил: «О глупый! тебе пятнадцать лет.
Года через три ты будешь бредить безвестной далью,
Любить непонятное, стремиться к тому, чего нет.
Вселенная жива лишь духом единым и чистым,
Материя — призрак, наше знание — сон...»
О боже, как искренно надо мной рассмеялся он,
И я вспомнил, что был матерьялистом и позитивистом.

И он мне ответил: «О, устарелые бредни!
Я не верю в дух и не хожу к обедне!
Кто мыслит, пусть честно служит науке!
Наука — голова, а искусство — руки!»
«Безумец! — воскликнул я, — знай, что ты будешь верить!
Будешь молиться и плакать пред Знаком креста,
Любить лишь то, где светит живая мечта,
И все проклянешь, что можно весить и мерить!»

«Не думаю, — возразил он, — мне ясна моя цель.
Я, наверно, не стану петь цветы, подобно Фету.
Я люблю точное знание, презираю свирель,
Огюст Конт навсегда указал дорогу поэту!»
«Но, друг, — я промолвил, — такой ли теперь час?
От заблуждений стремятся все к новому свету!
Тебе ли вновь повторять, что сказано тысячу раз!
Пойми тайны души! стань кудесником, магом...»
«Ну, нет, — он вскричал, — я не хочу остаться за флагом!»

«Что за выражения! ах, да! ты любишь спорт...
Все подобное надо оставить! стыдись, будь же горд!»
«Я — горд, — он воскликнул, — свое значенье я знаю.
Выступаю смело, не уступлю в борьбе!
Куда б ни пришел я, даже если б к тебе, —
Приду по венкам! — я их во мгле различаю!»

И ему возразил я печально и строго:
«Путь далек от тебя ко мне,
Много надежд погибнет угрюмой дорогой,
Из упований уступишь ты много, ах, много!
О, прошлое! О, юность! Кто не молился весне!»
И он мне: «Нет! Что решено, то неизменно!
Не уступлю ничего! Пойду своим путем!
Жаловаться позорно, раскаянье презренно,
Дважды жалок тот, кто плачет о былом!»

Он стоял предо мной, и уверен и смел,
Он не видел меня, хоть на меня он смотрел,
А если б увидел, ответил презреньем.
Я — утомленный, я — измененный, я — уступивший
судьбе,
Вот я пришел к нему; вот я пришел к себе, —
В вечерний час роковым пришел привиденьем...

И медленно, медленно образ погас,
И годы надвинулись, как знакомые маски.
Часы на стене спокойно пробили час...
Я придвинул к себе мои старые, детские краски.

17 декабря 1898

СКАЗАНИЕ О РАЗБОЙНИКЕ

Из Пролога

Начинается песня недлинная,
О Петре, великом разбойнике.

Был тот Петр разбойником тридцать лет,
Меж товарищей почитался на́большим,
Грабил поезда купецкие,
Делывал дела молодецкие,
Ни старцев не щадил, ни младенцев.

В той же стране случился монастырь святой,
На высокой горе, на отвесной, —
Меж землей и небом висит, —
Ниоткуда к монастырю нет доступа.

Говорит тут Петр товарищам:
«Одевайте меня в платье монашеское.
Пойду, постучусь перехожим странником,
Ночью вам воротá отопру,
Ночью вас на грабеж поведу,
Гей вы, товарищи, буйные да вольные!»

Одевали его в платье монашеское,
Постучался он странником под ворóтами.
Впустили его девы праведные,
Обласкали его сестры добрые,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.

Сидит разбойник за трапезой,
Ласке-любви сестер удивляется,
Праведными помыслами их смущается,
Что́ отвечать, что́ говорить — не знает.

А сестры близ в горенке собирались,
Говорили меж собой такие слова:

«Видно, гость-то наш святой человек,
Такое у него лицо просветленное,
Такие у него речи проникновенные.
Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у нас сестра слепенькая.
Не омыть ли ей зрак той водицею?»

Призывали они сестру слепенькую,
Омывали ей зрак той водицею, —
И прозрела сестра слепенькая.
Тут все бежали в горенку соседнюю,
Падали в ноги все пред разбойником,
Благодарили за чудо великое.

У разбойника душа смутилася,
Возмутилася ужасом и трепетом.
Творил и он земной поклон,
Земной поклон перед господом:
«Был я, господи, великим грешником,
Примешь ли ты мое покаяние!»

Тут и кончилась песня недолгая.
Стал разбойник подвижником,
Надел вериги тяжелые,
По всей земле прославился подвигами.
А когда со святыми преставился, —
Мощи его и поныне чудеса творят.

28 августа 1898

ЗАМКНУТЫЕ

Отрывки из незаконченной поэмы

I

Я год провел в старинном и суровом,
Безвестном Городе. От мира оградясь,
Он не хотел дышать ничем живым и новым,
Почти порвав с шумящим миром связь.
Он жил былым, своим воспоминаньем,
Перебирая в грезах быль и сны,
И весь казался обветшалым зданьем,
Каким-то сказочным преданьем
О днях далекой старины.

Казалось мне: он замкнут безнадежно.
Давила с Севера отвесная скала,
Купая груди в облачном просторе,
С Востока грань песков, пустыня, стерегла,
А с двух сторон распростиралось море,
Безлюдно, беспощадно, безнадежно.
На пристани не раз, глаза с тоской прилежной
В узоры волн колеблемых вперив,
Следил я, как вставал торжественный прилив,
Как облака неслись — вперед и мимо, мимо...

Но не было вдали ни паруса, ни дыма —
Никто не плыл к забытым берегам...
Лишь абрис острова порой мелькал мне там,
Где явственно заря, когда без солнца светит,
Границу кругозора метит;
Но гасло все в лучах, мне памятно едва,
Все в благостный простор вбирала синева,
И снова мир был замкнут безнадежно.

Весь Город был овеян тайной лет.
Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.
На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен.
В проходах темных, полных тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми нарушив ход стены,
Кончали дом краснеющие кровли;
Виднелись с улицы в готическую дверь
Огромные и сумрачные сени,
Где вечно нежились сырые тени...
И затворялся вход, ворча как зверь...

В музеях запертых, в торжественном покое,
Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружие былое,
Трофеи победительной войны:
То кормы лодок дерзких мореходов,
То кубки с обликом суровых лиц,
Знамена покорявшихся народов
Да клювы неизвестных птиц.

И все в себе былую жизнь таило,
Иных столетий пламенную дрожь.
Как в ветер верило истлевшее ветрило!
Как жаждал мощных рук еще сверкавший нож!..
А все кругом пустынно-глухо было.

II

Я в их церквах бывал, то пышных, то пустынных.
В одних всё статуи, картины и резьба,
Обряд, застывший в пышностях старинных,
Бессмысленно-пустая ворожба!..
В других церквах восторг опустошенья,
На черных стенах цифры, ряд страниц;
Молящиеся, в чинном иступлении,
Кричат псалмы, как стаи хищных птиц.
Но вопль органа вдруг замрет, как самый камень.
Друг другу повторив, что это лишь обряд,
Они для памяти причастие творят,
И пастырь в сюртуке вещает важно: «Амен».

Я залы посещал ученых заседаний
И слушал с ужасом размерность их речей.
Казалось мне: влекут кумир огромный Знаний
Покорные быки под шелканье бичей.
Глубокой колеей со стоном, визгом, громом,
Телега тянется, — в веках намечен путь, —
Все было в тех речах безжалостно-знакомым,
И в смене скучных слов не изменялась суть.
Однажды ошибаясь при выборе дороги,
Шли вдаль ученые, глядя на свой компас.
И был их труд велик, шаги их были строги,
Но уводил их прочь от цели каждый час!

К художникам входил я в мастерские.
О, бедность горькая опустошенных дум!
Искусство! вольная стихия!
Сюда не долетал твой вдохновенный шум!
Художник быть не может не пророком,
И рабство с творчеством согласовать нельзя!
Кто не прошел пустынь в томлении одиноком,
Не знает, где лежит святой мечты стезя!..

III

А жизнь кругом лилась, как степью льются воды.
Как в зеркале, днем повторялся день,
С покорностью свой круг кончали годы,
С покорностью заря встречала тень.
Случалось в праздник мне, на площадь выйдя рано,
Зайти в собор с толпой нарядных дев.
Они молились там умильно, и органа
Я слушал в их кругу заученный напев.

Случалось вечером, взглянув за занавески,
Всецело выхватить из мирной жизни миг:
Там дремлют старики, там звонок голос детский,
Там в уголке — невеста и жених.
И только изредка над этой сладкой прозой
Вдруг раздавалась песнь ватаги рыбаков,
Идущих улицей, да грохотал угрозой
Далекий смех бесчинных кабаков.

За городом был парк, развесистый и старый,
С руиной замка в глубине.
Туда под вечер приходили пары —
«Я вас люблю» промолвить при луне.
В воскресный летний день весь город ратью чинной
Сходился там — мечтать и отдохнуть.
И восхищались все из года в год руиной,
И ряд за рядом совершали путь.
Им было сладостно в условности давнишней,
Казались сочтены движенья их.
Кругом покой аллея был радостен и тих,
Но в этой тишине я был чужой и лишний.
Я к пристани бежал от оскорбленных лип,
Чтоб сердце вольностью хотя на миг растрогать,
Где с запахом воды сливал свой запах деготь,
Где мачт колеблемых был звучен скрип.

О пристань! я любил твой неумолчный скрип,
Такой же, как в былом, дошедший из столетий,
И на больших шестах растянутые сети,
И лодки с грузом серебристых рыб. .

Любил я моряков нахмуренные взоры
И твердый голос их, иной, чем горожан.
Им душу сберегли свободные просторы,
Их сохранил людьми безлюдный океан.
Там было мне легко. Присевши на бочонок,
Я забывал тюрьму меня обставших дней,
И облака следил, как радостный ребенок,
И волны пели мне все громче, все ясней.
И ветер с ними пел; и чайки мне кричали;
Что было вокруг меня, все превращалось в зов...
И раскрывались вновь торжественные дали:
Пути, где граней нет, простор без берегов!

IV

И понял я, что здесь царил кумир единый:
Обычной внешности. Пред искренностью страх
Торжествовал и в храме и в гостиниой,
В стихах и вере, в жестах и словах.
Жизнь, подчиненная привычке и условию,
Елеем давности была освящена.
Никто не смел — ни скорбью, ни любовью
Упитья, как вином пылающим, до дна;
Никто не подымал с лица холодной маски,
И каждым взглядом лгал, и прятал каждый крик;
Расчетом и умом все оскверняли ласки
И берегли свой пафос лишь для книг!

От этой пошлости, обдуманной, привычной,
Как жаждал, хоть на час, я вольно отдохнуть!
Но где в глаза живым я мог, живой, взглянуть?
Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!
Как пристани во мгле, вы высились, дома,
И люди знали вновь, отдавшись вашей власти,
Всё беспристрастие и купли и найма,
Паденья равенство и откровенность страсти!
Кто дни и месяцы (актеры и рабы!)
Твердили «строгий долг» и «скорбь об идеале»,
Преобразясь в огне желаний и борьбы,
То знали ненависть, то чувственно стонали,
То гнулись под рукой Слепой Судьбы!...

И страшная мечта меня в те дни томила:
 Что, если Город мой — предвестие веков?
 Что, если Пошлость — роковая сила
 И создан человек для рабства и оков?
 Что, если Город мой прообраз, первый, малый,
 Того, что некогда жизнь явит в полноте,
 Что, если мир, унылый и усталый,
 Стоит, как странник запоздалый,
 К трясине подойдя, на роковой черте?

И, как кошмарный сон, виденьем беспощадным,
 Чудовищем размеренно-громадным,
 С стеклянным черепом, покрывшим шар земной,
 Грядущий Город-дом являлся предо мной.
 Приют земных племен, размеченный по числам,
 Обязан жизнию (машина из машин!)
 Колесам, блокам, коромыслам,
 Предвидел я тебя, земли последний сын!
 Предчувствовал я жизнь замкнутых поколений,
 Их думы, сжатые познанием, их мечты,
 Мечтам былых веков подвластные, как тени,
 Весь ужас переставшей пустоты!
 Предчувствовал раба подавленную ярость
 И торжествующих многообразный сон,
 Всех наших помыслов обманутую старость,
 Срок завершившихся времен!

Но нет! Не избежать мучительных падений,
 Погибели всех благ, чем мы теперь горды!
 Настанет снова бред и крови и сражений,
 Вновь разделится мир на вражьих две орды.

Борьба, как ярый вихрь, промчится по вселенной
 И в бешенстве сметет, как травы, города,
 И будут волки выть над опустелой Сеной.
 И стены Тауэра исчезнут без следа.

Во глубинах души, из тьмы тысячелетий,
 Возникнут ужасы и радость бытия,
 Народы будут хохотать как дети,
 Как звери грызться, злобы не тая.

И все, что нас гнетет, снесет и светит время,
Все чувства давние, всю власть заветных слов,
И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов.

В руинах, звавшихся парламентской палатой,
Как будет радостен детей свободных крик,
Как будет весело дробить останки статуй
И складывать костры из бесконечных книг.

Освобождение, восторг великой воли,
Приветствую тебя и славлю из цепей!
Я — узник, раб в тюрьме, но вижу поле, поле...
О, солнце! о, простор! о, высота стешей!

*Ревель, 1900.
Москва, 1901*

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Отрывок из незаконченной поэмы

.
Бродить в лесу, рука с рукой,
Всем любоваться: луговиной,
Откосом, липой вековой,
То дятлом с красной головой,
То между сучьев паутиной.
А сколько маленьких забав!
Кормить друг друга земляникой,
Твердить «люблю» значеньем трав,
Шутить могильной повиликой!
И, пробираясь вдоль реки,
Когда отстанут старики,
На поворотах тропки дикой,
Под тихий шопот сонных струй —
Поймать мгновенный поцелуй!

А дома, в жизни повседневной!
Что дяди вечный ропот им,
Что старой тетки окрик гневный!
Они всегда полны одним:
Безмерным счастьем своим!
Везде предлог для их свиданий,
Все — поводы для нежных слов.

Они вдвоем, зарею ранней,
Уходят в сад — нарвать цветов,
И пред обедом в кладовую
Взбегают вместе. За столом
Садятся рядом, — и тайком
Одна нога найдет другую.
Когда стакан передают,
Друг другу пальцы пожимают,
И редко-редко в пять минут
Перешепнуться забывают.

.

24 июня 1897

Из книги
«URBI ET ORBI»
(«ГОРОДУ И МИРУ»)
1901—1903

Из цикла «Вступления»

* * *

По улицам узким, и в шуме и ночью, в театрах, в садах
я бродил,
И в явственной думе грядущее видя, за жизнью, за сущим
следил.

Я песни слагал вам о счастье, о страсти, о высях, границах,
путях,
О прежних столицах, о будущей власти, о всем распро-
стертом во прах.

Спокойные башни, и белые стены, и пена раздробленных
рек,
В восторге всегдашнем дрожали, внимали стихам,
прозвучавшим навек.

И девы и юноши встали, встречая, венчая меня как царя,
И, теням подобно, лилась по ступеням потоком широким
заря.

Довольно, довольно! я вас покидаю! берите и сны и слова!
Я к новому раю спешу, убегаю, мечта неизменно жива!

Я создал, и отдал, и поднял я молот, чтоб снова сначала
ковать.
Я счастлив и силен, свободен и молод, творю, чтобы
кинуть опять!

Апрель 1901

ЛЕСТНИЦА

Все каменной ступени,
Все круче, круче восход.
Желанье достижений
Еще влечет вперед.

Но думы безнадежней
Под пылью долгих лет.
Уверенности прежней
В душе упорной — нет.

Помедлив на мгновенье,
Бросаю взгляд назад:
Как белой цепи звенья —
Ступеней острых ряд.

Ужель в былом ступала
На все нога моя?
Давно ушло начало
В безбрежности — края,

А лестница все круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтоб быть звездой падучей
На небе бытия?

Январь 1902

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНЬЕ

Где я последнее желанье
Осуществлю и утолю?
Найду ль немыслимое знанье,
Которое, таясь, люблю?

Приду ли в скит уединенный,
Горящий главами в лесу,
И в келью бред неутоленный
К ночной лампаде понесу?

Иль в городе, где стены давят,
В часы безумных баррикад,
Когда Мечта и Буйство правят,
Я слиться с жизнью буду рад?

Иль, навсегда приветив книги,
Веков мечтами упоен,
Я вам отдамся, — миги! миги! —
Бездонный, многозвонный сон?

Я разных ратей был союзник,
Носил чужие знамена,
И вот опять, как алчный узник,
Смотрю на волю из окна.

Январь 1902

У СЕБЯ

Так все понятно и знакомо,
Ко всем изгибам глаз привык;
Да, не ошибся я, я — дома;
Цветы обоев, цепи книг...

Я старый пепел не тревожу, —
Здесь был огонь и вот остыл
Как змей на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чем прежде был.

Пусть много гимнов не допето
И не исчерпано блаженств,
Но чую блеск иного света,
Возможность новых совершенств!

Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем
И не жива и холодна!

Лучей зрачки горят на росах,
Как серебром все залито..
Ты ждешь меня у двери, посох!
Иду! иду! со мной — никто!

1901

ПОБЕГ

И если страстный, в час заветный,
Заслышу я мой трубный звук...

Terita vigilia

Мой трубный зов! ты мной слышан
Сквозь утомленный, сладкий сон!
Альков, таинственен и пышен,
Нас облегал со всех сторон.

И в этой мгле прошли — не знаю, —
Быть может, годы и века.
И я был странно близок раю,
И жизнь шумела, далека.

Но вздрогнул я, и вдруг воспрянул,
И разорвал кольцо из рук.
Как молния, мне в сердце глянул
Победно возраставший звук.

И сон, который был так долгод,
Вдруг кратким стал, как все во сне.
Я распахнул тяжелый полог
И потонул в палящем дне.

В последний раз взглянул я выше
В мое высокое окно:
Увидел солнце, небо, крыши
И города морское дно.

И странно мне открылась новой,
В тот полный и мгновенный миг,
Вся жизнь толпы многоголовой,
Заботы вспененный родник.

И я — в слезах, что снова, снова
Душе открылся мир другой,
Бегу от пышного алькова,
Безумный, вольный и нагой!

Август — сентябрь — октябрь 1901

РАБОТА

Здравствуй, тяжкая работа,
Плуг, лопата и кирка!
Освежают капли пота,
Ноем сладостно рука!

Прочь, венки, дары царевны,
Упадай, порфира, с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!

Я хочу изведать тайны
Жизни мудрой и простой.
Все пути необычайны,
Путь труда, как путь иной.

В час, когда устанет тело,
И ночлегом будет хлев,—
Мне под кровлей закоптелой
Что приснится за напев?

Что восстанут за вопросы,
Опьянят что за слова,
В час, когда под наши косы,
Ляжет влажная трава?

А когда, и в дождь и в холод,
Зазвенит кирка моя,
Буду ль верить, что я молод,
Буду ль знать, что силен я?

Август 1900

МЕЧТАНИЕ

О, неужели день придет,
И я в слезах и умиленьи
Увижу этот небосвод
Как верный круг уединенья.

Пойду в поля, пойду в леса
И буду там везде один я,
И будут только небеса
Друзьями счастья и унынья!

Мне несправедлива компаньонка тишь,
Мне тяжело входить под кровлю.
Люблю простор, люблю камыш,
Орла, летящего на ловлю.

Хочу дождя, хочу ветров,
И каждый день — менять жилище!
Упасть бессильным в тяжкий ров,
Среди слепцов бродить, как нищий.

Меж ними, где навис забор,
Я разделю их братский ужин,
А ночью встретит вольный взор
Лишь глубину да сеть жемчужин.

Случайный гость в толпе любой,
Я буду дорог, хоть и странен,
Смешон невольной похвальбой,
Но вечной бодростью желанен.

И женщина — подруга дня —
Ко мне прильнет, дрожа, ревнуя,
Не за стихи любя меня,
А за безумство поцелуя!

1900—1901

ИСКАТЕЛЬ

О прекрасная пустыня!
Прими мя в свою густыню.
Народный стих

Пришел я в крайние пустыни,
Брожу в лесах, где нет путей,
И долго мне не быть отныне
Среди ликующих людей.

За мной — последняя просека,
В грозящей чаще нет следа.
В напевы птиц зов человека
Здесь не врывался никогда.

Что я увижу? Что узнаю?
Как примут тишину мечты?
Как будут радоваться маю,
Встречая странные цветы?

Быть может, на тропах звериных,
В зеленых тайнах одичав,
Навек останусь я в лощинах
Впивать дыханье жгучих трав.

Быть может, заблудясь, устану,
Умру в траве под шелест змей,
И долго через ту поляну
Не перевьется след ничей.

А может, верен путь и вскоре
Настанет невозможный час,
И минет лес — и глянет море
В глаза мне миллионом глаз.

30 сентября 1902

НИТЬ АРИАДНЫ

Вперяю взор, бессильно жадный:
Везде кругом сырая мгла.
Каким путем нить Ариадны
Меня до бездны довела?

Я помню сходы и проходы,
И зал круги, и лестниц винт,
Из мира солнца и свободы
Вступил я, дерзкий, в лабиринт.

В руках я нес клубок царевны,
Я шел и пел; тянулась нить.
Я счастлив был, что жар полдневный
В подземной тьме могу избыть.

И видел странные чертоги
И посмотрев на чудеса,
Я повернул на полдороге,
Чтоб выйти вновь под небеса,

Чтоб после тайн безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтоб целовать подругу в очи,
Прочтя заветные слова...

И долго я бежал по нити
И ждал: пахнёт весна и свет
Но воздух был все ядовитей
И гуще тьма... Вдруг нити — нет.

И я один в беззвучном зале,
Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.

Я, путешественник случайный,
На подвиг трудный обречен.
Мстит лабиринт! Святые тайны
Не выдает пришельцам он.

28 октября 1902

БЛУДНЫЙ СЫН

Так отрок библии, безумный расточитель...
Увидел вдалеке родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

Пушкин

Ужели, перешедши реки,
Завижу я мой отчий дом
И упаду, как отрок некий,
Повергнут скорбью и стыдом?

Я уходил, исполнен веры,
Как лучник оцытый на лов,
Мне снились тирские гетеры
И сонм сидонских мудрецов.

И вот, что грезилось, все было:
Я видел все, всего достиг.
И сердце жгучих ласк вкусило,
И ум — речей, мудрее книг.

Но, расточив свои богатства
И кубки всех отрав испив,
Как вор, свершивший святотатство,
Бежал я в мир лесов и нив.

Я одиночество, как благо,
Приветствовал в ночной тиши,
И трав серебряная влага
Была бальзамом для души.

И вдруг таким недостижимым
Представился мне дом родной
С его всходящим тихо дымом
Над высыхающей рекой!

Где в годы ласкового детства
Святыней чувств владел и я,—
Мной расточенное наследство
На ярком пире бытия!

О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть,
И безраздумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!

Январь 1903

У ЗЕМЛИ

Я б хотел забыться и заснуть.
Лермонтов

Помоги мне, мать-земля!
С тишиной меня сосватай!
Глыбы черные деля,
Я стучусь к тебе лопатой.

Ты всему живому — мать,
Ты всему живому — сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мне в комьях праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком!
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг с росой, зарю со мраком.

Помоги сыскать кольцо!..
Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать
На грядах, недавно взрытых.

Я — твой сын, я тоже — прах,
Я, как ты, — звено созданий.
Так откуда — страсть и страх,
И бессонный бред исканий?

В синеве плывет весна,
Ветер вольно носит шумы...
Где ты, дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?..

Помоги мне, мать! К тебе
Я стучусь с последней силой!
Или ты, в ответ мольбе,
Обручишь меня — с могилой?

1902

В ОТВЕТ

Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.
А. Хомяков

Еще я долго поброжу
По бороздам земного луга,
Еще не скоро отрешу
Вола усталого от плуга.

Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

Нельзя нам мига отдохнуть,
Взрывай земли сухие глыбы!
Недолог день, но длинен путь,
Веди, веи свои изгибы!

Уж полдень. Жар палит сильней.
Не скоро тень над нами ляжет.
Пустынен кругозор полей.
«Бог помочь!» нам никто не скажет.

А помнишь, как пускались мы
Весенним, свежим утром в поле
И думали до сладкой тьмы
С другими рядом петь на воле?

Забудь об утренней росе,
Не думай о ночном покое!
Иди по знойной полосе.
Мой верный вол,— нас только двое!

Нам кем-то высшим подвиг дан,
И спросит властно он отчета...
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!

А в час, когда нам темнота
Закроет все пределы круга,
Не я, а тот, другой, — мечта,
Сам отрешит тебя от плуга!

24 августа 1902

Из цикла «Песни»

ДЕТСКАЯ

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!

Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь,
Черной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между них вертись, вертись.

Что́ под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на тропе? кто в короне?
Ветер высью листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый, или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

Август 1901

Из цикла «Баллады»

ПУТНИК

По беломраморным ступеням
Царевна сходит в тихий сад —
Понежить грудь огнем осенним,
Сквозной листвою понежить взгляд.

Она аллеей к степи сходит,
С ней эфиопские рабы.
И солнце острый луч наводит
На их лоснящиеся лбы.

Где у границ безводной степи,
Замкнув предел цветов и влаг,
Стоят столбы и дремлют цепи, —
Царевна задержала шаг.

Лепечут пальмы; шум фонтанный
Так радостен издалека,
И ветер, весь благоуханный,
Летит в пустыню с цветника.

Царевна смотрит в детской дрожи,
В ее больших глазах — слеза.
Красивый юноша-прохожий
Простерся там, закрыв глаза.

На нем хитон простой и грубый,
У ног дорожная клюка.
Его запекшиеся губы
Скривила жажда и тоска.

Зовет царевна: «Брат безвестный,
Приди ко мне, сюда, сюда!
Вот здесь плоды в корзине тесной,
Вино и горная вода.

Я уведу тебя к фонтанам,
Рабыни умастят тебя.
В моем покое златотканном
К тебе я припаду, любя!»

И путник, взор подняв неспешно,
Глядит, как царь, на дочь царя.
Она — прекрасна и безгрешна,
Она — как юная заря.

Но он в ответ: «Сойди за цепи
И кубок мне сама подай!»
Закрыв глаза бедняк из стени.
Фонтаны бьют. Лепечет рай.

Бледнеет и дрожит царевна.
Лежат невольники у ног.
Она растерянна и гневно
Бросает кубок на песок.

Идет к дворцу аллеей сада,
С ней эфиопские рабы...
И смех чуть слышен за оградой,
Где степь, и цепи, и столбы.

1903

У МОРЯ

Когда встречалось в детстве горе
Иль беспричинная печаль,—
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

Нередко на скале прибрежной
Дни проводила я одна,
Внимала волнам и прилежно
Выглядывала тайны дна:

На водоросли любовалась,
Следила ярких рыб стада...
И все прозрачней мне казалась
До бесконечности вода.

И где-то в глубине бездонной
Я различала, наконец,
Весь сводчатый и стоколонный
Царя подводного дворец.

В блестящих залах из коралла,
Где жемчугов сверкает ряд,
Я, вся волнуясь, различала
Подводных дев горящий взгляд.

Они ко мне тянули руки,
Шептали что-то, в глубь маня,—
Но замирали эти звуки,
Не достигая до меня.

И знала я, что там, глубоко,
Есть души, родственные мне;
И я была не одинока
Здесь, на палящей вышине!

Когда душе встречалось горе
Иль беспричинная печаль,
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

3 февраль 1902

Из цикла «Думы»

L'ENNUI DE VIVRE...

Я жить устал среди людей и в днях,
Устал от смены дум, желаний, вкусов,
От смены истин, смены рифм в стихах.
Желал бы я не быть «Валерий Брюсов».
Не пред людьми — от них уйти легко —
Но пред собой, перед своим сознанием, —
Уже в былое цепь уходит далеко,
Которую зовут воспоминанием.
Склонясь, иду вперед, растущий груз влача:
Дней, лет, имен, восторгов и падений.
Со мной мои стихи бегут, крича,
Грозят мне замыслов недовершенных тени,
Слепят глаза сверканья без числа
(Слова из книг, истлевших в сердце-склепе),
И женщин жадные тела
Цепляются за звенья цепи.

О да! вас, женщины, к себе воззвал я сам
От ложка душного, из келий, с перепутей,
И отдавались мы вдвоем одной минуте,
И вместе мчало нас течение по камням.
Вы скованы со мной небесным, высшим браком,
Как с морем воды вливших рек,
Своим я вас отметил знаком,
Я отдал душу вам — на миг, и тем — навек.
Иные умерли, иные изменили,
Но все со мной, куда бы я ни шел.
И я влеку по дням, клонясь, как вол,
Изнемогая от усилий,

Могильного креста тяжелый пьедестал:
Живую грудь тел, которые ласкал,
Которые меня ласкали и томили.

И думы... Сколько их, в одеждах золотых,
Заветных дум, лелеянных с любовью,
Принявших плоть и оживленных кровью!..
Я обречен вести всю бесконечность их.
Есть думы тайные — и снова в детской дрожи,
Закрыв лицо, я падаю во прах...
Есть думы светлые, как ангел божий,
Затерянные мной в холодных днях.
Есть думы гордые — мои исканья бога, —
Но оскверненные притворством и игрой.
Есть думы-женщины, глядящие так строго.
Есть думы-карлики с изогнутой спиной...
Куда б я ни бежал истоптанной дорогой,
Они летят, бегут, ползут — за мной!

А книги... Чистые источники улады,
В которых отражен родной и близкий лик,
— Учитель, друг, желанный враг, двойник —
Я в вас обрел все сладости и яды!
Вы были голубем в плывущий мой ковчег
И принесли мне весть, как древле Ною,
Что ждет меня земля, под пальмами ночлег,
Что свой алтарь на камнях я построю...
С какою жадностью, как тесно я приник
К стоцветным стеклам, к окнам вещих книг,
И увидел сквозь них просторы и сиянья,
Лучей и форм безвестных сочетанья,
Услышал странные, родные имена...
И годы я стоял, безумный, у окна!
Любуясь солнцами, моя душа ослепла,
Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И все мои мечты распались горстью пепла.

О гордые творцы торжественных поэм,
Которым отроком я отдал дрожь и слезы.
Вы вырвали язык из уст моих — я нем,
И собственных речей не обретают грезы.
О, если б все забыть, быть вольным, одиноким,
В торжественной тиши раскинутых полей

Идти своим путем, бесцельным и широким,
Без будущих и прошлых дней.
Срывать цветы, мгновенные как маки,
Впивать лучи, как первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мраке,
Без горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

1902

НАВЕТ ИЛА IN ALVO

Ее движенья неprovорны,
Она ступает тяжело,
Неся сосуд нерукотворный,
В который небо снизошло.
Святому таинству причастна
И той причастностью горда,
Она по-новому прекрасна,
Вне вожделений, вне стыда.
В ночь наслажденья, в миг объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатъя,
О чем не ведала она!
В изнеможенъи и в истоме
Она спала без грез, без сил,
Но, как в эфирном водоеме,
В ней целый мир уже почил.
Ты знал ее меж содроганий,
И думал, что она твоя...
И вот она с безвестной грани
Приносит тайну бытия!

Когда мужчина встал от роковой постели,
Он отрывает вдруг себя от чар ночных,
Дневные яркости на нем отяготели,
И он бежит в огне лучей дневных.
Как пахарь, бросил он зиждительное семя,
Он снова жаждет дня, чтоб снова изнемочь,—
Ее ж из рук своих освобождает Время,
На много месяцев владеет ею Ночь!
Ночь — Тайна — Мрак — Неведомое — Чудо,
Нам непонятное, что приняла она...

Была любовь и миг иль только трепет блѣда,—
И вновь вселенная в душе воплощена!
Ребекка! Лия! мать! с любовью или злобой
Скрытый плод нося, ты служишь, как раба,
Но труд ответственный дала тебе судьба:
Ты охраняешь мир таинственной утробой.
В ней сберегаешь ты прошедшие века,
Которые преемственностью живы,
Лелеешь юности красивые порывы
И мудрое молчанье старика.
Пространство, время, мысль — вмещаешь
дважды ты,
Вмещаешь и даешь им новое теченье:
Ты, женщина, ценой деторожденья
Удерживаешь нас у грани темноты!
Неси, о мать, свой плод! внемли глубокой дрожи,
Таи дитя, оберегай, питай,
И после, в срочный час, припав на ложе,
Яви земле опять воскресший май!

Свершилось. Сон недавний явен,
Миг вожделенья воплощен:
С тобой твой сын пред богом равен,
Как ты сама — бессмертен он!
Что было свято, что преступно,
Что соблазнило мысль твою,
Ему открыто и доступно,
И он, как первенец в раю.
Что пережито — не вернется,
Берем мы миги, их губя!
Ему же солнце улыбнется
Лучом, погасшим для тебя!
И снова будут чисты розы,
И первой первая любовь!
Людьми изведенные грезы
Неведомыми станут вновь.
И кто-то, сладкий яд объятья
Вдохнув с дыханьем темноты,
(Быть может, также в час зачатья)
В его руках уснет, как ты!

В преддверьи каждой ночи грешной
Два ангела с мечами ждут.
Спадут, как легкие одежды,
Мгновенья радостей ночных.
Иные, строгие надежды
Откроются за тканью их.
Она — покров заветной тайны,
Сокрытой в явности веков,
Но неземной, необычайный,
Огнем пронизанный покров.
Прими его, покрой главу им,
И в сумраке его молись,
И верь под страстным поцелуем,
Что в небе глубь, и в бездне высь!

Июль 1902

ПАРИЖ

И я к тебе пришел, о город многоликий,
К просторам площадей, в открытые дворцы;
И полюбил твой шум, все уличные крики:
Напев газетчиков, бичи и бубенцы;
И полюбил твой мир, как сон, многообразный
И вечно дышащий, мучительно живой...
Твоя стихия — жизнь, лишь в ней твои соблазны,
Ты на менядохнул — и я навеки твой.

Порой казался мне ты беспощадно старым,
Но чаще ликовал, как резвое дитя,
В вечерний, тихий час по меркнувшим бульварам
Меж окон блестящих людской поток катя.
Сверкали фонари, окутанные пряжей
Каштанов царственных; бросали свой призыв
Огни ночных реклам; летели экипажи,
И рос, и бурно рос глухой людской прилив.
И эти тысячи и тысячи прохожих
Я сознавал волной, текущей в новый век.
И жадно я следил течение вольных рек,
Сам — капелька на дне в их каменистых ложах,
А ты стоял во мгле — могучим, как судьба,
Колоссом, давящим бесчисленные рати...
Но не скудел пэан моих безумных братий,
И Города с Людьми не падала борьба...

Когда же, утомлен виденьями и светом,
Искал приюта я — меня манил собор,
Давно прославленный торжественным поэтом...
Как сладко здесь мечтал мой воспаленный взор.
Как были сладки мне узорчатые стекла,
Розетки в вышине — сплетенья звезд и лиц.
За ними суета невольно гасла, блекла,
Пред вечностью душа распростиралась ниц...
Забыв напев псалмов и тихий стон органа,
Я видел только свет, святой калейдоскоп,
Лишь краски и цвета сияли из тумана...
Была иль будет жизнь? и колыбель? и гроб?
И начинал мираж вращаться вокруг, сменяя
Все краски радуги, все отблески огней.
И краски были мир. В глубоких безднах рая
Не эти ль образы, века, не утомляя,
Ласкают взор ликующих теней?

А там, за Сеной, был еще приют священный.
Кругообразный храм и в бездне саркофаг,
Где, отделен от всех, спит император пленный, —
Суровый наш пророк и роковой наш враг!
Сквозь окна льется свет, то золотой, то синий,
Не яркий, слабый свет, таинственный как мгла,
Прозрачным знаменем дрожит он над святыней,
Сливаясь с веяньем орлиного крыла!
Чем дольше здесь стоишь, тем все кругом безгласней,
Но в жуткой тишине растет беззвучный гром,
И оживает все, что было детской басней,
И с невозможностью стоишь к лицу лицом!
Он веком властвовал, как парусом матросы,
Он миллионам душ указывал их смерть;
И сжали вдруг его стеной тюрьмы утесы,
Как кровля, налегла расплавленная твердь.
Заснул он во дворце — и взор открыл в темнице,
И умер, не поняв, прошел ли страшный сон...
Иль он не миновал? ты гредишь, что в гробнице?
И вдруг войдешь сюда — с жезлом и в багрянице, —
И пред тобой падем — мы ниц, Наполеон!

И эти крайности! — все буйство жизни нашей,
Средневековый мир, величье страшных дней, —
Париж, ты съединил в своей священной чаше,
Готовя страшный яд из песен и идей!

Ты человечества — Мальстрем. Напрасно люди
Мечтают от твоих влияний ускользнуть!
Ты должен все смешать в чудовищном сосуде.
Блестит его резьба, незримо тает муть.
Ты властно всех берешь в зубчатые колеса,
И мелешь души всех, и всешь легкий прах,
А слезы вечности кропят его, как росы...
И ты стоишь, Париж, как мельница, в веках!

В тебе возможности, в тебе есть дух движения,
Ты вольно окрылен, и вольных крыльев тесть
Ложится и теперь на наши поколения, —
И стать великим днем здесь может каждый день.
Плотины баррикад вонзал ты смело в стены
И замыкал поток мятущихся времен,
И раздроблял его в красивых брызгах пены.
Он дальше убегал, разбит, преображен.
Вторгались варвары в твой сжатый круг, крушили
Заветные углы твоих святых дворцов,
Но был не властен меч над тайной вечной быти:
Как феникс, ты взлетал из дыма, жив и нов.
Париж не весь в домах и в том иль в этом лике:
Он часть истории, идея, сказка, бред.
Свое бессмертие ты понял, о великий,
И бреду твоему исчезновенья — нет!

1903

Париж

МИР

Я помню этот мир, утраченный мной с детства,
Как сон непонятый, и прерванный, как бред...
Я берегу его — единое наследство
Мной пережитых и забытых лет.

Я помню формы, звуки, запах... О! и запах!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы под полом, в грудях земли,
Со сходами, припрятанными в трапах,
Картинки в рамочках на выцветшей стене,
Старинные скамьи и прочные конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свет незоркий,
Лежащий без теней в ленивой тишине,

И запах надо всем, — нежалящие когти
Вонзающий в мечты, в желанья, в речь, во всё!
Быть может, выросший в веревках или дефте,
Иль вползший, как змея, в безлюдное жилье,
Но царствующий здесь над всем житейским складом,
Проникший всё насквозь, держащий всё в себе!
О, позабытый мир! и я дышал тем ядом,
И я причастен был твоей судьбе!

Я помню: за окном, за дверью с хриплым блоком
Был плоский и глухой, всегда нечистый двор.
Стеной и вывеской кончался кругозор
(Порой закат блестел на куполе далеком).
И этот старый двор всегда был пуст и тих,
Как заводь сорная, вся в камышах и тине...
Мелькнет монахиня... Купец в поддевке синей...
Поспешно пробегут два юрких половых...
И снова душный сон всех звуков, красок, линий.
Когда въезжал сюда телег тяжелый ряд
С самоуверенным и беспощадным скрипом, —
И дюжим лошадям, и безобразным кипам,
И громким окрикам сам двор казался рад.
Шумели молодцы, стуча вскрывались люки,
Мелькали руки, пахло кумачом...
Но проходил тот час, вновь умирали звуки,
Двор застывал во сне, привычном и немом...
А под вечер опять мелькали половые,
Лениво унося порожние судки...
Но поздно... Главы гаснут золотые.
Углы — приют теней — темны и глубоки.
Уже давно вся жизнь влачится неисправней,
Мигают лампы, пахнет керосин...
И скоро вынесут на волю, к окнам, ставни,
И пропоет замок, и дом заснет — один.

Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой, сливался с ним в одно.
Я мальчиком глядел в то пыльное окно,
У сумрачных весов играл в большие гири
И лазил по мешкам в сараях, где темно.
Мечтанья детские в те дни уже светлели:
Мне снились: рощи пальм, безвестный океан,
И тайны полюсов, и бездны подземелий,
И дерзкие пути междупланетных стран.

Но дряхлый ветхий мир на все мои химеры
Улыбкой отвечал, как ласковый старик.
И тихо надо мной — ребенком — ник,
Громадный, неподвижный, серый.
И что-то было в нем родным и близким мне.
Он глухо мне шептал, и понимал его я...
И смешивалось все, как в смутном сне:
Мечта о неземном и сладкий мир покоя...

.

Недавно я прошел знакомым переулком
И не узнал заветных мест совсем.
Тот, мне знакомый мир, был тускл и нем, —
Теперь сверкало все, гремело в гуле гулком!
Воздвиглись здания из стали и стекла,
Дворцы огромные, где вольно бродят взоры...
Разрыты навсегда таинственные норы,
Бесстрастный свет вошел туда, где жалась мгла.
И лица новые, и говор чужд... Все ново!
Как сказка смелая — воспоминанья лет!
Нет даже и во мне тогдашнего былого,
Напрасно я ищу в душе желанный след...
В душе все новое, как в городе торговли,
И мысли, и мечты, и чаянья, и страх.
Я мальчишкой мечтал о будущих годах:
И вот они пришли... Ну, что же? Я таков ли,
Каким желал я быть? Добыл ли я венец?
Иль эти здания, все из стекла и стали,
Восставшие в душе, как призрачный дворец,
Все утоленные восторги и печали,
Все это новое — напрасно взяло верх
Над миром тем, что мне столетья завещали,
Который был моим, который я отверг!

1903

Москва

IN HAC LACRIMARUM VALLE

Весь долгий путь свершив, по высям и низинам,
Твои зубцы я вижу, наконец,
О горный кряж веселости и смеха!
В рассветный час ты вырос исполином,
Как до небес воздвигнутый дворец,
И гулко на привет твое мне вторит эхо.

За мной падений стыд и боль палящих ран,
Теснины скал и быстроты потоков,
За мной покинутый в равнине бранный стан,
За мной пустыня — мир безумцев и пророков...
Кругом меня — немые тополя,
Как женщины, завернутые строго.
Свивается причудливо дорога,
Вся белая, мглу надвое деля.
И лилии, закрыв в сыром тумане
Кадильницы ночных благоуханий,
Сгибают выгибы упругого стебля.
Чу! ближний ключ запел неравномерно...
Долина Слез! чье имя как печаль!
Как все в тебе неясно и неверно.
Но для меня уже белеет даль,
Я вышел из страны позора и успеха,
Снимаю я с своей главы венцы.
Уже блещут в огне, уже блещут зубцы
Твои — о, кряж торжественного смеха!..

Я к вам вернусь, о люди, — вернусь, преображен,
Вся жизнь былая будет, как некий душный сон.
Я к вам вернусь воскресшим, проснувшимся от сна...
Волна волну стирает, и все ж она — волна.
И я ипой, чем прежде, но все же это — я.
И песнь моя другая, по это — песнь моя.
Никто ее не может сложить, как я могу,
А тайну прошлых песен я в сердце берегу.
И все мои напевы еще подвластны мне:
И те, что пел я в детстве, и те, что пел во сне.
Дано мне петь, что любо, что нравится мечтам,
А вам — молчать и слушать, вникать в напевы вам!
И что бы ни задумал я спеть — запрета нет,
И будет все достойно, затем, что я — поэт!
Я в жизнь пришел поэтом, я избран был судьбой,
И даже против воли останусь сам собой.
Я понял неизбежность случайных дум своих,
И сам я чту покорно свой непокорный стих.
В моем самохваленье служенье богу есть, —
Не знаю сам, какая, и все ж я миру весть!

6/19 июня 1902
Венеция

Из цикла «Элегии»

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Я сквозь незапертые двери
Вошел в давно знакомый дом,
Как в замок сказочных поверий,
Постигнутый волшебным сном.

Сквозь спущенные занавески
Чуть проникали тени дня,
И люстры тонкие подвески
Сверкали бледно, не звеня.

И так шаги казались странны,
Почти заглушены в коврах.
Картины, тёмны и туманны,
Терялись смутно на стенах.

Я встретил взгляд без выраженья
Остановившихся часов.
Полузасохшие растенья
Стояли стражей мертвецов.

Я заглянул... Она смотрела,
Как тихо догорал камин.
Зола каких-то писем тлела,
Но в воздухе дышал жасмин.

На платье белое все реже
Бросали угли ответ свой.
Она вдыхала запах свежий,
Клонясь все ниже головой.

И, не веселый, не печальный,
Я скрылся, как вошел, без слов,
Приняв в гостиной взгляд прощальный
Остановившихся часов.

25 декабря 1961

К БЛНЗКОЙ

Предстанет миг, и дух мой капнет
В неизмеримость без времен,
И что-то новое настанет,
И будет прах земли, как сон.

Настанет мир иных скитаний,
Иных падений и высот,
И, проходя за гранью грани,
Мой дух былое отряхнёт,

Воспоминанья все утратит,
В огне небес перегорит
И за познание тайн заплатит
Забвеньем счастья и обид.

И вот, как облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдруг завижу лик знакомый,
И трепет обожжет меня.

В моей душе преображенной,
От всех условий бытия,
Как мысль от тени, отрешенной,
Восстанет вся любовь моя,

Весь круг бессилия и счастья,
Все дни, что вечностью прошли,
Весь вещей ужас сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!

И, словно вновь под сводом звездным,
С своей бездонной высоты,
Твое я имя кину к безднам,
И мне на зов ответишь — ты!

1903

* * *

Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?
Твои так нежны глазки,
И поступь — как у фей!

Я — принц, а ты — царевна,
Отец твой — злой король...
Но не гляди так гневно,
Побыть с тобой позволь.

Я в шапке-невидимке,
Для всех — ты здесь одна!
И вот в вечерней дымке
Померкла даль окна.

Прислужницы уводят
Тебя под полог твой...
Ночные тени бродят,
И я во мгле с тобой!

Уста твои безмолвны,
Смежен покорный взор.
Бросаю в воздух — в волны
Наш самолет-ковер.

Блекут нас в царство ласки.
Семь белых лебедей...
Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?

1901

* * *

Когда твой поезд, с ровным шумом,
Мелькнул и стал вонзаться в даль,
А я стоял, доверясь думам,
Меня так нежила печаль.

Там на платформе опустелой
В июльском пламенном огне
Все то, что с детством охладело,
Я находил живым во мне.

И после всех моих падений
Мне так легко давались вновь
И детский трепет разлучений
И детски нежная любовь.

8 июня 1901

Из цикла «Сонеты и терцины»

MON RÊVE FAMILIER

Люблю мечты моей создание.

Лермонтов

Вновь одинок, как десять лет назад,
Брожу в саду; ведут аллеи те же,
С цветущих лип знакомый аромат.

Чу! лай собак. Повеял ветер свежий,
И с тихим вечером приходит бред,
Что нежит сердце год за годом реже.

Мне нынче снова — девятнадцать лет!
Ты вновь со мной, «мечты моей создание!»
Дай плакать мне — я снова твой поэт!

Как сладостно твоих шагов шуршанье;
Ты дышишь рядом; подыми я взор,
Твоих очей ответит мне сверканье.

Не изменилась ты — о нет — с тех пор,
Как мальчику явилась ты впервые,
И был свершен наш брачный договор!

Ты мне дала узнать, что страсть — стихия,
Ввела во храмы воплощенных грез,
Открыла мне просторы неземные,

Следила ты, как друг, пока я рос,
На первые свиданья приходила,
Была меж нами третья в мире роз.

Я изменил — но ты не изменила,
Лишь отошла, поникнув головой,
Когда меня смутила злая сила.

О, как я мог пожертвовать тобой!
Для женщины из плоти и из крови
Как позабыл небесный образ твой!

Но лишь с тобой мне счастье было внове.
В часы луны, у перепевных струй,
На ложе — у палящих изголовий.

Прильнув к груди, впивая поцелуй,
Невольно я тебя искал очами,
Тебя я жаждал!.. Верь и не ревнуй.

Попрежнему твой лик витал над снами!
Кого б я ни ласкал, дрожа, любя,
Я счастлив был лишь тайными мечтами,—

Во всех, во всех лаская лишь тебя!

22 мая 1903
Старое Село

ТЕРЦИНЫ К СПИСКАМ КНИГ

И вас я помню, перечни и списки,
Вас вижу пред собой за ликом лик.
Вы мне, в степи безлюдной, снова близки.

Я ваши таинства давно постиг!
При лампе, наклонясь над каталогом,
Вникать в названья неизвестных книг;

Следить за именами; слог за слогом
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое в немногом;

Воссоздавать поэтов и века
По кратким, повторительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка».

И ныне вы предстали мне скелетом
Всего, что было жизнью сто веков,
Кивает он с насмешливым приветом,

Мне говорит: «Я не совсем готов,
Еще мне нужны кости и суставы,
Я жажду книг, чтоб сделать груду слов.

Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мне все равно, безумец иль пророк,
Созданье для ума и для забавы.

Я всем даю определенный срок.
Твори и ты, а из твоих мечтаний
Я сохраплю навек семь-восемь строк.

Всесильнее моих упоминаний
Нет ничего. Бессмертие во мне.
Венчаю я — мир творчества и знаний».

Так остов говорит мне в тишине,
И я, с покорностью целую землю,
При быстро умирающей луне,

Исчезновение! твой зов приемлю.

10 апреля 1901

Из цикла «Картины»

ЛЮБЛЮ ОДНО

Люблю одно: бродить без цели
По шумным улицам, один;
Люблю часы святых безделий,
Часы раздумий и картин.

Я с изумленьем, вечно новым,
Весной встречаю синеву,
И в вечер пьян огнем багровым,
И ночью сумраком живу.

Смотрю в лицо идущим мимо,
В их тайны властно увлечен,
То полон грустью нелюдимой,
То богомолен, то влюблен.

Под вольный грохот экипажей
Мечтать и думать я привык,
В теснине стен я весь на страже:
Да уловлю я музы лик!

12 октября 1900

РАНЬШЕ УТРА

Я знаю этот свет, неумолимо-четкий,
И слишком резкий стук пролетки в типине,
Пред окнами контор железные решетки,
Пустынность улицы, не дышащей во сне.

Ночь канула в года, свободно и безумно.
Еще горят огни всех вдохновенных сил;
Но свежий утренник мне веет в грудь бесшумно,
Педвижные дома — как тысячи могил.

Там люди-трупы спят, вдвоем и одиноко,
То навзничь, рот открыв, то ниц — на животе.
Но небо надо мной глубоко и высоко,
И даль торжественна в открытой наготe!

Два равных мира есть, две равные стихии:
Мир дня и ночи мир, безумства и ума,
Но тяжки грани их — часы полуночные,
Когда не властен свет и расточилась тьма.

С последним чаяньем, свою мечту ночную
Душа стремится влить в пустые формы дня,
Но тщетно я борюсь, и тщетно я колдую:
Ты, день, могучий враг, вновь покоришь меня!

1902

КАМЕНЩИК

— Каменщик, каменщик, в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик, с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

— Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

— Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доли полна.

— Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи.

— Эй, берегись! под лесами не ба́луй...
Знаем все сами, молчи!

16 июля 1901

ГОЛОС ЧАСОВ

С высокой башни колокольной,
Призывный заменяя звон,
Часы поют над жизнью дольной,
Следя движение времен.

Но днем, в бреду многоголосном,
Не слышен звонкий их напев,
Над гулким грохотом колесным,
Над криком рынка, смехом дев.

Когда ж устанет день и ляжет
Ночная тень во всех углах,
И шуму замолчать прикажет,
И переменит жизнь в огнях,

Мы все, покорствуя невольно,
В пространном царстве вещей снов,
С высокой башни колокольной
Внимаем голосу часов.

Густеют и редеют тени.
А торжествующая медь
Зовет и нас в чреде мгновений
Мелькнуть, побыть и умереть.

28 июня — 11 июля 1902

Sancta Margherita Ligure. Ночь.

НОЧЬ

Горящее лицо земля
В прохладной тени окунула.
Пустеют знойные поля,
В столицах молкнет песня гула.

Идет и торжествует мгла,
На лампы дует, гасит свечи,
В постели к любящим легла
И властно их смежила речи...

Стрелой вонзаясь в города,
Свистя в полях, гремя над бездной,
Летят немолчно поезда
Вперед по полосе железной.

Глядят насытые ряды
Фабричных окон в темный холод,
Не тихнет резкий стон руды,
Ему в ответ хохочет молот.

И, спину яростно клоня,
Скрывают бешенство проклятий
Среди железа и огня
Давно испытанные рати.

Сентябрь 1902

ЗИМНИЕ ДЫМЫ

Хорошо нам, вольным дымам,
Подыматься, расстилаться,
Кочевать путем незримым,
В редком воздухе теряться,

Проходя по длинным трубам,
Возноситься выше, выше
И клубиться белым клубом,
Наклоняясь к белым крышам.

Дети пламени и праха,
Мы как пламя многолики,
Мы встречаем смерть без страха,
В вольной области — владыки!

Над толпой немых строений,
Миром камней онемелых,
Мы — семья прозрачных теней —
Дышим в девственных пределах.

Воздух медленный и жгучий —
Как опора наших крылий,
Сладко реять дружной тучей
Без желаний, без усилий.

Даль морозная в тумане,
Бледен месяц в глуби синей,
В смене легких очертаний
Мы кочуем по пустыне.

16 декабря 1900

Из цикла «Антология»

ОБЛАКА

Облака опять поставили
Паруса свои.
В зыбь небес свой бег направили
Белые ладьи.

Тихо, плавно, без усилия,
В даль без берегов
Вышла дружная флотилия
Сказочных пловцов.

И, пленяясь теми сферами,
Смотрим мы с полей,
Как скользят рядами серыми
Кили кораблей.

Но и нас ведь должен с палубы
Видеть кто-нибудь,
Чье желанье создавало бы
Этот вольный путь!

21 августа 1903
Старое Село

ТЕРЕМ

Тихи дни и годы — годы в терему,
Словно льются воды медленно во тьму.

День неслышно тает, гаснет без следа...
Тусклый свет роняет пестрая слюда;

За окошком главы — малый край небес,
По простенкам травы — непостижный лес,

С темной образницы кроткий свет лампад...
Те же, те же лица, что и день назад!

Та же все работа, песни без души...
Льются дни без счета, как вода в тиши...

Только в воскресенье бегло видишь мир:
В церкви чтение, пенье — отдаленный клир.

Дома смех, салазки, снежная гора,
Да под вечер пляски, сказки гусяря.

Сны усталых сладки — жжет лебяжий пух...
На ухо загадки кто-то шепчет вслух,

Снится сине море, снится царский сын,
Знаешь страсть и горе, хоть на час один!

Утро. С образницы кроткий свет на всех.
Тихо, как в гробнице. За окошком — снег.

Январь 1901

К УСТЬЮ

На волны набегают волны,
Растет прилив, отлив растет,
Но, не скудея, вечно полны
Вместилища свободных вод.

На годы набегают годы,
Не молкнет ровный стук минут,
И дни и годы, словно воды,
В просторы вечности текут.

Дыша то радостью, то грустью,
И я мгновеньям отдаюсь,
И, как река стремится к устью,
К безбрежной дали я стремлюсь

Промчится жизни быстротечность,
За днями дни, за годом год,
И утлый челн мой примет вечность
В неизмеримость черных вод.

1903

Из цикла «Оды и послания»

ЛЕВ СВЯТОГО МАРКА

*Pax tibi, Marce, evangelista meus.
(Надпись на книге, которую держит
в лапах лев святого Марка.)*

Кем открыт в куске металла
Ты, святого Марка лев?
Чье желанье оковало
На века — державный гнев?

«Мир тебе, о Марк, глашатай
Вечной истины моей». —
И на книгу лев крылатый
Наступил, как страж морей.

Полузверь и полуптица!
Охраняема тобой,
Пять веков морей парица
Насмехалась над судьбой.

В топи илистой лагуны
Встали белые дворцы,
Пели кисти, пели струны,
Мир судили мудрецы.

Сколько гордых, сколько славных,
Провожая в море день,
Созерцали крыл державных
Возрастающую тень.

И в святые дни Беллини
Ты над жизнью мировой
Так же горд стоял, как ныне
Над развенчанной страной.

И — неведомый прохожий
В суете других бродяг;
Пред дворцом, где жили дожи,
Генуэзский встает флаг;

Не услышишь ты с канала
Тасса медленный напев;
Но, открыт в куске металла,
Ты хранишь державный гнев,

Над толпами, над веками,
Равен миру и судьбе,
Лев с раскрытыми крылами
На торжественном столбе.

*9/22 июня 1902
Венеция*

ВЕНЕЦИЯ

Почему под солнцем Юга в ярких красках и цветах,
В формах выпукло-прекрасных предстал пред взором
прах?

Здесь — пришлец я, но когда-то здесь душа моя жила.
Это понял я, припомнив гондол черные тела,

Это понял, повторяя Юга полные слова,
Это понял, лишь увидел моего святого Льва!

От условий повседневных жизнь свою освободив,
Человек здесь стал прекрасен и как солнце горделив.

Он воздвиг дворцы в лагуне, сделал дожем рыбака,
И к Венеции безвестной поползли, дрожа, века.

И донны неизменно все хранит здесь явный след
Прежней дерзости и мощи, над которой смерти нет.

*1902
Венеция*

ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ

Осенний ветер выл над урной одипокрой.
Ю. Б.

Нам должно жить! Лучом и светлой пылью,
Волной и бездной должно опьянеть,
И все круги пройти — от торжества к бессилью,
Устать прекрасно, — но не умереть!

Нам вверены загадочные сказки,
Каменья, ожерелья и слова,
Чтоб мир не стал глухим, чтоб не померкли краски,
Чтоб тайна веяла, жива.

Блудящий огонек — надежда всей вселенной —
Нам окружил венцами волоса,
И если мы умрем, то он — нетленный —
Из жизни отлстит, к планетам, в небеса.

Тяжелая плита над нашей мертвой грудью
Задвинет навсегда все вещие пути,
И ветер будет петь унылый гимн безлюдью...
Нам умереть нельзя! нет, мы должны идти!

Из книги
«STEPHANOS» («БЕНОК»)
1904—1905

Из цикла «Вечеровые песни»

НОЧЬЮ

Воздух становится синим,
Словно разреженный дым...
Час упоительно мирный
Мы успокоенно минем,
Близясь к часам роковым.

Выгнулся купол эфирный;
Двигается мерно с Востока
Тень от ночного крыла;
В бездне бездонно-глубокой
Все откровенное тонет,
Всюду — лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны
Валом бессильных огней?
Черные всадники гонят
Черных быков миллионы, —
Стадо полночных теней!

Февраль 1904

* * *

День вечерел. Мы были двое.

Ф. Тютчев

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи,
Над померкшим старым Кельном
Золотые нимбы света,
В этом храме богомольном —
Взоры нежные твои...

Где-то пели, где-то пели
Песню милой старины.
Звуки, ветром тиховейным
Донесенные, слабели
И сливались, там, над Рейном,
С робким ропотом волны.
Мы любили! мы забыли,
Это вечность или час!
Мы тонули в сладкой тайне,
Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!

6 марта 1904

ТУМАН

Вдоль тихого канала
Склоняют ветви ивы.
Дорога льнет к воде,
Но тени торопливы,
И чу! ночная птица
Кричит привет звезде.

Вдоль тихого канала
Проходит вереница
Поникших белых дев.
Они идут устало,
Закрыв вуалью лица
И стан фатой одев.

Из тихого канала,
Как белые громады,
Встают ряды коней,
И всадники их рады
Дышать вечерней влагой,
Спешат скорей, скорей!

Вдоль тихого канала
Летят лихой ватагой
И манят дев с собой,
Им руки простирают —
И белый плащ свивают
С их белою фатой.

1904

ГОЛОС ПРОШЛОГО

Вьет дорога на деревни
Зеленеющим овсом,
И поет мне голос древний,
Колокольчик, о былом,

Словно в прошлое глядится
Месяц, вставший над рекой,
И янтарный лик двоится:
Он и тот же и другой.

Снова смутное бряцанье,
Вновь и вечер и овес,
Лишь одни воспоминанья
Я живыми не донес.

Как в тумане все поблкло,
На минувших годах тень...
Так едва мерцают стекла
Удаленных деревень.

Все темнее. Кто томится
В смутной песне под дугой?
Словно в прошлое глядится
Лик янтарный над рекой.

1904

ОХОТНИК

Над бредом предзакатных марев,
Над трауром вечерних туч,
По их краям огнем ударив,
Возносится последний луч.

И, глуби черные покинув,
В лазурный день из темноты
Взлетает яркий рой павлинов,
Раскрыв стоцветные хвосты.

А Ночь, охотник с верным луком,
Кладет на тетиву стрелу.
Она взвилась с протяжным звуком,
И птица падает во мглу.

Весь выводок сразили стрелы...
От пестрой стаи нет следа...
На запад, слепо-потемнелый,
Глядит Восточная Звезда.

16 апреля 1904

ТИШИНА

Вечер мирный, безмятежный
Кротко нам взглянул в глаза,
С грустью тайной, с грустью нежной...
И в душе под тихим ветром
Накренились паруса.

Дар случайный, дар мгновенный,
Тишина, продлись! продлись!
Над равниной вечно пенной,
Над прибоем, над буруном
Звезды первые зажглись.

О, плывите! о, плывите!
Тихо зыблемые сны!
Словно змеи, словно нити,
Вьются, путаются, рвутся
В зыби волн огни луны.

Не уйти нам, не уйти нам
Из серсбряной черты!
Мы — горим в кольце змеином,
Мы — два призрака в сияньи,
Мы — две тени, две мечты!

4—6 февраля 1905

Из цикла «На Сайме»

I

Меня, искавшего безумий,
Меня, просившего тревог,
Меня, вверявшего думе
Под гул колес, в столичном шуме, —
На тихий берег бросил рок.

И зыби синяя безбрежность,
Меня прохладой осеня,
Смирила буйную мятежность,
Мне даровала мир и нежность
И вкрадчиво влилась в меня.

И между сосен тонкоствольных,
На фоне тайны голубой,
Как зов от всех томлений дольных —
Залог признаний безглагольных —
Возник твой облик надо мной!

1905

II

Желтым шолком, желтым шолком
По атласу голубому
Шьют невидимые руки.
К горизонту золотому
Ярко-пламенным осколком
Сходит солнце в час разлуки.

Тканью празднично-пурпурной
Убирает кто-то дали,
Расстилая багряницы,

И в воде желто-лазурной
Заметались, заблестали
Красно-огненные птицы.

Но серебряные змеи,
Извивая под лучами
Спин лучистые зигзаги,
Беспощадными губами
Ловят, ловят все смелее
Птиц, мелькающих во влаге!

1905

III

В дали, благостно сверкающей,
Вечер быстро бисер нижет.
Вал, несмело набегающий,
С влажной лаской отмель лижет.

Ропот ровный и томительный,
Плеск беспенный, шум прибоя,
Голос сладко убедительный,
Зов смиренья, зов покоя.

Сосны, сонно онемелые,
В бледном небе встали четко,
И над ними тени белые
Молча гаснут, тают кротко.

1905

IV

Мох, да вереск, да граниты...
Чуть шумит сосновый бор.
С поворота вдруг открыты
Дали синие озер.

Как ковер над легким склоном
Нежный папоротник сплел.
Чу! скрипит с протяжным стоном
Наклоненный бурей ствол.

Сколько мощи! сколько лени!
По гранитам мягкий мох...
И над миром веет, скрытый,
Давних дней унылый вздох.

1905

V

Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна
 Нас робким и зыбким качаньем.
 И в небе и в нас без конца тишина,
 Нас вечер встречает молчаньем.

И сердце не верит в стране тишины,
 Что здесь, над чертогами Ато,
 Звенели мечи, и вожди старины
 За сампо рубились когда-то.

И сердце не верит, дыша тишиной,
 Ласкательным миром Суоми,
 Что билось недавно враждой роковой
 И жалось в предсмертной истоме.

11 сентября 1905

VI

Голубое, голубое
 Око сумрачной страны!
 Каждый день ты вновь иное:
 Грезил, пламенное, в зное,
 В непогоду кроешь сны.

То, в свинцовый плащ одето,
 Сосны хмуришь ты, как бровь;
 То горишь лучами света,
 От заката ждешь ответа,
 Все — истома, все — любовь!

То, надев свои алмазы,
 Тихим ропотом зыбей
 Ты весь день ведешь рассказы
 Про народ голубоглазый,
 Про его богатырей!

1905

Из цикла «Правда вечная кумиров»

К ДЕМЕТРЕ

Небо четко, небо сине,
Жгучий луч палит поля;
Смутно жаждущей пустыней
Простирается земля;

Губы веющего ветра
Ищут, что поцеловать...
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови уснувших, мать!

Глыбы взрыхленные черны,
Их вспоил весенний снег.
Где вы, дремлющие зерна,
Замышляйте свой побег!

Званы вы на пир вселенной!
Стебли к солнцу устремля,
К жизни новой, совершенной,
Воскресайте, озимя!

И в душе за ночью зимней
Тоже — свет, и тоже — тишь.
Что ж, душа, в весеннем гимне
Ты проснуться не спешишь?

Как засеянное поле,
Простираются мечты,
И в огнистом ореоле
Солнце смотрит с высоты.

Брошен был порой осенней
И в тебя богатый сев, —
Зерна страсти и мучений,
Всколоситесь, как напев!

Время вам в движеньях метра
Прозвучать и проблистать.
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови к уснувшим, мать!

1904

ТЕЗЕЙ АРИАДНЕ

«Ты спишь, от долгих ласк усталая,
Предавшись дрожи корабля,
А все растет полоска малая, —
Тебе сужденная земля!

Когда сошел я в сень холодную,
Во тьму излучистых дорог,
Твоею нитью путеводною
Я кознь Дедала перевозмог.

В борьбе, меня твой лик божественный
Властей манил, чем дальний лавр...
Разил я с силой сверхъестественной, —
И пал упрямый Минотавр!

И сердце в первый раз извело,
Что есть блаженство на земле,
Когда свое биенье предало
Тебе — на темном корабле!

Но всем судило Неизбежное,
Как высший долг, — быть палачом.
Друзья! сложите тело нежное
На этом мху береговом.

Довольно страсть путями правила,
Я в дар богам песу ее.
Нам, как маяк, давно поставила
Афина строгая — копье!»

И над водною могилой
В отчий край, где ждет Эгей,

Веют черные ветрила —
Крылья вестника скорбей.

А над спящей Ариадной,
Словно сонная мечта,
Бог в короне виноградной
Клонит страстные уста.

1—2 июля 1904

АНТОНИЙ

Ты на закатном небосклоне
Былых, торжественных времен,
Как исполин, стоишь, Антоний,
Как яркий, незабвенный сон.

Боролись за народ трибуны
И императоры — за власть,
Но ты, прекрасный, вечно юный,
Один алтарь поставил — страсть!

Победный лавр, и скиптр вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросил на весы, надменный, —
И перевесила любовь!

Когда вершились судьбы мира
Среди вспененных боем струй, —
Венец и пурпур триумвира
Ты променял на поцелуй.

Когда одна черта делила
В веках величье и позор,
Ты повернул свое кормило,
Чтоб раз взглянуть в желанный взор.

Как нимб, любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель — за тебя!

О, дай мне жребий тот же вынуть
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть —
Вслед за египетской кормой!

Апрель 1905

Из цикла «Из ада изведенные»

ПОРТРЕТ

Черты твои — детские, скромные;
Закрыты стыдливо виски,
Но смотрят так странно, бездонные,
Большие зрачки.

Движеньями грустно усталыми
Ты просишь: оставьте меня.
Язвит тебя жгучими жалами
Действительность дня.

Не сомкнуты губы бессильные,
Как будто им нечем вздохнуть,
Как будто покровы могильные
Томят тебе грудь.

Как будто ты помнишь далекое,
Что было, быть может, лишь сном,
И сердце твое одинокое —
Навеки в былом.

Как призраки, горько ненужные,
Мы, люди, скользим пред тобой.
Ты смотришься в дали жемчужные
Поникшей душой.

К глубинам родным наклоняешься
И рада виденьям, — но вдруг,
Вся вздрогнув, опять возвращаешься
Печально в наш круг.

20—21 февраля 1905

КУБОК

И кто б ни подал кубок жгучий...

Tertia vigilia

Вновь тот же кубок с влагой черной,
Вновь кубок с влагой огневой!
Любовь, противник необорный,
Я узнаю твой кубок черный
И меч, внесенный надо мной.

О дай припасть устами к краю
Бокала смертного вина!
Я бросил щит, я уступаю,—
Лишь дай, припав устами к краю,
Огонь отравы пить до дна!

Я знаю, меч меня не минет,
И кубок твой беру, спеша.
Скорей! скорей! пусть пламя хлынет,
И крик восторга в небо кинет
Моя сожженная душа!

Январь 1905

Из цикла «Повседневность»

КАМЕНЩИК

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной.

Горе тем, кто смел и молод
Здесь, в тюрьме земной!

Нам дана любовь — как цепи,
И нужда — как плеть...
Кто уйдет в пустые степи
Вольно умереть!

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Камень молотом расколот,
Длится труд дневной.

Камни бьем, чтоб жить на свете,
И живем, — чтоб бить...
Горе тем, кто ныне дети,
Тем, кто должен быть!

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Распахнет ли смертный холод
Двери в мир иной!

Декабрь 1903

КРЫСОЛОВ

Я на дудочке играю
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочке играю,
Чьи-то души веселя.

Я иду вдоль тихой речки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлют тихие овечки,
Кротко зыблются поля.

Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
За лугами красной канчки
Стройно встали тополя.

Малый домик там таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой девушке приснится,
Что ей душу отдал я.

И на нежный зов свирели,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выйдет словно к светлой цели
Через сад, через поля.

И в лесу под дубом темным,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Будет ждать в бреду истомном,
В час, когда уснет земля.

Встречу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вплоть до утра зацелую,
Сердце лаской утоля.

И, сменившись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя.

18 декабря 1904

ГРЕБЦЫ ТРИРЕМЫ

Тесно во мгле мы сидим,
Люди, над ярусом ярус.
Зыблются ветром живым
Где-то и стяги и парус!

В узкие окна закат
Красного золота бросил.
Выступил сумрачный ряд
Тел, наклоненных у весел.

Цепи жестоки. Навек
К месту прикованы все мы.
Где теперь радостный бег
Нами влекомой триремы?

Режем ли медленный Нил?
Месим ли фризскую тину?
Или нас Рок возвратил
К белому мысу Пахину?

Песню нам, что ли, начать?
Но не расслышат и жалоб
Те, кто достойны дышать
Морем с разубранных палуб!

Кто там? Нагая ль жена
Дремлет на шкуре пантеры?
Чу! это песня слышна
В честь венценосной гетеры.

Или то Цезарь-певец
Лирой тревожит Тритона,
Славя свой вечный венец,
Славя величие трона?

Нет! то военных рожков
Вызов, готовящий к бою!
Я для друзей иль врагов
Волны упругие рою?

Эх, что мечтать! все равно
Цезаря влечь иль пирата!
Тускло струится в окно
Отблеск последний заката.

Быстро со мглой гробовой
Снова сливаемся все мы,
Мча на неведомый бой
Бег быстрой триремы.

1904

К ОЛИМПИЙЦАМ

Все как было, все как вечно:
Победил — и побежден!
Рассечен дорогой млечной
Бесконечный небосклон.

Миллионы, миллионы
Нескончаемых веков
Возносили в бездну стоны
Оскорбляемых миров.

Все — обман, все дышит ложью,
В каждом зеркале двойник,
Выполняя волю божью,
Кажет вывернутый лик.

Все победы — унижение,
Все восторги — боль и стыд.
Победитель на мгновенье,
Я своим мечом убий!

На снегу, нетленно-белом,
Я простерт. Струится кровь...
За моим земным пределом,
Может быть, сильна любовь!

Здесь же, долу, во вселенной —
Лишь обманность всех путей,
Здесь правдив лишь смех надменный
Твой, о брат мой, Прометей!

Олимпиец! бурей снежной
Замети мой буйный прах,—
Но зажжен огонь мятежный
Навсегда в твоих рабах!

15—16 декабря 1904

Из цикла «Современность»

КИНЖАЛ

Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок...
М. Лермонтов

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я — отзыв вам кричу, я — песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми, — затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

1903

К ТИХОМУ ОКЕАНУ

Снилось ты нам с наших первых веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и в пеньи полдневных валов,
Южное море.

Топкая тундра, тугая тайга,
Страны шаманов и призраков бледных
Гордым грозили, закрыв берега
Вод заповедных.

Но нам вожатым был голос мечты!
Зовом звучали в веках ее клики!
Шли мы, слепые, и вскрылся нам ты,
Тихий! Великий!

Чаша безмерная вод! дай припасть
К блестящей влаге устами и взором,
Дай утолить нашу старую страсть
Полным простором!

Вот чего ждали мы, дети степей!
Вот она, сродная сердцу стихия!
Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россия!

Брат-Океан! ты — как мы! дай обнять
Братскую грудь среди вражеских станов.
Кто, дерзновенный, захочет разъять
Двух великанов?

27 января 1904. Ночь.

ВОЙНА

Беллона, со змеиными волосами,
в кровавой одежде, с мечом и
бичом в руках.

(Римское изображение.)

На камнях скал, под ропот бора
Предвечной Силой рождена,
Ты — дочь губящего Раздора,
Дитя нежданное, Война.

И в круг зверей, во мглу пещеры
Тебя швырнула в гневě мать,
И с детства ты к сосцам пантеры
Привыкла жадно припадать.

Ты мощью в мать, хотя суровой,
Но сердцу ты близка с отцом,
И нелюдскую жажду крови
Всосала вместе с молоком.

Как высший судия, всевластно
Проходишь ты троюй веков,
И кровь блесит полоской красной
На жемчугах твоих зубов.

Ты золотую чашу «право»,
Отцовский дар, бросаешь в мир,
Чтоб усладить струей кровавой,
Под гулы битв, свой страшный пир.

И за тобой, дружиной верной
Спеша, с знаменами в руках,
Все повторяют крик пантерный,
Тобой подслушанный в лесах.

1904—1905

НА НОВЫЙ 1905 год

И вот в железной колыбели,
В громах, родится новый год.
Ф. Тютчев. (1885)

Весь год прошел, как сон кровавый,
Как глухо душащий кошмар,
На облаках, как отблеск лавы,
Грядущих дней горит пожар.

Как исполин в ночном тумане
Встал Новый Год, суров и слеп,
Он держит в беспощадной длани
Весы таинственных судеб.

Качнулись роковые чаши,
При свете молний взнесены:
Там жребии врага и наши,
Знамена тяжкие войны.

Молчи и никни, ум надменный!
Се — высшей истины пора!
Пред миром на доске вселенной
Веков азартная игра.

И в упоении и в страхе
Мы, современники, следим,
Как вьется кость, в крови и прахе,
Чтоб выпасть знаком роковым.

Декабрь 1904

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Они кричат: за нами право!
Они клянут: ты бунтовщик,
Ты поднял стяг войны кровавой,
На брата брата ты воздвиг!

Но вы, что сделали вы с Римом,
Вы, консулы, и ты, сенат!
О вашем гнете нестерпимом
И камни улиц говорят!

Вы мне твердите о народе,
Зовете охранять покой,
Когда при вас Милон и Клодий
На площадях вступают в бой!

Вы мне кричите, что не смею
С сенатской волей спорить я,
Вы, Рим предавшие Помпею
Во власть секиры и копья!

Хотя б прикрыли гроб законов
Вы лаврами далеких стран!
Но что же! Римских легионов
Значки — во храмах у парфян!

Давно вас ждут в родном Эребе!
Вы — выродки былых времен!
Довольно споров. Брошен жребий.
Плыви, мой конь, чрез Рубикон!

1905

ОДНОМУ ИЗ БРАТЬЕВ

(УПРЕКНУВШЕМУ МЕНЯ, ЧТО МОИ СТИХИ ЛИШЕНЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ)

Свой суд холодный и враждебный
Ты произнес. Но ты не прав!
Мои стихи — сосуд волшебный
В тиши отстоенных отрав!

Стремлюсь, как ты, к земному раю
Я, под безмерностью небес;
Как ты, на всех запястьях знаю
Следы невидимых желез.

Но, узник, ты схватил секиру,
Ты рубишь твердый камень стен,
А я, таясь, готовлю миру
Яд, где огонь запечатлен.

Он входит в кровь, он входит в душу,
Преображает явь и сон...
Так! я незримо стены рушу,
В которых дух наш заточен!

Чтоб в день, когда мы сбросим цепи
С покорных рук, с усталых ног,
Мечтам открылись бы все степи
И волям — дали всех дорог.

20 августа 1905

ЗНАКОМАЯ ПЕСНЬ

Эта песнь душе знакома,
Слушал я ее в веках.
Эта песнь — как говор грома
Над равниной, в облаках.

Пел ее в свой день Гармодий,
Повторил суровый Брут,
В каждом призванном народе
Те же звуки оживут.

Это — колокол вселенной
С языком из серебра,
Что качают миг мгновенный
Робеспьеры и Марà.

Пусть ударят неумело:
В чистой меди тот же звон!
И над нами загудела
Песнь торжественных времен.

Я, быть может, богомольней,
Чем другие, внемлю ей,
Не хваля на колокольне
Неискусных звонарей.

16 августа 1905
Антоновка

ПАЛОМНИКАМ СВОБОДЫ

Свои торжественные своды
Из-за ограды вековой
Вздымал к простору Храм Свободы,
Затерянный в тайге глухой.

Сюда тропинкой еле зримой,
К уныло замкнутым вратам,
Сходились часто пилигримы
Возжечь усердно фимиам.

И, плача у заветной двери,
Не смея прикоснуться к ней,
Вновь уходили — той же вере
Учить, как тайне, сыновей.

Но с иступленьем, опьяненный,
Дорогой той пришел народ,
И руки яростные смело
Ударили в чугун ворот.

И с гулом рухнули затворы,
И дрогнула стена кругом,
И вот уже горят, как взоры,
Все окна храма торжеством.

Так что ж! с испугом и укором
Растерянно глядите вы,
Как зарево над черным бором
Смутило ясность синевы!

1905

ДОВОЛЬНЫМ

Мне стыдно ваших поздравлений,
Мне страшно ваших гордых слов!
Довольно было унижений
Пред ликом будущих веков!

Довольство ваше — радость стада,
Нашедшего клочок травы.
Быть сытым — больше вам не надо,
Есть жвачка — и блаженны вы!

Прекрасен, в мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадон
И океан народной страсти,
В щепы дробящий утлый трон!

Но ненавистны полумеры,
Не море, а глухой канал,
Не молния, а полдень серый,
Не агора, а общий зал.

На этих всех, довольных малым,
Вы, дети пламенного дня,
Восстаньте смерчем, смертным шквалом,
Крушите жизнь — и с ней меня!

18 октября 1905

ГРЯДУЩИЕ ГУННЫ

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.

На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколосите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме,—
Вы во всем неповинны, как дети!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

И что под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?

Бесследно все сгинет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

10 августа 1905

К СЧАСТЛИВЫМ

Свершатся сроки: загорится век,
Чей луч блеснит на быстрине столетий,
И твердо станет вольный Человек
Пред ликом неба на своей планете.

Единый Город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стекла,
Чтоб вечно жить ласкательной весной,
Чтоб листьев зелень осенью не блекла;

Чтоб не было рассветов и ночей,
Но чистый свет, без облаков, без тени;
Чтоб не был мир ни твой, ни мой, — ничей,
Но общий дар идущих поколений.

Цари стихий, владыки естества,
Последыши и баловни природы
Начнут свершать, в весельи торжества,
Как вечный пир, ликующие годы.

Свобода, братство, равенство, — все то,
О чем томимся мы, почти без веры,
К чему из нас не припадет никто, —
Те вкусят смело, полностью, сверх меры.

Разоблаченных тайн святой родник
Их упоит в бессонной жажде знания.
И Красоты осуществленный лик
Насытит их предельные желанья.

И ляжем мы в веках как перегной,
Мы все, кто ищет, верит, страстно дышит,
И этот гимн, в былом пропетый мной,
Я знаю, мир грядущий не услышит.

Мы станем сказкой, бредом, беглым сном,
Порой встающим тягостным кошмаром.
Они придут, как мы еще идем,
За все заплатят им, — мы гибнем даром.

Но что ж! Пусть так! Клони меня, Судьба!
Дышать грядущим — гордая услада!
И есть иль нет дороги сквозь гроба,
Я был! я есмь! мне вечности не надо!

1904—1905

ФОНАРИКИ

Столетия — фонарики! о сколько вас во тьме,
На прочной нити времени, протянутой в уме!
Огни многообразные, вы тепшите мой взгляд...
То яркие, то тусклые, фонарики горят.
Сверкают, разноцветные, в причудливом саду,
В котором, очарованный, и я теперь иду.
Вот пламенники красные — подряд по десяти.
Ассирия! Ассирия! мне мимо не пройти!
Хочу полюбоваться я на твой багряный свет:
Цветы в крови, трава в крови, и в небе красный след,
А вот гирлянда желтая квадратных фонарей.
Египет! сила странная в неяркости твоей!
Пронизывает глуби все твой беспощадный луч
И тянется властительно с земли до хмурых туч.

Но что горит высоко там и что слепит мой взор?
Над озером, о Индия, застыл твой метеор.
Взнесенный, неподвижен он, в пространствах — брат
звезде.

Но пляшут отражения, как змеи, по воде.
Широкая, свободная, аллея вдаль влечет,
Простым, но ясным светочем украшен строгий вход.
Тебя ли не признаю я, святой Периклов век!
Ты ясностью, прекрасностью победно мрак рассек!
Вхожу: все блеском залито, все сны воплощены,
Все краски, все сверкания, все тени сплетены!
О, Рим, свет ослепительный одиннадцати чаш:
Ты — белый, торжествующий, ты нам родной, ты наш!
Век Данте — блеск таинственный, зловеще золотой...
Лазурное сияние, о, Леонардо, — твой!..
Большая лампа Лютера — луч, устремленный вниз...
Две маленькие звездочки, век суетных маркиз...
Сноп молний — Революция! За ним громадный шар,
О, ты! век девятнадцатый, беспламенный пожар!
И вот стою ослепший я, мне дальше нет дорог,
А сумрак отдаления торжественен и строг.
К сырой земле лицом припав, я лишь могу глядеть,
Как вьется, как сплетается огней мелькнувших сеть.
Но вам молюсь, безвестные! еще в ночной тени
Скрытые, не жившие, грядущие огни!

1904

Из цикла «Лирические поэмы»

СЛАВА ТОЛПЕ

В пропасти улиц закинута,
Городом взятые в плен,
Что мы мечтаем о Солнце потерянном!
Области Солнца задвинуты
Плитами комнатных стен.
В свете искусственном,
Четком, умеренном,
Взоры от красок отучены,
Им ли в расплавленном золоте зорь потонуть!
Гулом сопутственным,
Лязгом железным
Празднует город наш медленный путь.
К безднам все глубже уводят излучины...
Нам к небесам, огнезарным и звездным,
Не достигнуть!

Здравствуй же, Город, всегда озабоченный,
В свете искусственном,
В царственной смене сверканий и тьмы!
Сладко да будет нам в сумраке чувственном
Этой всемирной тюрьмы!
Окна кругом заколочены,
Двери давно замуравлены,
Сабли у стражи отточены —
Сабли, вкусившие крови, —
Все мы — в цепях!
Слушайте ж песнь храмовых славословий,
Вечно живет, как кумир, нам поставленный, —
Каменный прах!

Славлю я толпы людские,
Самодержавных колодников,
Славлю дворцы золотые разврата,
Славлю стеклянные башни газет.
Славлю я лики благие
Избранных веком угодников —
(Черни признание — бесценная плата,
Дара поэту достойнее нет!)
Славлю я радости улицы длинной,
Где с дерзостным взором и мерзостным хохотом
Предлагают блудницы
Любовь,
Где с ропотом, топотом, грохотом
Двигутся лиц вереницы,
Вновь
Странно задеты тоской изумрудной
Первых теней,—
И летят экипажи, как строй безрассудный,
Мимо зеркальных сияний,
Мимо рук, что хотят подаваний,
К ликующим вывескам наглых огней!

Но славлю и день ослепительный
(В тысячах дней неизбежный),
Когда среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо,
Толпа возвышает свой голос мятежный,
Властительный,
В безумии пьяных веселий
Все прошлое топчет во прахе,
Играет, со смехом, в кровавые плахи,
Но, словно влекома таинственным гением
(Как река, свои воды к простору несущая),
С неуклонным прозрением,
Стремится к торжественной цели,
И, требуя царственной доли,
Глуха и слепа,
Открывает дорогу в столетья грядущие!

Славлю я правду твоих своеволий,
Толпа!

1904

КОНЬ БЛЕД

И се конь блед и сидящий па
нем, имя ему Смерть.

Новый Завет, Откровение, VI, 8.

1

Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и щелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле — души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

2

И внезапно — в эту бурю, в этот адский шопот,
В этот воплотившийся в земные формы бред,—
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и стал, с огнем в глазах.
В воздухе еще дрожали — отголоски, крики,
Но мгновенье было — трепет, взоры были — страх!
Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

3

И в великом ужасе, скрывая лица,— люди
То бессмысленно зывали: «Горе! с нами бог!»,
То, упав на мостовую, бились в общей груди...
Звери морды прятали, в смятении, между ног.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, — в восторге бросилась к коню,

Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневеющему дню.
Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
«Люди! Вы ль не узнаете божией десницы!
Сгибнет четверть вас — от мора, глада и меча!»

4

Но восторг и ужас длились — краткое мгновенье.
Через миг в толпе смятенной — не стоял никто;
Набежало с улиц смежных новое движенье,
Было все обычным светом ярко залито.
И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.
Только женщина из зал веселья да безумный
Всё стремили руки за исчезнувшей мечтой.
Но и их решительно людские волны смыли,
Как слова ненужные из позабытых строк.
Мчались omnibuses, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

Июль—декабрь 1903—1904

Из книги
«ВСЕ НАПЕВЫ»
1906—1909

ПОЭТУ

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч,
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность взойти на костер.

Быть может, всё в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневожь,
И в час беспощадных распятий
Прославь исступленную боль.

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный вспок!

18 декабря 1907

БЛИЗКОЙ

Как страстно ты ждала ответа!
И я тебе свой дар принес:
Свой дар святой, свой дар поэта,—
Венок из темноокрасных роз.

Мои цветы благоуханны,
Горят края их лепестков,
Но знает розами венчанный
Уколы тайные шипов.

Венок вовеки не увянет
Над тихим обликом чела,
Но каждый вечер снова ранит
Тебя сокрытая игла.

В венце, как на веселом пире,—
Ты мученица на кресте!
Но будь верна в неверном мире
Своей восторженной мечте!

Мой дар — святой, мой дар — поэта,
Тебя он выше всех вознес!
Гордись, как дивным нимбом света,
Венком из темноокрасных роз!

11 января 1908

Из цикла «Элегии и буколики»

ОДИНОЧЕСТВО

Отступи, как отлив, все дневное, пустое волнение,
Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим!
Слышу, тихо грохочут с волной уходящей каменья,
Вижу, алый закатный туман превращается в дым.

То в алмазных венцах, то в венках полевых маргариток,
То в одеждах рабынь, то в багряных плащах королев,
То, как ветер, смеясь, то с лицом, утомленным от пыток,
Вкруг меня наклоняется хор возвратившихся дев.

Взор ваш ласков, как прежде, и шаг, как бывало, размерен...
Значит, тот я, что был, если прошлый мне мир возвращен!
Подходите, шепчите: я был вам и буду вам — верен,
Никому не открою я ваших священных имен!

К вашим ласковым пальцам прижму воспаленные веки,
К вашим грудям знакомым устало прильну головой..
Сестры! нежные сестры! я в детстве вам клялся навеки,
Только с вами я счастлив, и только меж вами я свой!

Затихает вдали успокоенный ропот отлива,
На волнах потухает змеиностей лунных игра,
И в венке маргариток, склонясь надо мной, торопливо
Мне рассказ о прожитом в разлуке — лепечет сестра.

12 февраля 1907

Из цикла «Вечеровые песни»

СУМЕРКИ

Горят электричеством луны
На выгнутых длинных стеблях;
Звенят телеграфные струны
В незримых и нежных руках;
Круги циферблатов янтарных
Волшебно зажглись над толпой,
И жаждущих плит тротуарных
Коснулся прохладный покой.
Под сетью пленительно-зыбкой
Притих отуманенный сквер,
И вечер целует с улыбкой
В глаза — проходящих гетер.
Как тихие звуки клавира —
Далекие ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять осените меня!

5 мая 1906

ФЕВРАЛЬ

Свежей и светлой прохладой
Веет в лицо мне февраль.
Новых желаний — не надо,
Прошлого счастья — не жаль.
Нежно-жемчужные дали
Чуть орумянил закат.
Как в саркофаге, печали
В сладком бесстрастии спят.

Нет, не укор, не предвестье
Эти святые часы!
Тихо пришли в равновесье
Зыбкого сердца весы.

Миг между светом и тенью!
День меж зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Песни, плывущей со мной.

31 января 1907

ВЕЧЕР СРЕДИ СНЕГОВ

Веет нежная прохлада
Наступающей зимы.
Тело свежести так радо!
Взорам белости так падо
В четкой раме полутьмы!

Над равниной яркоснежной
Месяц в небе ворожит.
Все, как в детстве, безмятежно;
Все, как в смерти, неизбежно,
Нет желаний, нет обид.

Путь мой вьется в беспечность
Меж полей, как мрак, пустых.
В думах милая беспечность,
И мечты ласкает встречность
Рифм знакомых и простых.

2 ноября 1907

БЫТЬ БЕЗ ЛЮДЕЙ

В лицо мне веет ветер нежащий,
На тучах алый блеск погас,
И вновь, как в верное прибежище,
Вступаю я в вечерний час.

Вот кто-то, с ласковым пристрастием,
Со всех сторон протянет тьму,
И я упыюсь недолгим счастьем:
Быть без людей, быть одному!

Май—июль 1907

Из цикла «На гранитах»

К ШВЕЦИИ

В этом море кто так щедро
Сев утесов разбросал,
Кто провел проливы в недра
Вековых скал?

Кто художник, словом дивным,
Возрастил угрюмый бор
По извивам непрерывным
Матовых озер?

Кто в безлунной мгле столетий,
Как в родной и верный дом,
Вел народ на камни эти
Роковым путем?

Кто, под вопли вьюги снежной,
Под упорный зов зыбей,
Сохранил сурово-нежный
Говор древних дней?

В час раздумий, в час мечтаний,
В тихий отдых от забот,
В свете северных сияний,
У мятежных вод,

Кто-то создал эту сказку
Про озера и гранит
И в дали веков развязку
Вымысла таит!

Сентябрь 1906

СТОКГОЛЬМ

Словно над глубями зеркала
Ты из гранита возник,
В зыби стремительной Мэлара
Свой разбивая двойник.

Сын вечно женственной родины,
Весь ты в любимую мать!
Трудно ль в осанке усвоенной
Нежность души угадать!

Ты, как сосна Далекарлии,—
Строен, задумчив и прям.
Годы тебя не состарили,
Снегом скользнув по кудрям.

Витязь пленительный Севера,
Ты головой не поник!
Весело в зеркале Мэлара
Твой ускользает двойник.

29 июля 1906. Stockholm

НА ГРАНИТАХ

Снова долгий тихий вечер.
Снова море, снова скалы.
Снова солнце искры мечет
Над волной роскошно-алой.

И не зная, здесь я, нет ли,
Чем дышу — мечтой иль горем,—
Запад гаснет, пышно-светел,
Над безумно светлым морем.

Им не слышен — им, бесстрастным —
Шопот страсти, ропот гнева.
Небо хочет быть прекрасным.
Море хочет быть — как небо!

Волны быстро низут кольца,
Кольца рдяного заката...
Сердце! сердце! успокойся:
Всё — навек, всё — без возврата!

20 июля 1906

В МОРЕ

Ночью светлой, ночью белой
Любо волнам ликовать,
Извиваться влажным телом,
Косы пенные взметать;

Хороводом в плавной пляске
Парус старый обходить,
За кормой играя в прятки,
Вить серебряную нить;

И в припадках краткой грусти
(Лентой длинной сплетены)
Подставлять нагие груди
Голубым лучам луны;

А потом, дрожа от счастья,
Тихо вскрикивая вдруг,
В глубину ронять запястья
С утомленных страстью рук.

1906

УГРЮМЫЙ ЧАС

На высях дремлет бор сосновый;
Глуха холодная волна;
Закат загадочно-багровый
В воде — горит, как сон лиловый;
Угрюмость, блеск и тишина.

Над гладью вод орел усталый
Качает крыльями, спеша.
Его тревожит отблеск алый,—
И вот на сумрачные скалы
Он пал, прерывисто дыша.

Ни паруса, ни дыма! Никнет
Свет, поглощаемый волной.
Порою только чайка крикнет
И белым призраком возникнет
Над озаренной глубиной.

Июль 1906

НА ГОТЛАНДЕ

Тощий мох, кустарник чахлый,
Искривленная сосна,
Камень, сумрачный и дряхлый,
Белой пыли пелена...

Древней пылью поседали
Можжевельник и гранит.
Этот мир достиг до цели
И, как мудрый старец, спит.

А за грядями обрывов
Волн восторженный разбег,
И на камнях, вдоль заливов,
Пена чистая, как снег.

Июль 1906

ВИСБИ

Старый Висби! Старый Висби!
Как твоих руин понятны —
Скорбь о годах, что погибли,
Сны о были невозвратной!

Снится им былая слава,
В море синем город белый,
Многошумный, многоглавый,
Полный смехом, полный делом;

Снится — в гавани просторной
Флот, который в мире славен,
Паруса из Риги, Кёльна,
С русских, английских окраин;

Снится звон веселый в праздник,
Звон двенадцати соборов,
Девы, всех цветков нарядней,
Площадь, шумная народом.

Жизнью новой, незнакомой
Не встревожить нам руины!
Им виденья грустной дремы
Сохранили мир старинный.

С ними те же кругозоры,
И все то же море к стенам
Стелет синие уборы
С кружевами белой пены.

Июль 1906

ПРИБОЙ

С шумом на белые камни
Черные волны находят,
Мерно вставая рядами,
Пенные головы клонят.

Море ночное — из дăли
Вал за валами торопит,
Белые камни — телами
Мертвых воителей кроет.

Морем упорным, полночным
Властвует дух-разрушитель:
С шумом покорным, немолчным
Волны идут на погибель.

Июль 1906
Висби

ЭХО

Между гор грохочет эхо
Убегающего поезда.
Лунный глаз то глянет слепо,
То опять меж сосен скроется.

Сумрак тайно сблизил ветви,
Сделал скалы смутно-серыми
И внизу развесил сети
Над проливами и шхерами.

Воздвигает ангел ночи
Храм божественного зодчества,
И прохлады веет в очи
Вечной тайной одиночества.

21 июля 1906

В ШХЕРАХ

Морской залив, вошедший в сушу
Так далеко,
Твою мечтательную душу
Понять легко!

Скале недвижимой и холодной
Ты весть принес,
Что есть безумье зыби водной
И буйство грез!

Но там, где сосны сонно-строги
И мягок мох,
Ты слил, без сил, свои тревоги
В единый вздох.

Приник лицом к зеленым склонам,
В истоме спишь,
И только чайки странным стоном
Тревожат тишь.

10—23 июля 1906
Nynäshamn (Нюнэсхемн)

Из цикла «В поле»

ВЕК ЗА ВЕКОВ

Взрывают весенние плуги
Корявую кожу земли,—
Чтоб осенью снежные выюги
Пустынный простор занесли.

Краснеет лукаво гречиха,
Синеет младенческий лен...
И вновь все белò и все тихо,
Лишь волки проходят как сон.

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрезает им грудь бороздой.

А древние пращурь зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

И дальше тропой неизбежной,
Сквозь годы и бедствий и смут,
Влечется, суровый, прилежный,
Веками завещанный труд.

Январь 1907

АВГУСТ

Здравствуй, август, венчан хмелем,
Смуглый юноша-сатир!
Мы ковры под дубом стелем,
Мы в лесу готовим пир!

Будь меж нами гость желанный
За простым лесным столом.
Груды груш благоуханны,
Чаши пенятся вином.

Заплелись багрянцы клена
В золотую ткань дубов,
Но за ними — небосклона
Синий круг без облаков.

Словно этот плод созрелый,
Лето соками полно!
Пей же с нами, чашей целой,
Вечно жгучее вино!

Ты, серпы точивший в поле,
Ты, поднявший первый цен,
Славь недели полной воли,
Новый плод и новый хлеб!

Август милый! отрок смуглый!
Как и мы, ты тоже пьян.
Свечерело. Месяц круглый
Озарил круги полян.

Мы не спорим, не ревнуем,
Припадая, как во сне,
Истомленным поцелуем
К обнажившейся спине.

1907

ОСЕННЕЕ ПРОЩАНИЕ ЭЛЬФА

В небе благодать, в небе радость, Солнце льет живую
 сладость, Солнцу — верность, Солнцу — вздох!
Но листок родного клена, прежде сочный и зеленый,
 наклонился и засох.

В небе снова ясность мая, облака уходят, тая, в завле-
 кательную даль.
Но часы тепла короче, холодней сырые ночи, отлетевших
 птичек жаль!

Ах! где тихо ропщут воды, вновь составить хороводы
 легких братьев и сестер!
Но никто не слышит зова, и гудит в ответ, сурово, поре-
 девший, строгий бор.

Веют струи аромата и по ниве, грустно сжатой, и по
 скошенным лугам,
Но ни бабочек блестящих, ни стрекоз, в луче дрожащих,
 не видать ни здесь, ни там!

Где вы, братья! сестры, где вы! наши пляски и напевы
 отзвенели, отошли!
Сгибнуть эльфам легкокрылым, вместе с августом унылым,
 вместе с прелестью земли!

Но сегодня в небе радость! Солнце льет, прощаясь, сла-
 дость! Солнцу — верность, Солнцу — вздох!
В миг последний, с тем же гимном, здесь, в лесу госте-
 приимном, упаду на серый мох!

Май 1907

Из цикла «Мгновения»

КОТОРЫЙ РАЗ

Опять весна. Знакомый круг
Замкнут — который раз!
И снова зелен вешний луг,
В росе — вечерний час.

Смотрю — как месяц в темный пруд —
В зрачки любимых глаз,
Уста к устам, дрожа, прильнут...
Прильнут — который раз!

И будет миг, как долгий сон,
Качать, баюкать нас.
Я странно счастлив, я влюблен...
Влюблен! — который раз!

И в стройных строфах вновь мечты
Поют — который раз!
А месяц смотрит с высоты —
Веков холодный глаз.

Февраль 1907

ГРУСТНЫЙ ВЕЧЕР

Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах.
Вспоминает вечер о далеких снах.

Ветер шепчет, шепчет грустно чье-то имя мне,
Звездам бесприютно в черной вышине,

Тот же ветер, гость осенний, все мечты унес.
В сумраке, как тени, образы берез.

Сумрак никнет, душу вяжет, вечер спит, я сплю.
В тишине кто скажет тихое: люблю!

Мрак все глуше; ночь уносит в мир иной мечты,
Но луна сияньем косит звездные цветы.

Черен сумрак, ветер умер, умер гул в дубах.
В тишине что думать о погибших снах!

Июль 1907

УСТАЛОСТЬ

Не дойти мне! не дойти мне! я устал! устал! устал!
Сушь степей гостеприимней, чем уступы этих скал!

Всюду камни, только камни! мох да горная сосна!
Грудь гранита, будь мягка мне! спой мне песню, тишина!

Вот роняю посох пыльный, вот упал, в пыли простерт.
Вот лежит, как прах могильный, тот, который был так
горд!

Может быть, за серым кряжем цель моих заветных дней...
Я не встану первым стражем у ее святых дверей!

Не склонюсь, целуя свято в храм ведущую ступень...
Злые завесы заката растянул над входом день.

Солнце канет за уступом, ночь протянет черный шолк,
И сюда за новым трупом поползет за волком волк.

Долго ль взор мой будет в силах отражать их натиск злой?
Стынет кровь в замерзших жилах! словно факел предо
мною!

Не дошел я! не свершил я подвиг свой! устал! упал!
Чу! шуршат угрюмо крылья духов мести между скал!

1907

Из цикла «Eros ànicate màchan»

ВСТРЕЧА

Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида,
в царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила, как Озириса Изида, друг, царица
и сестра!
И клонила пирамида тень на наши вечера.

Вспомни тайну первой встречи, день, когда во храме —
пляски увлекли нас в темный круг,
Час, когда погасли свечи и когда, как в странной сказке,
каждый каждому был друг,
Наши речи, наши ласки, счастье, вспыхнувшее вдруг!

Разве ты, в сияньи бала, легкий стан склонив мне в руки —
через завесу времен,
Не расслышала кимвала, не постигла гимнов звуки и
толпы ответный стон?
Не сказала, что разлуки — кончен, кончен долгий сон!

Наше счастье — прежде было, наша страсть — воспо-
минанье, наша жизнь — не в первый раз,
И, за временной могилой, неугасшие желанья с прежней
силой дышат в нас,
Как близ Нила в час свиданья, в роковой и краткий час!

1906. 1907

Из цикла «Мертвая любовь»

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Ранняя осень любви умирающей.
Тайно люблю золотые цвета
Осени ранней, любви умирающей.
Ветви прозрачны, аллея пуста,
В сини бледнеющей, веющей, тающей
Странная тишь, красота, чистота.

Листья со вздохом, под ветром, их нежащим,
Тихо взлетают и катятся вдаль
(Думы о прошлом в видении нежащем).
Жить и не жить — хорошо и не жаль.
Острым серпом, безболезненно режущим,
Сжаты в душе и восторг и печаль.

Ясное солнце — без прежней мятежности,
Дождь словно капли струящихся рос
(Томные ласки без прежней мятежности),
Запах, в садах, доцветающих роз.
В сердце родник успокоенной нежности,
Счастье — без ревности, страсть — без угроз.

Здравствуйте, дни голубые, осенние,
Золото лип и осин багрянец!
Здравствуйте, дни пред разлукой, осенние!
Бледный — над яркими днями — венец!
Дни недосказанных слов и мгновения
В кроткой покорности слитых сердец!

21 августа 1905

ХОЛОД

Холод, тело тайно сковывающий...
Холод, душу очаровывающий...

От луны лучи протягиваются,
К сердцу иглами притрагиваются.

В этом блеске все осилившая власть.
Умирает обескрылевшая страсть.

Все во мне — лишь смерть и тишина,
Целый мир — лишь твердь, и в ней луна.

Гаснут в сердце не взлелеянные сны,
Гибнут цветики осмеянной весны.

Снег сетями расстилающимися
Вьет над днями забывающимися,

Над последними привязанностями,
Над святыми недосказанностями!

13 октября 1906

Из цикла «Обреченный»

ОСЕНЬЮ

Небо ярко, небо сине
В чистом золоте ветвей,
Но струится тень в долине.
И звенит вокруг чуть слышно
Нежный зов — не знаю чей.

Это призрак или птица
Бело реет в вышине?
Это осень или жрица,
В ризе пламенной и пышной,
Наклоняет лик ко мне?

Слышу, слышу: ты пророчишь!
Тихий путь не уклоня,
Я исполню все, что хочешь!
Эти яркие одежды —
Понял, понял — для меня!

Это ты — на смертном ложе
Ждешь покорного тебе!
Пусть же тень ложится строже!
Я иду, закрывши вежды,
Верен Тайне и Судьбе.

29 сентября 1907

LA BELLE DAME SANS MERCI

Я не покрыл лица забралом,
Не поднял твердого щита, —
Я ждал один, над темным валом,
Где даль безмолвна и пуста.

Я звал: «Стрела чужого стана,
Взнесись и жизнь мою скоси!
Ты мне предстань во мгле тумана,
La belle Dame sans merci!»

Свершал я тайные обряды
Пред алтарем в молчаньи зал.
Прекрасной Дамы без пощады .
Я вечный призрак заклинал:
«Явись, как месяц над печалью,
Мой приговор произнеси,
Пронзи мне сердце верной сталью,
La belle Dame sans merci!»

Встречал я лик, на твой похожий,
За ним стремил покорный путь,
Как на костер, сходил на ложе,
Как в плаху, поникал на грудь.
«Сожги меня последней страстью
Иль в строгий холод вознеси,
Твоей хочу упиться властью,
La belle Dame sans merci!»

Но шла ты год за годом — мимо,
Недостижимой, неземной.
Ни разу ты, неумолимой,
Как Рок, не стала предо мной!
Приди, — огнем любви и муки
Во мне все жажды погаси
И погрузи мне в сердце руки,
La belle Dame sans merci!

27 ноября 1907

Из цикла «В эпическом роде»

ЖИЗНЬ

Безликая, она забыла счет обличий:
Подсказывает роль любовнику в бреду,
И коршуна влечет над нивами к добыче,
И гидре маленькой дает дышать в пруду.

В пустыне выжженной встает былинкой смелой,
В ничтожной капельке селит безмерный мир,
Рождает каждый миг, влетает тело в тело,
И семена существ проносит чрез эфир!

Прильну ли к толще скал, к потокам припаду ли
В земле и в воздухе, как стуком молотков,
Мне отвечает Жизнь, и, в неумолчном гуле
Ее живых работ, мир неизменно нов!

От грозных пирамид и гордых библиотек
До гор, воздвигнутых из ракушек морских,
От криков дикаря, метнувшего свой дротик,
До черного червя, который мудро тих,—

Сверкает жизнь везде, грохочет жизнь повсюду!
Бросаюсь в глубь веков,— она горит на дне...
Бегу на высь времен,— она кричит мне: буду!
Она над всем, что есть; она — во всем, во мне!

О братья: человек! бацилла! тигр! гвоздика!
И жители иных непознанных планет!
И духи тайные, не кажущие лика!
Мы все — лишь беглый блеск на вечном море лет!

Март 1907

Из цикла «Надписи к гравюрам»

I. ЗА УТЕСОМ

Плыви, плыви рекой волнистой!
Мы за утесом стережем
И в знойный час и в вечер мгlistый
С кинжалом, луком и копьем.

Купец богатый, странник скудный,
Из Рима робкий пилигрим,—
Вы все, с отвагой безрассудной,
Скользите лоном голубым.

Сияет солнце, воздух нежит,
Вода как ясное стекло,
Но визг стрелы мечты прорсжет,—
И кормщик выронит весло!

Что юный гость? что путник старый?
Вся жизнь твоя свелась на вскрик!
Сбирай весь год свои товары,
Ты с прибылью простишься вмиг!

Плывите, люди, мимо! мимо!
Вас жизнь влечет, вас манит твердь,—
Но мы вас ждем неумолимо:
Мы — тайна! мы — беда! мы — смерть!

27 февраля 1906

II. ОСВОБОЖДЕНИЕ

К стене причалил челн полночный,
Упали постли из окна,
И вот по лестнице непрочной
Скользнула с высоты Она.

Дрожа от счастья и тревоги,
За мигом миг следили мы,—
Пока Ее коснулись ноги
До тихо зыблемой кормы!

Я принял, как святыню, в руки
Ее, закрытую фатой,
И весел — были тихи звуки,
И челн — был призрак над водой.

Она не молвила ни слова
И не явила нам лица,
Но громче ропота морского
Стучали сильные сердца!

И, наклоня лица ниже,
Сжав рукояти шпаг своих,
Мы знали все, что ближе, ближе
Час поединков роковых.

3 марта 1906

Из цикла «Видения»

ПОВОЛЬНИК

Здравствуй, буйная ватага, удалых голов друзья!
Вот и снова я — бродяга, вот опять — повольник я!

Я в затворах жил подолгу, выпил чашу рабской доли,
Но я молод — видя Волгу, я могуч — под ветром с воли!

Повинуйтесь, братцы, кличу, становитесь в бранный круг!
Как бывало, на добычу поведу за стругом струг.

Ах, как сладки лязги сабли! как бессильно свистят пули!
Что, удар мой не ослаб ли? голос слышен ли и в гуле?

А теперь дели, что взято! всем по ровну, без греха!
Горстью мерь серебро и золото, а на локоть мерь меха.

Спрятав знатные товары, мы костер зажжем над плёсом,
Будут звонко вторить чары нашим песням стоголосым;

А когда луна остудит волны Волги и песок,
Всем по очереди будет с полоняночкой часок!

20 мая 1907

ГОЛОС МЕРТВОГО

На заре вечерней, в трауре,
Ты куда спешишь, девица?
Соловей свистит на яворе,
Месяц в озеро глядится.

Ты бледна на старом кладбище,
Над моим крестом склоненным.
Ах, не здесь, не здесь свой клад ищи:
Кто-то ждет в саду, под кленом!

Слез мне жаль, печально тающих
На земле, на сером камне!
Стань счастливой, стань сияющей,—
Будешь более верна мне!

Если б вышел из могилы я,
Праздником всю жизнь я б сделал,
Целовал улыбки милые,
Только б счастье ласки ведал!

Что здесь? гроб, да прах, да тление!
А кругом, сквозь смерть, я чую —
Всё веселие весеннее,
Волю бабочек живую,—

Радость луга, распростертого
Под лучами — солнце ясное...
Помни, помни голос мертвого:
Лишь одно люби прекрасное!

1906

ПОБЕГ ПАСТУХА

На этой ели благосклонной
Покойся, ветхая свирель!
С тобой я пел и хмель влюбленный,
И вечер, страстью опаленный,
И душу бури, и апрель.

Но тщетно грезы ожидали
Найти усладу в звуках тех.
Они молили и рыдали,
Но в тайне дум сияли дали
Иных скорбей, иных утех.

Простите, лилии долины!
Речная зыбь! стада овец!

Туда, где горы исполины,
Где гул лавин, где лет орлиный,
Идет задумчивый певец.

Гость молчаливый, бессловесный,
Вхожу, Природа, в замок твой
И буду, со скалы отвесной,
В долине видеть дар безвестный:
Свирель на ели вековой.

1908

Из цикла «Женщины»

НАША ТЕНЬ

Наша тень выростала в длину тротуара
В нерешительный час догоравшего дня.
И лишь уголья тлели дневного пожара
В отдалении за нами — без сил, без огня.

Наша тень подымалась на стены строений,
То кивала с простенков, то падала вновь
И ловила мои утомленные пени,—
Что костер догорел, что померкла любовь.

Засветились огни; наша тень почернела;
Отбегала назад и росла впереди,
Угадала, как я прошептала несмело:
«Если больше не любишь, так что ж,— уходи!»

Ослепил нас фонарь сине-газовым светом,
И, растаяв внезапно у ног без следа,
Наша тень засмеялась над тихим ответом,
Над неожиданным ответом: «Прощай... Навсегда!..»

2—3 апреля 1906

В ТОМ ЖЕ ПАРКЕ

Здравствуй, листик, тихо падающий,
Словно легкий мотылек!
Здравствуй, здравствуй, грустью радующий,
Предосенний ветерок!

Нежно гаснет бледно-палевая
Вечереющая даль.
Словно в лодочке отчаливая,
Уношусь в мою печаль.

Все как было: тиховеющие
Липы слабо шелестят,
В нишах зелени белеющие
Кротко статуи глядят.

Ясно гаснет отуманенная
Заводь сонного пруда,
Сердце, словно птица раненая,
Так же бьется, как тогда.

Здесь, вот здесь, в стыдливой длительности
Слили мы уста в уста.
Как же нет былой действительности?
Он не тот? иль я не та?

Выхожу в аллею липовую,
Где сказал он мне: я твой!..
И не плачу, только всхлипываю,
Шелестя сухой листвой.

Но не длить мечту застенчивую
В старый парк пришла я вновь:
Тихой грустью я увенчиваю
Опочившую любовь!

12—13 апреля 1906

Из цикла «В городе»

ГОРОДУ

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — не слабеющий магнит.

Драконом, хищным и бескрылым,
Засев — ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода.

Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта,
В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для статуй, для картин, для книг;

Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов — орду,
И плешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И в ночь, когда в хрустальных залах
Хохочет огненный Разврат,
И нежно пенится в бокалах
Мгновений сладострастных яд,—

Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, иступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.

Коварный змей, с волшебным взглядом!
В порыве ярости слепой,
Ты нож, своим смертельным ядом,
Сам подымашь над собой.

1907

ВЕЧЕРНИЙ ПРИЛИВ

Кричат афиши пышно-пестрые,
И стонут вывесок слова,
И магазинов светы острые
Язвят, как вопли торжества.

Там спят за стеклами материи,
Льют бриллианты яркий яд,
И над звездой червонцев — серии
Сияньем северным горят.

Прорезан длинными колодцами
Горящих улиц,— город жив,
Киша бесчисленными уродцами,
Вечерний празднует прилив.

Скрыв небеса с звездами чуткими,
Лучи синеют фонарей —
Над мудрецами, проститутками,
Над зыбью пляшущих людей.

Кадрилей нарушая линии,
Меж пар кружащихся — звеня,
Трамваи мечут молнии синие,
Автомобили — сноп огня.

Позор под музыку колесную,
Вознес смычок, как дирижер,
И слил толпу многоголосную
В единый и священный хор:

«Мы славим, Прах, Твое Величество,
Тебе ведем мы хоровод,
Вкруг алтарей из электричества,
Вонзивших копыя в небосвод!»

Апрель—декабрь 1906

Из цикла «Оды и послания»

ХВАЛА ЧЕЛОВЕКУ

В мире много сил великих,
Но сильнее человека
Нет в природе ничего.

Софокл

Πολλα τα δεινα. σοφοκλος

(Во многом — великий. *Софокл.*)

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.

Вечно властен, вечно молод,
В странах Сумрака и Льда,
Петь заставил вещей молот,
Залил блеском города.

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

В древних вольных Океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.

Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов,

И шипя под хрупким шаром,
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь насытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств,—

Но, отважный, со стихией
После бьешься, с грудью грудь,
Чтоб еще над новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Верю, дерзкий! ты поставишь
По Земле ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь
Бег планеты меж светил,—

И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!

1 декабря 1906

Из цикла «Правда вечная кумиров»

ДЕДАЛ И ИКАР

Д е д а л

Мой сын! мой сын! будь осторожен,
Спокойней крылья напрягай,
Под ветром путь наш ненадежен,
Сырых туманов избегай.

И к а р

Отец! ты дал душе свободу,
Ты узы тела разрешил.
Что ж медлим? выше! к небосводу!
До вечной области светил!

Д е д а л

Мой сын! мы вырвались из плена,
Но пристань наша далека:
Под нами — гривистая пена,
Над нами реют облака...

И к а р

Отец! Что облака! Что море!
Удел наш — воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе,
Метаться в даях без границ!

Д е д а л

Мой сын! Лети за мною следом,
И верь в мой зрелый зоркий ум.
Мне одному над морем ведом
Воздушный путь до белых Кум.

И к а р

Отец! К чему теперь дороги!
Спеши насытить счастьем грудь!
Вторично не позволят боги
До сфер небесных досягнуть!

Д ё д а л

Мой сын! Не я ль убор пернатый
Сам прикрепил к плечам твоим!
Взлетим мы дважды, и трикраты,
И сколько раз ни захотим!

И к а р

Отец! Сдержать порыв нет силы!
Я опьянел! я глух! я слеп!
Взлетаю ввысь, как вглубь могилы,
Бросаюсь к солнцу, как в Эреб!

Д ё д а л

Мой сын! мой сын! Лети серединой,
Меж первым небом и землей...
Но он — над стаей журавлиной,
Но он — в пучине золотой!

О юноша! презрев земное,
К орбите солнца взнесся ты.
Но крылья растопились в зное,
И в море, вечно голубое,
Безумец рухнул с высоты.

1 апреля 1908

ОДИССЕЙ

Певцами всей земли прославлен
Я — хитроумный Одиссей,
Но дух мой темен и отравлен,
И в памяти гнездится змей.

Я помню день — как щит лазурный,
И зелень вод и белость пен,
Когда стремил нас ветер безбурный
К нагому острову сирен.

Их угадав на камне плоском
И различив прибрежный гул,—
В руках согретым мягким воском
Я слух товарищей замкнул.

Себя же к мачте корабельной
Я дал покорно привязать,
Чтоб песни лирной и свирельной
Соблазн опасный испытать.

И все мечта предугадала!
Когда, в тиши морских пустынь,
Вонзая сладостные жала,
Песнь разлилась полубогинь,—

Вдруг уязвленный мукой страстной,
С одной мечтой — спешить на зов,
Из тесных уз рвался напрасно
Я, доброволец меж рабов!

И наш корабль пронесся мимо,
Сирены скрылись вдалеке,
Их чар избег я невредимо...
Но нет конца моей тоске!

Зачем я был спокойно-мудрым,
Провидел тайны вод седых,
Не вышел к девам темнокудым
И не погиб в объятьях их!

Чтоб вновь изведать той отравы,
Вернуть событий колесо,
Я отдал бы и гимны славы,
И честь, и ложе Калипсо!

1907

ЭНЕЙ

К встающим башням Карфагена
Нептуна гневом приведен,
Я в узах сладостного плена
Дни проводил, как дивный сон.

Ах, если боги дали счастье
Земным созданиям в удел,
В те дни любви и сладострастья
Я этой тайной овладел!

И быть всю жизнь в такой неволе —
Царицы радостным рабом —
Душе казалось лучшей долей
И всех былых трудов венцом!

И ночь была над сонным градом...
Был выпит пламенный фиал...
В тиши дворца, с царицей рядом,
На ложе царском я дремал.

Еще я помнил вздохи, стоны,
Весь наш порыв — в неясном сне,
И грудь горячая Дидоны
Все льнула трепетно ко мне...

И вот — внезапный свет сквозь тени
И шелест окрыленных ног.
Над ложем сумрачным — Циллений
Склоняет посох, вестник-бог.

«Внемли, — вещает, — сын богини!
Ты медлишь, но не медлит Рок!
Ты избран был хранить святыни,
И подвиг твой в веках высок.

Земная страсть да спит в герое!
Тебе ль искать ливийских нег,
Когда ты призван — Новой Трои
Взрастить торжественный побег?

Узнай глаголы Громовержца:
Величью покоришься, плыви
К пределам Итала, — из сердца
Исторгнув помыслы любви!»

Виденье скрылось, как зарница,
И голос замер, как мечта.
Сквозь сон, открыв глаза, царица
Ко мне приподняла уста...

Но я, безумный, с ложа прынул,
Я отвратил во тьму глаза.
И утром трубный голос грянул,
И флот наш поднял паруса.

Сентябрь 1908

Из цикла «Приветствия»

К МЕДНОМУ ВСАДНИКУ

В морозном тумане белеет Исакий,
На глыбе оснеженной высится Петр.
И люди проходят в дневном полумраке,
Как будто пред ним выступая на смотр.

Ты так же стоял здесь, обрызган и в пене,
Над темной равниной взмутьившихся волн;
И тщетно грозил тебе бедный Евгений,
Охвачен безумием, яростью полн.

Стоял ты, когда между криков и гула
Покинутой рати ложились тела,
Чья кровь на снегах продымилась, блеснула
И полюс земной растопить не могла!

Сменяясь, шумели вокруг поколенья,
Вставали дома, как посевы твои...
Твой конь попирал, с беспощадностью, звенья
Бессильно под ним изогнутой змеи.

Но северный город — как призрак туманный,
Мы, люди,— проходим, как тени во сне.
Лишь ты, сквозь века, неизменный, венчанный,
С рукою простертой летишь на коне.

*24—25 января 1906
Петербург*

К СОБОРУ КЕМПЭРА

Я был разорван мукой страстной,
Язвим извилистой тоской,
Когда безмерный, но безгласный,
Во тьме ты вырос предо мной.

Созданье канувших столетий!
Вонзая в небо две иглы,
Ты встал при тихом звездном свете,
Как властелин окрестной мглы.

Моим мечтам, всегда тревожным,
Моей бессильной воле — ты
Сказал без слов о невозможном
Слияньи силы и мечты!

Меня сдавил ты, неотступный,
Всей тяжестью былых времен,
И был я, жалкий и преступный,
Твоим величием обличен!

И вот — бродяга безымянный
На темной площади поник
Перед тобой, старик венчанный,
Как пред Изидой ученик.

1/14 сентября 1908
Кемпер

НА ФОРУМЕ

Не как пришлец на римский форум
Я приходил — в страну могил,
Но как в знакомый мир, с которым
Одной душой когда-то жил.

И, как во сне родные тени,
Встречал я с радостной тоской
Базилик рухнувших ступени
И плиты древней мостовой.

А надо мною, как вершина
Великих, пройденных веков,
Венчали арки Константина
Руину храмов и дворцов.

Дорог строитель чудотворный,
Народ Траяна! Твой завет,
Спокойный, строгий и упорный,
В гранит и мрамор здесь одет.

Твоих развалин камень каждый
Напоминает мне — вести
К мете, намеченной однажды,
Среди пустынь свои пути.

Август 1908
Рима

НАД ОКЕАНОМ

ОТЛИВ

Волной, как щупальцем огромным,
Ты осязаешь землю. Ночь
Темнеет над тобою, темным,
Но ты, с лобзаньем скорбно-скромным,
От смуглых скал отходишь прочь.

Громадный, страшный, всемогущий!
Ты кроешь грозный вид лица.
От века и до ныне сущий,
Ты, этой ночью, бард поющий
О тихой сладости конца.

Я вижу: древние граниты
Разбиты ревностью твоей.
Я знаю: пьяный и сердитый,
Ты мечешь каменные плиты,
Как речка груды голышей.

Но зов отлива полон ласки,
Сквозь сумрак манит и томит,
И я готов, поверив сказке,
Бежать к тебе, вмешаться в пляски
Твоих бессмертных nereid.

ПРИЛИВ

Пробил час. Ты вновь безволен,
Вновь, взыграв, бежишь к земле.
Обезличен, обездолен,
Беспощадной страстью болен,
Тяжкой грудью льнешь к скале.

Что ты хочешь, дикий, пьяный
Лаской бешеных зыбей?
Что крутишь песок багряный?
Что вонзаешь зубы в раны
Ты — возлюбленной своей?

Громоздя на стены стены,
Рушишь ты за валом вал.
Но, всегда страшась измены,
Покрывалом белой пены
Кроешь плечи смуглых скал.

Поспешив, с протяжным ревом,
В их объятья вновь упасть,
Ты встаешь, с усилием новым,
Все несатым, все готовым
Утолять глухую страсть.

Стой! Без сил и без движенья,
Вся земля — как труп немой.
Что ж ты, в буйстве вожделенья,
Мечешь ей в лицо каменья
И крушишь ее собой.

Сентябрь 1908
Saint Jean de Luz

Из цикла «Современность»

СЛУЖИТЕЛЮ МУЗ

Свой хор заветный водят музы
Вдали от дольных зол и бед,
Но ты родные Сиракузы
Люби, как древле Архимед!

Когда бросает ярость ветра
В лицо нам вражьи знамена,—
Сломай свой циркуль геометра,
Прими доспех на рамена!

И если враг пятой надменной
На грудь страны поникшей стал,—
Забудь о таинствах вселенной,
Поспешно отточь кинжал!

Священны миги роковые,
В порыве гнева тайна есть,
И лик склоняет Урания,
Когда встает и кличет Месть!

Пусть боги смотрят безучастно
На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!

Ночь на 1 сентября 1907

ФЛОРЕАЛЬ 3-го ГОДА

Первый голос

— Отзвенели дни зимы.
Вновь лазурью дышим мы,
Сердцу сердца снова жаль,—
Манит сладкий флореаль!
Выходи, желанный друг,
За фиалками на луг.

Другой

— В черной буре наших дней
Быть нам вспышками огней!
Нам во вражеских рядах
Сеять смерть и сеять страх!
Кратки сроки, труд велик,
Стоит века каждый миг!

Первый голос

— Ах! не жизнь ли коротка?
Ломок стебель василька;
Как волна, неверен день...
Там, где ива клонит тень,
Мы, сокрытые вдвоем,
Губы юные сомкнем!

Другой

— Новый мир — как страшный сон —
Пред столетьями зажжен!
Дуб и кедр с высоких гор
Повергаем мы в костер!
Словно углю, дай и мне
Вспыхнуть в яростном огне!

29 января 1907

КОМУ-ТО

Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был!
Спеши! настал последний час!
Корабль исканий в гавань прибыл,
Просторы неба манят нас!

Над поколением пропела
Свой вызов пламенная медь,
Давая знак, что косность тела
Нам должно волей одолеть.

Наш век вновь в Дедала поверил,
Его суровый лик вознес
И мертвым циркулем измерил
Возможность невозможных грез.

Осуществители, мы смеем
Ловить пророчества в былом,
Мы зерна древние лелеем,
Мы урожай столетий жнем.

Так! мы исполним завещанье
Великих предков. Шар земной
Мы полно примем в обладанье,
Гордясь короной четверной.

Пусть, торжествуя, вихрь могучий
Взрезают крылья корабля,
А там, внизу, в прорывах тучи,
Синеет и скользит земля!

1908, 2 сентября.
Vannes

Из цикла «Послания»

М. А. ВРУБЕЛЮ

От жизни лживой и известной
Твоя мечта тебя влечет
В простор лазурности небесной
Иль в глубину сапфирных вод.

Нам недоступны, нам незримы,
Меж сонмов вопиющих сил,
К тебе нисходят серафимы,
В сиянье многоцветных крыл.

Из теремов страны хрустальной,
Покорны сказочной судьбе,
Глядят лукаво и печально
Наяды, верные тебе.

И в час на огненном закате
Меж гор предвечных видел ты,
Как дух величий и проклятий
Упал в провалы с высоты.

И там, в торжественной пустыне,
Лишь ты постигнул до конца
Простертых крыльев блеск павлиний
И скорбь эдемского лица!

9 января 1906

НАЧИНАЮЩЕМУ

...доколь в подлунном мире
Жив будст хоть один пиит.

А. Пушкин

Нет, мы не только творцы, мы все и хранители тайны!

В образах, в ритмах, в словах есть откровенья веков.

Гимнов заветные звуки для слуха жрецов не случайны,

Праздный в них различит лишь сочетания слов.

Пиндар, Вергилий и Данте, Гёте и Пушкин — согласно

В явные знаки вписали скрытых намеков черты.

Их угадав, задрожал ли ты дрожью предчувствий
неясной?

Нет? так сними свой венок: чужд Полигимнии ты.

1906

Из цикла «Заключение»

СЕЯТЕЛЬ

Я сеятеля труд, упорно и сурово,
Свершил в краю пустом,
И всколосилась рожь на нивах; время снова
Мне стать учеником.
От шума и толпы, от славы и приветствий
Бегу в лесной тайник,
Чтоб снова приникать, как в отдаленном детстве,
К тебе, живой родник!
Чтоб снова испытать раздумий одиноких
И огненность и лед.
И встретить странных грез, стокрылых и стооких,
Забытый хоровод.
О радость творчества, свободного, без цели,
Ко мне вернешься ты!
Мой утомленный дух проснется в колыбели
Восторженной мечты!
Вновь, как Адам в раю, неведомым и новым
Весь мир увижу я
И буду заклинать простым и вещим словом
Все тайны бытия!

1907

ЗВЕЗДА

В дни юности, на светлом небе
Признал я вещь звезду,
И принял выпавший мне жребий,
И за моей звездой иду.

И в темном мире, год за голом,
Меня кружит и водит Рок.
Я видел пред эдемским входом
Огнем пылающий клинок;

Я слепнул в нестерпимом блеске
Воздвигнутых Содомом зал;
Я грустной повести Франчески
В стране, где нет надежд, внимал...

Зачем же в лабиринт всемирный
Тяну я дальше нить свою?
Кому я ладана, и смирны,
И злата — царский дар таю?

Не даст ответа светоч горний...
Ад пройден, и за мной Эдем...
И все спокойней, все покорней
Иду я в некий Вифлсеem.

/1906/

ФАЭТОН

Как в полдень колесница Фсба
Стоит на ясной высоте
По крутизне земного неба
И я взнесен к своей мете.

Я вижу с вечного зенита
Со всех сторон отвесный скат,
И мне одна стезя открыта:
Дуга крутая на закат!

Быть может, коней не сдержу я,
Как древле оный Фаэтон,
И звери кинутся, ликуя,
Браздить горящий небосклон.

Тогда, Кронион, суд исполни
И гибелью покрой мой стыд:
Пусть, опален зубцами молний,
Паду к ногам Океанид.

Август 1906

Из книги
«ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ»
1909—1912

Из цикла «На груди земной»

ВЕСЕЛЫЙ ЗОВ

Веселый зов весенней зелени,
Разбег морских надменных волн,
Цветок шиповника в расселине,
Меж туч луны прозрачный челн,
Весь блеск, весь шум, весь говор мира,
Соблазны мысли, чары грез,—
От тяжелой поступи тапира
До легких трепетов стрекоз,—
Еще люблю, еще приемлю
И ненасытною мечтой
Слежу, как ангел дождевой
Плодотворит нагую землю!

Какие дни мне предназначены
И в бурях шумных и в тиши?..
Но цел мой дух, и не растрчены
Сокровища моей души!
Опять поманит ли улыбкой
Любовь, подруга лучших лет,
Иль над душой, как влага зыбкой,
Заблещет молний синий свет,—
На радости и на страданья
Живым стихом отвечу я,
Ловец в пучине бытия
Стоцветных перлов ожиданья!

Приди и ты, живых пугающий,
Неотвратимый, строгий час,
Рукой холодной налагающий
Повязку на сиянье глаз!

В тебе я встречу новый трепет,
Твой лик загадочный вопью,—
Пусть к кораблю времен прицепит
Твоя рука мою ладью.
И, верю, вечностью хранимый,
В тех далях я узнаю вновь
И страсть, и горечь, и любовь,
Цвет дня, чернь ночи, вёсны, зимы!..

/1910/

НА ВЕЧЕРНЕМ АСФАЛЬТЕ

Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!
В этой толпе неисчетной,
Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.

В этой толпе неисчетной
Что я? — лишь отзвук других.
Чуткое сердце трепещет:
Стоя вековой, безотчетный
В нем превращается в стих.

Чуткое сердце трепещет
Трепетом тонкой струны,
Слышит таинственный ропот...
Шар электрический блещет
Мертвым лучом с вышины.

Слышит таинственный ропот
Сердце в молчаньи толпы.
Здесь, на вечернем асфальте,
Словно предчувствие — топот,
Даль — словно в вечность тропы!

Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.
Что я? — лишь отзвук случайный
Древней, мучительной тайны!
Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!

25 июня 1910

КОВАРНОСТЬ

Снова, с тайной благодарностью,
Глубоко дышу коварностью
В сердце льющейся весны,
Счастье тихое предчувствую
И живой душой сопутствую
Птицам в даях вышины.

Снова будут сны и радости!
Разольются в поле сладости
Красных кашек, свежих трав.
С тихим гимном вечной прелести
Будут мошки реять в шелесте
Им сочувственных дубрав.

Снова ночи обнаженные
Заглядятся в воды сонные,
Чтоб зардеться на заре.
Тучка легкая привесится
К золотому рогу месяца,
Будет таять в серебре.

Эти веянья и таянья,
Эти млеянья и чаянья,
Этот милый, майский шум,
Нежа душу в беспредельности,
Возвращают тайну цельности
Снов и мира, слов и дум...

1911

* * *

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить хочу, я жизнь люблю!

А. Пушкин

Идут года. Но с прежней страстью,
Как мальчик, я дышать готов —
Любви неотвратимой властью
И властью огненных стихов.
Как прежде, детски верю счастью
И правде переменных снов!

Бывал я, с нежностью, обманут
И, с лаской, дружбой оскорблен,—
Но строфы славить не устанут
Мечты и страсти сладкий сон.
Я говорю: пусть розы вянут,
Май будет ими папоп!

Все прошлое мне только снилось,
Разгадка жизни — впереди!
Душа искать не утомилась,
И сердце — дрожью жить в груди.
Пусть все свершится,— что б ни сбылось!—
Грядущий миг,— скорей приди!

Вновь, с рыбаком, надежды полный,
Тая восторженную дрожь,
В ладье гнилой, бросаюсь в волны.
Гроза бушует вкруг. Так что ж!
Не бойся, друг! пусть гибнут челны:
Ты счастье Цезаря везешь!

2 ноября 1911

Из цикла «Под мертвой луною»

В МОЕЙ СТРАНЕ

В моей стране — покой осенний,
Дни отлетевших журавлей,
И, словно строгий счет мгновений,
Проходят облака над ней.

Безмолвно поле, лес безгласен,
Один ручей, как прежде, скор.
Но странно ясен и прекрасен
Омытый холодом простор.

Здесь, где весна, как дева, пела
Над свежей зеленью лугов,
Где после рожь цвела и зрела
В святом предчувствии серпов,

Где ночью жгучие зарницы,
Порой, влюбленных стерегли,
Где в августе склоняли жницы
Свой стан усталый до земли,—

Теперь торжественность пустыни
Да ветер, бьющий по кустам,
А неба свод, глубоко-синий,—
Как купол, увенчавший храм!

Свершила ты свои обеты,
Моя страна! и замкнут круг!
Цветы опали, песни спеты,
И собран хлеб, и скошен луг.

Дыши же радостным покоем
Над миром дорогих могил,

Как прежде ты дышала зноем,
Избытком страсти, буйством сил!

Насыться миром и свободой,
Как раньше делом и борьбой,—
И зимний сон, как всей природой,
Пусть долго властвует тобой!

С лицом и ясным и суровым
Удары снежных вихрей встретить,
Чтоб иль воскреснуть с майским зовом,
Иль в неге сладкой умереть!

21 октября 1909

ЗЕРНО

Лежу в земле, и сон мой смутен...
В открытом поле надо мной
Гуляет, волен и беспутен,
Январский ветер ледяной.

Когда стихает ярость бури,
Я знаю: звезд лучистый взор
Глядит с темнеющей лазури
На снежный мертвенный простор.

Порой во сне, сквозь толщ земную,
Как из другого мира зов,
Я глухо слышу, жутко чую
Вой голодающих волков.

И бредом кажется бывшее:
Когда под солнечным лучом
Качалось поле золотое,
И я был каплей в море том.

Иль день, когда осенней нивой
Шел бодрый сеятель, и мы
Во гроб ложились терпеливо
Ждать торжествующей зимы.

Лежу в могиле, умираю,
Молчанье, мрак со всех сторон...
И все трудней мне верить маю,
И все страшней мой черный сон...

11 ноября 1909

Из цикла «Родные степи»

ПО МЕЖЕ

Как ясно, как ласково небо!
Как радостно реют стрижи
Вкруг церкви Бориса и Глеба!

По горбику тесной межи
Иду и дышу ароматом
И мяты и зреющей ржи.

За полем усатым, не сжатым,
Косами стучат косари.
День медлит пред ярким закатом...

Душа, насладись и умри!
Все это так странно знакомо,
Как сон, что ласкал до зари.

Итак, я вернулся, я — дома?
Так здравствуй, июльская тишь,
И ты, полевая истома,

Убогость соломенных крыш
И полосы желтого хлеба!
Со свистом проносится стриж

Вкруг церкви Бориса и Глеба.

1910

УСАДЬБЫ

В полях забытые усадьбы
Свой давний дозируют сон.
И церкви сельские, простые
Забыли про былые свадьбы,
Про роскошь барских похорон.

Дряхлеют парки вековые
С аллеями душистых лип.
Над прудом, где гниют беседки,
В тиши, в часы вечеровые,
Лишь выпи слышен зыбкий всхлип.

Выходит месяц, нежит ветки
Акаций, нежит робость струй.
Он помнит прошлые затеи,
Шелк, кружева, на косах сетки,
Смех, попот, быстрый поцелуй.

Теперь все тихо. По аллее
Лишь жаба, волочась, ползет
Да еж проходит осторожно...
И все бессильней, все грустнее
Сгибаются столбы ворот

Лишь в бурю, осенью, тревожно
Парк стонет громко, как больной,
Стряхнуть стараясь ужас сонный...
Старик! жить дважды невозможно
Ты вдруг проснешься, пробужденный
Внезапно взвизгнувшей пилой.

1910 — 1911

В ЛЕСУ

На сухой осине серая ворона,
Поле за оврагом, отдаленный лес,
Серый молочайник у крутого склона,
Мухомор на кочке, вздутый, словно бес.

Грустно, нелюдимо, пусто в мире целом,
Колеи дороги поросли травой,
Только слабо в небе, синевато-белом,
Виден дым далекий, верно над избой.

Взором утомленным вижу в отдаленьи
Разноцветный веер недожатых нив,
Где-то есть жилище, где-то есть селенье,
Кто-то здесь, в просторах, уцелел и жив...

Или я чужой здесь, в этой дикой шири,
Одинок, как эта птица на суку,
Говорящий странник в молчаливом мире,
В даль полей принесший чуждую тоску?..

июль 1911

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Синие чистые дали
Между зеленых ветвей
Бело-молочными стали...
Ветер играет смелей.

Говор негромкого грома
Глухо рокошет вдали...
Все еще веет истома
От неостывшей земли.

Птицы кричали и смолкли;
С каждым мгновеньем темней.
В небо выходит не полк ли
Сумрачных страшных теней?

Вновь громовые угрозы,
Молнии резкий зигзаг.
Неба тяжелые слезы
Клонят испуганный мак.

Ливень, и буря, и где-то
Солнца мелькнувшего луч...
Русское, буйное лето,
Месяцы зноя и туч!

1911

ДОМА

И снова давние картины
(Иль только смутные мечты):
За перелеском луговины,
За далью светлые кресты.

Тропинка сквозь орешник дикий
С крутого берега реки,
Откос, поросший повиликой,
И в черных шапках тростники.

В воде виляющие рыбы,
Над ней мелькание стрекоз;
Далеко видные изгибы
Реки, ее крутой откос.

А дальше снова косогоры,
Нив лучевидных кругозор,
Пустые, сжатые просторы
И хмурый, синеватый бор.

И первый плуг в далеком поле
В сопровожденьи бороны...
Виденья давней, детской волн,—
Иль только радостные сны.

27 июля 1910

Из цикла «Страсти сны»

* * *

Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастию назло.
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело!

М. Лермонтов

И снова я, простерши руки,
Стремглав бросаюсь в глубину,
Чтоб испытать и страх и муки,
Дробя кипящую волну.

Влеки меня, поток шумящий,
Бросай и бей о гребни скал,
Хочу тоски животворящей,
Я по отчаянью взалкал!

Ах, слишком долго, с маской строгой,
Бродил я в тесноте земной,
Я разучился жить тревогой,
Я раздружился с широтой!

Куда меня поток ни кинет,
Живым иль мертвым — все равно:
Но сердце ужаса не минет,
Но грудь опять узнает дно!

Еще мне видны, как картины,
Реки крутые берега,
Стадам любезные долины
И плугу милые луга.

Их не хочу! все ближе пена
Порогов каменных, — и вот
Меня, нежнее, чем измена,
Крутит глухой водоворот.

1911

* * *

Odi et amo.

Catullus

Да, можно любить ненавидя,
Любить с омраченной душой,
С последним проклятием видя
Последнее счастье — в одной!

О, слишком жестокие губы,
О, лживый, приманчивый взор,
Весь облик, и нежный и грубый,
Влекущий, как тьма, разговор...

Кто магию сумрачной власти
В ее приближения влил?
Кто ядом мучительной страсти
Объятья ее напоил?

Хочу проклинать, но невольно
О ласках привычных молю.
Мне страшно, мне душно, мне больно...
Но я повторяю: люблю!

Читаю в насмешливом взоре
Обман, и притворство, и торг...
Но есть упоенье в позоре
И есть в униженьи восторг!

Когда поцелуй во мраке
Вонзают в меня лезвее,
Я, как Одиссей о Итаке,
Мечтаю о днях без нее.

Но лишь Калипсо я покинул,
Тоскую опять об одной.
О горе мне! жребий я вынул,
Означенный черной чертой!

1911

Как птицы очковой змеей очарованы,
Поднять мы не смеем измученных рук.
И, двое, железами давними скованы,
Мы сносим покорно медлительность мук.

Всегда предо мною улыбка поблекшая
Когда-то горевших, как пурпуром, губ.
Ты никнешь в оковах, сестра изнемогшая,
И я неподвижен, как брошенный труп.

Привстать бы, сорвать бы оковы железные,
И кольца, и цепи! и вольными вновь
Бежать в дали синие, в сумерки звездные,
Где ставит алтарь свой меж сосен Любовь!

Со смехом упасть там на мхи потемневшие,
Объятья святые, как детям, сплести, —
Забыть эти муки, как сны отлетевшие,
Как камни на прежнем, пройденном пути!

Я знаю, исчезнет тоска нестерпимая
При вяньи первом прохлады лесной,
И снова ты станешь былая, любимая,
И я на коленях склонюсь пред тобой!

Но воля бессильна, как птица бескрылая,
И залиты руки тяжелым свинцом.
Ты никнешь, в слезах, ненавистная, милая,
В оковах железных мы никнем вдвоем...

1911

Из цикла «Слова тоскующей любви»

* * *

Amor condusse noi ad una..

Надпись на гравюре

Любовь ведет нас к одному,
Но разными путями:
Проходишь ты сквозь скорбь и тьму,
Я ослеплен лучами.

Есть путь по гребням грозных гор,
По гибельному склону;
Привел он с трона на костер
Прекрасную Дидону.

Есть темный путь, ведущий в ночь,
Во глубь, в земные недра.
На нем кто б мог тебе помочь,
Удавленница Федра?

Есть путь меж мслньных огней,
Меж ужаса и блеска.
Путь кратких, но прекрасных дней,—
Твой страшный путь, Франческа!

Лазурный, лучезарный путь
Пригрезился Джульетте.
Она могла восторг вдохнуть,
Но нет! не жить на свете!

Любовь приводит к одному,—
Вы, любящие, верьте!
Сквозь скорбь и радость, свет и тьму,—
К блаженно-страшной смерти!

6 декабря 1911

ЛЬДИНКА

Ветер вешний, ветер нежный
С лаской веет над душой.
Над поляной зимне-снежной
Утро дышит синевой.

Здравствуй, ветер, вестник вольный
Новых дней и вновь весны,
Безглагольный, богомольный
Голос ясной вышины!

Все, что было, будет снова,—
Зелень луга, щебет птиц.
Все бывшее будет ново
В белых отсветах зарниц.

Будет знойный праздник света,
Дрожь бессумрачных ночей...
Здравствуй, солнце! здравствуй, лето!
Опьяни и облелей!

Веет ветер. Сладко тает
На поляне вешний снег.
Небо тайно обещает
Радость жизни, сладость нег.

Где же первая былинка,
Робкий цветик голубой?
В синем небе тает льдинка,
Расплываясь синевой.

20 ноября 1911

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Я долго шел и, выбрав для ночлега
Холм ледяной, поставил гибкий шест.
В полярной тьме не Сириус, не Вега,—
Как знак любви, сверкает Южный Крест.

Вот дунул ветер, поднял вихри снега;
Запел унылый гимн безлюдных мест...
Но для мечты есть в скорбной песне нега,
И тени белые — как сонм невест.

Да, я — один, во льдах пустых затерян,
Мой путь в снегах обманчив и неверен,
Мне призраки пророчат гибель вновь.

Но Южный Крест, мерцающий в тумане,
Залог, что я — не завершил скитаний,
Что впереди — последняя любовь!

Ноябрь 1911

ПРЕДЧУВСТВИЕ

В лицо осенний ветер веет. Колос,
Забытый в поле, клонится, дрожа.
Меня ведет заросшая межа
Средь озимей. За речкой веер полос.

В воспоминаньях тонкий черный волос,
Упавший на лицо. Глаза смежа,
Я помню, как, мои мечты кружа,
Звенел в тиши негромкий, нежный голос.

Ужели осень? Даль полей пуста.
Последний мотылек над нивой сжатой
Напрасно грезит опьяниться мятой.

Но почему вдыхает май мечтой?
И почему все громче, откровенней
О счастья шепчет вздох глухой, осенний?

Декабрь 1911

НА ЗАРЕ

Бледнеет ночь. Свой труд окончив,
С улыбкой думаю о ней,
О той, чей детский взор уклончив,
Чей голос — дрожь весенних дней.

Все это видел я когда-то,
И этот взор, и эту дрожь...
Но все земное вечно свято,
И в жизни каждый миг хорош!

Я снова с радостным мученьем
Готов, как в годы первых встреч,
Следить покорно за движеньем
Ее стыдливо робких плеч.

И все, что мне казалось мертвым
В моей душе, живет опять,
И краскам выцветшим и стертым
Дано гореть, дано блистать!

Как неизменны, как всеильны,
Вы, звуки нежные: люблю!
Пусть умру, как стебель пыльный,—
В час смерти жизнь благословлю!

Склонясь к окну, о ней мечтаю —
Мечтами тысячи веков,
И, как врата к земному раю,
Горят завесы облаков.

/1911/

Из цикла «Жизни мгновения»

ВЕЧЕРОВАЯ ПЕСНЯ

Я тебе посвятил умиленные песни,
Вечерний час!
Эта тихая радость, воскресни, воскресни
Еще хоть раз!

Разливается сумрак голубоватый
Меж стен домов.
Дали синие неба миром объаты
Без звезд, без слов...

Электричество вспыхнуло, — полны и ясны,
Луны дрожат.
Трамваев огни, там зеленый, здесь красный
Потянулись в ряд.

Предвесеннею свежестью дышится вольно,
Стерлись года,
И кажется сердцу, невольно, безбольно:
Все — как тогда!

Я снова в толпе, молодой, одинокий...
И, как во сне,
Идет меж прохожих мой призрак далекий
Навстречу мне...

[1911]

Из цикла «По торжищам»

РОМАНС

Ты приходил ко мне, холодный,
С жемчужным инеем в усах.
В вечерний час, со смертью сходный,
Твой лоб, твои глаза и щеки
Я грела в маленьких руках.
О, как мы были одиноки,
Вдвоем и в мире и в мечтах!

Ты приходил ко мне, весенний,
Овеян запахом листвы
И в час, когда прозрачны тени,
Я целовала абрис милый
Твоей склоненной головы,
А древняя луна скользила
По кругу древней синевы.

Ты приходил ко мне, усталый
От зноя, в пыльный летний день.
Твой рот, страдальческий и алый,
Я целовала, берегла я
Твою тоскующую лень.
Пока, все думы погашая,
Не проникала в окна тень.

Настала осень; дождь протяжный
Шумит в ленивой тишине,
А ты, весь радостный, весь влажный,
Осенних астр цветную связку
Несешь кому-то, но не мне...
И вечер грустно шепчет сказку
О невозвратном, о весне...

[1909]

Из цикла «Милые воспоминания»

БЛИЗ МОРЯ

Засыпать под ропот моря,
Просыпаться с шумом сосен,
Жить, храня веселье, горе,
Помня радость прошлых весен;

В созерцаньи одиноком
Наблюдать лесные тени
Вечно с мыслью о далеком,
Вечно в мареве видений.

Было счастье, счастье было,
Горе было, есть и будет...
Море с вечно новой силой
В берег биться не забудет,

Не забудут сосны шумом
Отвечать на ветер с моря
И мечты валам угрюмым
Откликаться, бору вторя.

Хорошо о прошлом мыслить,
Сладко плакать в настоящем...
Темной хвой не исчислить
В тихом сумраке шумящем.

Хорошо над серым морем,
Хорошо в бору суровом,
С прежним счастьем, с вечным горем,
С тихим горем, вечно новым!

*Июль 1911
Майоренгоф*

ШВЕЙЦАРИЯ

ФЕРВАЛЬШТЕТТСКОЕ ОЗЕРО

Отёли, с пышными порталами,
Надменно выстроились в ряд
И, споря с вековыми скалами,
В лазурь бесстрастную глядят.

По набережной, под каштанами,
Базар всесветной суеты,—
Блеск под искусными румянами
В перл возведенной красоты.

Пересекая гладь бесцветную,
Дымят суда и здесь и там,
И, посягнув на высь запретную,
Краснеют флаги по горам.

И в час, когда с ночными безднами
Вершины смешаны в тени,
Оттуда — спор с лучами звездными
Ведут гостиниц всех огни.

1909

Люцерн

МЮЛЬБАХ

Меж облаков, обвивших скалы,
Грозе прошедшей буйно рад,
Ты вниз стремишься, одичалый,
Сребристо-белый водопад.

И снизу, из окон отелей,
Мы смотрим в высоту к тебе,—
Где ты, меж неподвижных елей,
Своей покорствуешь судьбе.

Напитан вечными снегами
На вознесенных высотах,
Ты в пропасть падаешь струями,
Взметающими влажный прах,

Чтоб, о гранитные громады
Разбив бушующую грудь,—
Как все земные водопады,
В заливе мирном потонуть.

26 августа 1909
Бриенц

НА ЛЕДНИКЕ

И вы, святыни снега, обещены,
Следами палок осквернен ледник,
И чрез зияющие трещины
Ведет туристов проводник.

Но лишь свернешь с дороги предназначенной,
Туда, где нет дорожек и скамей,—
Повеет мир, давно утраченный,
Среди оснеженных камней.

Быть может, мы — уже последние,
Кто дышит в Альпах прежней тишиной.
Вершины царственно-соседние
Одеты влажной синевой.

Парит орел над скалами точеными;
Настороживши слух, стоят сурки;
Объяты рамами зелеными,
Синея в блеске, ледники...

1909
Монтанвер

В ИТАЛЬЯНСКОМ ХРАМЕ

Vulnerant omnes, ultima necat.
Надпись на часах

Да, ранят все, последний убивает.
Вам — мой привет, бесстрастные часы,
Моя душа вас набожно считает!

Тот — острым жалом вдумчивой осы
Язвит мечты; тот — как кинжалом режет;
Тот грезы косит с быстротой косы.

Что́ вопли, стоны, что́ зубовный скрежет
Пред тихим вздохом, данником часов!
Боль жизни ровно, повседневно нежит.

Все — оскорбление: дружбы лживой зов,
Объятая беглые любви обманной
И сочетанья надоевших слов...

Ах, многое прекрасно и желанно!
Попрежнему стремлю я руки вдаль
И жду, как прежде, с верой неустанной.

Но с каждым днем томительней печаль,
Но с каждым годом вздох тоски победней...
И долгой жизни мне давно не жаль.

Клинок конца вонзай же, час последний!

1912

НА МОГИЛЕ ИВАНА КОНЕВСКОГО

(ум. 8 июля 1901 г.)

Я посетил твой прах забытый и далекий,
На сельском кладбище, среди простых крестов,
Где ты, безвестный, спишь, как в жизни одинокий,
Любовник тишины и несказанных снов.

Ты позабыт давно друзьями и врагами,
И близкие тебе давно все отошли,
Но связь давнишняя не порвалась меж нами —
Двух клявшихся навек — жить радостью земли!

И здесь, в стране чужой, где замки над обрывом
Ревниво берегут сны отошедших дней,
Где бурная река крутит своим разливом
Ряды поверженных, воде врученных пней;

Где старые дубы и сумрачные вязы,
Как в годы рыцарей, стоят глухой стеной;
Где ночью, в синеве, всемирные алмазы
Спокойно бодрствуют над юной вновь страной,—

Ты мой слышал зов, такой же как и прежде!
Я радостно воззвал, и ты шепнул: «Живи!
Дыши огнем небес, верь песне и надежде,
И тело сильное опять отдай любви!»

Ты мне сказал: «Я здесь, один, в лесу зеленом,
Но помню, и сквозь сон, мощь бури, солнца, рек,
И ветер, надо мной играя тихим кленом,
Поет мне, что земля — жива, жива вовек!»

13 июля 1911
Зегевольд

Из цикла «Святое ремесло»

ПОЭТ — МУЗЕ

Я изменял и многому и многим,
Я покидал в час битвы знамена, —
Но день за днем твоим веленьям строгим
 Душа была верна.

Заслышав зов, ласкательный и властный,
Я труд бросал, вставал с одра, больной,
Я отрывал уста от ласки страстной,
 Чтоб снова быть с тобой.

В тиши полей, под нежный шопот нивы,
Овеян тенью тучек золотых,
Я каждый трепет, каждый вздох счастливый
 Вместить стремился в стих.

Во тьме желаний, в муке сладострастья,
Вверяя жизнь безумью и судьбе,
Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье,
 Чтоб рассказать тебе!

Когда стояла смерть, в одежде черной,
У ложа той, с кем слиты все мечты, —
Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
 Все миги, все черты.

Измучен долгим искусом страданий,
Лаская пальцами тугой курок,
Я счастлив был, что из своих признаний
 Тебе сплету венок.

Не знаю, жить мне много или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной,—
Душа тебе быть верной не устала,
Тебе, тебе одной!

27 ноября 1911

РОДНОЙ ЯЗЫК

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!

Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил.
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.

Как часто в тайне звуков странных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев неожиданных,
Овладевавших мной стихов!

Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тшечтно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей — отзвук твой!

Ты ждешь, подобен великану.
Я пред тобой склонен лицом.
И все ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством!

Нет грани моему упорству.
Ты — в вечности, я — в кратких днях,
Но все ж, как магу, мне покорствуй,
Иль обрати безумца в прах!

Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю, — ты ответствуй,
Иду, — ты будь готов к борьбе!

Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты — мститель мой, ты — мой спаситель,
Твой мир — навек моя обитель,
Твой голос — небо надо мной!

31 декабря 1911

ОТВЕТ

Растут дома; гудят автомобили;
Фабричный дым висит на всех кустах;
Аэропланы крылья расстелили
В облаках.

Но прежней страстью, давней и знакомой,
Дрожат людские бедные сердца,—
Любовной, сожигающей истомой
Без конца...

Как прежде, страшен свет дневной Дидоне,
И с уст ее все та же рвется речь;
Все так же должен, в скорбный час, Антоний
Пасть на меч.

Так не кляните нас, что мы упрямо
Лелеем песни всех былых времен,
Что нами стон Катулла: «Odi et amo» —
Повторен!

Под томным взором балерин Дегаза,
При свете электрической дуги
Все так же сходятся четыре глаза,
Как враги.

И в час, когда лобзанья ядовиты
И два объятия — словно круг судьбы,—
Все той же беспощадной Афродиты
Мы — рабы!

30—31 декабря 1911

Из цикла «Властительные тени»

ЕГИПЕТСКИЙ РАБ

Я раб царя. С восхода до заката,
Среди других, сверпаю тяжкий труд,
И кус гнилой — единственная плата
За стон, за пот, за тысячи минут.

Когда мечта отчаяньем объята,
Свистит жестокий над плечами кнут,
И каждый день товарища иль брата
Крюками к общей яме волокут.

Я раб царя, и жребий мой безвестен;
Как тень зари, исчезну без следа,
Меня с земли судьба сотрет, как плесень;

Но след не минет скорбного труда,
И простоит, близ озера Мерида,
Века веков, святая пирамида.

7—20 октября 1911

КЛПТЕМНЕСТРА

Сестра — царит в надменной Трое,
Сестре — немолчный гимн времен,
И славный будет славен вдвое,
Когда он за сестру сражен.

Певцы на царском шумном пире
Лишь о Елене станут петь,
И в их стихах, и в громкой лире
Ей суждено вовек блеснуть.

Не обе ли мы дщери Леды?
И Зевс не также ль мой отец?
Мне — униженья, ей — победы!
Мне — в тернах, в розах — ей венец!

Не вся ль Эллада за Елену
Стоит? Ахейские суда
Крутят вдали морскую пену,
И наши пусты города!

Мое Атрид покинул ложе,
Привесил бранный меч к бедру,
Забыл покой, — и за кого же?
Не за меня, а за сестру!

И все ли? Он не дочь ли нашу,
Как жертву, на алтарь принес?
И нет ее, и чем я скрашу
Обитель старости и слез?

Всё — в дар забывшей честь и право,
Двумужнице! в стенах врагов
Смеющейся борьбе кровавой
И родине кующей ков!

А я — отверженна, забвенна,
Мне — прялка, вдовья участь — мне,
За то, что буду неизменно
Ждать мужа в яви и во сне!

Нет! если людям на презренье
Я без вины осуждена, —
Да совершатся преступления!
Да будет подлинно вина!

Да будет жребий мой заслужен,
Неправый суд да будет прав!
Душе — венец позора нужен,
Взамен венца похвал и слав!

О, еврипиды! мне не страшен
Бичей, взнесенных вами, свист!
Спеши ко мне и скрой меж брашен
Клинок убийства, мой Эгист!

1911

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА

Пламя факелов крутится, длится пляска саламандр.
Распростерт на ложе царском — скиптр на сердце —
Александр.

То, что было невозможно, он замыслил, он свершил,
Блеск фаланги македонской видел Ганг и видел Нил,
Будет вечно жить в потомстве память славных, страшных
дел,
Жить в стихах певцов и в книгах, сын Филиппа, твой
удел!
Между тем на пышном ложе ты простерт, — бессильный
прах,
Ты, врагов дрожавших — ужас, ты, друзей смущенных —
страх!

Тайну замыслов великих смерть ревниво погребла,
В прошлом — яркость, в прошлом — слава, впереди
туман и мгла.

Дымно факелы крутятся, длится пляска саламандр.
Плача близких, стона войска не расслышит Александр.

Вот Стикс, хранимый вечным мраком,
В ладье Харона переплыт.
Пред Радамантом и Эаком
Герой почивший предстоит.

«Ты кто?» — «Я был царем. Элладой
Был вскормлен. Стих Гомера чтил.
Лишь Славу почитал наградой,
И образцом мне был Ахилл.

Раздвинув родины пределы,
Пройдя победы целый свет,
Я отомстил у Гавгамелы
За Саламин и за Милет!»

И, встав, безликий Некто строго
Гласит: «Он муж был многих жен.
Он нарекался сыном бога.
Им друг на пире умерщвлен.

Крупа Афины, руша Фивы,
В рабов он греков обратил;
Верша свой подвиг горделивый,
Эллады силы сокрушил!»

Встает другой, черты сокрыты,—
Вещает: «Так назначил Рок,
Чтоб воедино были слиты
Твой мир, Эллада, твой,— Восток!

Не так же ль свяжет в жгут единый,
На Западе, народы — Рим,
Чтоб обе мира половины
Потом сплелись узлом одним!»

Поник Минос челом венчанным,
Нем Радамант, молчит Эак.
И Александр, со взором странным,
Глядит на залетейский мрак.

Пламя факелов крутится, длится пляска саламандр.
Распростерт на ложе царском — скиптр на сердце —
Александр.

И уже, пред царским ложем, как предвестье скорых сеч,
Полководцы Александра друг на друга вносят меч.

Мелеагр, Селевк, Пердикка пьяны памятью побед,
Царским именем, надменно, шлют веленья, шлют запрет.

Увенчать себя мечтает диадемой Антигон.
Антипатр царить в Элладе мыслит, властью упоен.

И во граде Александра, где столица двух морей,
Замышляет трон воздвигнуть хитроумный Птоломей.

Дымно факелы крутятся, длится пляска саламандр.
Споров буйных диадохов не расслышит Александр.

1900—1911

ФАУСТ

Гретхен, Гретхен, в темной нише
Храма ты преклонена.
Гул органа слышен свыше,—
Голос: «Здесь ты не одна!»

Гретхен, Гретхен! Светлый гений!
Тайну страшную храня,
В час томлений, в час молений
Позабудь, в слезах, меня...

Что я могу,— напрасно рвущий
Оковы грозных, прошлых лет,
Вторичной жизнью живущий
И давший дьяволу обет?

Что я могу,— узнавший тайны
Души, и смерти, и всего,
Отвергший этот мир случайный,
Проклявший бога своего?

Одним своим прикосновеньем
Я опалил твой детский лик;
Я ядовитым дуновеньем
К цветку твоей души приник.

Я простираю руки с лаской,—
Но в ласке затаен позор;
Свое лицо скрываю маской,—
Горит под ней надменный взор.

Кто тайно все мои признанья
В клинок губящий превратил,
Мои стыдливые лобзанья
Скрытым ядом напоил?

Я к свету за тобой дерзаю,—
Рука, как камень, тяжела,
И мы с тобой летим не к раю,
Но в бездну, где тоска и мгла.

Хочу бежать, но неизбежно
Влекусь к тебе — к магниту сталь;
Хочу молить с тревогой нежной,
Но смертный зов моя печаль.

Я — ужас, я — позор, я — гибель,
Твоих святынь заветных — тать!
Но в миг паденья снежной глыбе ль
Свое стремленье задержать!

Гретхен, Гретхен! в темной нише
Храма ты преклонена.
Слышишь божий голос свыше:
«Ты навек осуждена!»

Гретхен, Гретхен! Светлый гений!
Встала ты в лучах из тьмы!
Но за мной клубились тени,—
И во мраке оба мы!

26 ноября 1911

Из цикла «Грядущему привет»

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТОЛП

На Невском, как прибой нестройный,
Растет вечерняя толпа.
Но неподвижен сон спокойный
Александрийского столпа.

Гранит суровый, величавый,
Обломок довременных скал!
Как знак побед, как вестник славы,
Ты перед царским домом стал.

Ты выше, чем колонна Рима,
Поставил знаменье креста.
Несокрушима, недвижима
Твоя тяжелая пята.

И через кровли низких зданий
Все озирая пред собой,
Ты видишь в сумрачном тумане
Двух древних сфинксов над Невой.

Глаза в глаза вперив, безмолвны,
Исполнены святой тоски,
Они как будто слышат волны
Иной торжественной реки.

Для них, детей тысячелетий,
Лишь сон — виденья этих мест,
И эта твердь, и стены эти,
И твой, взнесенный к небу, крест.

И, видя, что багряным диском
На Запад солнце склонено,

Они мечтают, как — давно —
В песках, над падшим обелиском,
Горело золотом оно.

9 апреля 1909

К ФИНСКОМУ НАРОДУ

Упорный, упрямый, угрюмый,
Под соснами выросший народ!
Их шум подсказал тебе думы,
Их шум в твоих песнях живет.

Спокойный, суровый, могучий,
Как древний родимый гранит!
Твой дух, словно зимние тучи,
Не громы, но выюги таит.

Меж камней, то мшистых, то голых,
Взлюбил ты прозрачность озер:
Ты вскормлен в работах тяжелых,
Но кроток и ясен твой взор.

Весь цельный, как камень огромный,
Единою грудью дыша,
Дорогой жестокой и темной
Ты шел сквозь века, не спеша;

Но песни свои, как святыни,
Хранил — и певучий язык,
И миру являешь ты ныне
Все тот же, все прежний свой лик.

В нужде и в труде терпеливый,—
Моряк, земледел, дровосек,—
На камнях взлелеял ты нивы,
В плотинах сжал буйственность рек;

С природой борясь, крепкогрудый,
Все трудности встретить готов,—
Воздвиг на гранитах причуды
Суровых своих городов.

И рифмы, и кисти, и струны
Теперь покорились тебе.
Ты, смелый, ты, мощный, ты, юный,
Бросаешь свой вызов судьбе.

Стой твердо, народ непреклонный!
Недаром меж скал ты возрос:
Ты мало ли грудью стесненной
Метелей неистовых снес!

Стой твердо! Кто с гневом природы
Веками бороться умел,—
Тот выживет трудные годы,
Тот выйдет из всякой невзгоды,
Как прежде и силен и цел!

Август 1910

К МОЕЙ СТРАНЕ

Моя страна! Ты доказала
И мне и всем, что дух твой жив,
Когда, почуяв в теле жало,
Ты заметалась, застонала,
Вся — иступленье, вся — порыв!

О, страшен был твой недвижимый,
На смерть похожий черный сон!
Но вдруг пронесся гул Цусимы,
Ты задрожала вся, и мнимый
Мертвец был громом пробужден.

Нет, не позор бесправной доли,
Не зов непризванных вождей,
Но жгучий стыд, но ярость боли
Тебя метнули к новой воле
И дали мощь руке твоей!

И как недужному, сквозь бреды,
Порой мелькают имена,—
Ты вспомнила восторг победы
И то, о чем сказали деды:
Что ты великой быть — должна!

Пусть ветры вновь оледенили
Разбег апрельский бурных рек:
Их жизнь — во временной могиле,
Мы смеем верить скрытой силе,
Ждать мая, мая в этот век!

1911

Из книги
«СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ»
1912—1915

Из цикла «Я сам»

SED NON SATIATUS

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — этой жизнью хмельной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — вечно юной весной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — высотой, глубиной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — тайной муки страстной!

Вновь я хочу все изведать, что было...
Трепеты, сердце, готовь!
Вновь я хочу все изведать, что было:
Ужас, и скорбь, и любовь!
Вновь я хочу все изведать, что было,
Все, что сжигало мне кровь!
Вновь я хочу все изведать, что было,
И — чего не было — вновь!

Руки несытые я простираю
К солнцу и в сумрак опять!
Руки несытые я простираю
К струнам: им должно звучать!
Руки несытые я простираю,
Чтобы весь мир осязать!
Руки несытые я простираю —
Милое тело обнять!

14 августа 1912

ЮНОШАМ

Мне все равно, друзья ль вы мне, враги ли,
И вам я мил иль ненавистен вам,
Но знаю: вы томились и любили,
Вы душу предавали тайным снам;

Живой мечтой вы жаждете свободы,
Вы верите в безумную любовь,
В вас жизнь бушует, как морские воды,
В вас, как прибой, стучит по жилам кровь;

Ваш зорек глаз, и ваши легки ноги,
И дерзость подвига волнует вас,
Вы не боитесь — ищете тревоги,
Не страшен — сладок вам опасный час;

И вы за то мне близки и мне милы,
Как стеблю тонкому мила земля:
В вас, в вашей воле черпаю я силы,
Любуясь вами, ваш огонь деля.

Вы — мой прообраз. Юности крылатой
Я, в вашем облике, молюсь всегда.
Вы то, что вечно, дорого и свято,
Вы — миру жизнь несущая вода!

Хочу лишь одного — быть вам подобным
Теперь и после: легким и живым,
Как волны океанские свободным,
Взносящимся в лазурь, как светлый дым.

Как вы, в себя я полон вещей веры,
Как вам, судьба поет и мне: живи!
Хочу всего без грани и без меры,
Опасных битв и роковой любви!

Как перед вами, предо мной — открытый,
В неизвестное ведущий, темный путь!
Лечу вперед изогнутой орбитой —
В безмерностях пространства потонуть!

Кем буду завтра, нынче я не знаю,
Быть может, два-три слова милых уст
Вновь предо мной врата раскроют к раю,
Быть может, вдруг мир станет мертв и пуст.

Таким живу, таким пребуду вечно,—
В моих, быть может, чуждых вам стихах,
Всегда любуюсь дерзостью беспечной
В неугасимых молодых зрачках!

23 января 1914
Эдинбург

ОЖЕРЕЛЬЕ

Руки, вечно молодые,
Миг не смея пропустить,
Бусы нижут золотые
На серебряную нить.

Жемчуг крупный, жемчуг малый
Нижут с утра до утра,
Жемчуг желтый, жемчуг алый
Белой нитью серебра.

Кто вы, радостные парки,
Вы, работницы судеб?
Нити пестры, нити яркие,
В белом блеске я ослеп.

Не моя ли жизнь — те нити?
Жемчуг — женские сердца?
Парки вещице, нижите
Яркий жемчуг до конца!

Выбирайте, подбирайте
Жемчуг крупный и простой,
Круг жемчужный завершайте
Быстро-нижущей иглой.

Нить почти полна! немножко
Остается бус,— и вот
Золоченая застежка
Ожерелье— Смерть— замкнет!

10 января 1912
Москва

ЛЕТОМ 1912 ГОДА

Пора сознаться: я — не молод; скоро — сорок.
Уже не молодость, не вся ли жизнь прошла?
Что впереди? обрыв иль спуск? но, общий ворог,
Стоит старуха-смерть у каждого угла.
Я жил, искал усад, и правых и неправых,
Мне сны безумные нашептывала страсть,
Губами припадал ко всем земным отравам,
Я знал, как радуется, как опьяняет власть.
Меж мук и радостей — творимых и случайных —
Я, в лабиринте дней ища упорно путь, —
Порой тонул мечтой в предвечно-страшных тайнах
И в хаос истины порой умел взглянуть.
Я дрожь души своей, ее вмеща в звуках,
Сумел на ряд веков победно сохранить,
И долго меж людей, в своих мечтах и муках,
В своих живых стихах, как феникс, буду жить.
И в длинном перечне, где Данте, где Вергилий,
Где Гёте, Пушкин, где ряд дорогих имен,
Я имя повос вписал, чтоб долго жили
Преданья обо мне, идя сквозь строй времен.
Загадку новую я задал для столетий,
На высях, как маяк, зажег мечту свою...
Об чем же мне жалеть на этом бедном свете?
Иду без трепета и без тревог стою.
Взмахни своей косой, ты, старая! Быть может,
Ты заждалась меня, но мне — мне все равно.
В час роковой меня твой голос не встревожит:
Довольно думано! довольно свершено!

1912

ДОЛЖЕН БЫЛ...

Должен был Герострат сжечь храм Артемиды в Эфесе,
Дабы явить идеал жаждущих славы — векам.

Так же Иуда был должен предать Христа на распятие:
Образ предателя тем был завершен навсегда.

Был Фердинанд принужден оковать цепями Колумба:
Ибо те цепи — пример неблагодарных владык.

А Бонапарте? он мог ли остаться в убежище Эльбы?
Был бы Елены гранит лишним тогда на земле!

Пушкин был должен явить нам, русским, облик Татьяны,
Тютчев был должен сказать: «Мысль изреченная —
ложь!»

Так и я не могу не слагать иных, радостных песен,
Ибо однажды они были должны прозвучать!

4 апреля 1915
Варшава

ПАМЯТНИК

Sume superbiam...
Horatius

Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен.
Кричите, буйствуйте, — его вам не свалить!
Распад певучих слов в грядущем невозможен, —
Я есмь и вечно должен быть.

И станов всех бойцы, и люди разных вкусов,
В каморке бедняка, и во дворце царя,
Ликуя, назовут меня — Валерий Брюсов,
О друге с дружбой говоря.

В сады Украины, в шум и яркий сон столицы,
К преддверьям Индии, на берег Иртыша, —
Повсюду долетят горящие страницы,
В которых спит моя душа.

За многих думал я, за всех знал муки страсти,
Но станет ясно всем, что эта песнь — о них,
И, у далеких грёз в неодолимой власти,
Прославят гордо каждый стих.

И в новых звуках зов проникнет за пределы
Печальной родины, и немец, и француз
Покорно повторят мой стих осиротелый,
Подарок благосклонных Муз.

Что слава наших дней? — случайная забава!
Что клевета друзей? — презрение хулам!
Венчай мое чело, иных столетий слава,
Вводя меня в всемирный храм.

Июль 1912

Из цикла «Сын земли»

СЫН ЗЕМЛИ

Я — сын земли, дитя планеты малой,
Затерянной в пространстве мировом,
Под бременем веков давно усталой,
Мечтающей бесплодно о ином.

Я — сын земли, где дни и годы — кратки,
Где сладостна зеленая весна,
Где тягостны безумных душ загадки,
Где сны любви баюкает луна.

От протоплазмы до ихтиозавров,
От дикаря, с оружием из кремня,
До гордых храмов, дремлющих меж лавров,
От первого пророка до меня,—

Мы были узники на шаре скромном,
И сколько раз, в бессчетной смене лет,
Упорный взор земли в просторе темном
Следил с тоской движения планет!

К тем сестрам нашей населенной суши,
К тем дочерям единого отца
Как много раз взносились наши души,
Мечты поэта, думы мудреца!

И, сын земли, единый из бессчетных,
Я в бесконечное бросаю стих,—
К тем существам, телесным иль бесплотным,
Что мыслят, что живут в мирах иных.

Не знаю, как мой зов достигнет цели,
Не знаю, кто привет мой донесет,—
Но, если те любили и скорбели,
Но, если те мечтали в свой черед

И жадной мыслью погружались в тайны,
Следя лучи, горящие вдали,—
Они поймут мой голос не случайный,
Мой страстный вздох, домчавшийся с земли!

Вы, властелины Марса иль Венеры,
Вы, духи света иль, быть может, тьмы,—
Вы, как и я, храните символ веры:
Завет о том, что будем вместе мы!

1913

ЗЕМЛЕ

Я — ваш, я ваш родич, священные гады!

Ив. Коневской

Как отчий дом, как старый горец горы,
Люблю я землю: тень ее лесов,
И моря ропоты, и звезд узоры,
И странные строенья облаков.

К зеленым далям с детства взор приучен,
С единственной луной сжилась мечта,
Давно для слуха грохот грома звучен,
И глаз усталый нежит темнота.

В безвестном мире, на иной планете,
Под сенью скал, под лаской алых лун,
С тоской любовной вспомню светы эти
И ровный ропот океанских струн.

Среди живых цветов, существ крылатых,
Я затоскую о своей земле,
О счастья рук, в объятьи тесном сжатых,
Под старым дубом, в серебристой мгле.

В эдеме вечном, где конец исканьям,
Где нам блаженство ставит свой предел,
Мечтой перенесусь к земным страданиям,
К восторгу и томленью смертных тел.

Я брат зверью, и ящерам, и рыбам,
Мне внятн рост весной встающих трав.
Молюсь земле, к ее священным глыбам
Устами неистомными припав!

25 августа 1912

ПРЕДВЕЩАНИЕ

Быть может, суждено земле
В последнем холоде застынуть;
Всему живому — в мертвой мгле
С безвольностью покорной сгнуться.

Сначала в белый блеск снегов
Земля невестой облачится;
Туман, бесстрастен и суров,
Над далью нив распространится;

В мохнатых мантиях, леса —
Прозрачных пальм, как стройных сосен,—
Напрасно глядя в небеса,
Ждать будут невозможных весен;

Забыв утех давних игр,
Заснут в воде промерзшей рыбы,
И ляжет, умирая, тигр
На бело-ледяные глыбы...

Потом иссякнет и вода,
Свод неба станет ясно синим,
И солнце — малая звезда —
Чуть заблестит нагим пустыням.

Пойдет последний человек
(О, дети жалких поколений!)
Искать последних, скудных рек,
Последних жалостных растений

И не найдет. В безумьи, он
С подругой милой, с братом, с сыном,
Тоской и жаждой опьянен,
Заспорит о глотке едином.

И все умрут, грызясь, в борьбе,
Но глаз не выключают им птицы.
Земля, покорная судьбе,
Помчит лишь трупы да гробницы.

И только, может быть, огни,
Зажженные в веках далеких,
Все будут трепетать в тени,
Как взоры городов стооких.

1913

ДЕТСКИЕ УПОВАНИЯ

Снова ночь и небо, и надменный
Красный Марс блистает надо мной.
Раб земли, окованный и пленный,
Что томиться грезой неземной?

Не свершиться детским упованиям!
Не увидишь, умиленный, ты,—
Новый луч над вечным мирозданьем:
Наш корабль в просторах пустоты!

Не свершишь ты первого полета,
Не прочтешь и на столбцах газет,
Что безвестный, ныне славный, кто-то,
Как Колумб, увидел новый свет.

Что ж, покорствуй! Но душа не хочет
Расставаться с потаенным сном
И, рыдая, радостно пророчит
О великом имени земном.

О, ужель, как дикий краснокожий,
Удивится пришлецам Земля?
И придет крестить любимец божий
Наши воды, горы и поля?

Нет! но мы, своим владея светом,
Мы, кто стяг на полюс донесли,
Мы должны нести другим планетам
Благовестье маленькой Земли!

Август 1914
Зегебольд

Из цикла «Перед тобою я»

ГИМН БОГАМ

Но что мной зримая вселенна
И что перед тобою я!

Г. Державин

Я верую в мощного Зевса, держащего выси вселенной,
Державную Геру, чьей волей обеты семейные святы;
Властителя вод Посейдона, мутящего глуби трезубцем;
Владыку подземного царства, судью неподкупного Гада;
Великую мудрость Паллады, дающей отважные мысли;
Губящую Ареса силу, влекущего дерзостных к бою;
Блаженную мирность Деметры, под чьим покровительством
пашни;

Священную Гестии тайну, чьей благодатью дом
осчастливлен;
Твой пояс, таящий соблазны, святящая страсть, Афродита;
Твой лук с тетивой золоченой, ты, дева вовек, Артемида;
Певуче-бессмертную лиру метателя стрел Аполлона;
Могучий и творческий молот кующего тайны Гефеста;
И легкую, умную хитрость посланника с крыльями Гермеса.
Я верую, с Зевсом начальным, в двенадцать бессмертных.

Стихии
Покорны их благодатной воле; земля, подземелье и небо
Подвластны их грозным веленьям; и смертные, с робким
восторгом,
Приветствуют в образах вечных — что было, что есть
и что будет.
Храните, о боги, над миром владычество ныне и присно!

ГИМН АФРОДИТЕ

Гимны слагать не устану бессмертной и светлой богине.
Ты, Афродита-Любовь, как царила, так царствуешь ныне.
Алыми белый алтарь твой венчаем мы снова цветами,
Радостный лик твой парит с безмятежной улыбкой над
нами.

Правду какую явить благосклонной улыбкой ты хочешь?
Мрамором уст неизменных какие виденья пророчишь?
Смотрят куда неподвижно твои беззакатные очи?
Дали становятся ўже, века и мгновенья — короче.

Да, и пространство и время слились, — где кадилъница эта,
Здесь мудрецов откровенья, здесь вещая тайна поэта,
Ноги твои попирают разгадку и смысл мирозданья.
Робко к коленам твоим приношу умиленную дань я.

С детства меня увлекала к далеким святыням тревога,
Долго в скитаньях искал я вождя, повелителя, бога, —
От алтарей к алтарям приходил в беспокойстве всегдашнем,
Завтрашний день прославлял, называя сегодня — вче-
рашним.

Вот возвращаюсь к тебе я, богиня богинь Афродита!
Вижу: тропа в бесконечность за мрамором этим открыта.
Тайное станет мне явным, твоей лишь поверю я власти,
В час, как покорно предамся последней, губительной
страсти...

30 июня — 11 июля 1912

ULTIMA THULE

Где океан, век за веком, стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом гуле,
Высится остров, давно моряками забытый, —
Ultima Thule.

Вымерли конунги, здесь что царили когда-то,
Их корабли у чужих берегов затонули.
Грозно безлюдье вокруг, и молчаньем объята
Ultima Thule.

Даже и птицы чуждаются хмурых прибрежий,
Где и тюлени на камнях не дремлют в июле,
Где и киты проплывают все реже и реже...

Ultima Thule.

Остров, где н е т ничего и где всё только было,
Краем желанным ты кажешься мне потому ли?
Властно к тебе я влеком неизведанной силой,

Ultima Thule

Пусть на твоих плоскогорьях я буду единым!
Я посетю ряд могил, где герои уснули,
Я поклонюсь твоим древним угрюмым руинам,

Ultima Thule.

И, как король, что в бессмертной балладе помянут,
Брошу свой кубок с утеса — в добычу акуле!
Канет он в бездне, и с ним все желания канут...

Ultima Thule!

Апрель 1915

Из цикла «В стране тишины»

В РАЗНЫЕ ГОДЫ

В разные годы
К вам приходил я, граниты,
Глядеться в недвижно-прозрачные воды;
Приносил и веселье и грусть,
Приходил и у страсти во власти и странно-ничей,
И вы,
Мохом и вереском алым повиты,
В коронах из царственных сосен,
Встречали меня, как волхвы,
Всегда,— и с тех пор
Помню я наизусть
И сладкие ласки зеркальных озер,
И напевы волшебные белых ночей,
И младенческий лепет вкрадчивых весен,
И Иматры белоголовой
Немолчные стоны.

И снова
На бурые камни, на зеленые склоны
Я принес роковую печаль...
Предвечную мудрость храня,
Опять на меня
Поглядите сурово,
Как смотрите вы в бесконечную даль,
И под рев водопада, под ропот озерный,
Под шелест чуть слышный хвои
Шепните, что вы, горделиво упорны,
Столетия таите от мира страданья свои!

1913

ИМАТРА

Кипит, шумит. Она — все та же,
Ее не изменился дух!
Гранитам, дремлющим на страже,
Она ревет проклятья вслух.

И, глыбы вод своих бросая
Во глубь, бела и вспенена,
От края камней и до края,
Одно стремление она.

Что здесь? драконов древних гривы?
Бизонов бешеных стада?
Твой грозный гул, твои извивы
Летят, всё те же, сквозь года.

Неукротимость, неизменность,
Желанье сокрушить свой плен
Горят сквозь зыбкую мгновенность
Венчанных радугами пен!

Кипи, шуми, стремись мятежней,
Гуди, седой водоворот,
Дай верить, что я тоже прежний
Стою над распрей прежних вод!

6 июня 1913

Imatra

НАД ИМАТРОЙ

Размер ямбического триметра
Мне слышен в гуле вод твоих.
В твоём глухом гудении, Иматра,
Есть правильный и строгий стих.

И сосны, в лад с тобой раскачены,
Колебля рыжие стволы,
Слагают гимн, людьми утраченный,
Вам вторя, пенные валы.

Пещеры, откликами смутными
Вливаясь в ваш созвучный хор,
Ведут с громадами минутными
Давно начатый разговор.

И даже дольмены гранитные,
В ответ на ваш немолчный зов,
Возносят песни первобытные,
Клир еле слышных голосов.

Все вокруг, в затишье и под ветрами,
Под солнцем, при луне, во мгле,
Поет назначенными метрами
Хвалу стоустую Земле!

1913
Imatra

САЙМА

Лодка, порывистым ветром качаема,
Килем валы опененные режет.
Снова прибоями сизая Сайма
Старые камни побережия нежит.

Видны извилины берега пестрого:
Дачи и сосны, пески и граниты...
Вырос над волнами маленький остров,
Пеной, как кружевом, нежно повитый.

Справа — утесы: лишь ели да верески;
Срыв недоступный — коричнев и зелен.
Ветер навстречу, упорный и резкий,
Свищет надменно из древних расщелин.

Слева — по светлому склону рассеяны,
Белые виллы, с ласкающим садом,
В воду глядятся, как смотрят в бассейны
Жены гаремов прищуренным взглядом.

Сайма ласкает, почти успокоена,
Нас, и гранит, и садовые флоксы,
Чтобы потом, иступленно и знойно,
Броситься грудью на камни Вуоксы.

8 июля 1913
Вуоксеннииска

Из цикла «Неведомый прохожий»

ЗАКАТ НАД МОРЕМ

Над морем из серого крепа,
На призрачно-розовом шелке,
Труп солнца положен: у sklepa
Стоят паруса-богомолки.
Пред ними умерший владыка
Недавно горевшего дня....
Ложатся от алого лика
По вòдам зигзаги огня.

Вот справа маяк полусонный
Взглянул циклопическим взором;
Весь в пурпуре, диск удлинённый
Совпал с водяным кругозором:
И волн, набегающих с силой,
Угрюмей звучат голоса...
Уже над закрытой могилой,
Померкнув, стоят паруса.

*20 июля 1913
Нурдвайк ан Зее. Швеция*

НАД СЕВЕРНЫМ МОРЕМ

Над морем, где древние фризy,
Готовя отважный поход,
Пускались в туман серо-сизый
По гребням озлобленных вод,—

Над морем, что́, словно гигантский,
Титанами вырытый ров,
Отрезало берег британский
От нижнегерманских лугов,—

Бреду я, в томленьи счастливом
Неясно ласкающих дум,
По отмели, вскрытой отливом,
Под смутно-размеренный шум.

Волна набегает, узорно
Извивами чертит песок
И снова отходит покорно,
Горсть раковин бросив у ног;

Летит красноклювая птица,
Глядя на меня без вражды,
И чаек морских вереница
Присела у самой воды;

Вдали, как на старой гравюре,
В тумане уходит из глаз,
Привыкший к просторам и к буре,
Широкий рыбацкий баркас...

Поют океанские струны
Напевы неведомых лет,
И слушают серые дюны
Любовно-суровый привет...

И кажется, сердцу знакомы
И эти напевы тоски,
И пенные эти изломы,
И влажные эти пески,

И этот туман серо-сизый
Над взрытыми далями вод...
Не с вами ли, древние фризы,
Пускался я в дерзкий поход?

*5/18 июля 1913
Схевенинген*

ОКЕАН И ДЮНЫ

Рушатся волн белопенные гребни,
Глади песков заливаает прилив;
Море трубит все надменней, хвалебней
Древний любовный призыв.

Слушают дюны: привычны им песни
С детства знакомого друга-врага;
Пусть он грозит: год за годом чудесней
Дальше растут берега.

Новой грядой выдвигаются дюны,
Груды свои поднимают,— а он,
Вечно влюбленный, и сильный, и юный,
Страстью былой распален.

Рушатся белые гребни всё ближе
К дюнам недвижимым; их сдвинутый ряд
Смело встречает насильника. Чьи же
Силы в борьбе победят?

Миг — и впились опененные губы
Прямо в высокие груди-сосцы...
Чу! то играют отзвѣвные трубы:
Слиты в объятья бойцы...

9/22 июля 1913
Нурдвайк ан Зее

В ГОЛЛАНДИИ

Эти милые, красно-зеленые домики,
Эти садики, в розах и желтых и алых,
Эти смуглые дети, как малые гномики,
Отраженные в тихо-застывших каналах,—
Эти старые лавки, где полки уставлены
Рядом банок пузатых, давно закоптелых,
Этот шум кабаков, заглушенный, подавленный,
Эти рослые женщины в чепчиках белых,—

Это все так знакомо, и кажется: в сказке я,
И готов наважденью воскликнуть я: vade!
Я с тобой повстречался, Рембрандтова Саския?
Я в твой век возвращен, Адриан ван Остаде?

13/26 июля 1913
Лейден

ЗИМНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

Я скорей тебя увидел снова,
Чем я ждал, простор соленых вод,
Но как грустно, грозно и сурово
Ты влачишь валы на твердый лед!

Набегает черный вал с разбега,
Белой пены полосой повит,
На предел белеющего снега,—
И покорно стелется, разбит.

Облака, как серые громады,
Медленно над далями плывут,
Словно эти дымы моря — рады
Отдохнуть, свершив свой летний труд.

Рыжих сосен поросли на дюнах
Ждут, когда наступит черный мрак,
Вспыхнут огоньки на мерзлых шкунах,
Завращает красный глаз маяк.

Здравствуй, море, северное море,
Зимнее, не знакомое мной!
Новое тебе принес я горе,
Новое, не бывшее весной!

Успокой, как летом, и обрадуй
Бесконечным ропотом валов,
Беспредельной сумрачной усладой
Волн, идущих сквозь века веков!

*18 декабря 1913
Эдинбург*

ВЕЧЕР НАД МОРЕМ

Желтым золотом окрашены
Дали в просветы хвои.
Солнца луч полупогашенный
Бьет в прибрежные струи.

Море сумрачное движется,
Льдины белые неся.
В облаках чуть зримо низкется
Светлосиняя стезя.

Краски пламенно-закатные
Хмурым днем помрачены,
Но все те ж движенья ратные
Вечно зыблемой волны.

Меркнет огненное золото,
Скрыто облачным плащом,—
И в последний раз уколото
Море гаснущим лучом.

Декабрь 1913

Из цикла «Природы соглядатай»

ВЕЧЕРНИЙ ПАН

Вечерний Пан исполнен мира,
Не позовет, не прошумит.
Задумчив, на лесной поляне,
Следит, как вечер из потира
Льет по небу живую кровь,
Как берега белеют вновь
В молочно-голубом тумане,
И ждет, когда луч Алтаира
В померкшей сини заблестит.

Вечерний Пан вникает в звуки,
Встающие во мгле кругом:
В далекий скрип пустой телеги,
В журчанье речки у излуки
И в кваканье ночных прудов.
Один, в безлюдии святом,
Он, в сладком онеменьи неги,
Косматые вздымает руки,
Благословляя царство снов.

1914

Опалиха

ВЕЧЕРОМ В ДОРОГЕ

Кричат дрозды; клонясь, дрожат
Головки белой земляники;
Березки забегают в ряд,
Смутясь, как девы полудикие.

Чем дальше, глубже колеи;
Вот вышла ель в старинной тальме...

Уже прозрачной кисей
Повисла завеса над далями.
Вновь — вечер на лесном пути,
Во всем с иным, далеким, сходен.
Нет, никуда нам не уйти
От непонятно милой родины!
Чу! не прощанье ль крикнул дрозд?
Клонясь, дрожит Иван-да-Марья.
В просвете — свечи первых звезд
И красный очерк полушария.

1914

Опалиха

ВЕСНОЙ

Попискивают птицы
В роще березовой;
Сетят листья тень
На песок почти розовый;
Облачков вереницы
Стынут в лазури ясной;
Расцветает пригожий день,
С душой согласный.
Эти зеленые травы,
Современницы нашей планеты,
Эта предельная синь,
Эти весенние светы —
Исполнены древней отравы,
Пьянящей, от века до века,
Странника мировых пустынь, —
Человека!

1914

Опалиха

ВЕСЕННЕЕ

Остéженный последним снегом,
Весну встречая, грезит лес,
И тучи тешатся разбегом,
Чертя аэродром небес.
Кто, исхищренный как китаец,
Из туч ряды драконов сплел?
А под березой зимний заяц
Оглядывает, щурясь, дол.

Вдали водоворотит море
На пажить хлынувшей реки,
И крыши изб на косогоре,
Как нежная постель,— легки.

Не нынче ль смелой увертюрой
Смутит нас первая гроза?
Но солнце, из-за ткани хмурой,
Глядит на нас, как глаз в глаза.

Опять в душе кипит избыток
И новых рифм и буйных слов,
И пью, как нежащий напиток,
Я запах будущих цветов.

Март 1912

Подольск

НОЧЬЮ СВЕТЛОЙ

Ночью светлой, ночью летней
Сумрак лег над далью сонной.
Свет и краски не заметней,
Воздух дышит благовонный.

То река иль то дорога
Вьет меж потемневших пашен?
К небу ветви поднял строго
Старый дуб, суров и страшен.

Огоньки в окошках блещут,
Небо чище и открытей,
В нежной сини чуть трепещут
Пары телесграфных нитей...

1912

Подольск

КРОТ

Роем норы крот угрюмый;
Под землей чуть слышны шумы
С травяных лугов земли;
Шорох, шелест, треск и щебет...
Лапкой кожу крот теревит:
Мышь шмыгнула невдалеку.

У крота дворец роскошен,
Но, покуда луг не скошен,
Людам тот дворец незрим.
Под цветами скрыты входы,
Под буграми — залы, своды...
Крот, ты горд дворцом своим!

Роет черный крот-строитель.
Темных, теплых комнат житель,
Он чертог готовит свой,
Ставит твердые подпоры
И запасы носит в норы,
Пряча в дальней кладовой.

Милый крот, слепой рабочий!
Выбирай темнее почи,
Берегись сверканий дня!
Будет жалко мне немного
Повстречать, бредя дорогой,
Черный трупик подле пня.

1913
Опалиха

ТУМАН ОСЕННИЙ

Туман осенний струится грустно над серой далью нагих
полей,
И сумрак тусклый, спускаясь с неба, над миром виснет все
тяжелей.

Туман осенний струится грустно над серой далью в немой
тиши,
И сумрак тусклый как будто виснет над темным миром
моей души.

Как будто ветлы стоят над речкой, как будто призрак
дрожит близ них...
Иль только клубы дрожат тумана над серой далью полей
нагих?

Как будто птица, качая крылья, одна мелькнула в немой
тиши...
Иль только призрак мелькнул былого над темным миром
моей души?

Здесь было солнце! здесь были нивы! здесь громкий говор
жнецов не тих;
Я помню счастье, и поцелуй, и мной пропетый звенящий
стих!

Туман осенний, плывущий грустно над серой далью нагих
полей,
Свое бесстрашие, свое дыханье, свое молчанье в меня
пролей!

1913
Опалиха

СУХИЕ ЛИСТЬЯ

Сухие листья, сухие листья,
Сухие листья, сухие листья
Под тусклым ветром кружат, шуршат.
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром сухие листья,
Кружась, что шепчут, что говорят?

Трепещут сучья под тусклым ветром;
Сухие листья под тусклым ветром
Что говорят нам, нам шепчут что?
Трепещут листья под тусклым ветром,
Лепечут листья под тусклым ветром,
Но слов не понял никто, никто!

Меж черных сучьев синее небо,
Так странно-нежно синее небо,
Так странно-нежно прозрачна даль.
Меж голых сучьев прозрачно небо,
Над черным прахом синее небо,
Как будто небу земли не жаль.

Сухие листья шуршат о смерти,
Кружась под ветром, шуршат о смерти:
Они блестели, им время тлеть.
Прозрачно небо. Шуршат о смерти
Сухие листья, — чтоб после смерти
В цветах весенних опять блеснуть!

Октябрь 1913
Опалиха

Из цикла «Под улыбкой солнца»

В ТОМ ЖЕ ПАРКЕ

И в том же парке, давнем, старом,
Где, отрок, ранний свой восход
Я праздновал, вверяясь чарам
Бестрепетных озёрных вод,

Где я слагал впервые песни,
С мечтой неверной о любви,
Где жизнь все слаще, все чудесней
Шептала в ветре мне: «живи!»

Я прохожу чрез годы,— годы,
Исполненные бурь и смут,
А вокруг — все тот же блеск природы,
Все тот же мерный бег минут!

Как будто не было безумий,
Позорных и блаженных лет:
Я узнаю в июльском шуме
Былой, божественный привст.

И мил мне чей-то взор манящий,
И алость чьих-то близких губ,
И дождь, чуть слышно моросящий,
И зелень острохвойных куп.

Вы живы, царственные ели!
Как вы, жива душа моя!
Напрасно бури тяготели
Годин шумящих бытия!

Я — тот же отрок, дерзко-юный,
Вся жизнь, как прежде, впереди,
И кедра сумрачные струны
Мне под дождем поют: «иди!»

Иду я, полон прежней веры,
К безвестным далям, к новым снам,
И этот день, туманно-серый,
Векам покорно передам.

Он был, он есть, — без перемены
Он будет жить в стихе моем,
Как имя нежное Елены,
Сплетенное с мелькнувшим днем.

6—7 июля 1912
Петровское-Разумовское

СКАЗКА

Я учусь быть добрым, я хочу быть ласковым.
Вы, стихов поющих верные хранители:
Это будет песня, это будет сказка вам!
Нежные признанья выслушать хотите ли?

В тайный бор дороги конному и пешему
Дикими кустами строго загорожены.
Там русалки вторят звонким смехом лешему;
Карликов заморских — норы вдоль изложины.

Там, на курьих ножках, есть изба Ягиная;
Плачет, заблудившись, Гретхен с юным Гензелем;
В чаще, где не молкнет песня соловьиная,
Там — высокий терем, с древне-фряжским вензелем.

В горнице тесовой, у окна открытого,
Ждет меня царица, Нелли светлорусая.
К ней, от жизни мерной, мира домовитого,
На коне волшебном вдруг переносусь я.

Маленькие руки я ласкаю длительно,
Аленькие губки я целую, радостный;
Смех ее ответный нежит так целительно,
Взор ее мне светит: тихий, милый, благостный.

За окном Жар-Птица пролетит, вся в пламени,
Рюбецаль киркою простучит с участием...
Нам не нужно лучших, непреложных знамений.
В тереме мы дышим волшебством и счастьем!

О чудесном лесе буду песни складывать,
Расскажу про терем сказку-правду мудрую.
Вам, друзья напевов,— слушать и разгадывать:
Где я взял царевну, Нелли светлокудрую!

1912

В ЛОДКЕ

Завечерело озеро, легла благая тишь,
Закрыла чашу лилия, поник, уснул камыш.

Примолкли утки дикие; над стынувшей водой
Лишь чайки с криком носятся, сверкая белизной.

И лодка чуть колышется, одна средь темных вод,
И белый столб от месяца по зыби к нам идет.

Ты замолчала, милая, и я давно молчу:
Мы преданы вечерней мгле и лунному лучу.

Туманней дали берега, туманней дальний лес;
Под небом, чуть звездящимся, мир отошел, исчез...

Я знаю, знаю, милая, — в священной тишине
Ты снова, снова думаешь печально — обо мне!

Я знаю, что за горестной ты предана мечте...
И чайка, с криком жалобным, пропала в темноте.

Растет, растет безмолвие, ночь властвует кругом...
Ты тайно плачешь, милая, клонясь к воде лицом.

24 июля 1912
Сенежское озеро

ДОЖДЬ И СОЛНЦЕ

Муаровые отблески сверкают под лучом.
Мы вновь на тихом озере, как прежде, мы вдвоем.

Дождь легкий, дождь ласкающий кропит, кропит листву...
Мне кажется, что снова я в далеком сне живу.

И солнце улыбается, как было год назад,
И пестрые жемчужины отряхивает сад.

Все то же, что томило нас: и парк, и дождь, и пруд,
И сосны острохвойные наш отдых стерегут!

Любви порыв ликующий, как странно ты живуч!
Сквозь дождь, сквозь небо серое сверкает вещей луч!

За сеткой — даль туманная, пузырится вода...
О Солнце! победителем останься, как тогда!

1 июня 1913

ПОСЛЕ СКИТАНИЙ

После скитаний,
далеких и трудных,
вдали заблестали

В нежном тумане
лугов изумрудных
знакомые дали!

В море шумящем,
под ропоты бури,
манило вернуться

К зарослям-чащам,
к неяркой лазури,—
над речкой проснуться,

Слыша мычанье
быков и призывы
родимой свирели...

Кончив блужданье,
усталый, счастливый,
вот я — у цели!

1915

Из цикла «В буйной слепоте»

* * *

Итак, это — сон, моя маленькая,
Итак, это — сон, моя милая,
Двоим нам приснившийся сон!
Полоска засветится аленькая,
И греза вспорхнет среброкрылая,
Чтоб кануть в дневной небосклон.

Но сладостны лики ласкательные,
В предутреннем свете дрожащие,
С улыбкой склоненные к нам,
И звезды, колдуньи мечтательные,
В окно потаенно глядящие,
Приветствия шепчут мечтам.

Так где ж твои губы медлительные?
Дай сжать твои плечики детские!
Будь близко, ресницы смежив!
Пусть вспыхнут лучи ослепительные,
Пусть дымно растаю в их блеске я,
Но память о сне сохранив!

1912

Москва

* * *

Сумрак тихий, сумрак тайный,
Друг, давно знакомый мне,
Безначальный и бескрайный,
Призрак, зыблющий туманы,
Вышел в лес и на поляны,
Что-то шепчет тишине.

Не слова ль молитвы старой,
Древней, как сама земля?
И опять, под вечной чарой,
Стали призрачной химерой
Скудный лог, орешник серый,
Зашоссейные поля.

Давний, вечный сон столетий
В свете звезд опять возник;
И вся жизнь — лишь ветви эти,
Мир — клочок росистый луга,
Где уста нашли друг друга,
Вечность — этот темный миг!

Июль 1921

Подольск

ВЕНОК НА МОГИЛУ

Всё — в жертву памяти твоей.

Пушкин

Я не был на твоей могиле;
Я не принес декабрьских роз
На свежий холм под тканью белой;
Глаза других не осудили
Моих, от них сокрытых, слез.

Ну что же! В неге онемелой,
Еще не призванная вновь,
Моих ночей ты знаешь муки,
Ты знаешь, что храню я целой
Всю нашу светлую любовь.

Что ужас длительной разлуки
Парит бессменно над душой,
Что часто ночью, в мгле холодной,
Безумно простирая руки,
Безумно верю: ты со мной!

Что ж делать? Или жить бесплодно
Здесь, в этом мире, без тебя?
Иль должно жить, как мы любили,
Жить исступленно и свободно,
Стремясь, страдая и любя?

Я не был на твоей могиле.
Не осуждай и не ревнуй!
Мой лучший дар тебе — не розы:
Все, чем мы вместе в жизни жили,
Все, все мои живые грезы,
Все, вповь назначенные, слезы
И каждый новый поцелуй!

8 января 1914
Эдинбург

Из цикла «Там, у входа»

НА САНКАХ

Санки в радостном разбеге
Покатались с высоты.
Белая на белом снеге
Предо мной смеешься ты.

Чуть дрожат, качаясь, сосны,
С моря веет ветерок...
Верю: снова будут весны,
День счастливый недалек.

Нет ни ужаса, ни горя:
Улыбнулся детский лик,
И морозный ветер с моря
В душу ласково проник.

Надо легким быть, как санки,
Надо жить лишь для игры,
И лететь во глубь, к полянке,
Склоном сглаженной горы!

Снова в радостном разбеге
Санки мчатся с высоты,
И, упав, на белом снеге,
Белая, смеешься ты!

*11 января 1914
Эдинбург*

УМЕРШИМ МИР!

Умершим мир! Пусть спят в покое
В немой и черной тишине.
Над нами солнце золотое,
Пред нами волны — все в огне.

Умершим мир! Их память свято
В глубинах сердца сохраним.
Но дали манят, как когда-то,
В свой лиловато-нежный дым.

Умершим мир! Они сгорели,
Им поцелуй спалил уста.
Так пусть и нас к такой же цели
Ведет безумная мечта!

Умершим мир! Но да не встанет
Пред нами горестная тень!
Что было — да не отуманит
Теперь воспламененный день!

Умершим мир! Но мы, мы дышим.
Пока по жилам бьется кровь,
Мы все призывы жизни слышим
И твой священный зов, Любовь!

Умершим мир! И нас не минет
Последний, беспощадный час,
Но здесь, пока наш взгляд не стынет,
Глаза пусть ищут милых глаз!

1914
Эдинбург

Из цикла «Стоим, мы слепы»

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Свершилось. Рок рукой суровой
Приподнял завесу времен.
Пред нами лики жизни новой
Волнуются, как дикий сон.

Покрыв столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитям Европы древней
Идет последняя война.

И все, о чем с бесплодным жаром
Пугливо спорили века,
Готова разрешить ударом
Ее железная рука.

Но вслушайтесь! В сердцах стесненных
Не голос ли надежд возник?
Призыв племен поработенных
Врывается в военный крик.

Под топот армий, гром орудий,
Под ньюпоров гудящий лет,
Все то, о чем мы, как о чуде,
Мечтали, может быть, встает.

Так! слишком долго мы коснели
И длили Валтассаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенным выйдет мир!

Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков,—
В неверном озарении славы
Грядущий мир да будет нов!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы:
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!

17 июля 1914

СТАРЫЙ ВОПРОС

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы — тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?

Иль мы — тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?

Иль мы — тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невольской,
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?

Да, так, мы — славяне! Иным
Доныне ль наш род ненавистен?
Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?

И что же! священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз,
Не с нами ль свободный британец?

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явим пред ликом веков,
В чем наше народное право.

Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?

30 июля 1914

КРУГИ НА ВОДЕ

От камня, брошенного в воду,
Далеко ширятся круги.
Народ передает народу
Проклятый лозунг: «Мы — враги!»

Племен враждующих не числи:
Круги бегут, им нет числа;
В лазурной Марне, в желтой Висле
Влачатся чуждые тела;

В святых просторах Палестины
Уже звучат шаги войны;
В Анголе девственной — долины
Ее стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флот, не отважившийся в бой.

Везде — вражда! где райской птицы
Воздушный зыблется полет,

Где в джунглях страшен стон тигрицы,
Где землю давит бегемот!

В чудесных, баснословных странах
Визг пуль и пушек ровный рев,
Повязки белые на ранах
И пятна красные крестов!

Внимая дальнему удару,
Встают народы, как враги,
И по всему земному шару
Бегут и ширятся круги,

2 декабря 1914
Варшава

НА КАРПАТАХ

Уступами всходят Карпаты,
Под ногами тает туман.
Внизу различают солдаты
Древний край — колыбель славян.

Весенним приветом согрета,
Так же тихо дремала страна...
На четыре стороны света
Отсюда шли племена.

Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мраке,
Но каждый шептал: «Я вернусь!»

Проносились века и беды,
Не встречался с братьями брат,
И вот, под грохот победы,
Мы снова на склонах Карпат.

Вздохни ж ожидающим мигом,
Друзей возвращенных встречай,
Так долго под вражеским игом,
Словно раб, томившийся край.

Засветился день возвращенья,
Под ногами тает туман...
Здесь поставьте стяг единенья
Нашедших друг друга славян!

15 октября 1914

Из цикла «Высоких зрелищ зритель»

В ВИЛЬНО

Опять я — бродяга бездомный,
И груди так вольно дышать.
Куда ты, мой дух неумный,
К каким изумленьям опять?

Но он — он лишь хочет стремиться
Вперед, до последней поры;
И сердцу так сладостно биться
При виде с Замковой Горы.

У ног «стародавняя Вильна», —
Сеть улиц, строений и крыш,
И Вилия ропщет бессильно,
Смущая спокойную тишь.

Но дальше, за кругом холмистым, —
Там буйствует шумно война,
И кажется, в воздухе чистом
Победная песня слышна.

Внизу же, где липки так зыбко
Дрожат под наитием дня,
Лик Пушкина, с мудрой улыбкой,
Опять поглядит на меня.

Август 1914
Вильно

В ВАРШАВЕ

В первый раз по улицам Варшавы
С легким сердцем прохожу один.
Не гнетет меня кошмар кровавый
Темной славой роковых годин.

Все, что было, — нет, не миновало,
И веков мгновенью не сломать;
Но, быть может, нынче — день начала,
Нынче солнце в небе — как печать.

Пусть оно наш день запечатлеет,
День, когда, как братья, мы могли
Всё сказать, о чем язык немеет,
Что мы долго в душах берегли.

Мы сошлись не по тропинке узкой,
Как к поэту близится поэт;
Я пришел путем большим, как русский,
И, как русский, слышал я привет.

А на улице, как стих поэмы,
Клики вокруг меня сливались в лад:
Польки раздавали хризантемы
Взводам русских радостных солдат.

24 августа 1914

Варшава

В ОКОПЕ

В семье суровых ветеранов
Пью чай. Пальба едва слышна.
Вдали — под снегом спит Цеханов,
И даль в снегу погребена.

Сквозь серые туманы солнце
Неярко светит, без лучей.
Тиха беседа о японце,
И равномерен звук речей.

Незримо судьбы всей Европы
С судьбой уральцев сплетены,—
Но нынче в снежные окопы
Доходит смутно гул войны.

Мир крикнул этим бородатым
Сибирякам: «Брат, выручай!»
И странно с сумрачным солдатом
Пить на досуге мутный чай.

Неизмеримым бредят грезы,
Крушением царств и благом всех...
А здесь — рассказы про шимозы
Сменяет беззаботный смех.

26 декабря 1914
Цеханов

* * *

Опять — развесистые липы
И склады бревен за избой;
Телеги вдоль дороги, скрипы,
Окно с затейливой резьбой;

Вдали — излучи малой речки,
И главы дальнего села;
А близко — девка на крылечке
Статна, румяна, весела.

Пырнул, поднявши хвост, утенок,
А утка с важностью плывет.
Как изумителен, как тонок
Прозрачных тучек хоровод!

Здесь мир и век забыть возможно...
Но чу! порой сквозь шум лесов
Со станции гудит тревожно
Гул санитарных поездов.

10 июня 1915
Бурково

Из цикла «Там на западе»

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Протянута лентой бесцветной и плоской,
Прорезала Францию узкой полоской.
Все мертво на ней: ни двора, ни куста:
Местами — два-три деревянных креста.
Местами — развалины прежних строений,
Да трупы, да трупы, — тела без движений!

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
И справа и слева, на мили, на мили, —
Валы и окопы ее обтеснили.
С них рушатся гулко, и ночью и днем,
Удары орудий, как сумрачный гром,
И мерно сверкают под эти раскаты
То белые вспышки, то свет розоватый.

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Прошла, разделила две вражеских рати
И стала дорогой вражды и проклятий.
Сменяются дни; но, настойчиво, вновь
Здесь блещут штыки, разливается кровь,
И слушают люди, сгрудясь в миллионы,
Лязг сабель, свист пуль и предсмертные стоны.

*30 ноября 1914
Варшава*

ФЛАМАНДЦАМ

Народ Верхарна! не напрасно вещей
Тебя прославил: жив твой мощный дух!
Он молнией в дыму сражений блещет,
Он в громе пушек нам вещает вслух.

И, кажется, опять восстал Карл Смелый
Иль Бодуэн, Железная Рука.
Бой храбрецов с врагом остервенелым
Следят, дивясь величию, века.

Нам не забыть, как ты в любимом Льеже
Свою свободу гордо ограждал
Твои сыны, как в славном прошлом, — те же:
Поэт дал клятвы, ты их оправдал.

Не пушки, не оружие стальное
Нас делают отважней и сильнее:
Любовь к отчизне создает героев
С дней Марафона вплоть до наших дней.

7 августа 1914

ТЕВТОНУ

Ты переполнил чашу меры,
Тевтон, — иль как назвать тебя!
Соборов древние химеры
Отмстят, губителя губя.

Подъявший длань на храмы-чудо,
Громивший с неба Notre Dame,
Знай: в Реймсе каменная гряда
Безмолвно вопиет к векам!

И этот вопль призывный слышат
Те чудища, что ряд веков,
Над Сеной уместившись, дышат
Мечтой своих святых творцов.

Не даром зодчий богомольный
На высоту собора взнес,
Как крик над суетой юдольной,
Толпу своих кошмарных грез.

Они — защитницы святыни,
Они — отмстительницы зла,
И гневу их тебя отныне
Твоя гордыня обрекла.

Их лик тебе в дыму предстанет,
Их коготь грудь твою пробьет,
Тебя смутит и отуманит
Их крыльев демонский разлет;

И суд, что не исполнят люди,
Докончат сонмы скрытых сил
Над тем, кто жерлами орудий
Святыне творчества грозил.

Сентябрь 1914
Варшава

Из цикла «В жизни человеческой»

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

Что я могу припомнить? Ясность глаз
И детский облик, ласково-понурий,
Когда сидит она, в вечерний час,
За ворохом шуршащей корректуры.

Есть что-то строгое в ее глазах,
Что никогда расспросов не позволит.
Но, может быть, суровость эта — страх,
Что кто-нибудь к признаниям приневолит.

Она смеяться может, как дитя,
По тотчас поглядит лицом беглянки,
Застигнутой погоней: миг спустя
Она опять бесстрастно правит гранки.

И, что-то важное, святое скрыв
На самом дне души, как некий идол,
Она — как лань пуглива, чтоб порыв
Случайный — тайны дорогой не выдал.

И вот сегодня — ясность этих глаз
Мне помнится; да маленькой фигуры
Мне виден образ: да в вечерний час
Мне слышен ровный шелест корректуры...

1913

ПРОСТЕНЬКАЯ ПЕСНЯ

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девочкой играла
Утром, рано-рано.

Дед твердил с улыбкой,
Ласков, сед и важен,
Что далеким предком
Был платан посажен.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девушкой скрывалась
В первый час тумана.

Целовалась нежно
В тихом лунном свете,
Так, как целовались
Люди ряд столетий.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Женщиной рыдала
Под напев фонтана.

Горестно рыдала
О минутной сказке,
Опалившей страсти,
Обманувшей ласки.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
В старость вспоминала
Жизнь, — как сеть обмана.

Вспоминала, с грустной
Тишиной во взоре,
Призрачное счастье,
Медленное горе.

И, в тени прозрачной
Светлого платана,
Так же сладко дремлет
Прежняя поляна.

Ты же на кладбище,
Под плакучей ивой
Спишь, предавшись грезе,
Может быть, счастливой.

1913

Из цикла «На шумных улицах»

У КАНАЛА

В угрюмом сумраке почей безлунных
Люблю я зыбкость полусонных вод.
Приникнув к жесткости оград чугунных,
Люблю следить волны унылый ход.

Свет фонарей, раздробленный движеньем,
Дрожит в воде семей недлинных змей,
А баржи спят над зыбким отраженьем
Глубоким сном измученных зверей.

Так близко Невский,— грохоты трамваев,
Гудки авто, гул тысяч голосов...
А серый снег, за теплый день растаяв,
Плывет, крутясь, вдоль темных берегов.

Так странно: там — кафе, улыбки, лица...
Здесь — тишь, вода и отраженный свет.
Все вобрала в водоворот столица,
На все вопросы принесла ответ.

И если жизнью, слишком многострунной,
Измучен ты,— приди ко мне, сюда,
Перешагни чрез парапет чугунный,
И даст тебе забвение вода.

*1 ноября 1912
Петербург*

Из цикла «Детский блеск очей»

ДВЕ ГОЛОВКИ

Красная и синяя —
Девочки в траве,
Кустики полыни
Им по голове.

Рвут цветочки разные,
Бабочек следят...
Как букашки — праздные,
Как цветки на взгляд.

Эта — лёнокудрая,
С темной скобкой — та...
Вкруг природы мудрой
Радость разлита.

Вот, нарвав букетики,
Спорят: «я да ты...»
Цветики — как дети,
Дети — как цветы.

Нет нигде уныния,
Луг мечтает вслух...
Красный блик, блик синий, —
Шелк головок двух!

*15 июля 1915
Бурково*

Из цикла «В старинном замке»

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Когда торжественный Закат
Царит на дальнем небосклоне
И духи пламени хранят
Воссевшего на алом троне,—
Вещает он, воздев ладони,
Смотря, как с неба льется кровь,
Что сказано в земном законе:
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И призраков проходит ряд
В простых одеждах и в короне:
Ромео, много лет назад
Пронзивший грудь клинком в Вероне;
Надменный триумвир Антоний,
В час скорби меч подъявший вновь;
Пирам и Паоло... В их стоне —
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И я баюкать сердце рад
Той музыкой святых гармоний.
Нет, от любви не охранят
Твердыни и от смерти — брони.
На утре жизни и на склоне
Ее к томленью дух готов.
Что день,— безжалостней, мудреней
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

Ты слышишь, друг, в вечернем звоне:
«Своей судьбе не прекословь!»
Нам свищет соловей на клене:
«Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!»

БАЛЛАДА ВОСПОМИНАНИЙ

На склоне лет, когда в огне
Уже горит закат кровавый,
Вновь предо мной, как в тихом сне,
Проходят детские забавы.
Но чужды давние отравы
Душе, вкусившей темноты.
Лишь вы, как прежде, величавы,
Любви заветные мечты!

Я помню: в ранней тишине
Я славил жгучий полдень Явы,
Сон пышных лилий на волне,
Стволы, к которым льнут удавы,
Глазам неведомые травы,
Нам неизвестные цветы...
Все смыли, как потоком лавы,
Любви заветные мечты!

Я помню: веря злой весне,
Ловил я зыбкий призрак славы;
Казалось так желанно мне —
Грань преступать, ломать уставы.
Но понял я: все цепи — ржавы,
Во всем — обманы суеты:
И вы одни в сем мире правы,
Любви заветные мечты!

Сын Вéнеры, Амор лукавый,
Храни меня отныне ты.
Встают, как из-за леса главы,
Любви заветные мечты.

1913

Из цикла «В маске»

В РАЗРУШЕННОМ МЕМФИСЕ

Как царственно в разрушенном Мемфисе,
Когда луна, тысячелетий глаз,
Глядит печально из померкшей выси
На город, на развалины, на нас.

Ленивый Нил плывет, как воды Стикса,
Громады стен проломленных хранят
Следы кирки неистового гикса;
Строг уцелевших обелисков ряд.

Я — скромный гость из молодой Эллады,
И, в тихий час таинственных планет,
Обломки громкого былого — рады
Шепнуть пришельцу горестный привет:

«Ты, странник из земли, любимой небом,
Сын племени, идущего к лучам, —
Пусть ты клянешься Тотом или Фебом,
Внимай, внимай, о чужестранец, нам!

Мы были горды, высились высоко,
И сердцем мира были мы в веках, —
Но час настал, и вот, под бурей Рока,
Погнулись мы и полегли во прах.

В твоей стране такие же колонны,
Как стебли, капителью расцветут,
Падет пред ними путник удивленный,
Их чудом света люди назовут.

Но и твой поникнут в прах твердыни,
Чтоб после путники иной страны,
Останки храмов видя средь пустыни,
Дивились им, величьем смущены.

Быть может, в землях их восстанут тоже
Дворцы царей и капища богов, —
Но будут некогда и те похожи
На мой скелет, простертый меж песков.

Поочередно скиптр вселенской славы
Град граду уступает. Не гордись,
Пришлец. В мире все на время правы,
Но вечно прав лишь тот, кто держит высь!»

Торжествен голос царственных развалин,
Но, словно Стикс, струится черный Нил.
И диск луны, прекрасен и печален,
Свой вечный путь вершит над сном могил.

Из цикла «В ваших чертогах»

ГАРИБАЛЬДИ

Что сделал ты, кем был, не это важно!
Но ты при жизни стал священным мифом,
В народной памяти звенишь струной протяжной,
Горишь в веках святым иероглифом!

Что свято в слове роковом «свобода»,
Что в слове «родина» светло и свято,
Для итальянского народа
Все в имени твоём объято.

Кто б ни был итальянец: ладзароне,
Купец, поэт, вельможа иль убийца,—
Он склонится, как пред царем в короне,
Пред красным колпаком гарибальдийца.

И в сотнях изваяний ты умножен,
В деревне, в городе, в открытом поле;
Стоишь, восторжен и тревожен,
Зовя сограждан к торжеству и к воле;

Но, пламенный трибун и вождь толпы упорный,
При всех паденьях не терявший веры!
Твой пьедестал нерукотворный —
Гранит Капреры!

10 декабря 1913

ПЕВЦУ «СЛОВА»

Стародавней Ярославне тихий ропот струн:
Лик твой скорбный, лик твой бледный, как и прежде, юн.
Раным-рано ты проходишь по градской стене,
Ты заклатье шепчешь солнцу, ветру и волне.
Полететь зегзицей хочешь в даль, к реке Каял,
Где без сил, в траве кровавой, милый задремал.
Ах, о муже-господине вся твоя тоска!
И, крутясь, уносит слезы в степи Днепр-река.

Стародавней Ярославне тихий ропот струн.
Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде, юн.
Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто «Слово» спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел?
Или русских женщин лики все в тебе слиты?
Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна — ты!
На стене ты плачешь утром... Как светла тоска!
И, крутясь, уносит слезы песнь певца — в века!

1912

ПЕТЕРБУРГ

Здесь снов не ваял Сансовино,
Не разводил садов Ле-Нотр.
Все, волей мощной и единой,
Предначертал Великий Петр.

Остановив в болотной топи
Коня неистового скок,
Он повернул лицом к Европе
Русь, что смотрела на Восток;

Сковал седым гранитом реки,
Возвысил золоченый шпиль,
Чтоб в ясной мгле, как призрак некий,
Гласил он будущую быль.

Вдали — поля, поля России,
Усталый труд, глухая лень,
Всё те же нивы вековые
Всё тех же скудных деревень;

Вдали, как редкие цветенья,
Шумят несмело города,
В краях тоски и униженья,
Былого рабства и стыда.

Но Петроград огнями залит,
В нем пышный роскоши расцвет,
В нем мысль неутомимо жалит,
В нем тайной опьянен поэт,

В нем властен твой холодный гений,
Наш Кесарь-Август, наш Ликург!
И отзвуком твоих стремлений
Живет доньше Петербург!

1912

ТРИ КУМИРА

В этом мутном городе туманов,
В этой тусклой, безрассветной мгле,
Где строенья станом великанов
Разместились тесно по земле, —

Попирая, в гордости победной,
Ярость змея, сжатого дугой,
По граниту скачет Всадник Медный,
С царственно протянутой рукой.

А другой, с торжественным обличем,
Строгое спокойствие храня,
Упоенный силой и величьем,
Правит скоком сдержанным коня;

Третий, на коне тяжелоступном,
В землю втиснувшем упор копыт,
В полусне, волненью недоступном,
Недвижимо, сжав узду, стоит.

Иступленно скачет Всадник Медный;
Непоспешно едет конь другой;
И сурово, с мощностью наследной,
Третий конник стынет над толпой —

Три кумира в городе туманов,
Три владыки в безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле.

1 декабря 1913

«БАХУС» РУБЕНСА

Бахус жирный, Бахус пьяный
Сел на бочку отдохнуть;
За его плечом — багряный
Женский пеплум, чья-то грудь.

Бочка словно тихо едет,
Словно катится давно;
Но рукой привычной педит
В чашу женщина вино.

Весел бог черноволосый,
Ждет вечерней темноты;
Кое-как льняные косы
У подруги завиты.

Скрыто небо черной тучей,
Мгла нисходит на поля...
После чаши — ласки жгучи,
И желанный одр — земля!

Но, забыв про грезы эти,
Опрокинув к горлу жбан,
Жадно влагу тянет третий...
Ах, старик, ты скоро — пьян.

Только девочке-малютке
Странно: что же медлит мать?
Только мальчик, ради шутки,
Рубашонку рад поднять.

Из пяти — блаженны двое;
Двум — блаженство знать потом:
Пятый ведал все земное,
Но блажен и он — вином.

1912

Из цикла «В душевной глубине»

КАЛЕЙДОСКОП

Забава милой старины,
Игрушка бабушек жеманных,
Ты им являл когда-то сны
Видений призрачных и странных.

О трубочка с простым стеклом,
Любимица княгинь и графов!
Что мы теперь в тебе найдем,
В годину синематографов?

Позволь к тебе приблизить глаз;
Своей изменчивой усладой
(Ах, может быть, в последний раз!)
Его обманчиво обрадуй!

Ярко и четко, в прозрачности синей,
Ало-зеленые звезды горят.
Страцны случайности сломанных линий...
Это — кометы в эфирной пустыне,
Это — цветы на лазоревой льдине,
Чуждых цветов металлический сад!

Миг, — все распалось в стремительной смене!
Кто, окрыленный строитель, воздвиг
Эти дворцы упоительной лени,
Башни безвестных, чудесных Армений,
Те арабески и эти мишени,
Эти фонтаны из золота? — Миг,

Вновь все распалось, и встали кораллы,
Вкруг перевиты живым жемчугом.
Или рубины, пронзительно-алы,
Яркость вонзили в живые кристаллы?
Или наполнены кровью бокалы,
Белый хрусталь яркокрасным вином?

Довольно! детства давний друг,
Ты мне опять напомнил грезы,
Когда так сладостно вокруг
Сплетались трауры и розы!

Ты мне вернул забытый рай
Из хризолита и сапфира!
Опять безмолвно отдыхай,
Тайник непознанного мира.

Свой лал, свой жемчуг, свой алмаз
Таи, окованный молчаньем,
Пока опять захочет глаз
Прильнуть к твоим очарованьям.

Из цикла «В минуту жизни»

ЕДИНОБОРСТВО

Я — побежден, и, не упорствуя,
Я встречу гибельный клинок.
Я жизнь провел, единоборствуя,
С тобою, Черный Рыцарь, Рок.
Теперь, смирясь, теперь, покорствуя,
Я признаю: исполнен срок!

Немало выпадов губительных
Я отразил своим щитом,
Ударов солнечно-слепительных,
Горевших золотым огнем.
И, день за днем, я в схватках длительных
С тобой стоял, к лицу лицом.

Не раз я падал, опрокинутый;
Мой панцырь был от крови ал,
И я над грудью видел вынутый
Из ножен твой кривой кинжал.
Но были миги смерти минуты,
И, с новой силой, я вставал.

Пусть, пусть от века предназначено,
Кому торжествовать из нас:
Была надежда не утрачена —
Продлить борьбу хоть день, хоть час!
Пусть горло судорогой схвачено,
Не мне просить о *coup de grâce*!

Вот выбит меч из рук; расколото
Забрало: я поник во прах;
Вихрь молний, пламени и золота
Все вокруг застлал в моих глазах...
Что ж медлить? Пусть, как тяжесть молота,
Обрушится последний взмах!

Декабрь 1913

РОНДО

Я плачу. Вдоль пути печален сосен ряд.
Уснул ямщик, забыв стегать худую клячу.
Смотря на огненный, торжественный закат,
Я плачу.

Там, в небе пламенном, я, малый, что я значу?
Здесь тихо дни ползут, а там века летят,
И небу некогда внимать людскому плачу!

Так и в ее душе — я, только беглый взгляд...
И с мыслью обо всем, что скоро я утрачу,
С упылой памятью утерянных усад,
Я плачу...

1912

Из цикла «На памятном листке»

Н. Н. САПУНОВУ

По небу полуночи...
М. Лермонтов

Когда твою душу в объятиях нес
Твой ангел в селения слез,—
Не небом ночным он с тобою летел,
Он тихую песню не пел.

Тебя проносил он, печален и нем,
Чрез дивно сиявший эдем,
Где, в блеске неведомой нам красоты,
Дышали живые цветы;

Где высился радуг стокрасочный свод
Над яркой прозрачностью вод;
И отсветы чудных и нежных огней
В душе затаились твоей.

Всю краткую жизнь ты томился мечтой,
Как выразить блеск неземной,
Любя безнадежно земные цветы,
Как отблеск иной красоты.

27 марта 1914

НА СМЕРТЬ А. Н. СКРЯБИНА

Он не искал — минутно позабавить,
Напевами утешить и пленить;
Мечтал о высшем: божество прославить
И бездны духа в звуках озарить.

Металл мелодий он посмел расплавить
И в формы новые хотел излить;
Он неустанно жаждал жить и жить,
Чтоб завершенным памятник поставить.

Но судит Рок. Не будет кончен труд!
Расплавленный металл бесцельно стынет:
Никто его, никто в русло не двинет...

И в дни, когда Война вершит свой суд
И мысль успела с жатвой трупов сжиться,—
Вот с этой смертью сердце не мирится!

17/30 апреля 1915
Варшава

ПУТЬ К ВЫСОТАМ

Сонет-акростих

Путь к высотам, где музы пляшут хором,
Открыт не всем: он скрыт во тьме лесов.
Эллада, в свой последний день, с укором
Тайник сокрыла от других веков.

Умей искать; умей упорным взором
Глядеть во тьму; расслышь чуть слышный зов!
Алмазы звезд горят над темным бором,
Льет ключ бессонный струи жемчугов.

Пройди сквозь мрак, соблазны все минуя,
Единую бессмертную взыскаю,
Рабом склоняйся пред своей мечтой,

И, вдруг сожжен незримым поцелуем,
Нежданной радостью, без слов, волнуем,
Увидишь ты тропу перед собой.

1912

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ...

Быть может, я в последний раз
Свою дорогу выбираю.
На дальней башне поздний час
Звенел. Что в путь пора, я знаю.

Мой новый путь, последний путь,
Ты вновь ведешь во глубь ущелий!
Не суждено мне отдохнуть
В полях весны, под шум веселий!

Опять голодные орлы
Над головой витают с криком,
И грозно выступы скалы
Висят в безлюдии великом;

Опять, шипя, скользит змея,
И барс рычит, пустынножитель;
Но шаг мой тверд, и снова я —
Охотник, странник и воитель.

Пусть годы серебрят висок,
Пусть в сердце тупо ноют раны,—
Мой посох поднят, путь далек,
Иду чрез горы и туманы.

На миг мне виден с высоты
Тот край, что с детства взоры манит.
Дойду ль до сладостной черты,
Иль Смерть мне на пути предстанет?

Но знаю: прежде, чем упасть,
Чем вызов Смерти встретить дружно,—
Мне снова улыбнется страсть
Улыбкой ласково-жемчужной.

Последней, роковой любви
Слова я прошепчу на круче,
И, — словно солнце, всё в крови, —
Пусть жизнь тогда зайдет за тучи!

18 ноября 1914

Из неопубликованной книги

«ДЕВЯТАЯ КАМЕНА»

1916—1917

Из цикла «Наедине с собой»

ДЕВЯТАЯ КАМЕНА

Хвала вам, девяти Каменам!
Пушкин

Когда мечты любви томили
Ребенка, он, вливая их,
Влил в дерзкой книге «Ювенилий»
Свой ранний опыт в робкий стих.

И сны веков мечтам предстали:
Японский штрих, французский севр,
Глаза камей, черты медалей,—
Чтоб новой жизнью жить—в «Chefs d'œuvre»

Но, трепет неземных предчувствий
Средь книг и беглых встреч тая,
Я крылий снам искал в искусстве
И назвал книгу: «Это — я!»

Но час настал для «Третьей стражи».
Я, в шуме улиц, понял власть
Встающих в городе миражей,
Твоих звенящих зовов, страсть!

Изведав мглы блаженств и скорби,
Победы пьяность, смертный страх,
Я мог надменно «Urbi et orbi»
Петь гимн в торжественных стихах.

Когда ж в великих катастрофах
Наш край дрожал и кликал Рок,—
Венчая жизнь в певучих строфах,
Я на себя взложил «Венок».

Впервые юноши и девы
Приветом встретили певца,
И я слагал им «Все напевы»,
Пленяя тайной слов сердца.

Но зорким взором и спокойно
Я озирал сцепленье дней,
Чтоб пред людьми, в оправе стройной,
Поставить «Зеркало теней».

Я ждал себе одной награды:
Предаться вновь влечению снов,
И славить мира все улады
И «Радуги» все «семь цветов».

Но гром гремит. Молчать — измена;
До дна взволнован мой народ...
Ужель «Девятая Камена»
Победных песен не споет?

А вслед? Конец ли долгим сменам?
Предел блужданьям стольких лет?
«Хвала вам, девяти Каменам!»
Но путь укажет — Мусaget!

Март 1917

ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ

Безбрежность восторга! бездонность печали!
Твои неизмерные пропасти,— страсть!
Из них открывается в жизни — едва ли
Десятая часть!

А если нас горе и счастье венчали,
Все в прошлое пало, как в алчную пасть,
И в памяти скудно хранится — едва ли
Десятая часть!

Мы жили, любили, искали, встречали,
Чтоб верить и плакать, чтоб славить и клясть...
Но радостных встреч нам досталась — едва ли
Десятая часть!

Нас миги любви, как качели, качали;
Взлетали мы к небу, чтоб жалко упасть...
Но в перечне длинном взлетаний — едва ли
Десятая часть!

Что ж пряжу мгновений, теперь как вначале,
Еще мы упорно стараемся пряхть?
Совьется желаемой нити — едва ли
Десятая часть!

И пусть мы, певцы, о себе не молчали!
Что может и песен певучая власть?
Всех мук уцелеет в напеве — едва ли
Десятая часть!

15 октября 1916

ЛИШЬ БЕЗМЯТЕЖНОГО МИРА...

Лишь безмятежного мира жаждет душа, наконец.
Взором холодным окину блеск и богатства Офира,
С гордым лицом отодвину, может быть, царский венец.
Жаждет душа без желаний лишь безмятежного мира.
Надо? — из груди я выну прежнее сердце сердец.
Что мне напев ликований, шум беспечального пира,
Что обольщенья лобзаний женских под звоны колец!
Прочь и певучая лира! Больше не ведать кумира,
Быть обращенным во льдину, быть обращенным в свинец!
В благодном холоде стыну, пью из святого потира
Тайну последних молчаний, спешший с арены борец.
Прошное прошлому кину! Лишь безмятежного мира,
Лишь раствориться в тумане жаждет душа, наконец!

29 августа 1916

ОЖЕРЕЛЬЕ ДНЕЙ

Пора бы жизнь осмыслить, подытожить:
Уже в былом — сороковой порог,
И, если дни на счет годов помножить,
Пятнадцать тысяч превзойдет итог.

Но эти тысячи, порой несчастных,
Порой счастливых, пережитых дней,—
Как ожерелья — белых, синих, красных,
Зеленых, желтых, всех цветов — огней!

И эти бусы жгут и давят шею,
По телу разливают смертный яд.
Их пламя погасить я не умею,
И в ночь и днем они меня язвят...

Какие камни сбросить мне? Не вас ли,
Рубины алые, где тлеет страсть?
Беру их в руку... Но давно погасли,
Как жемчуга, они. За что ж их клясть?

Так вас, быть может, жаркие алмазы,
Вас, тайные, преступные мечты?
Нет! В ясном свете вы — слепые стразы,
Обманный блеск поддельной красоты!

Так вас тогда, глубокие опалы,
Воспоминанья скорби и могил?
Нет, нет! И вы цветок уже завялый,
И ваш огонь стал мертвым и остыл!

А вы, исканья бога — аметисты,
И вы, сапфиры вдумчивых стихов!
Сверкал из вас, в былом, огонь лучистый,
Но вы теперь — лишь груз холодных слов!

Так что ж горит? Вы, скромные агаты?
Ты, нежная, святая бирюза?
Ты, гиацинт? — случайные утраты,
Мелькнувшие в вечерней мгле глаза.

Сны недовиденные, встреч мгновенных,
Губ недоласканных прощальный суд?
Что жжет еще меж зерен драгоценных?
Смарагд, топаз, лал, оникс, изумруд?

Всмотрюсь,— и блекнет блеск великолепий:
На белых нитях — только тусклый груз...
Но эти нити сжали жизнь, как цепи,
Палят, как угли, сочетанья бус!

И жаль порвать уборы ожерелий:
Палим, любуюсь ими я в тиши...
Пусть каждый камень мертв, 'они горели,
Горят и ныне — факелом души!

Май 1916

Из цикла «В дни Красных знамен»

ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ

Освобожденная Россия,—
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости — жива!
Как много раз в былые годы
Мы различали властный зов:
Зов обновления и свободы,
Стон — вызов будущих веков!

Они, пред нами стоя, грозно
Нас вопрошали: «Долго ль ждать?
Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать.
Пусть вам тяжелый жребий выпал:
Вы ль отречетесь от него?
По всем столетьям рок рассыпал
Задачи, труд и торжество!»

Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп среди долгой тьмы?
С восторгом первый гул суровый,—
Обвала гул признали мы.
То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь, под голос грома,
Сорвался и летит обвал!

И тем, кто в том работал,— слава!
Недаром жертвы без числа
Россия, в дни борьбы кровавой
И в дни былого, принесла!

Подаром сгибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и в снегах!
Их смертный стон был гимн отчизне,
Их подвиг оживет в веках!

Как те, и наше поколение
Свой долг исполнило вполне,
Блажен, въявь видевший мгновенья,
Что прежде грезились во сне!
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала,— наконец!

1 марта 1917

НА УЛИЦАХ

На улицах красные флаги,
И красные банты в петлице,
И праздник ликующих толп;
И кажется: властные маги
Простерли над сонной столицей
Туман из таинственных колб.

Но нет! То не лживые чары,
Не призрак, мелькающий мимо,
Готовый рассеяться вмиг!
То мир, осужденный и старый,
Исчез, словно облако дыма,
И новый в сияньи возник.

Все новое — странно-привычно:
И слитые с нами солдаты,
И всюду алеющий цвет,
И в толпах, над бурей столичной,
Кричащие эти плакаты,—
Народной победе привет!

Те поняли, те угадали...
Не трудно учиться науке,
Что значит быть вольной страной!

Недавнее кануло в дали,
И все, после долгой разлуки,
Как будто вернулись домой.

Народ, испытавший однажды
Дыханье священной свободы,
Пойти не захочет назад:
Он полон божественной жажды,
Ее лишь глубокие воды
Вершительных прав утолят.

Колышутся красные флаги...
Чу! колокол мерно удары
К служению свободному льет.
Нет! То не коварные маги
Развеяли тайные чары:
То ожил державный народ!

2 марта 1917

В МАРТОВСКИЕ ДНИ

Мне жалко, что сегодня мне не пятнадцать лет,
Что я не мальчик дерзкий, мечтательный поэт,
Что мне не светит в слове его начальный свет!

Ах, как я ликовал бы, по-детски опьянен,
Встречая этот праздник, ступень иных времен,
Под плеском красных флагов — увенчанных знамен!

Пусть алым ликованием душа моя полна,
Но в чувстве углубленном нет пьяности вина,
Оно — не шторм весенний, в нем глубина ясна.

Да, многое погибло за сменой дней-веков:
Померк огонь алмазный в сверканьи многих слов,
И потускнели краски не раз изжитых снов.

Душа иного алчет. На медленном огне
Раскалены, сверкают желания на дне.
Горит вулкан подводный в безмолвной глубине.

Прошедших и грядущих столетий вижу ряд,
В них наши дни впадают, как в море водопад,
И память рада слышать, как волны волн шумят!

Приветствую Свободу... Чего ж еще хотеть?
Но в золотое слово влита, я знаю, медь:
Оно, звуча, не может, как прежде, мне звенеть!

Приветствую Победу... Свершился приговор!
Но, знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

Нет, не могу безвольно смешаться с этим днем!
И смутно, как былые чертоги под холмом,
Сверкают сны, что снились в кипеньи молодом!

И втайне жаль, что нынче мне не пятнадцать лет,
Чтоб славить безраздумно, как юноша-поэт,
Мелканье красных флагов и красный, красный цвет!

3 марта 1917

СВОБОДА И ВОЙНА

Свобода! Свобода! Восторженным кликом
Встревожены дали холодной страны:
Он властно звучит на раздольи великом
Созвучно с ручьями встающей весны.

Россия свободна! Лазурь голубее,
Живительней воздух, бурливей река...
И в новую жизнь бесконечной аллеей
Пред нами, приветно, раскрылись века.

Но разве сознание не мучит, не давит,
Что, в радости марта, на празднике верб,
Весны и свободы не видит, не славит
Поляк, армянин, и бельгиец, и серб?

В угрюмых ущельях, за зеркалом Вана,
Чу! лязганье цепи, удар топора!
Там тысячи гибнут по слову султана,
Там пытки — забава, убийство — игра.

А дальше из глуби Ускюба, с Моравы,
Не те же ли звоны, не тот же ли стон?
Там с ветром весенним лепечут дубравы
Не песенки страсти, — напев похорон.

В развалинах — башни Лувена и Гента,
Над родиной вольной — неистовый гнет...
Германских окопов железная лента
От мира отрезала целый народ.

А ближе! в родной нам, истерзанной Польше!
Нет воли всмотреться, немеет язык...
О, как же гордиться и праздновать дольше,
Катить по просторам восторженный клик?

Довольно! Не кончено дело свободы,
Не праздник пред нами, а подвиг и труд,
Покуда, в оковах, другие народы,
С надеждой на нас, избавления ждут!

22 марта 1917

ИЗ ДНЕВНИКА

полно!

Полно! Не впервые
Испытанья Рок
Падает России:
Беды все — на срок.

Мы татарской воле
Приносили дань:
Куликово поле
Положило грань.

Нас гнели поляки,
Властвуя Москвой;
Но зажег во мраке
Минин факел свой.

Орды Бонапарта
Нам ковали ков;
Но со снегом марта
Стаял след врагов.

Для великих далей
Вырастает Русь;
Что мы исчерпали
Их,— я не боюсь!

Знаю: ждет нас много
Новых светлых дней:
Чем трудней дорога,
Тем привал милей!

Июнь 1917

ПОТОП

Людское море всколыхнулось,
Взволновано до дна;
До высей горных круч коснулась
Взметенная волна,

Сломил яростным ударом
Твердыни старых плит,—
И ныне их, теченьем ярым,
Под шумы бури мчит.

Растет потоп... Но с небосвода,
Приосеня прах,
Как арка радуги, свобода
Гласит о светлых днях.

Июнь 1917

Из цикла «Под зрелищем войны»

ОРЕЛ ДВУГЛАВЫЙ

Бывало, клекотом тревожа целый мир
И ясно озарен неугасимой славой,
С полуночной скалы взлетал в седой эфир
Орел двуглавый.

Перун Юпитера в своих когтях он нес
И сеял вокруг себя губительные громы,
Бросая на врагов, в час беспощадных гроз,
Огней изломы.

Но с диким копчиком, за лакомый кусок
Поспорив ў-моря, вступил он в бой без чести,
И, клюнутый в крыло, угрюм, уныл и строг,
Сел на насесте.

Пусть рана зажила, всё помня о былом,
Он со скалы своей взлететь не смеет в доли,
Лишь подозрительно бросает взор кругом,
Страшась крамолы.

Пусть снова бой идет за реки, за моря,
На ловлю пусть летят опять цари пернатых;
Предпочитает он, чем в бой вступать, паря, —
Сидеть в палатах.

Но чтоб не растерять остаток прежних сил,
Порой подьмлет он перун свой, как бывало...
И грозной молнией уж сколько поразил
Он птицы малой!

И сколько вокруг себя он разогнал друзей,
Посмевающих перед ним свободно молвить слово:
Теперь его завет один: «Дави и бей
Все то, что ново!»

Бывало, пестунов он выбирать умел,
Когда он замышлял опять полет гигантский,
Потемкин был при нем, Державин славу пел,
Служил Сперанский.

Но пустота теперь на северной скале;
Крыло орла висит, и взор орлиный смутен,
А служит птичником при стихнувшем орле
Теперь Распутин.

10 июля 1914

ПРОТИВОРЕЧИЯ

1

ПЕСНЯ

Нет таких днй, когда песни — не нужны:
Тают печали в лучах красоты.
И на иконах есть венчик жемчужный,
И на могилах сажают цветы.
— Но почему же сегодня не дружны
С песней раздумья и с рифмой мечты?

Пусть по полям окровавленным гневно
Рыщут зубастые звери Войны!
Буйствует жизнь и без них каждодневно,
Губит жестоко и в дни тишины.
— Но почему же не рсют напевно
Грустные думы и черные сны?

Молнии минут, и гром отгрохочет,
Новое солнце над миром взойдет,
Вечен лишь тот, кто поет и пророчит
Вечную тайпу нездешних высот!
— Но почему же мой голос не хочет
Вечное петь в этот сумрачный год?

9 декабря 1915

Опять к любимым мелочам,
 Я думал, жизнь меня принудит,
 К привычным песням и речам...
 Но сны мрачны, и по ночам
 Меня невольный трепет будит.

Хочу забыть — забыть пельзя.
 Во мраке лики роковые
 Стоят, насмешливо грозя,
 И кровью залита стезя
 Твоя, скорбящая Россия!

Мысль говорит: «Твоих стихов
 Что́ голос, еле слышный, может?
 Вернись к напевам прежних строф!»
 Но, словно гул колоколов,
 Призыв таинственный тревожит.

9 декабря 1915

Из цикла «В Армении»

К АРМЯНАМ

Да, вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волпенье мира,
Летя, касались вас крылом,—
И гром глухой походов Кира
И Александра бранный гром.

Вы низили, в смятении стана,
При Каррах римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;

Нередко вас клонили бури,
Как вихри — нежный цвет весны:
При Чингиз-хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.

Но, воин стойкий, под ударом
Ваш дух не уступал Судьбе;
Два мира вокруг него не даром
Кипели, смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Шираза,
И блеск Гомерова огня.

И уцелел ваш край Наирский
В крушеньях царств, меж мук земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа,—

И, ключ божественный улады,
Петленный в переменах лет:
На светлом пламени Эллады
Зажженный — ваших песен свет.

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали — обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было, вечно живо,
В былом — награда и урок.
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем.
Так! Прошрое тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.

И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев;

Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве вышем съединит!

*23 января 1916
Тифлис*

К АРМЕНИИ

В тот год, когда господь сурово
Над нами длань отяготил,—
Я, в жажде сумрачного крова,
Скрываясь от лица дневного,
Бежал к бесстрастию могил.

Я думал: божескую гневность
Избуду я в святой тиши:
Смирит тоску седая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит подуги души.

Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрел:
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие певницы,
И смерти луг — в цветах расцвел.

Не мертвым голосом былины,—
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: «Живи!»

Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков.
Во славу благостной природы,
Любви, познания и свободы,—
Песнь, цепь ломающих, рабов.

Армения! Твой древний голос —
Как свежий ветер в летний зной:
Как бодро он взвывает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

Москва. Тифлис. 9 декабря 1915

В БАКУ

Стыдливо стучатся о пристань валы
Каспийского моря,
Подкрашенной пеной — и выступ скалы
И плиты узора.

На рейде ряды разноцветных судов
Качаются кротко,
И мирно дрожит на волненьи валов
Подводная лодка.

Сплетается ветер с январским теплом,
Живительно-свежий,
И ищет мечта, в далеке голубом,
Персидских побережий.

Там розы Ширази, там сад Шах-Намэ,
Газели Гафиза...
И грезы о прошлом блистают в уме,
Как пестрая риза.

Привет тебе, дальний и дивный Ирап,
Ты, праотец мира, —
Где некогда шли спарапеты армян
За знаменем Кира...

Но тихо на рейде трепещут суда
С шелками, с изюмом;
Стыдливо о пристань стучится вода
С приветливым шумом.

На улицах быстрая смена толпы,
Случайных собратий,
И гордо стоят нефтяные столпы
На Биби-Эйбате.

24 января 1916
Кюр-Дамир

В ТИФЛИСЕ

Увидеть с улицы грохочущей
Вершины снежных гор, —
Неизъяснимое пророчащий
Зазубренный узор;

Отметить монастырь, поставленный
На сгорбленный уступ,
И вдоль реки, снегами сдавленный,
Ряд кипарисных куп;

Вступив в толпу многоодежную,
В шум разных языков,
Следить чадру, как дали, снежную
Иль строгий ход волов;

Смотреть на поступи верблюжие
Под зеркалом-окном,
Где эталажи неуклюжие
Сверкают серебром;

Пройдя базары многолюдные,
С их криком без конца,
Разглядывать остатки скудные
Грузинского дворца.

В мечтах восставить над обломками
Пленителей молвы:
Тамары век, с делами громкими,
И век Саят-Новы;

Припоминать преданья пестрые,
Веков цветной узор,—
И заглядеться вновь на острые
Вершины снежных гор.

1916
Тифлис

К АРАРАТУ

Благодарю, священный Хронос!
Ты двинул дней бесцветных ряд —
И предо мной свой белый конус
Ты высишь, старый Арарат,

В огромной шапке Мономаха,
Как властелин окрестных гор,
Ты взнесся от земного праха
В свободный, голубой простор.

Овеян ласковым закатом
И сизым облаком повит,
Твой снег сияньем розоватым
На кручах каменных горит.

Внизу, на поле каменистом,
Овец ведет пастух седой,
И длинный посох, в свете мгlistом,
Похож на скипетр вековой.

Вдали — убогие деревни,
Уступы, скалы, камни, снег...
Весь мир кругом — суровый, древний,
Как тот, где опочил ковчег,

А против Арарата, слева,
В снегах, алая, Алагяз,
Короной венчанная дева
Со старика не сводит глаз.

1916
Эчмиадин

АРАРАТ ИЗ ЭРИВАНИ

Весь ослепительный, весь белый,
В рубцах задумчивых морщин,
Ты взнес над плоскостью равнины
Свой облик древле-онемелый,
Накинув на плечи покров
Таких же белых облаков.

Внизу кипят и рукоплещут
Потоки шумные Зангу;
Дивясь тебе, на берегу
Раины стройные трепещут,
Как белых девственниц ряды,
Покрыв застывшие сады.

С утеса стены Саардара,
Забыв о славе прошлой, ждут,
Когда пройдет внизу верблюды,
Когда домчится гул с базара,
Когда с мурлыканьем кунец
Протянет блеющих овец.

Но ты, седой Масис, не слышишь
Ни шумных хвал, ни нужд земных,

Ты их отверг, ты выше их,
Ты небом и веками дышишь,
Тебе шептать — лишь младший брат
Дерзает — Малый Арарат.

И пусть, взглянув угрюмо к Югу,
Как древле, ты увидишь вновь —
Дым, сталь, огни, тела и кровь,
Миры, грозящие друг другу:
Ты хмурый вновь отводишь лоб,
Как в дни, когда шумел потоп.

Творенья современник, ведал
Ты человечества конец,
И тайну новых дней — Творец
Твоим сединам заповедал:
Встав над кровавостью равнин,
Что будет, — знаешь ты один.

Декабрь 1916
Эривань

Из цикла «Меж прошлым и будущим»

МЫ — СКИФЫ

Мы — те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, влюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны,— скифы.

Вкруг моря Черного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:
К верховьям Тигра иль к низовьям Истра.

Мы ужасали дикой волей мир,
Горя зловеще, там и здесь, зарничей:
Пред нами Дарий отступил, и Кир
Был скифской на пути смирен царицей.

Что были мы? — Щит, нож, колчан, копьё,
Лук, стрелы, панцырь да коня удила!
Блеск, звон, крик, смех, налет,— все бытие
В разгуле бранном, в пире пьяном было!

Лелеяли нас вьюги да мороз:
Нас холод влек в метельный вихрь событий;
Ножом вино рубили мы, волос
Замерзших звякали льдяные нити!

Наш верный друг, учитель мудрый наш,
Вино ячменное живило силы:
Мы мчались в бой под звоны медных чаш,
На поясе, и с ними шли в могилы.

Дни битв, охот и буйственных пиров,
Сменяясь, облик создавали жизни...
Как было весело колоть рабов,
Пред тем, как зажигать костер, на тризне!

В курганах грузных, сидя на коне,
Среди богатств, как завещали деды,
Спят наши грозные цари: во сне
Им грезятся пиры, бои, победы.

Но, в стороне от очага присев,
Порой, когда хмелели сладко гости,
Наш юноша выделявал для дев
Коней и львов из серебра и кости.

Иль, окружив сурового жреца,
Держа в руке высоко факел дымный,
Мы, в пляске ярей, пели без конца
Неистово-восторженные гимны!

1916

ИЗРЕЧЕНИЯ

АФИНСКИЙ ПОДЕНЩИК ГОВОРИТ

Что моя жизнь? лишь тоска да забота!
С утра до вечера — та же работа!
Голод и холод меня стерегут.
Даже во сне — тот же тягостный труд,
Горстка оливок да хлебная корка!
Что ж мне страшиться грозящего Орка?
Верно, на бреге Кокита опять
Буду работать и буду страдать
И, засыпая в обители Ада,
Думать, что встать до рассвета мне надо!

ЭПИТАФИЯ РИМСКИМ ВОЙНАМ

Нас миллионы. Всюду в мире,
Разбросан, сев костей лежит:
В степях Нумидий и Ассирий,
В лесах Германий и Колхид.
На дне морей, в ущельях диких,
В родной Кампании мы спим,
Чтоб ты, великим из великих,
Как Древо смерти, взнесся, Рим!

1915

ТАЙНА ДЕДА

— Юноша! грустную правду тебе расскажу я:
Выситя вечно в тумане Олимп многохолмный.
Мне старики говорили, что там, на вершине,
Есть золотые чертоги, обитель бессмертных.
Верили мы и молились гремящему Зевсу,
Гере, хранящей обеты, Афине премудрой,
В поясе дивном таящей соблазн — Афродите...
Но, год назад, пастухи, что к утесам привычны,
Посохи взяв и с водой засушенные тыквы,
Смело на высь поднялись, на вершину Олимпа,
И не нашли там чертогов, — лишь камни нагие:
Не было места, чтоб жить олимпийцам блаженным!..
Юноша! горькую тайну тебе открываю:
Ведай, что нет на Олимпе богов — и не будет!
— Если меня испугать этой правдой ты думал,
Дед, то напрасно! Богов не нашли на Олимпе
Люди. Так что же! Чтоб видеть бессмертных, потребны
Зоркие очи и слух, не по-здешнему чуткий!
Зевса, Афины и Феба узреть пастухам ли!
Я ж, на Олимпе не быв, в молодом перелеске
Слышал напевы вчера неумолчного Пана,
Видел недавно в ручье беспечальную нимфу,
Под вечер с тихой дриадой беседовал мирно,
И, вот сейчас, как с тобой говорю я, — я знаю,
Сзади с улыбкой стоит благосклонная Муза!

1916

ДРАМА В ГОРАХ

Надпись к гравюре

Гравюра изображает снежную метель в пустынной горной местности; полузасыпанный снегом, лежит труп человека в медвежьей шубе, а поблизости — умирающий орел со стрелой в груди.

Пропел протяжный стон стрелы;
Метнулись в яркий день орлы,
Владыки круч, жильцы скалы,
Далеко слышен гул полета;
Как эхо гор, в ответ из мглы
Жестоким смехом вторит кто-то.

Стрелок, одет в медвежий мех,
Выходит, стал у черных вех.
Смолк шум орлов; смолк злобный смех;
Белеет снег; в тиши ни звука...
Стрелок, продлить спеша успех,
Вновь быстро гнет упругость лука.

Но чу! Вновь стон стрелы второй;
Враг, стоя за крутой горой,
Нацелил в грудь стрелка,— и строй
Орлов опять метнулся дико.
Стрелок упал; он, как герой,
Встречает смерть без слов, без крика.

Багряный ток смочил снега.
Простерты рядом два врага...
Тишь гор угрюма и строга...
Вдали, чуть слышно, взвыла выюга...
Вей, ветер! Заметай луга,
Пусть рядом спят, навек, два друга!

5 мая 1916

Из цикла «В действительности»

ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

Монетой, плохо отчеканенной,
Луна над трубами повешена,
Где в высоте, чуть нарумяненной,
С помадой алой сажа смешана.

Стоят рядами вертикальными
Домов неровные зазубрины,
По стенам — бляхами сусальными,
По окнам — золотом разубраны.

Вдоль улиц червяки трамвайные
Ползут, как узкими ущельями,
И фонари, на нити тайные
Надеты, виснут ожерельями.

Кругом, как в комнатах безвыходных.
Опризрачены, люди мечутся,
В сознании царственном, что их одних
Ночные сны увековечатся.

И крик, и звон, и многократные
Раскаты, в грохоте и топоте,
И тонут празднично-закатные
Огни в неразстворимой копотии...

22 апреля 1917

ДАМА ТРЕФ

Я знаю, что вы — старомодны,
Давно и не девочка вы.
Вы разбросили кудри свободно
Вдоль лица и вокруг головы.

Нашел бы придирчивый критик,
Что напрасно вы — в епанче,
Что смехон округленный щитик:
У вас на правом плече.

Что, быть может, слишком румяны
Краски у вас на губах и щеке
И что сорван просто с поляны
Цветок в вашей правой руке.

Со скиптром и странной державой,
Ваш муж слишком стар и сед,
А смотрит слишком лукаво
На вас с алебардой валет.

Но зато вы — царица ночи,
Ваша масть — чернее, чем тьма,
И ваши подведенные очи
Любовь рисовала сама.

Вы вздыхать умеете сладко,
Приникая к подушке вдвоем,
И готовы являться украдкой,
Едва попрошу я о том.

Чего нам еще ждать от дамы?
Не довольно ль быть милой на миг?
Ах, часто суровы, упорны, упрямы
Дамы черв, бубен и пик!

Не вздыхать же долгие годы
У ног неприступных дев!
И я из целой колоды
Люблю только даму трэф.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ КАРТИНКА

По бульвару ходят девки,
Сто шагов вперед, назад.
Парни сзади, в знак издевки,
На гармонике пишат.

Вышел лавочник дородный,
Пузо поясом стянул;
Оглядел разгул народный,
Рот себе крестя, зевнул.

За бульваром — два забора,
Дом, как охромевший конь.
Слева речка, дали бора,
Фсба радостный огонь.

Свечерело... Дымен валок,
Сумрак на ветвях осел,
Скрылись стаи черных галок,
Крест собора побелел.

На скамейке, под ракушкой,
Парень девку больно жмет,—
То она ворчит сердито,
То хохочет, то замрет.

Но уже давно на пыльной
Улице — молчанье царь,
И один, сетко-калильный,
Гордо светится фонарь.

1911

В ЦЫГАНСКОМ ТАБОРЕ

У речной изложины —
Пестрые шатры.
Лошади стреножены,
Зажжены костры.
Странно под деревьями
Встретить вольный стан —
С древними кочевьями
Сжившихся цыган!

Образы священные
Пушкинских стихов!
Тени незабвенные
Вяземского строф!
Все, что с детства впитано,
Как мечта мечты,—
Предо мной стоит оно
В ризе темноты!

Песнями и гулами
Не во сне ль живу?
Правда ль,— с Мариулами
Встречусь наяву?
Словно сам — в хламиде я,
Словно — прошлый век.
Сказку про Овидия
Жду в толпе Алек.

Пусть кусками рванными
Виснут шали с плеч;
Пусть и ресторанами
Дышит чья-то речь;
Пусть и электрический
Над вокзалом свет!
В этот миг лирический
Скудной правды — нет!

1915

НА ЛАДОГЕ

БУРЯ И ЗАТИШЬЕ

Плывем пустынной Ладогой,
Под яркой аркой — радугой;
Дождь ми́нул; полоса
Прозрачных тучек стелется:
Закат огнистый целится
Лучами нам в глаза.

Давно ль волной трехъярусной
Кидало челн беспарусный
И с шаткой кручи нас
Влекло во глубь отверстую?

— Вновь Эос розоперстую
Я вижу в тихий час.
Но меркнет семицветие...
Умрет закат... Раздетее
Очам предстанет синь...
Потом налягут сумраки...
— Заслышав дальний шум реки,
К Неве свой парус двинь!

1916

ПАРУС И ЧАЙКА

То поспешно парус складывая,
То бессильно в бездну падая,
Напряженно режа волны,
Утомленный рсёт челн.

Но, свободно гребни срезывая,
Рядом вьется чайка резвая,
К тем зыбям летя смелее,
Где смятенье волн белей.

Вижу, не без тайной горечи,
Кто властительней, кто зорче.
Знаю: взор вонзивши рысий,
Птица мчит добычу в выси.

1916

Ладоба

Из цикла «В родных полях»

СНЕЖНАЯ РОССИЯ

За полем снежным — поле снежное,
Безмерно-белые луга;
Везде — молчанье неизбежное,
Снега, снега, снега, снега...

Деревни кое-где расставлены,
Как пятна в безднах белизны:
Дома сугробами задавлены,
Плетни под снегом не видны.

Леса вдали чернеют голые, —
Ветвей запутанная сеть.
Лишь ветер песни невеселые
В них, иней вея, смеет петь.

Змеится путь, в снегах затерянный:
По белизне — две борозды...
Лошадка рысью неуверенной
Новит чуть зримые следы.

Но скрылись санки — словно, белая,
Их поглотила пустота;
И вновь равнина опустелая
Нема, беззвучна и чиста.

И лишь вороны, стайей бдительной,
Порой над пустотой кружат,
Да вечером, в тиши томительной,
Горит оранжевый закат.

Огни лимонно-апельсинные
На небе бледноголубом
Дрожат... Но быстро тени длинные
Закутывают все кругом.

1917

УТРЕННЯЯ ТИШЬ

В светлом жемчуге росинки
Чаши бледные кувшинок
Тихо светят меж тростинки,
И несчетный строй былинки,
В тех же крупных жемчугах,
Чуть трепещет вдоль тропинок
Желтым золотом песчинок,
Ярко блестящих в полях.

Зелень, блески, воздух ранний,
Травы — мирр благоуханней,
Дали — радуг осиянней!
Что прекрасней, что желанней
Долго жаждавшей мечте?
Сердце — словно многогранней;
Исчезает жизнь в осанне
Этой вечной красоте!

Пусть наш мир зеленый минет,
Человек просторы кинет,
Дали стенами задвинет
И надменно в небо хлынет
Высота стеклянных крыш:
Но покуда кровь не стынет,
Сердце счастья не отринет —
Ведать утреннюю тишь!

1916

РОДНЫЕ ЦВЕТЫ

ЛАНДЫШ

Ландыш милый, ландыш нежный,
Белый ландыш, ландыш снежный,
Наш цветочек!

Встал ты меж зеленых створок,
Чтоб тебя, кто только зорок,
Видеть мог.

Колокольчики качая,
В воздухе веселом мая,
Бел и чист,
Ты, как звезды, в травах светишь,
Ты узором тонким метишь
Полный лист.

Восковой и весь нездешний,
Ты блаженной, ты безгрешней
Всех цветов.
Белый, белый, белый, белый,
Беспорочный, онемелый,
Тайный зов!

Как причастница одетый,
Ты влечешь в святые светы
Каждый взгляд, —
Чтобы осенью ненастной,
Шарик странный, шарик красный,
Сеять яд.

1916

ВЕНОК ИЗ ВАСИЛЬКОВ

Любо василечки
Видеть вдоль межи,
Синенькие точки
В поле желтой ржи.

За цветком цветочек
Низко мы сорвем,
Синенький веночек
Для себя сплетем.

После вдоль полосы
К роще побегим...
Шепчутся березки
С небом голубым.

Сядем там на кочке...
Зной и тишина...
В голубом веночке
Высь отражена.

Песенку не спеть ли,
Притаясь в траве?
Облачка — как петли,
В ясной синеве!

Локоны в веночке
Вроде облачков...
Ломки стебелечки
Длинных васильков!

Там, внизу под склоном,
Нежный шум реки.
Здесь, в шатре зеленом,
Реют мотыльки.

Мы, как мотылечки,
Здесь укрылись в тень,
В синеньком веночке,
В жаркий летний день!

1917

ЛЕСНЫЕ ТРОПИНКИ

Лесные тропинки! Лесные тропинки! не раз и не два
Вы душу манили под тихие своды дубов и берез.
Сверкали росинки, качались кувшинки, дрожала трава,
И в запахе гнили плелись хороводы блестящих стрекоз...

И было так сладко — на землю поникнуть, лежать одному,
И слушать, как нежно чирикают птицы напевы свои,
И взглядом украдкой глубоко проникнуть, сквозь травы,
Где с грузом прилежно ведут вереницы домой муравьи.

А дятел далекий застучает четко о высохший ствол,
И солнце в просветы сияние бросит, как утром в окно...
Лежишь, одинокий, и думаешь кротко, что дух — все обрел,
И сердце привета не хочет, не просит, и все — все равно!

Май 1916

В ГАМАКЕ

В небе, слабо синеватом,
С легкой дымкой белизны,
Любо ласточкам крылатым
Сеять крики с вышины.

Веток скругленные сети,
Уловив сверканье дня,
Сами блещут в странном свете
Изумрудного огня.

Дышат присы чуть внятно,
Дышит, скошена, трава...
Зелень, блеск, цветные пятна,
Белизна и синева!

Что все думы! все вопросы!
Сладко зыблюсь в гамаке.
Мертвый пепел папиросы
Чуть сереет на песке.

Я до дна души приемлю
Этот вечер, этот миг,
Словно вдруг я понял землю,
Тайну вечности постиг.

Были бури, будут бури,
Но теперь — лишь тихий сад,
Словно сам, в бело-лазури,
Я, как ласточка, крылат!

1916

ЛЕТНЯЯ ИДИЛЛИЯ

Ищу грибы, вскрывая палочкой
Зелено-бархатные мхи;
Любуюсь простенькой фиалочкой;
Слагаю скромные стихи.

В лесу лежат богатства грудами!
У корней тоненьких осин —
Трава сверкает изумрудами
И подосинник, как рубин.

А боровик в тени березовой,
Чуть из земли возникнув, рад
К высокой липке бледнорозовой
Прижаться, как большой агат.
И белый гриб, что клад достигнутый,
Среди дубков пленяет глаз,—
На толстой ножке, пышно-выгнутый,
Блестя, как дымчатый топаз.
И, как камнями невеличками
Осыпан в перстне бриллиант,
В корзине желтыми лисичками
Я выстилаю узкий кант.
Лягушки прыгают расчетливо,
Жужжат жуки, как в две трубы...
И собираю я заботливо
В лесу — и рифмы и грибы.

1 июня 1916

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Каркайте, черные вороны,
Мытые белыми выюгами:
По полю старые бороны
Ходят за острыми плугами!
Каркайте, черные вороны!
Истину скрыть вы посмеете ль?
Мечет, крестясь, во все стороны
Зерна по бороздам сеятель.
Каркайте, черные вороны!
Выкрики издавна слажены:
Нивы страданием ораны,
Потом кровавым увлажнены.
Каркайте, черные вороны,
Ваше пророчество! В воздухе
Грянет в упор, как укор, оно:
«Пахарь! не мысли о роздыхе!»
Каркайте, черные вороны!
Долго ль останусь на свете я?
Вам же садиться на бороны
Вновь, за столетьем столетия!

27 мая 1917

ВДОЛЬ МОРЯ

Мы едем вдоль моря, вдоль моря, вдоль моря...
По берегу — снег, и песок, и кусты;
Меж морем и небом, просторы узоря,
Идет полукруг синеватой черты.

Мы едем, мы едем, мы едем... Предгорий
Взбегает направо за склонами склон;
Зубчатый хребет, озираясь на море,
За ними белеет, в снегах погребен.

Всё дальше, всё дальше, всё дальше... Мы вторим
Колесами поезда гулу валов:
И с криками чайки взлетают над морем,
И движутся рядом гряды облаков.

Мелькают, мелькают, мелькают, в узоре,
Мечети, деревни, деревья, кусты...
Вот кладбище смотрится в самое море,
К воде наклоняясь, чернеют кресты.

Всё пенные, пенные, пенные, в море
Валы затевают свой вольный разбег,
Ликуют и буйствуют в дружеском споре,
Взлетают, сметая с побережия снег...

Мы едем... Не числю, не мыслю, не спорю:
Меня покорили снега и вода...
Сбегают и нивы и пастбища к морю,
У моря по снегу блуждают стада.

Цвет черный, цвет белый, цвет синий... Вдоль моря
Мы едем; налево — белеют хребты,
Направо синеют, просторы узоря,
Валы, и над ними чернеют кресты.

/ Мы едем, мы едем, мы едем! Во взоре
Все краски, вся радуга блеклых цветов.
И в сердце — томленье застывших предгорий
Пред буйными играми вольных валов!

1917
Кавказ

Из цикла «Ночью»

НОЧНЫЕ СТРАХИ

И бездна нам обнажена,
С своими страхами в мглах...
Вот отчего нам ночь страшна.

Ф. Тютчев

Как золото на черни,
Блестит, во мгле вечерней,
Диск маятника: стук
Минут, в тиши, размерней.
Невольно — суеверней
Глядишь во мрак, вокруг.

Ночь открывает тайны.
Иной, необычайный
Встал мир со всех сторон,
Безмерный и бескрайный...
И страхи не случайны,
Тревожащие сон.

Те страхи — груз наследий
Веков, когда медведи
Царили на земле;
Когда, копьём из меди
Наметив, о победе
Мы спорили во мгле;

Когда во тьме пещеры
Шагов ночной пантеры
Страшился человек...
И древние химеры,
В преданьях смутной веры,
Хранит доныне век.

1917

Из цикла «В альбомах»

ГРЕБЕНЬ ВОЛНЫ

Мы были гребень волны взнесенной...
Но белой пеной окроплены,
Мы разостлались утомленно,
Как мертвый плат живой волны.

Мы исчезаем... Нас поглощает
Волна другая, чтоб миг блеснуть,
И солнце зыби позлащает
Волн, приходящих умереть.

Я — капля в море! Назад отринут,
Кружусь в просторе, — но не исчез.
И буду бурей снова вскинут
Под вечным куполом небес!

1917

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ ПОСТНИКОВУ

Что в протоплазме зыблил океан,
Что древле чувствовал летучий ящер,
В чем жизнь была первичных обезьян, —
Все ты впитал в себя, мой давний пращур!

И плоть живую передал ты мне,
Где каждый мускул, все суставы, кости
Гласят, как знак, о грозной старине,
О тех, что спят на мировом погосте.

Наследие бесчисленных веков,
Мое так мудро слепленное тело!

Ты — книга, где записано без слов
То прошлое, что было и истлело.

Ты говоришь про жизнь в морских волнах,
Про ползание, летание, о трехглазом
Чудовище, о гнездах на ветвях...
Блажен, кто слух склонил к твоим рассказам!
Блажен, кто понял, вещее, тебя
И, видя человеческую бренность,
Умеет в ней разгадывать, любя,
Природы беспредельной неизменность!

Завидую тому, кто, острый взор
Склонив на эти связки, эти вены,
За ними видит мировой простор
И вечной жизни радостные смены!

16 августа 1916

КЛАВДИИ НИКОЛАЕВНЕ

Вы только промелькнули, — аккуратной,
Заботливой и ласковой всегда,
В чем ваша жизнь? — Еще мне непонятно...
Да и понятным будет ли когда?

Вы для меня останетесь виденьем,
Вне времени; вы в жизнь мою вошли,
Чтоб в ней блеснуть по нескольким мгновеньям
И в памяти, как луч, сиять вдали.

Но что ж! Два-три безучастных слова,
Да столько ж раз — простой и добрый взгляд:
Ведь это много для пути земного,
Где чаще взоры лгут, слова язвят.

За, может быть, привычное участие,
За общую улыбку, может быть,
Иль, наконец, за ваше беспристрастье, —
Мне так отрадно вас благодарить.

И в эти дни мучительной расплаты,
Когда невольной праздности пора
Меня гнетет, — я понял, что солдаты
Влагают в имя нежное: «сестра»!

14—15 августа 1916

И. ПОАНИСПАНУ

В альбом

К тебе приблизиться, то значит —
Вдохнуть души прекрасной свет.
Кто удручен, кто тайно плачет, —
Тот ищет строф твоих, поэт.
В армянской новой жизни начат
Твоим напевом яркий след!

1916

ОВ. ТУМАНЯНУ

Надпись на книге

Да будет праведно возмездие
Судьбы — и в годах и в веках;
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.

Пусть звезды малые и крупные
Тебя кропят, пронзая тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянью твоему!

1916

ПОСЛЕДНИИ СПОР

Из дневника

Северным ветром взволнован, остужен,
Буйно вздымает валы океан...
Челн мой давно с непогодами дружен.

Близко побережья неведомых стран;
Вкруг, неприветлив, озлоблен и व्यожен.
Буйно вздымает валы океан.

Знаю, что путь мой — неверен, окружен,
Знаю, что смертью грозит ураган:
Челн мой давно с непогодами дружен!

Стелется с берега серый туман,
Пляшут акулы, предчувствуя ужин...
Буйно вздымает валы океан.

Старый Нептун! если дар тебе нужен,
Бей по корме, беспощаден и пьян!
Челн мой давно с непогодами дружен.

Ведал он скалы и мелей обман,
Любит борьбу и недаром натружен...
Буйно вздымает валы океан.

Что ж! Если спор наш последний рассужен,
Кану на дно, — но, лучом осиян,
Строй меня встретит подводных жемчужин!

Из книги
«ПОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ»
1917—1918

Из цикла «Душа истаивает»

В ГОРНОМ СВЕТЕ

Я сознаю, что постепенно
Душа истаивает. Мгла
Ложится в ней. Но, неизменно,
Мечта свободная — светла!

Бывало, жизнь мутили страсти,
Как черный вихрь морскую гладь;
Я, у враждебных чувств во власти,
То жаждал мстить, то мог рыдать.

Но как орел в горах Кавказа,
За кругом круг, уходит ввысь,
Чтоб скрыться от людского глаза,—
Желанья выше вознеслись!

Я больше дольних смут не вижу,
Ничьих восторгов не делю;
Я никого не ненавижу
И — страшно мыслить — не люблю!

Но, с высоты полета, бездны
Открыты мне — былых веков:
Судьбы мне внятн ход железный
И вопль умолкших голосов.

Прошедшее, как дно морское,
Узором стелется вдали;
Там баснословных дней герои
Идут, как строем корабли.

Вникая в смысл тысячелетий,
В заветы прѣзренных наук,
Я словно слышу, в горнем свете,
Планетных сфер певучий звук;

И, прежнему призванью верен,
Тот звук переливаю в стих,
Чтоб он, отчетлив и размерен,
Пел правду новых снов моих!

Июль 1918

ПРОРОЧЕСТВА ВЕСНЫ

В дни отрочества, я пророчествам
Весны восторженно внимал:
За первым праздничным подснежником,
Блажен пьянящим одиночеством,
В лесу, еще сыром, блуждал.

Как арка, небо над мятежником
Синело майской глубиной,
И в каждом шорохе и шелесте,
Ступая вольно по валежникам,
Я слышал голос над собой:

Все пело, полно вешней прелести:
«Живи! люби! иди вперед!
Ищи борьбы, душа крылатая,
И, как Самсон из львиной челюсти,
Добудь из грозной жизни — мед!»

И вновь весна, но — сорок пятая...
Все тот же вешний блеск вокруг:
Все так же глубь небес — торжественна;
Все та ж листва, никем не смятая;
Как прежде свеж и зелен луг!

Весна во всем осталась девственной:
Что для земли десятки лет!
Лишь я принес тоску случайную
На праздник радости естественной,—
Лишь я — иной, под гнетом лет!

Что ж! Пусть не мед, а горечь тайную
Собрал я в чашу бытия!
Сквозь боль души весну приветствую
И на призыв земли отвечаю,
Как прежде, светлой песней я!

1918

ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ

Как всплывает алый щит над морем,
Издавна знакомый лунный щит,—
Юность жизни, с радостью и горем
Давних лет, над памятью стоит.

Море — змеи светов гибких жалят
И, сплетясь, уходят вглубь, на дно.
Память снова нежат и печалят
Дни и сны, изжитые давно.

Сколько ликов манят зноем ласки,
Сколько сцен, томящих вздохом грудь!
Словно взор склонен к страницам сказки,
И мечта с Синдбадом держит путь.

Жжет еще огонь былой отравы.
Мучит стыд неосторожных слов...
Улыбаюсь детской жажде славы,
Клеветам забытых мной врагов...

Но не жаль всех пережитых бредней,
Дерзких дум и гибельных страстей:
Все мечты приемлю до последней,—
Каждый стон и стих, как мать — детей.

Лучший жребий взял я в мире этом:
Тайн искать в познании и любви,
Быть мечтателем и быть поэтом,
Признавать один завет: «Живи!»

И, начнись все вновь, я вновь прошел бы
Те ж дороги, жизнь — за мигом миг:
Верил бы улыбкам, бросив колбы,
Рвался б из объятий к пыли книг!

Шел бы к мукам вновь, большим и малым,
Чтоб всегда лишь дрожью дорожить,
Чтоб стоять, как здесь я жду,— усталым,
По готовым вновь — страдать и жить!

3 января 1918

УЧЕНИК ОРФЕЯ

Я всюду цепи строф лелеял.
Я ветру вслух твердил стихи,
Чтоб он в степи их, взвив, развеял,
Где спят, снам веря, пастухи;

Просил у эхо рифм ответных,
В ущельях гор, в тиши яйлы;
Искал черед венков сонетных
В прибое, бьющем в мол валы;

Ловил в немолчном шуме моря
Метр тех своих живых баллад,
Где ласку счастья, жгучесть горя
Вложить в античный миф был рад;

В столичном грозном гуле тоже,
Когда, гремя, звеня, стуча,
Играет Город в жизнь,— прохожий,
Я брел, напев стихов шепча;

Гудки авто, звонки трамвая,
Стук, топот, ропот, бег колес,—
В поэмы страсти, в песни мая
Вливали смутный лепет грез.

Все звуки жизни и природы
Я облекать в размер привык:
Плеск речек, гром, свист непогоды,
Треск ружей, баррикадный крик.

Везде я шел, незримо лиру
Держа, и властью струн храню,
Свой новый гимн готовя миру,
Но сам богат и счастлив им.

Орфей, сын бога, мой учитель,
Меж тигров так когда-то пел...
Я с песней в адову обитель,
Как он, сошел бы, горд и смел.

Но диким криком гимн Менады
Покрыли, сбили лавр венца;
Взвив тирсы, рвали без пощады
Грудь в ад сходившего певца.

Так мне ль осилить взвизг трамвайный,
Моторов вопль, рев толп людских?
Жду, на какой строфе случайной
Я, с жизнью, оборву свой стих.

20/7 февраля 1918

Из цикла «Жить на воле»

ЗОВ АВТОМОБИЛЯ

Призыв протяжный и двухнотный
Автомобильного гудка...
И снова манит безотчетно
К далеким странствиям — тоска.

То лесом, то в полях открытых
Лететь, бросая версты вспять;
У станций старых, позабытых,
Раскинув лагерь, отдыхать!

Когда в дороге лопнет шина,
Стоять в таинственном лесу,
Где сосны, да кусты, да глина,
А солнце серебрит росу.

А в холод в поле незнакомом,
От ветра кроясь за стеклом,
Смотреть, как вихрь над буреломом
Бросает новый бурелом.

Иль ночью, в дерзостном разбеге,
Прорезывая мглу полей,
Без мысли об ином ночлеге,
Дремать под трепет фонарей!

Скользя, как метеор, деревней,
Миг жизни видеть невзначай,
И встречным прогудеть напевней,
Чем голос девушки: «Прощай!»

И, смелые виражи в поле
Срезая, вновь взлетать на склон,
И вновь гудеть, и жить на воле
Кентавром сказочных времен!

Сентябрь 1917

ЛУННАЯ НОЧЬ

— Банально, как лунная ночь...

Juvenilia. В. Брюсов

Смотрю, дыша травой и мятой,
Как стали тени туч белей,
Как льется свет, чуть синеватый,
В лиловый мрак ночных полей.

Закат погас в бесцветной вспышке,
И, прежде алый, шар луны,
Как бледный страж небесной вышки,
Стоит, лучом лелея сны.

Былинки живы свежим блеском,
Лес ожил, и живет ручей,
Бросая искры каждым всплеском,—
Змей — лента водяных лучей.

Час волшебством мечты пропитан,—
Луга, деревья, воздух, даль...
Сердца томит он, мысль пьянит он:
Везде — восторг, во всем — печаль!

И, лунной ночи полня чары,
Вливает песню в тишь ветвей
(Банальный гимн, как зов гитары!)
Друг всех влюбленных, соловей.

1917

СОЛНЦЕВОРОТ

Была зима; лежали плотно
Снега над взрытостью полей.
Над зыбкой глубиной болотной
Скользили, выводя изгибы,
Полосья ровные саней.

Была зима; и спали рыбы
Под твердым, неподвижным льдом.
И даже вихри не смогли бы,
В зерне замерзшем и холодном,
Жизнь пробудить своим бичом!

Час пробил. Чудом очередным,
Сквозь смерть, о мае вспомнил год.
Над миром белым и бесплодным
Шепнул какой-то нежный голос:
«Опять пришел солнцеворот!»

И под землею, зерна, чуя
Грядущей жизни благодать,
Очнулись, нежась и тоскуя,
И вновь готов безвестный колос
Расти, цвести и умирать!

17 октября 1917

ВЕСНЯНКА

Лишь на севере мы ценим
Весь восторг весны,—
Вешней неги не обменим
На иные сны.

После долгой ночи зимней
Нежен вешний день,
Ткани мглы гостеприимней
Расстилает тень.

Там, где землю крыл по склонам
Одноцветный снег,
Жжет глаза в лесу зеленом
Молодой побег!

В душу к нам глядит подснежник
Взором голубым;
Даже старый хлам валсжник
Кажется живым!

Мы весной живем, как дети,
Словно бредим вслух;
В свежих красках, в ясном свете
Оживает дух!

Каждый маю стал союзник
И врагом зимы,
Каждый счастлив, словно узник,
Выйдя из тюрьмы!

1918

ПЕРЕД МАЕМ

Под землей, под слоем снега,
Верит сонное зерно,
Что весной воде, с разбега,
Разбудить поля дано;

Что рассветной песней птицы
Снова станут славить лес;
И, в ночной игре, зарницы
Раскрывать узор небес;

Что зеленых трав изгибы
Запах мяты разольют,
И, хвостом виляя, рыбы
Заколышут ближний пруд!

Спит зерно и грежит маем
В мертвой мгле и в тишине...
Разве так же мы не знаем,
Что зима ведет к весне?

Так чего ж еще нам надо,—
Если всех любовно ждет
Майских радостей награда
За тоску и белый гнет!

Как же может ночь печалить,
Будь она черна, долга,
Если утром нежно жалить
Должен алый луч снега.

Зерна верят. Будем верить
Златоцветным дням и мы.
И к чему бесплодно мерить
Сроки ночи и зимы?

Пусть во мраке,— ты ли, я ли,—
Но дождется кто-то дня:
Все мы видели, все знали
Шар свободного огня!

Трепет жизни, жажда воли
Им незримо в нас влита.
В миг конца не все равно ли
Май иль майская мечта!

15 января 1918

Из цикла
«Единое счастье — работа!»

РАБОТА

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом,—
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета,—
Часы за упорным трудом.

Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подпругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!

На фабрике в шуме стозвонном
Машин, и колес, и ремней
Заполни с лицом непреклонным
Свой день в череду миллионном
Рабочих, преемственных дней!

Иль — согнут над белой странницей,—
Что сердце диктует, пиши:
Пусть небо зажжется денницей,—
Всю ночь выводи вереницей
Заветные мысли души!

Посеянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глубь бесчисленных умов.

Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет
Что станет с плодами,— неизвестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ!

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета,—
Все счастье земли — за трудом!

18 сентября 1917

ПОКА ЕСТЬ НЕБО

Пока есть небо, будь доволен!
Пока есть море, счастлив будь!
Пока простор полей раздолен,
Мир славить песней не забудь!

Пока есть горы, те, что к небу
Возносят пик над пеньем струй,
Восторга высшего не требуй
И радость жизни торжествуй!

В лазури облака белеют
Иль туча темная плывет;
И зыби то челнок лелеют,
То клонят мощный пакетбот;

И небеса по серым скатам
То золотом зари горят,
То блещут пурпурным закатом
И лед вершинный багрянят;

Под ветром зыблемые нивы
Бессчетных отсветов полны,
И знают дивные отливы
Снега под отблеском луны.

Везде — торжественно и чудно,
Везде — сиянья красоты,
Весной стоцветно-изумрудной,
Зимой — в раздольях пустоты;

Как в поле, в городе мятежном
Все те же краски без числа
Струятся с высоты, что нежным
Лучом ласкают купола;

А вечером еще чудесней
Даль улиц, в блеске фонарей,
Все — зовы грез, все — зовы к песне:
Лишь видеть и мечтать — умей.

Октябрь 1917

ПУСТЬ ПРЕД ОКНОМ МОИМ...

Пусть пред окном моим не взносит
Юнгфрау купол вековой,
И знаю, что закат не бросит
Змей на лагуны предо мной;

Пусть нынче с гондол не окликнут
Меня коварно, и в уют,
Где над палаткой пальмы никнут.
Под вечер не помчит верблюды;

Деревья чахлого бульвара
Да стены строгие домов,—
Вот сумрачно-немые чары
Всех наших дней, всех наших снов.

Но так же пламенны закаты,
И то же золото зари.
Там, где домами дали сжаты
И встали строем фонари;

И пляска радужных пылинок
В луче все та же — у окна;
И белые рои снежинок
Все так же серебрят луна;

Причудливо ползут туманы
Вдоль улиц, и ночная мгла
То множит странные обманы,
То, летом, призрачно бела.

Торжественно река струится,
Стучась в столицах о гранит,
И мир созвездий в ней глядится,
Храня величественный вид.

Над площадями полн величий
Колоколов ночной псалом,
А утром, в сквере, голос птичий
Так бодро-весел за окном.

1917

ГОЛОС ИНЫХ МИРОВ

Пусть мучит жизнь, и день, что прожит,
Отзвучьем горьких дум тревожит,
И душу скорбь коварно гложет;
Взгляни в ночные небеса,
Где пала звездная роса,
Где Млечный путь, как полоса,
Пролег и свет на свет множит;
Вглядись покорно в чудеса,—
И Вечность нежно уничтожит
В тебе земные голоса,
Бессонной памяти положит
Повязку мрака на глаза;
Застынет, не упав, слеза,
И миг в безбрежном изнеможет.

Целит священная безбрежность
Всю боль, всю алчность, всю мятежность,
Смиряя властно безнадежность
Мечтой иного бытия!
Ночь, тайн созданья не тая,
Бессчетных звезд лучи струя,
Гласит, что с нами рядом — смежность
Других миров, что там — края,
Где тоже есть любовь и нежность,
И смерть и жизнь,— кто знает, чья?
Что небо — только порубежность
Планетных сфер, даль — колея,
Что сонмы солнц и наше «я»
Влечет в пространстве — Неизбежность!

23 сентября 1917

Из цикла «Образы святые»

ТРИ ЯБЛОКА

Три яблока, излюбленных преданьем,
Три символа земного мятежа,
В саду веков, воссозданном сознаньем,
Они горят, под ветром грез дрожа.

Ты, яблоко губительное Евы!
Ты вырвало из глаз эдемский свет,
На нас обрушив божеские гневны,—
Но было то — восстанье на запрет!

Другое яблоко Вильгельма Теля,—
Свободы весть промчалось над землей:
Одной стрелой в родного сына целя,
Стрелок в тиранов метился другой!

А третье — третье яблоко Ньютона;
Оно упало в час своей поры,
И понял ум незыблемость закона,
Что движет землю, небо и миры.

То третье яблоко вернуло рай нам,
Сравнило всех, владыку и раба,
Открыло нам дорогу к вечным тайпам,
Чтоб не страшила больше — и Судьба!

1916

АРИАДНА

ЖАЛОБА ФЕССЕЯ

Ариадна! Ариадна!
Ты, кого я на песке,
Где-то, в бездне беспощадной
Моря, бросил вдалеке!

Златоокая царевна!
Ты, кто мне вручила нить,
Чтобы путь во тьме бездневной
Лабиринта различить.

Дочь угрюмого Миноса!
Ты, кто ночью, во дворце
Подошла светловолосой
Тенью, с тайной на лице!

Дева мудрая и жрица
Мне неведомых богов,
В царстве вражьем, чья столица
На меня ковала ков!

И — возлюбленная! тело,
Мне представшее вполне,
В час, когда ладья летела
По зыбям, с волны к волне!

Где ты? С кем ты? Что сказала,
Видя пенную корму,
Что, качаясь, прорезала
Заревую полутьму?

Что подумала о друге,
Кто тебя, тобой спасен,
Предал — плата за услуги! —
Обманул твой мирный сон?

Стала ль ты добычей зверя
Иль змеей уязвлена, —
Страшной истине не веря,
По поверить ей должна?

Ты клянешь плъ кличешь, плача,
Жалко кудри теребя?
Или,— горькая удача! —
Принял бог лесной тебя?

Ах! ждала ль тебя могила,
Иль обжег тебя венец,—
За тебя судьба отместила:
В море стигнул мой отец!

Я с подругой нелюбимой
Дни влачу, но — реешь ты
Возле ложа, еле зримый
Призрак, в глубях темноты!

Мне покорствуют Афины;
Но отдать я был бы рад
Эту власть за твой единый
Поцелуй плъ нежный взгляд.

Победитель Минотавра,
Славен я! Но мой висок
Осребрен: под сенью лавра
Жизнь я бросил на песок!

Бросил, дерзкий! и изменой
За спасенье заплатил...
Белый остров, белой пеной
Ты ль мне кудри убелил?

1917

ВЕНЕЦ АРПАДНЫ

Во дворце Афинском, скорбно мрачен,
Спит Фессей и видит вещий сон:
В теми вод белеет Накс; прозрачен
Воздух ночи; в звездах небосклон.

В страхе, встреча вкруг песок прибрежий,
Чуть привстав, царица смотрит вниз;
А над ней, прекрасен, светел — свежий
Хмель меж кудрей — юный Дионис.

Буйным сонмом попирая зелень,
Тигров холя, тирсы лентой свив,
Фавны, нимфы, люди виноделен
Ждут царя назад, в тени олив.

Он же, страстью вдруг обезоружен,
Раб восторга, к деве клонит лик...
Вот схватил ее венец жемчужин.
«Ты — небес достойна!» — слышен вскрик.

В небо вскинут, вспыхнул,— семизвездье —
Там венец. Бог с девой слит. Полна
Ночь их славой.— Горькое возмездье
Пьет Фессей во сне, и молит сна!

12/25 февраля 1918

МИРОВОЙ КИНЕМАТОГРАФ

В годину бед, когда народной вере
Рок слишком много ставит испытаний,—
В безмерном зале мировых преданий
Проходят призраки былых империй,
Как ряд картин на световом экране.

По Нилу мчится барка Сына Солнца;
До неба всходят башни Вавилона;
Перс возвещает землям волю с трона, —
Но дерзко рушат рати Македонца
Престол Царя Царей и Фараона.

Выходят римляне, сурово-строги.
Под стук мечей куется их держава,
И кесарских орлов не меркнет слава.
Бегут в пустынях римские дороги,
Народы рабствуют в оковах права.

Пирует Рим, льет вина, множит яства...
Вдруг варвары, как буря, злы и дики,
Спадают с гор, крушат всё в яром крике,
И, вновь пленен мечтой миродержавства,
Свой трон в руинах высит Карл Великий.

Потом, самумом пролетают в мире
Арабы, славя свой коран; монголы
Несметным сонмом топчут высь и доли...
Над царством царства вырастают шире...
Сверкает Бонапарта меч тяжелый...

Но, жив и волсен, из глухих крушений
Выходит строй народов — грозно длинный:
Армяне, эллины, германцы, финны,
Славяне, персы, итальянцы, — тени,
Восставшие, чтоб спеть свой гимн старинный!

О, сколько царств, сжимавших мир! Природа
Глядит с улыбкой на державства эти:
Нет, не цари — ее родные дети!
Пусть гибнут троны, только б дух народа,
Как феникс, ожил на костре столетий!

14 марта 1918

Из цикла «Это все — кошмар!»

ЗАТРАВЛЕННЫЙ ЗВЕРЬ

С гравюры

Олень затравленный, напрасно, взор молящий
Обводит вокруг, дыша прерывно; смерть везде;
Собаки рвутся вслед, сверкают ружья в чаще...
И зверь, ища пути, бросается к воде.

Плывет, глотая пар, а сзади слышит глухо
Лай, крики, зов рогов; пес беспощадный, вновь
Врага догнав, ему вонзает зубы в ухо...
Окрасив зыбь реки, струей стекает кровь.

А лес кругом стоит роскошен, как бывало;
Меж камней и коряг, журча, бежит ручей;
Круг солнечный, горя торжественно и ало,
Сквозь изумруд ветвей кидает сноп лучей.

Слабея, смотрит зверь вверх, в небеса, откуда
Лилось тепло, и дождь, и свежесть вешних бурь;
Защита с высоты не явится ли? Чудо
Не совершится ль? — Нет! Пуста, нема лазурь.

И стону слабому уже не вторит эхо...
Сквозь радугу слезы так странны берега...
Но всюду — взвизг собак, гром криков, гулы смеха,
И, кроя все, поют охотничьи рога!

16 февраля 1918

БИБЛИОТЕКИ

Власть, времени сильней, затаена
В рядах страниц, на полках библиотек:
Пылая факелом во мгле, она
Порой язвит, как ядовитый дротик.

В былых столетях чей-то ум зажег
Сверканье,— и оно доныне светит!
Иль жилы тетивы напрячь возмог,—
И в ту же цель стрела поныне метит!

Мы дышим светом отжитых веков,
Вскрывающих пред нами даль дороги,
Повсюду отблеск вдохновенных слов,—
То солнце дня, то месяц серебророгий!

Но нам дороже золотой колчак,
Певучих стрел, заветанный в страницах,
Оружие для всех времен и стран,
На всех путях, на всех земных границах.

Во мгле, куда суд жизни не достиг,
Где тени лжи извилисты и зыбки,—
Там дротик мстительный бессмертных книг,
Веками изощрен, бьет без ошибки.

1917

ПЕРЕД ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЛАМПОЙ

Злобный змей, зигзагом длинным
Разрезавший темень туч,
Чтоб, гремя, в лесу пустынном
Иль на склоне горных круч,

Ветви, поднятые дубом,
Серным пламенем зажечь,
И, ликуя, дымным клубом —
Смертным саваном — облечь!

Змей, сносивший с неба, древле,
Прометеев дар земле!
Что таишь ты, стыд ли, гнев ли,
Ныне замкнутый в стекле,

Сгибы проволоки тонкой
Раскалять покорно там,
Подчинясь руке ребенка,
Осужден — в угоду нам.

И, струя лучи из шара,
Ветром зыблем над толпой,
Скрывшей ленту тротуара,
Пестрой, шумной и тупой,—

Чем ты занят? Иль, в причуде
Смутной грезы, веришь ты,
Что вокруг — все те же люди,
Те же гулы суеты;

Что, как прежде было, сыты
Мясом мамонта, тебя
Славят пляской троглодиты,
Дико космы теребя?

В злобных лицах, в ярых взорах
Ты узнать бы ныне мог
Те же сонмы, для которых
Ты в былом сверкал, как бог.

Иль века виденье стерли,
И теперь, могуч и слаб,
Мыслишь ты: «Не на позор ли
Здесь я выставлен, как раб?»

И, без сил, влеком на угли
Длинным проводом, зигзаг
Вольный помнишь ты,— нам друг ли,
Иль, горящий мстью, враг?

Из цикла «Маленькие дети»

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

В ярком летнем свете,
В сквере, в цветнике,
Маленькие дети
Возятся в песке:

Гречники готовят,
Катят колесо,
Неумело ловят
Палочкой серсо;

Говорят, смеются,
Плачут невпопад,—
В хоровод сплетутся,
Выстроятся в ряд;

Все, во всем,— беспечны,
И, в пылу игры,
Все — добросердечны...
Ах! лишь до поры!

Сколько лет им, спросим.
Редкий даст ответ:
Тем — лет пять, тем — восемь,
Старше в круге нет...

Но, как знать, быть может,
Здесь, в кругу детей,—
Тот, кто потревожит
Мглу грядущих дней,—

Будущий воитель,
Будущий мудрец,
Прав благовеститель,
Тайновед сердец;

Иль преступник некий,
Имя чье потом
Будет жить вовеки,
Облито стыдом...

Скрыты в шуме круга
Оба, может быть,
И сейчас друг друга
Погнались ловить.

И, смеясь затеям,
Вот несется вскачь
С будущим злодеем
Будущий палач!

Маленькие дети!
В этот летний час
Вся судьба столетий
Зияется на вас!

Июль 1918

ПРАЗДНИКИ

Ждать в детстве воскресенья,
Дня пасхи, рождества,
Дня именин, рожденья
Иль просто торжества,—
Какое восхищенье,
Когда вся жизнь — нова!

Зажгут в сочельник елку,
Мы раньше, вечерком
Ее подсмотрим в щелку!
И в масках мы потом
Запляшем, втихомолку
Пугая целый дом!

И будем мы, при бое
Часов, под Новый год,
Записывать простое
Желанье в свой черед...
А дед Мороз нам вдвое
Подарков принесет!

На масляной неделе
Кататься мы должны!
И утром чуть с постели,—
Вопрос: когда ж блины?
А голосом свирели,
Поют ручьи весны.

Под пасху мать заставит
Нам волоса подстричь,
Но праздник все поправит...
Ах! пасха! ах! кулич!
Пусть вечером случавит,
Катя яйцо, Лукнич!

Но не довольно ль, впрочем,
И именин простых.
Мы поутру бормочем
Свой именинный стих,
А целый день хохочем
Среди друзей своих!

И даже день воскресный,
Когда уроков нет,—
Сияет, как чудесный,
Небесный чистый свет!
Так после влаги пресной
Солдат вином согрет!

Вы, праздники меж будней,—
Как звезды в груди страз!
Чем рок был многотрудней,
Тем слаще вспомнить вас,—
Рубинней, изумрудней
Алмазней, чем алмаз!

16 марта 1918

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой мальчик! Птицы спят;
Накормили львицы львят;
Прислонясь к дубам, заснули
В роще робкие косули;
Дремлют рыбы под водой;
Почивает сом седой.

Только волки, только совы
По ночам гулять готовы,
Рыщут, ищут, где украсть,
Разевают клюв и пасть.
Ты не бойся, здесь кроватка,
Спи, мой мальчик, мирно, сладко.

Спи, как рыбы, птицы, львы,
Как жучки в кустах травы,
Как в берлогах, норах, гнездах
Звери, легшие на роздых...
Вой волков и крики сов,
Не тревожьте детских снов!

1919

Из цикла «Сонеты»

БЕГЛЕЦЫ

Стон роковой прошел по Риму: «Канны!»
Там консул пал и войска лучший цвет
Полег: в руках врагов — весь юг пространный:
Идти на Город им — преграды нет!

У кораблей, под гнетом горьких бед,
В отчаяньи, в успех не веря бранный,
Народ шумит: искать обетованный
Край за морем — готов, судьбе в ответ.

Но Публий Сципион и Аппий Клавдий
Вдруг предстают, гласят о высшей правде,
О славе тех, кто за отчизну пал.

Смутясь, внимают беглецы укорам,
И с палуб сходят... Это — час, которым
Был побежден надменный Ганнибал!

24 сентября 1917

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ В ИЮЛЕ 1917 года

В*** громили памятник Пушкина;
в*** артисты отказались играть
«На дне».

(Газетное сообщение 1917 г.)

Не в первый раз мы наблюдаем это:
В толпе опять безумный шум возник,
И вот она, подъямая буйный крик,
Заносит руку на кумир поэта.

По неизменен, в новых бурях света,
Его спокойный и прекрасный лик;
На вопль детей он не дает ответа,
Задумчив и божественно велик.

И тот же шум вокруг твоих созданий,—
В толпе, забывшей гром рукоплесканий,
С каким она лелеяла «На дне».

И так же образы любимой драмы,
Бессмертные, величественно-прямы,
Стоят над нами в ясной вышине.

17 июля 1917

Из книги
«В ТАКИЕ ДНИ»

Из цикла «В зареве пожара»

РОССИИ

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукротенных бурь,—
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь!

Россия! в злые дни Батыея,
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингиз-хановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра,—
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь,—
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?

Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

1920

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клетки,
Нищих вали по пути;

Догоняй поезда на уклонах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стопут,
Дрожа на мешках с крупой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;

В городах, бесфонарных, беззаборных,
Где пляшет нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай, —
Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнем опаляй!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под гром,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы новые гимны поем?

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!

Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопя над встревоженным миром
Золотую зарю времен.

Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрах, в тоске, в нищете,
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;

Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой все властней, все державней
Земные ведет племена!

7 октября 1920

К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Все вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом растет
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дrobiшь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! Яростно прынув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседает гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток,—
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке,—
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий,
Встречает в смятении земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

4 декабря 1920

ПАРКИ В МОСКВЕ

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в Октябре?

Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И, когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.

То — народными пирожниками,
То — крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.

Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испить,
Но они в толпе выскивали
Всей народной жизни нить.

И на площади, — мне сказывали, —
Там, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель,

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодрa, легка,
И тянулась пить, рассученная
Вновь на долгие века!

5 октября 1920

ВЕСНОЙ

Не в первый раз твои поля
Обозреваю я, Россия;
Чернеет взрытая земля,
Дрожат, клонясь, овсы тугие
И, тихо листья шевеля,
Берез извилины родные.

Вот косогор, а вот река,
За лесом — вышка колокольни;
Даль беспредельно широка,
Простор лугов, что шаг, раздольней;
Плывут неспешно облака,
Так высоко над жизнью дольней.

Вы неизменны, дали нив,
Где свежий колос нежно зреет!
Сон пашни новой, ты красив,
Тебя встающий день лелеет!
И с неба радостный призыв
Опять в весеннем ветре вест.

Да, много ты перенесла,
Россия, сумрачной невзгоды,
Пока, алея, не взошла
Заря сознания и свободы!
Но сила творчества — светла
В глубоких тайниках природы.

Нет места для сомнений тут,
Где вольны дали, глуби сини,
Где васильки во ржи цветут,
Где запах мяты и полыни,
Где от начала бодрый труд
Был торжествующей святыней.

7 июня 1920

НАМ ПРОБА

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма,
Жизнь вокруг свистит ледяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма.

Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»

Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветер, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.

В час бури ропот — вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань, как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь!

Строг выбор: строй, рази — иль падай!
Нам нужен воин, кормчий, страж.
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, — тот не наш!

Гордись, хоть миги жгли б как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, — мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

1920

ТОВАРИЩАМ ИНТЕЛЛИГЕНТАМ

Инвектива

Еще недавно, всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица:
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали, и вы внимали,
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий.

Вам были любви — трагизм и гибель
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа?

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы вброшены в невероятность!

Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.

В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись: «Бренность!»
И в новых ликах живой причудой
Пред нами реет современность.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите вы в вихрь событий —
Упитаться бурей, грозно-странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила как дальность?
И только в книгах да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

Февраль и март 1919

ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жизнью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды мут, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть!

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —

Выполняя труд тяжелый,
Загнан, голоден и наг,
Он не знал дороги в школы,
Он был чужд вселенских благ;

Просвещенья ключ целебный
Скрыв, бросали нам пари
Лишь хоругви, лишь молебны,
В пестрых красках алтари!

И когда в толпе шумливой,
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой,
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек.

Чьи-то цепи где-те пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж, в толпе, вседневный
Шум ее, и гул, и гам,—
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

СЕРП И МОЛОТ

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот!

Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Недаром мы, блестя серпом,
Взмстнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни,
Лети за грань, в планетный холод!
Вселенский серп, сев истин жни,
Толщъ тайн дроби, вселенский молот!

Мир долго жил! Довольно лжи!
Как в осень, плод поспелый золот,
В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!

Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод!
Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот!

13 мая 1921

Из цикла «Над мировым костром»

В ТАКИЕ ДНИ

Расплавлены устои жизни прежней,
Над мировым костром мы — взлет огня.
Еще безумней и опять мятежней,
Вихрь беспощадных искр, взметай меня!

Мечту пронзили миллионы волей,
Мысль, в зареве бесчисленных дум, зорка, —
Ломая, строить новый Капитолий,
Класть цоколи стен, взмеченных в века!

Не пламя ль влило в трепетные жилы?
Мой каждый вздох не роковой ли хмель?
Содружный труд упорно троит силы,
Застлала мглу пленительная цель.

Но в эти дни все внесено в безмерность,
Жизнь — от земли в зенит веретено!
Желанья — смерч, стальная плаха — верность
Победный лавр и иглы пуль — одно!

В святом кругу приветствий и проклятий,
Где жезл Судьбы сметает дни и кровь,
Язвит целебней серп ночных объятий,
Уста к устам смертельной гнет любовь!

1920

НА ВЫСЯХ

Жизнь трепетов любви не старит,
Где ближе гибель, зорче страсть,
Так бред блаженств с Еленой Пáрид
Знал в Пéргамах, готовых пасть.

За сводом свод возносят годы
Аркады радуг в сто цветов.
Все жгучей синь, все круче всходы
По твердым зернам лунных льдов.

Но в стуже лет, на горных срывах,
Где ветер в клочья рвет мечту,
Властней огонь в руках счастливых,
Свой факел взнесших в высоту.

Что в долах, там, где тмин и мята,
Пьянило дни,— мгновенный мед,—
На высях, здесь, как пламя свято,
Алтарный дым до звезд влечет.

Смыкайтесь, арки, в белом блеске
Над черной бездной, в вихре мча —
Сон Паоло и сон Франчески,
Что двух слепил под взвизг меча!

1920

ПОД ГУЛЫ И ВЗРЫВЫ

Вихри войны, кони гибели, не успокоены,
Роя просторы, опоры бывшего крушат;
В городе черны разломанных окон пробоины,
Громко развалины вьют о днях баррикад.

Ропотом моря вся жизнь вдохновенно взволнована,
Взносит свой гребень встающая к звездам волна:
В шторме, растущем безмерно, стихия раскована,
Даль заполняет потоком победным она.

В грозных разгромах, в гудящей над миром мятеж-
ности,
В празднике бури, в неистовстве молний, в громах,
Что же мы двое, с мечтой о целительной нежности,
С трепетной песней о счастье немом на устах?

Легкие листики, взвеяны в сумрачной бурности,
Будем раздавлены, смяты, растоптаны мы
Шагом народов к великой, к всеобщей лазурности,
Ляжем, разъяты,— обломки рассеянной тьмы?

Нет, в нашей страсти все тот же порыв напряженности,
Отзвук циклона, влекущего мир на свой суд!
Сладко нам реять над алым провалом бездонности,
Сладко под гулы и взрывы свой строить уют.

С вами, кто рушат и зиждут, не тайные нити ли
Вяжут нас, дерзких, в пожаре поющих любовь?
В жизни, идущей на смену векам, мы — строители
Вечного храма надежд, восстающего вновь!

11 сентября (29 августа) 1920

ГИМН АФРОДИТЕ

За длительность вот этих мигот странных,
За взгляд полуприкрытый глаз туманных,
За влажность губ, сдавивших губы мне,
За то, что здесь, на медленном огне,
В одном биении сердце с сердцем слито,
Что равный вздох связал мечту двоих,—
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

За то, что в дни, когда поля, серея,
Покорно ждут холодных струй Борея,—
Твой луч, как меч, взнесенный надо мной,
Вновь льет в мой сад слепительность и зной,
Что зелень светлым Аквилонном взвита,
Что даль в цветах, и песни реют в них,—
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

За все, что будет и не быть не может,
Что сон и этот будет скоро дожит,
Что видеть мне, в час сумрачных разлук,
Разомкнутым кольцо горячих рук,
Что тайно в страсти желчь отравы скрыта,
Что сводит в Ад любовь рабов своих,—
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

2 сентября 1920

Из цикла «Завес веков»

РОМАНТИКАМ

Вам, удаленным и чуждым, но близким и милым.
Вам эти строфы, любимцы отринутых дней!
В зеркало месяц виденья бросает Людмилам,
С бледным туманом слита вереница теней;

С тихой и нежной мечтой о принцессах лилейных,
Рыцари едут в лесу за цветком голубым;
Жены султанов глядятся в кристальных бассейнах
В знойных гаремах, окутанных в сладостный дым.

Светлы картины, и чары не страшны; пропитан
Воздух великой тоской по нездешней стране!
В юности кем этот трепет тоски не испытан,
Кто с Лоэнгрином не плыл на волшебном челне?

Трезвая правда сожгла ваши чистые дали,
С горных высот мы сошли до глубоких низин;
С грохотом города стены холодные встали,
С дымом фабричным задвигались поршни машин.

Вышли другие, могучие силой хотений,
Вышли, чтоб рушить и строить на твердой земле,—
Но в их упорстве был отзвук и ваших стремлений,
В свете грядущего — луч, вас манивший во мгле!

Вам, кто в святом беспокойстве восторженно жили,
Гибли трагически, смели и петь и любить,
Песнь возлагаю на вашей бессмертной могиле:
Счастлив, кто страстных надежд здесь не мог утолить!

1920

ОДИССЕЙ У КАЛПСО

Сквозь легкий дым земных воспоминаний
Свежеет глубь заживленных страстей,
Я ль тот пловец, кто возносит к небу длани,
На берег брошен из морских сетей?

Я ль чуждый гость в чертоге крестообразном,
Где Калипсо кудель судьбы прядет,—
Днем на пиру сижу блаженно-пленным,
В ночь с уст царицы пью пьянящий мед?

Как бред былой, скользят и тают лица
Друзей случайных, призрачных врагов;
Вновь, как во сне, мы двое, жрец и жрица,
Сквозь сонм льстецов проходим чтить богов.

Но в час зари, чуть стоят чары мрака,
Я восхожу на кручь прибрежных скал
Смотреть в туман, где спит моя Итака,
Внимать, как ропщет в даль бегущий вал.

Я ль в светлом доме островной сибиллы,
Вдыхая сладость элисийских нег,
Вздыхать готов о дымных безднах Скиллы,
В мечтах лелеять с шумом волн — побег?

Что мне, кто знал слепительности Трои,
Кто сирских пленниц к ложах нежным влек,—
Ахайи скудной зеркало пустое,
Сны Пенелопы, Телемака рок?

Иль не пресыщен полным кубком славы,
Не отягчен венцом вселенной всей,—
Как нектара, жду нежащей отравы
Я, опытный, я, мудрый Одиссей?

28 августа 1920

ЦЕЗАРЬ КЛЕОПАТРЕ

Нас влекут пурпурные ветрила,
Нежен вздох павлиньих опахал,
Терпкой влагой душно веет с Нила,
В излучей сини Феб недвижно стал.

Мысли — четки. Выслушай, царица!
Ропот мой безумьем назови.
Пусть в тебе таит свой бред блудница,
Цезарь тож не новичок в любви.

Что ж, пред кем, скажи, в Александрии
Я сложил и фаски и венец,
Взор закрыл на распри мировые,
В Риме кинул золотой дворец?

Иль гетер в столицах шумных мало?
Иль не я владыка всех земель?
Но от хитрых ласк душа устала,
Что мне в снах Киприды лишний хмель?

Нет, египтянка! в изгибе строгом
Губ твоих, в огне холодном глаз
Понял я призыв к иным дорогам,
К большей глубин, соблазнившей нас.

Клонит лик пред сыном Афродита,
Эрос-Мститель гнет священный лук.
Пропасть высшей страсти нам открыта.
Чу! на дне — камней скользнувших звук!

Миродержец, днесь я диадемой
Царственной вяжу твоё чело.
Не в Киферу нас влечет трирема,
В даль столетий — фатума весло.

Нам сужден ли сон мгновенной неги?
Прочь Гефестом кованная сеть!
Двум кометам в их надмирном беге
Нам дано в пример векам алеть.

Так гори, согласно пламеню,
Огонь любви следи со мной вдохнуть,
Чтоб с тебя он сжег клеймо Помпея,
Чтоб к клинку мне подготовил грудь.

Из цикла «А здесь, в уме»

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Было? Не знаю! Мальстрёмом крутящим
Дни все, что было, сметаю на дно.
Зельем пьянящим, дышу настоящим,
Заревом зорь мир застлало оно.

Прошное сброшу, пустую одежду;
Годы — что полки прочитанных книг!
Я это — ты, ныне вскинутый, между
«Было» и «будет» зажегшийся миг.

В первый раз — поле весной опьянело,
В первый раз — город венчала зима,
В первый раз — в храмине туч, сине-белой
Молнией взрезана плотная тьма!

В первый раз, в первый — губ нежная влажность
Губы мне жмет, я ловлю в первый раз
Грудь у груди вздохов страстных протяжность,
Жуть, счастье, муку закинутых глаз.

В первый раз — мысль, в жгучей зоркости, верит
Зовам толпы, с буйством жизни слита:
Строить, крушить, в битву ринуться! Перед
Целью веков ниц простерта мечта.

Грозы! Любовь! Революция! — С новой
Волей влекусь в ваш глухой водомет,
Вас, в первый раз, в песнях славить готовый!
Прошлого — нет! День встающий — зовет!

28 ноября 1920

ДЕНЬ

Еще раз умер, утром вновь воскрес;
Бред ночи отошел, забыт, отброшен.
Под серым сводом свисших вниз небес,
Меж тусклых стен, мир ярок и роскошен!

Вновь бросься в день, в целящий водоем.
Скользи в струях, глядись в стекле глубоком,
Чтоб иглы жизни тело жгли огнем,
Чтоб вихрь событий в уши пел потоком!

Хватай зубами каждый быстрый миг,
Его вбирай всей глубио дум, всей волей!
Все в пламя обрати: восторг, скорбь, вскрик,
Есть негa молний в жале жгучей боли!

Час рассеки на сотню тысяч миль,
Свой путь свершай от света к свету в безднах,
Весь неизмерный круг замкнув, не ты ль
Очнешься вновь, живым, в провалах звездных?

Борьбой насытись, выпей яд любви.
Кинь в сушь сознаний факел дневной песни,
Победы блеск, стыд смеха изживи,—
Умри во мгле и с солнцем вновь воскресни!

24 августа 1920

ОДНО ЛИШЬ

Я ль не искал под бурей гибели,
Бросая киль в разрез волны,
Когда, гудя, все ветры зыбили
Вкруг черный омут глубины?

Не я ль, смеясь над жизнью старящей,
Хранил всех юных сил разбег,
Когда сребрил виски товарищей,
Губя их пыл, предсмертный снег?

Ах, много в прошлом — листья спалшие —
Друзей, любовниц, книг и снов!
Но вновь в пути мне братья младшие
Плели венки живых цветов.

За кругом круг сменив видения,
Я к новым далям страсть донес,
Пью грозы дней земных, не менее,
Чем прежде, пьян от нежных слез.

К чему ж судьбой, слепой прелестницей,
В огне и тьме я был храним,
И долгих лет спиральной лестницей
В блеск молний вышел, невредим?

Одно лишь знаю: дальше к свету я
Пойду, вшивая гром опять,
Ловя все миги и не сетуя,
Отцветший час бросая вспять.

9 января 1921

Из книги
«МИГ»

Из цикла «Кругозор»

СМОТРЕТЬ В БЫЛОЕ

Смотреть в былое, видеть все следы,
Что в сушь песка вбивали караваны
В стране без трав, без крыш и без воды,
Сожженным ветром иль миражем пьяны;

Припоминать, как выл, свистя, самум,
Меня слепя, ломая грудь верблюду
И, все в огне, визжа сквозь душный шум,
Кривлялись джины, возникали всюду;

Воссоздавать нежданный сон, оаз,
Где веер пальм, где ключ с душой свирели,
И где, во мгле, под вспышкой львиных глаз,
Проснешься, когти ощущая в теле!

Смотреть вперед и видеть вновь пески,
Вновь путь в пустыне, где желтеют кости...
Уже не кровь, года стучат в виски,
И зной и смерть слились в последнем тосте.

Но, сжав узду, упорно править ход,
Где холм не взрезан скоком туарега,
Опять, еще, где океан ревет,—
В лед волн соленых ринуться с разбега!

17 января 1921

РИМИНИ

В твоём, в века вонзенном имени,
Хранимом — клад в лесу — людьми,
Кто с дрожью не расслышит, Римини,
Струн, скрученных из жил любви?

В блеск городов, где Рим с Венецией,
Где столько всех, твоя судьба
Вошла огнем. Венец! Венец и ей!
И в распре слав — весь мир судья.

Вы скупы, стены! Башни, слепы вы!
Что шаг — угрюмей кровли тишь.
Но там есть дверь и портик склеповый,
И к ним мечта, что в храм, летит.

Что было? Двое, страстью вскрылены,
Над тенью дней чело стремя,
Сон счастья жгли, чтоб, обессилены,
Пасть, слиты лаской остря.

И все. Но ввысь взнеслись, гиганты, вы,
Чтоб в жизни вечно хмелю быть,
И держат вас терцины Дантовы,—
Вовек луч тем, кто смел любить!

11 июля 1921

АПРЕЛЬ

Кто поет, мечта ль, природа ль,
Небо — нежный сон свирели?
Каждый листик вылит в трели,
Свет и тень звенят в апреле,—
Ветр, лишь ты, всех неумелей,
В медь трубы дудишь поодаль.

Давний гимн! Припев всемирный!
В дни, где мамонт высил бивни,

В первом громе, в вешнем ливне,
Был ли тот же зов призывней?
Жди весны, ей верь, лови в ней
Флейты ропот, голос лирный.

Песнь вливаешь в струны ль, в слово ль,
Все ж в ней отзвук вечной воли.
С ланью лань спозналась в поле,
Змей с змеей сплелись до боли,
Лоб твой влажен вкусом соли,—
Всех мелодий — вдоволь, вдоволь!

2 мая 1921

Из цикла «Из прежде в теперь»

ГРЯДУЩИЙ ГИМН

Солнце летит неизмерной орбитой,
Звезды меняют шеренгами строй...
Что ж, если что-то под солнцем разбито?
Бей, и удары удвой и утрой!

Пал Илион, чтобы славить Гомеру!
Распят Христос, чтобы Данту мечтать!
Правду за вымысел! меру за меру!
Нам ли сказанья веков дочитать!

Дни отбушуют, и станем мы сами
Сказкой, виденьем в провале былом.
Кем же в столетья войдем? голосами
Чьими докатится красный псалом?

Он, нам неведомый, встанет, почует
Истину наших разорванных дней,—
То, что теперь лишь по душам кочует,
Свет, что за далью полней и видней.

Станут иными узоры Медведиц,
Станет весь мир из машин и из воль...
Все ж из бывшего, поэт-сердцеведец,
Гимн о былом — твой — восславить позволь!

Ноябрь 1921

ОКТАБРЬ 1917 года

Есть месяцы, отмеченные Роком
В календаре столетий. Кто сотрет
На мировых скрижалях *иды марта*,
Когда последний римский вольнолюбец
Тирану в грудь направил свой клинок?
Как позабыть, в холодно-мглистом полдне,
Строй дерзких, град картечи, все, что слито
С глухим *четырнадцатым декабря*?
Как знамена, кровавым блеском реют
Над морем Революции Великой
Двадцатое июня, и десятый
День августа, и скорбный день — *брюмер*.
Та ж Франция явила два пыланья —
Февральской и июльской новизны.
Но выше всех над датами святыми,
Над *декабрем*, чем светел пятый год,
Над *февралем* семнадцатого года,
Сверкаешь ты, слепительный *Октябрь*,
Преобразивший сумрачную осень
В ликующую силами весну,
Зажегший новый день над дряхлой жизнью
И, заревом немеркнущим, победно
Нам озаривший правый путь в веках!

1920

ОКЛИКИ

Четвертый Октябрь

Окликаю Коршуна в пустыне:
— Что летишь, озлоблен и несмел? —
«Кончен пир мой! более не стынет
Труп за трупом там, где бой гремел!»

Окликаю Волка, что поводит
Сумрачно зрачками: — Что уныл? —
«Нет мне места на пустом заводе:
Утром колокол на нем звонил...»

Окликаю Ветер: — Почему ты
Вой ведешь на сумрачных ладах? —

«Больше мне нельзя в годину смуты
Раздувать пожары в городах!»

Окликаю Зиму: — Эй, старуха!
Что твоя повисла голова?—
«Плохо мне! Прикончена разруха,
Всюду мне в лицо трещат дрова».

Чу! гудок фабричный! Чу! зывают
Свистом, пролетая, поезда.
Красные знамена обвивают
Русь былую, словно пояса.

Что грозило, выло и рычало,
Все притихло, чуя пятый год.
Люди, люди! Это лишь начало,
Октября четвертого приход!

Из войны, из распрь и потрясений
Все мы вышли к бодрому труду;
Мы куем, справляя срок весенний,
Новой жизни новую руду.

Кто трудился, всяк на праздник прошен!
Путь вперед — роскошен и широк.
Это — зов, что вглубь столетий брошен,
Это — наше право, это — рок!

25—30 октября 1921

Из цикла «Просверк»

СЕЕТ ХРОНОС

Нет, не струны, нет, не трубы,
Мой напев над морем вейте!
Закрываю тихо ставни,
Подношу покорно губы
К золотой, забытой флейте;
Властвуй в темной тишине,
Старомодный, стародавний
Отзвук, милый только мне!

Пой из тьмы тысячелетней,
Из лесов аркадских басен,
Где к маслинам никли фиги,
Пой безвольней, безответней,
Но, как прежде, мудр и страстен,
Зовов нежных не тая,—
Здесь, где внемлют только книги,
Только тени, только я.

Где я? может быть, в преданьи,
В лунной трели менестрелей,
В песне призрачной Шопена,—
Но в сверканьи, но в рыданьи
Воды Геллы прогремели,
Обращая в нектар кровь;
Сеет Хронос алой пеной,
Чтоб земле всплыла Любовь.

23 февраля 1921

ЗАЧЕМ?

Зачем? Разве я знаю?
Не нами, давно суждено:
Поля опалать мистралю,
Якорю падать на дно.

Гольфштрему, может быть, хочется
Медлить в огне Гаити,
Но должен Малыштремом корчиться
На холодном норвежском граните.

На эти глаза обманные
Стигматы губ наложить,—
Это — играет ветер туманами,
Это — травами ночь ворожит.

Если двое в невольной неге мы
Угадываем шопоты срока,
Это — солида Виктории-Регии
Дрожат в синеве Ориноко.

Зачем? Кто нам ответит?
Словами любви не лги!
Сквозь эфир скользящей планете
Непонятны ее круги.

10 февраля 1921

ИНКОГНИТО

Порой любовь проходит инкогнито,
В платье простом и немного старомодном.
Тогда ее не узнает никто.
С ней болтают небрежно и слишком свободно.

Это часто случается на весеннем бульваре, и
У знакомых в гостиной, и в фойе театральном;
Иногда она сидит в деловой канцелярии,
Как машинистка, пишет, улыбаясь печально.

Но у нее на теле, сквозь ткани незримый нам,
Пояс соблазнов, ею не забытый.
Не будем придиричивы к былым именам,—
Все же часто сидим мы пред лицом Афродиты.

А маленький мальчик, что в детской ревности
Поблизости вертится, это — проказливый Амор.
Колчан и лук у него за спиной, как в древности;
Через стол он прицелится, опираясь на мрамор.

Что мы почувствуем? Укол, ощутимый чуть,
В сердце. Подумаем: признак энкардита.
Не догадаемся, домой уходя, мы ничуть,
Что смеется у нас за спиной Афродита.

Но если ты сразу разгадаешь инкогнито,
По тайным признакам поймешь, где богиня,—
В праведном ужасе будь тверд, не дрогни, не то
Стрела отравленная есть у ее сына.

12 марта 1921

Из цикла «Тень света»

ВСКРОЮ ДВЕРИ

Вскрою двери ржавые столетий,
Вслед за Данте семь кругов пройду,
В зыбь земных сказаний кину сети,
Воззову сонм призраков к суду!

Встаньте, вызову волхва послушны,
Взоры с ужасом вперяя в свет,
Вы, чья плоть давно — обман воздушный,
Вы, кому в бесстрастии — схода нет!

Встань, Элисса, в рапе серповидной!
Встань, Царица, на груди с ехидной!
Встань, Изотта, меч не уклоняя!
Встань, Франческо, ей сестра родная!
Встань, Джульетта, пряча склянку с ядом!
Встань с ней, Гретхен, руки в узах, рядом!
Встаньте все, кто жизнь вливал в последний
Поцелуй, чтоб смерть сразить победней!

Вас не раз я оживлял сквозь слово,
Как Улисс, поил вас кровью строф!
Встаньте вокруг, творите суд сурово,—
Здесь на сцене — дрожь моих висков!

Мне ответьте, судьи тьмы, не так ли
Парид вел Елену в Илион,
Бил не тот же ль сердца стук в Геракле,
В час, когда встречал Иолу он!

2 мая 1921

Из книги

«ДАЛИ»

Из цикла «Века и пространства»

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Красное знамя весть о пролетариате,
Извиваясь кольцом,
Плещет в голубые провалы вероятия
Над Кремлевским дворцом;

И новые, новые, странно-великие,
Поют слова...
Древним ли призракам, Мойрам ли, Дике ли,
Покорилась Москва?

Знаю и не узнаю знакомого облика:
Все здесь иным.
Иль, как в сказке, мы все выше леса до облака
Вознесены?

Здравствуй же, племя, вскрывающее двери нам
В век впереди!
Не скоро твой строй тараном уверенным
Судьба разрядит!

Лишь гром над тобой, жизнь еще не воспетая,
Свой гимн вопил,
Но с богами бессмертье — по слову поэта — я
Заживо пил.

Волшебной водой над мнимой усталостью
Плеснули года.
Что-нибудь от рубцов прежних ран осталось ли?
Грудь молода.

С восторгом творчества, под слепыми пиклонамп,
Мечту сливать
И молодость в губы губами неуклонными
Целовать.

24 марта 1922

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Вот замолкла, заснула, закуталась
Черным ворохом чуткая полночь.
Дверь в миры отперта; из-за купола
Марс мерцает приближенный. Полно!

Ты — мой бред! ты — мой призрак! Лилит моя!
Мозг пилить невозможным ты снова ль!
Что мы? — капля, в вселенную влитая,
Нить, где взвита в бездонность основа!

Те мечты я сотру, мел на аспиде!
Сеть каналов твоих смажу тушью!
Прокричи из ночи еще раз: «приди!»
Мне ль углей мировых внять удушью?

Пусть нигде, пусть никто, всех семи планет,
Нам не отзыв, не зов: лед и зной лишь!
Вечность нас зевом медленным выплюнет,—
Мы — лишь бедный цветок, ах! весной ли?

Прежде, после,— ей что? наших выкладок
Ей не брать,— единиц в биллионе!
Звезд ряды строить в небе привыкла так,
Что меня, здесь во тьме, для нее — нет!

1 марта 1922

МОЛОДОСТЬ МИРА

Нет! много ли, мало ли, чем бы ты вымерил
Все, что в тысячелетия, как в пропасть упало,—
Материки, что исчезли, расы, что вымерли,
От совета Лемурув до совета в Рапалло?

Имена персеидами падают в памяти,
Царей, полководцев, ученых, поэтов...
Но далеко ль еще по тем же тропам идти,
Набирая в ненужный запас то и это?

На пути библиотеки стоят цитаделями,
Лагерями — архивы, загражденьем — музеи...
Вдребезги грудь о песни к Делии,
Слеп от бомб риккертIANства, глух от древних Тезеев.

Но океаны поныне кишат протоплазмами,
И наш радий в пространствах еще не растрочен,
И дышит Земля земными соблазнами,
В мириадах миров всех, быть может, невзрачней.

А сколько учиться, — пред нами букварь еще!
Ярмо на стихии наложить не пора ли,
Наши зовы забросить на планеты товарищу,
Шар земной повести по любой спирали?

Человек! свои мерки опять переиначь! а то
Уронишь афишу, озадаченный зритель!
Человечеством в жизни ныне не начата ль
Лишь вторая глава там, в Санта-Маргарите?

1 мая 1922

Из цикла «Минуты»

ГОДЫ В БЫЛОМ

Наискось, вдоль, поперечниками
Перечеркнуты годы в былом,—
Ландкарта с мелкими речонками,
Сарай, где хлам и лом.

Там — утро, в углу, искалеченное;
Там — вечер, убог и хром;
Вот — мечта, чуть цела, приналечь на нее,
Облетит прогорелым костром.

Цели, замыслы,— ржа съедающая
Источила их властный состав,
С дней, растерянных дней, тех, когда еще я
Верил вымыслам, ждать не устав.

И они, и они, в груди скученными,
Ночи клятв, миги ласк, тени губ...
Тлеть в часах беспросветных не скучно ли им,
Как в несметном, метельном снегу?

Конквистадор, зачем я захватываю
Город — миг, клад — часы, год — рубеж?
Над долиною Иосафатовою
Не пропеть пробужденной трубе.

11 февраля 1922

В ПРЯТКИ

Ночь уснула, дождем убаюкана,
Спит старуха, младенца крепче,
Теперь не расслышит ни звука она,
Что любовник-месяц ей шепчет.

Ветер улицы яростно вылизал,
Всюду рыщет, косматый и серый,
Веселится в роскошном обилии зал,
Скачет с мокрыми ветками в скверах.

Тучи, побитое войско, разомкнуты,
Вскачь бегут, меж звезд, без оглядки:
Исекли их, шелкая, громы кнута,
Молний пляс истомил игрой в прятки.

Стены все — упорные странницы,
Ходят грузно по лунной указке:
Свет мигнул, — церковь старая кланяется,
Тень нашла — к дому дом льнет по-братски.

Без присмотра все силы кинуты,
Развинтилась в них каждая гайка.
Эх, доверилась Сумраку-сыну и ты,
Ночь-карга, земная хозяйка!

Он же рад сам трунить над месяцем,
Распустил стихии; при свете
Радостно раскуролеситься им, —
Разошлись тучи, камни и ветер!

18 мая 1921

ОТ ВИСКА И ДО ВИСКА

Ветер гонит искры снега
Мимо окон, засты свет;
В свисте вьюги взрывы смеха;
Чутко плачет печь в ответ.

Здесь за дверью — остров малый,
Вихри волн — за рифом там.
Мгла причалы мачт сломала,
Мгла примчала нас к мечтам.

Лапой лампу пальма ль валит?
Зной с каких морских песков?
Ночь причудней. Пью в овале
Грустных губ вино веков.

Рыщут тигры; змеи свиты;
Прямо прянет вниз боа...
Что все страхи! лишь зови ты
Грот, где бред наш,— Самоа.

Мглами слеп, втеснюсь во мглу я,
Где прически прядь низка,
Чтоб вдохнуть сон снов, целуя
От виска и до виска!

27 января 1922

Из цикла «Чуть сквозь улыбку»

СЕГОДНЯ

На пестрых площадях Занзибара,
По зеленым склонам Гавайи,
Распахиваются приветливо бары,
Звонят, предупреждая, трамваи.

В побежденном Берлине — голод,
Но ослепительный блеск по Wein-ресторанам;
После войны пусть и пусто и голо,—
Мандрагоры пляшут по странам!

И лапы из золота тянет
Франция,— всё в свой блокгауз!
Вам новейшая лямка, крестьяне!
Рабочие, вам усовершенствованный локаут!

Этому морю одно — захлестнуть бы
Тебя, наш Советский Остров!
Твои, по созвездиям, судьбы
Предскажет какой Калиостро!

В гиканьи, в прыганьи, в визге
Нэпманов заграничных и здешних,
Как с бутылки отстойной виски,
Схватить может припадок сердечный.

На нашем глобусе ветхом,
Меж Азий, Америк, Австралий,
Ты, станции строя по веткам,
Вдаль вонзишь ли свои магистрали?

5 марта 1922

НАД КАРТОЙ ЕВРОПЫ 1922 г.

Встарь исчерченная карта
Блещет в красках новизны —
От былых Столбов Мелькарта
До Колхидекой крутизны.

Кто зигзаги да разводы
Рисовал здесь набелò?
Словно временем на своды
Сотню тренцин навело.

Или призрачны седины
Праарийских стариков,
И напрасно стяг единый
Подымался в гарь веков?

Там, где гений Александра
В общий остров единил
Край Перикла, край Лисандра,
Царства Мидий, древний Нил?

Там, где гордость Газдрубала.
Словно молотом хрусталь,
Беспощадно разрубала
Рима пламенная сталь?

Там, где папы громоздили
Вновь на Оссу Пелион?
Там, где огненных идиллий
Был творцом Наполеон?

Где мечты? Везде предсслы,
Каждый с каждым снова враг;
Голубь мира поседелый
Брошен был весной в овраг.

Это — Крон седобородый
Говорит веками нам:
Суждено спаять народы
Только красным знаменам.

26 марта 1922

НОВЫЙ СИНТАКСИС

Язык изломан? Что ж! — глядите:
Слова истлевшие дотла,
Их разбирать ли, как Эдите
На поле Гастингском тела?

Век взвихрен был; стихия речи
Чудовищами шла из русл,
И ил, осевший вдоль поречий,
Шершавой гривой заскорузл.

Но так из грязи черной встали
Пред миром чудеса Хеми,
И он, как шлак в Иоахимстале,—
Целенье долгих анемий.

В напеве первом пусть кричащий
Звук: то забыл про немоту
Сын Креза, то в воскресшей чаще
Возобновленный зов «ату!»

Над Метценжером и Матиссом
Пронесся озверелый лов,—
Сквозь Репина к супрематистам,
От Пушкина до этих слов.

1922

Из книги
«МЕА» («СПЕШИ»)

Из цикла «В наши дни»

МАГИСТРАЛЬ

Были лемуры, атланты и прочие...
Были Египты, Эллады и Рим...
Варвары, грузы империй ворочая,
Лишь наводили на мир новый грим...

Карты пестрели потом под феодами,—
Чтоб королям клочья стран собирать...
Рушились троны и крепи... И одами
Славили музы борьбу, рать на рать...

Царства плотились в Союзы, в Империи,
Башнями строя штыки в высоту...
Новый бой шел за земные артерии...
Азию, Африку, все — под пята!

Труд поникал у машин и над нивами...
Армии шли — убивать, умирать...
Кто-то, чтоб взять всю добычу, ленивыми
Пальцами двигал борьбу, рать на рать.

Было так, длилось под разными флагами,
С Семирамиды до Пуанкаре...
Кто-то, засеив властелином над благами,
Тесно сжимал роковое карре.

Небо сияло над гордыми, зваными...
Жизнь миллионов плелась в их руках...
Но — ветер взвыл над людскими саваннами,
Буря, что издавна тлела в веках.

И грань легла меж прошлым и грядущим,
Отмечена, там, где-то, дата дат:
Из гроз последних лет пред миром ждущим,
Под красным стягом встал иной солдат.

Мир раскололся на две половины:
Они и мы! Мы — юны, скудны,— но
В века скользим с могуществом лавины,
И шар земной сплотить нам суждено!

Союз Республик! В новой магистрали
Сольют свой путь все племена Европ,
Америк, Азий, Африк и Австралий,
Чтоб скрыть в цветах былых столетий гроб.

20—25 января 1924

ПОСЛЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА

Не только здесь, у стен Кремля,
Где сотням тысяч — страшны, странны
Дни без Вождя! нет, вся земля,
Материки, народы, страны,

От тропиков по пояс льда,
По всем кривым меридианам,
Все роты в армии труда,
Разрозненные океаном,—

В тревоге ждут, что будет впредь,
И, может быть, иной — отчаян:
Кто поведет? Кому гореть,
Путь к новой жизни намечая?

Товарищи! Но кто был он?—
Воль миллионных воплощенье!
Веков закрученный циклон!
Надежд земных осуществленье!

Пусть эти воли не сдадут!
Пусть этот вихрь все так же давит!
Они нас к цели доведут,
С пути не сбиться нас — заставят!

Но не умалим дела дел!
Завета трудного не сузим!
Как он в грядущее глядел,
Так мир сплотим и ооюзим!

Нет «революции», есть — одна:
Преображенная планета!
Мир всех трудящихся! И эта
Задача — им нам задана!

28 января 1924

ЛЕНИН

Кто был он! — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Атилл.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: *Ленин*
На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

25 января 1924

У КРЕМЛЯ

По снегу тень — зубцы и башни;
Кремль скрыл меня, — орел крылом.
Но город-миф — мой мир домашний,
Мой кров, когда вне — бурелом.

С асфальтов Шпре, с Понтийских топей,
С камней, где докер к Темзе пал,
Из чащ чудес, — земных утопий, —
Где глух Гоанго, нем Непал,

С лент мертвых рек Месопотамий,
Где солнце жжет людей, дремля,
Бессчетность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля!

Там — ждут, те — в гневе, трепет — с теми;
Гул над землей метет молва...
И — зов над стоном, светоч в темень, —
С земли до звезд встает Москва!

А я, гость лет, я, постоялец
С путей веков, здесь дома я.
Полвека дум нас в цепь спаяли,
И искра есть в лучах — моя.

Здесь полнит память все шаги мне,
Здесь в чуде, я — абориген,
И я, храним, звук в чьем-то гимне,
Москва! в дыму твоих легенд!

11 декабря 1923

СССР

Эй, звезда, отвечай, на потеху ли
Ты навстречу солнцу летишь?
Не к созвездью ль Геракла доехали
Мы чрез миро-эфирную тишь?

Мимо — сотнями разные млечности,
Клубы всяких туманностей — сквозь!
Ну, а эти кометы, — им меч нести
Вдоль Земли, вдоль Земель, на авось!

Ах, не так ли Египты, Ассирии,
Римы, Франции, всяческий бред,—
Те имперней, те утлее, сирее,—
Всё — в былое, в запруду, в запрет!

Так в великом крушенье — (давно ль оно?)—
Троны, царства, империи — вдрызг!
Где из прежнего моря дозволено
Доплеснуть до сегодня лишь брызг.

Иль напрасно над хламом изодранным
Знамя красное взвито в свой срок?
Не с покона ль веков эта хорда нам
Намечала наш путь поперек?

Эй, Европа, ответь, не комете ли
Ты подобна в огнях наших сфер?
Не созвездье Геракла наметили
Мы, стяг выкинув — Эс-эс-эс-эр?

4 июля 1923

ЗСФСР

Планеты и Солнце: Союз и Республики строим.
Вождь правит ряды, он их двоит и тройт.
Вот на дальней орбите собираются в круг сателлиты.
Не малые ль зерна в могучий шар слиты?
Где уже притяженье иных, нам почти чуждых сфер,
Новый мир засветился: Зэ-эс-эф-эс-эр.

Как много в немномом! От отмелей плоских, где Каспий
Вышкам с нефтью поет стародавние сказки,
За скалы Дарьяла, где, в вихре вседневных истерик,
О старой Тамаре рыдальствует Терек,
До стран, где, былыми виденьями тешиться рад,
Глядит к Алагязе седой Арарат!

Как много! И сколько преданий! От днй Атлантилы
Несут откровенья до нас яфетиды;
Здесь — тень диадохов! там — римских провинций границы!
Там длань Тамерлана и бич его снится!
И снова тут сплочен, в проломе всемирных ворот,
К труду и надеждам свободный народ.

Привет племенам, что века и века враждовали,
Но вызваны к жизни в великом развале
Империй и царств! Вы звездой загорелись на сфере!
Вы — силы земли! Вы — кровь нови! И верим:
Путь один держат к свету из древних пещер и трясин
Абхазец и тюрк, армянин и грузин!

19 января 1924

Вертись, вал! Поршень, бей! вей цепи!
Лети творить, незримый ток!
Вне — замыслы! наружу — цели!
Но в чьей руке святой моток?

Здесь что? Мысль роль мечты играла,
Металл ей дал пустой рельеф;
Смысл — там, где змеи интеграла
Меж цифр и букв, меж d и f!

Там — власть, там творческие горны!
Пред волей числ мы все — рабы.
И солнца путь вершат, покорны
Немым речам их ворожбы.

14 января 1924

НЕВОЗВРАТНОСТЬ

Миг, лишь миг быть Земле в данной точке вселенной!
Путь верша, ей сюда возвратиться ль, и как?
Звездной вязи, в уме ложью глаз впечатленной,
Не найдет он, грядущий, там, в новых веках.

Время, время, стой здесь! полосатый шлагбаум
В череп мысли влепи! не скачи, сломя дни!
Гвоздь со шнуром в «теперь» вбить бы нам, и в забаву
Миллионам веков дать приказ: отдохни!

Эх! пусть фильму Эйнштейн волочит по Европе!
Строф не трать на обстрел: дробь праздный извод!
Все ж из «прежде» в «потом» кувыркаться! и в тропе
Гераклита — все истины: жизнь — смена вод.

Есть, быть может, ждут, будут — Гольфштрем,
Куро-Сиву
На путях, где нас Солнце влечет, как сатрап,
Чтоб лучи, звуки, запахи, краски — красивы
Стали все, всем, везде, или — соком отрав;

Есть, быть может, ждут, будут — огни дальних станций
Там, где шаг человечества врежет свой след,
Чтоб в Коммуне Всемирной жить в музыке, в танце,
В песне, славя радость предсказанных лет;

Но и там всё — лишь миг, но и там всё — что дребезг
Невозможных полнот, тех, что взор осязать
Мог бы лишь не как взор, чей на смертном одре блеск
Будет бред, будет цель — с мигом вечность связать.

1 августа 1923

МИР ЭЛЕКТРОНА

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там всё, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.

Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;

А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч загасил!

13 августа 1922

МИР X ИЗМЕРЕНИЙ

Высь, ширь, глубь. Лишь три координаты.
Мимо них где путь? Засов закрыт.
С Пифагором слушай сфер сонаты,
Атомам дли счет, как Демокрит.

Путь по числам? — Приведет нас в Рим он
(Все пути ума ведут туда!).
То же в новом — Лобачевский, Риман,
Та же в зубы узкая узда!

Но живут, живут в N измереньях
Вихри воли, циклоны мыслей, те,
Кем смешны мы с нашим детским зреньем,
С нашим шагом по одной черте!

Наши солнца, звезды, всё в пространстве,
Вся безгранность, где и свет бескрыл,
Лишь фестон в том праздничном убранстве,
Чем их мир свой гордый облик скрыл.

Наше время — им чертеж на плане.
Вкось глядя, как мы скользим во тьме,
Боги те тщету земных желаний
Метят снисходительно в уме.

21 января 1924

КАК ЛИСТЬЯ В ОСЕНЬ

«Как листья в осень...» — вновь слова Гомера:
Жить счет ведя, как умирают вокруг...
Так что ж ты, жизнь? — чужой мечты химера!
И нет устоев, нет порук!

Как листья в осень! Лист весенний зелен;
Октябрьский желт; под рыхлым снегом — гниль...
Я — мысль, я — воля!.. С пулей или зельем
Встал враг. Труп и живой — враги ль?

Был секстильон; впредь будут секстильоны...
Мозг — миру центр; но срезан луч лучом.
В глазет — грудь швей, в свинец — Наполеоны!
Грусть обо всех — скорбь ни об чем!

Так сдаться? Нет! Ум не согнул ли выи
Стихий? узду не вбил ли молньям в рот?
Мы жаждем гнуть орбитные кривые,
Земле дав новый поворот.

Так что ж не встать бойцом, смерть, пред тобой нам,
С природой власть по всем концам двоя?
Ты к нам идешь, грозясь ножом разбойным;
Мы — судия, мы — казнь твоя!

Не листья в осень, праздный прах, который
Лишь перегной для свежих всходов, — нет!
Царям над жизнью, нам, селить просторы
Иных миров, иных планет!

6 января 1924

Из цикла «В деревне»

НЕ ПАМЯТЬ...

Как дни тревожит сон вчерашний!
Не память,— зов, хмельней вина,
Зовет в поля, где комья пашни
Бьет в плуг, цепляясь, целина.

Рука гудит наследьем кровным —
Сев разметать, в ладонь собрав.
Цеп над снопом обрушить; ровным
Размахом срезать роскошь трав.

Во мне вдруг вздрогнет доля деда,
Кто вел соху под барский бич...
И (клич сквозь ночь!) я снова, где-то,
Всё тот же старый костромич.

И с солнцем тают (радуг льдины!)
Витражи стран, кулисы книг:
Идет, вдоль всей земли единый,
Русь, твой синеющий сошник!

Мужичья Русь! Там, вне заводов,
Без фабрик,— обреченный край,
Где кроет бор под бурей сводов,
Где домовый прет спать в сарай,—

Как ты в мечты стучишь огнивом?
Не память,— зов, хмельней вина —
К стогам снегов, к весенним нивам,
Где с Волгой делит дол Двина!

30 сентября 1923

РОДНОЕ

Березка любая в губернии
Горько сгорблена грузом веков,
Но не тех, что, в Беарне ли, в Берне ли,
Гнули спину иных мужиков.

Русский говор, — всеянный, вгребленный
В память, — рошчет, не липы ль в бреду?
Что нам звоны латыни серебряной:
Плавим в золото нашу руду!

Путь широк по векам! Ничего ему,
Если всем — к тем же векам, на пир;
Где-то в Пушкинской глуби по-своему
Отражен, склон звездистый, Шекспир!

А кошмар, всё, что мыкали, путь держа
С тьмы Батя до первой зари,
Бьет буруном, в мечтах, (не до удерж!):
Мономахи, монахи, цари!

Пусть не кровью здоровой из вен Земля:
То над ней алый стяг, — трезвый Труд!..
Но с пристрастий извечного вензеля
Зовы вошь, в день один, не сотрут!

Давних далей сбываньем тревожимы,
Все ж мы ждем у былых берегов,
В красоте наших нив над Поволжьями,
Нежных весен и синих снегов!

8 марта 1923

УМИЛЬНЫЕ СЛОВА

Июньских сумерек лесная
Тишь, где все вычерты чисты,
И свисла сеть волосаяная
Пред белой строчкой бересты.

Откуда? — юность не на дно ли
Все сбросила, и кто принес?
Не сны глициний и магнолий,
А северная сонь берез?

Гуди, сквозь годы, рой осиный —
Эрлкёниг, Рейн, бред Лорелей:
Как блекнешь ты под дрожь осины,
В томленье мят с родных полей!

Иль кровь до внуков донесла нам
Те взлеты кос, те взблески сох,
И мох, ласкавший лоб Русланам,
В столетовой зной не иссох?

А заводь речки за отлогом
Ждет взгляда — подсказать про стих,
Где, старым ямбом, старым слогом,
Крен слов, умильных и простых.

22 июня 1922

ЛЕСНАЯ ТЬМА

Безлюдье. Глушь. Зеленоватый
Свет. Но в тиши есть голоса,—
Те, чем живут, те, чем чреватые
В июльски жаркий день, леса.

Писк птицы; стрекот насекомых;
Скрип двух стволов; да вдалеке,
Меж звуков чуждых, но знакомых,
Моторной лодки треск в реке

Нет! Чу! еще! сквозь мириады
Зеленых листьев — плащ земной —
Шум, что не ведали дриады:
Гудит пропеллер надо мной.

Не знаю, здесь, где полюс близко,
Блуждал ли древле старый Пан,—
Но хищным шипом василиска
Его встревожил бы бишпан.

Гуд оживленного металла
Прорезал дали; власть ума
Богов Эллады разметала,
И светит вдруг лесная тьма.

Шум листьев в сумрачном хорале
Притих; идут, смелей, грозней,
Электронлуг, электротраллер,
Чудовища грядущих дней.

19 июля 1923

Из цикла «Из книг»

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «МЕДНОГО ВСАДНИКА»

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Дождь мелкий моросил. Туман
Все облакал в плащ затрапезный.
Все тот же медный великан,
Топча змею, скакал над бездной.

Там, у ограды, преклонен,
Громадой камня отенен,
Стоял он. Мыслей вихрь слепящий
Летел, взвивая ряд картин,—
Надежд, падений и годин.
Вот — вечер; тот же город спящий,
Здесь двое под одним плащом
Стоят, кропимые дождем,
Укрыты сумрачным гранитом,
Спиной к приподнятым копытам.
Как тесно руки двух слиты!
Вольнолюбивые мечты
Спешат признаньями меняться;
Встает в грядущем день, когда
Народы мира навсегда
В одну семью соединятся.

Но годы шли. Другой не тут.
И рати царские метут
Литвы мятежной прах кровавый
Под грозный зов его стихов.

И заглушат ли гулы славы
Вошь здесь встающих голосов,
Где первой вольности предтечи
Легли под взрывами картечи!
Иль слабый стон, каким душа
Вильгельма плачет с Иртыша!
А тот же, пристально-суровый
Гигант, взнесенный на скале!
Ужасен ты в окрестной мгле,
Ты, демон площади Петровой!
Виденье призрачных сибилл,
В змею — коня копыта вбил,
Уздой железной взвил Россию,
Чтоб двух племен гнев, стыд и страх,
Как укрощенную стихию,
Праправнук мог топтать во прах!

Он поднял взор. Его чело
К решетке холодной прилегло,
И мыслей вихрь вскрутился, черный,
Зубцами молний искривлен.
«Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебе!» — Так думал он.
И сквозь безумное мечтанье,
Как будто грома грохотанье,
Он слышал топот роковой.
Уже пуста была ограда,
Уже скакал по камням града —
Над мутно плещущей Невой —
С рукой простертой Всадник Медный...
Куда он мчал слепой порыв?
И, исполину путь закрыв,
С лучом рассвета бело-бледный,
Стоял в веках Евгений бедный.

28 октября 1923

Из цикла «Мысленно»

МЫСЛЕННО. ДА!

Мысленно, да! но с какой напряженностью
Сквозь окна из книг озираем весь мир мы!
Я пластался мечтой над огромной сожженностью
Сахары, тонул в знойных зарослях Бирмы;

Я следил, веки сжав, как с руки краснокожего,
Вся в перьях, летя, пела смерти вестунья;
Я слушал, чтоб в строфы влить звука похожего
Твой грохот, твой дым, в твердь, Мози-оа-Тунья!

Сто раз, нет, сто сотен, пока свое пол-лица
Земля крыла в сумрак, — покой океанам! —
Я белкой метался к полюсу с полюса,
Вдоль всех параллелей по всем меридианам.

Все хребты твои знаю, все пропасти в кратерах,
Травы всяческих памп, всех Мальстрёмов содомы:
Мой стимер, где б ни был, — в знакомых фарватерах,
Мой авто — везде гость, мой биплан — всюду дома!

И как часто, сорван с комка зеленого,
Той же волей взрезал я мировое пространство,
Спеша по путям светодня миллионного,
Чтоб хоры светил мне кричали: «постранствуй!»

И с Марса, с Венеры, с синего Сирия
Созердал, постигал жизнь в кругу необъятном,
Где миг — мига в веках — наш Египет — Ассирия,
А «я» — электрон, что покинул свой атом!

8 июля 1923

Из цикла «Наедине с собой»

АРИАДНЕ

Слышу: плачут волны Эльбы
О былом, о изжитом;
Лодки правят,— не на мель бы;
Пароходы бьют винтом;

Слышу, вижу: город давний,
Башни, храмы, скрип ворот.
Гёте помнящие ставни,
Улиц узкий поворот;

Вижу: бюргеры, их жены,
Стопы пива по столам,—
Ужас жизни затверженной,
Дьявол с Гретхен пополам.

Там, где Эльбы полногрудой
Два сосца впились в мосты,
Там, задавленная грудой
Всех веков немецких,— ты!

Ты, с кем, два цветка, мы висли,
Миг, над пропастью двойной,
Ты, с кем ник я, там, на Висле,
К лику лик с Земной Войной.

8 июля 1923

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Пятьдесят лет —
 пятьдесят вех;
 пятьдесят лет —
 пятьдесят лестниц;
Медленный восход
 на высоту;
 восход на виду
 у сотен сплетниц.

Прямо ли, криво ли
 лестницы прыгали,
 под ветром, под ношей ли,—
 ярусы множились,
Узкие дали
 вдруг вырастали,
 гор кругозоры
 низились, ожили.

Где я? — высоко ль? —
 полвека — что доколь;
 что бархат — осока
 низинных болот.
Что здесь? — не пьяны ль
 молчаньем поляны,
 куда и бипланы
 не взрежут полет?

Пятьдесят лет —
 пятьдесят вех;
 пятьдесят лет —
 пятьдесят восходов.
Что день, то ступень,
 и стуки минут —
 раздумья и труд,
 год за годом.

Вышина...
 Тишина...
 Звезды — весть...
 Но ведь знаю,

День за днем
будет объем
шире, и есть —
даль иная!

Беден мой след!
ношу лет
знать — охоты нет!
ветер, непрошен ты!
Пусть бы путь достигнуть
мог до больших границ,
прежде чем ниц
ринусь я, сброшенный!

Пятьдесят лет —
пятьдесят вех;
пятьдесят лет —
пятьдесят лестниц...
Еще б этот счет! всход вперед!
и пусть на дне —
суд обо мне
мировых сплетниц!

27 ноября, 15 декабря 1923

Из цикла «Бреды»

СИМПОСИОН ЗАКАТА

Всё — красные раки! Ой, много их, тоннами
По блюдам рассыпал Зарный Час (мира рьяный стиль!),
Глядя, как повара, в миску дня, монотонными
Волнами лили привычные пряности.

Пиршество Вечера! То не «стерлядь» Державина,
Не Пушкина «трюфли», не «чаши» Языкова!
Пусть посуда Заката за столетья заржавлена,
Пусть приелся поэтам голос «музык» его;

Всё ж гуляющие гости! каждый раз точно обух в лоб —
Те щедрости ветра, те портьеры на западе!
Вдвое слушаешь ухом; весь дыша, смотришь в оба, чтоб
Доглотнуть, додрожать все цветà, шумы, запахи!

Чтò там рòзрито? вíна? Чтò там кинутó? персики?
Малина со сливками! ананас над глубинами!
Экий древний симпозион! Герои и наперсники,
Дев перси, рук перстни,— перл над рубинами!

Старомодны немного пурпурòвые роскоши:
Ренессанс Тинторетто сквозь Вторую Империю,
Но до дна глубина: лилий кубки да роз ковши,
Бури алых Миссури на апрельские прерии!

Эх, продлить бы разгул! Но взгляни: вянут розы;
С молоком сизый квас опрокинутый месится;
Великанам на тучах с кофе чашечки розданы,
И по скатерти катится сыр полномесяца.

15 августа 1922

КАРУСЕЛЬ

Июльский сумрак лепится
К сухим вершинам лип;
Вся прежняя нелепица
Влита в органный всхлип;
Семь ламп над каруселями —
Семь сабель наголо,
И белый круг усеяли,
Чернясь, ряды голов.
Рычи, орган, пронзительно!
Вой истово, литавр!
Пьян возгласами зритель. но
Пьян впятеро кентавр.
Гудите, трубы, яростно!
Бей больно, барабан!
За светом свет по ярусам, —
В разлёты, в сны, в обман!

Огни и люди кружатся,
Скорей, сильнее, вольней!
Глаза с кругами дружатся,
С огнями — пляс теней.
Круги в круги закружены,
Кентавр кентавру вслед...
Века ль обезоружены
Беспечной скачкой лет?

А старый сквер, заброшенный,
Где выбит весь газон,
Под гул гостей непрошенных
Глядится в скучный сон.
Он видит годы давние
И в свежих ветках дни,
Где те же тени вставлены,
Где так же жгут огни.

Все тот же сумрак лепится
К зеленым кронам лип;
Вся древняя нелепица
Влита в органный всхлип...
Победа ль жизни трубится
В век, небылой досель, —
Иль то кермессы Рубенса
Вновь вертят карусель?

12 июля 1922

Из незаконченной книги
«СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»
1907—1924

Песни первобытных племен

* * *

Кенгуру бежали быстро,
Я еще быстрее.
Кенгуру был очень жирен,
А я его съел.

Пусть руками пламя машет,
Сучьям затрещать пора.
Скоро черные запляшут
Вкруг костра.

1907

ВОИНСКАЯ ПЕСНЯ

Меть ему в лоб,
Меть ему в грудь,
Меть ему в почку,
Меть ему в сердце,
Меть ему в бок,
Меть ему в пах,
Меть ему в чрево,
Меть ему в сердце,
Меть в него, меть в него,
Сломай ему ребра,
Сломай ему шею,
Пробей ему глаз,
Когда ж побежит,
Меть ему в спину,
Ого! ого! ого!

1913

Ассирийская клинопись

* * *

Царь, Бил-Ибус, я, это вырезал здесь,
Сын Ассура, я, был велик на земле.

Города разрушал, я, истреблял племена,
Города воздвигал, я, строил храмы богам.

Прекрасную Ниргал, я, сделал своею женой,
Алоустая Ниргал, ты, была как месяц меж звезд.

Черные кудри Ниргал, твои, были темны, как ночь,
Соски грудей, Ниргал, твои, были алый цветок.

Белые бедра, Ниргал, твои, я в пурпур одел,
Благоуханные ноги, Ниргал, твои, я в золото обул.

Когда умерла ты, Ниргал, я сорок суток не ел,
Когда ушла ты, Ниргал, я десять тысяч казнил.

Царь, Бил-Ибус, я, был велик на земле,
Но, как звезда небес, исчезаешь ты, человек.

1912

В египетском стиле

НАДПИСЬ

Наше войско двигалось мирно,
Оно вступило в области Гёруша.

Наше войско двигалось мирно,
Оно сломило могущество Гёруша.

Наше войско двигалось мирно,
Оно сокрушило вражий крепости.

Наше войско двигалось мирно,
Оно срезало сады и виноградники.

Наше войско двигалось мирно,
Оно сожгло дома и хлеба на полях.

Наше войско двигалось мирно,
Оно истребило тысячи тысяч людей.

Наше войско двигалось мирно,
Оно увело тысячу тысяч в плен.

Наше войско двигалось мирно,
Да будет слава царю во времена времен!

1913

ЦАРЬ О СЕБЕ САМОМ

Я был, как лев, рожденный в пустыне, около оаза Хибиса,
в зарослях.
Я стоял на колеснице позлащенной, как статуя бога на
подножии своем.
Десницей я метал стрелы мои, шуйцей я опрокидывал
врагов.
Я был, как Аммон, в свой час, пред сонмом врагов, лик
мой страшен был им.
В груди у них не было мужества метать стрелы, они не
осмеливались поднять дротик.
Три тысячи колесниц разбили кобылицы мои, спицы колес
валялись, как солома.
Воинов я низвергал в воду, как прыгают в Нил крокодилы.
Падали ниц враги один за другим, не смели взглянуть,
кто их разит.
Они, уstraшенные, говорили друг другу: «Не человек,
сам Сутеху славный меж нами.
Побежав, поспешим укрыться от него! спрятавшись,
переведем дух еще раз в жизни!»
Я воззвал к отцу моему Аммону: «Отец, ты не забыл сына!
Храмы твои я наполнил пленными, тебе я воздвиг колонны,
что простоят тысячу лет!
Для тебя я привез обелиски с Абу, за дарами тебе я
посылал корабли в море.
Заповедей твоих я не преступал в жизни, славу твою я
разнес по всему миру!»
Презренные побеждены были мною, враги мои были ис-
треблены на земле.
Трупы лежали у ног моих, как сено, лучшие витязи врагов
издыхали в крови своей.
Тогда около вечернего времени пришли военачальники мои,
славословили имя мое тысячею похвал.
Но я, царь,— жизнь, здоровье, сила,— сказал им: «Вы
видели, что совершил Аммон, отец мой.
Враги разбежались по пустыне, как тушканчики, я про-
шел сквозь их ряды, подобно носорогу.
Славьте Аммона, бога непобедимого: славьте сына его,
фараона, одержавшего победу,— жизнь, здоровье, сила!»

ГИМН НИЛУ

Слава Нилу, в мир сошедшему,
Слава Нилу, жизнь дающему.

Твой исток вовек неведом нам,
Твой поток всегда живет страну,
Твой разлив дарует жатву нам.

Велишь — Нобри бдить над зернами,
Велишь — Сэбеку над хлебом бдить,
Велишь — Фта над ремеслом радеть.

Рыб создатель! их от птиц хранишь.
Нив радетель! ты века творишь.
Храмов зодчий! ты — богов оплот.

Перст твой медлит, — всюду бедствие;
Дух твой дремлет, — меж богами страх;
Без тебя — одни пески палимые.

Ты встаешь, — и все живое радуется;
Ты прошел, — и поле стало зелено;
Каждый зуб — перетирает плод.

Всех людей ты слушаешь моления,
Никогда ты сам не истощаешься,
Доблесть Нила — бедняков оплот.

Мы из камня не творим тебя,
Не венчаем мы тебя двойным венцом,
Ты не требуешь от люда подати.

Ты царишь для Юга и для Севера,
Ты проглатываешь слезы всех очей.
Подымаешь равно лодки всех.

Слава Нилу, в мир сошедшему,
Слава Нилу, жизнь дающему!

ПОУЧЕНИЕ

Тот, владыка написанных слов,
Тот, царящий над мудростью книг!

Научи меня тайне письмен,
Подскажи мне слова мудрецов.

Человек! умом не гордись,
Не мечтай: будешь славен в веках.

Над водой промелькнул крокодил,
И нырнул в глубину навсегда.

Нил священный быстро течет.
Жизнь человека протекает быстрее.

Ты перед братом хвалился: я мудр!
Рука смерти равняет всех.

Тот, хранитель священных книг,
Тот, блюститель священных ключей!

Скажи: это написал Аменампат
Двадцать шестого Паини в третий год Мерери.

Март 1912

Отзвуки Атлантиды

ГОРОД ВОД

Был он, за шумным простором
Грозных зыбей океана,
Остров, земли властелин.
Таит пред умственным взором
Мгла векового тумана,
Сумрак безмерных глубин.

Было то — утро вселенной,
Счет начинавших столетий,
Праздник всемирной весны.
В радости жизни мгновенной,
Люди там жили, как дети,
С верой в волшебные сны.

Властвуя островом, смело
Царства раздвинул границы
Юный и мощный народ...
С моря далеко горело
Чудо всесветной столицы,
Дивного Города Вод.

Был он — как царь над царями.
Все перед ним было жалко:
Фивы, Мемфис, Вавилон.
Он, опоясан кругами
Меди, свинца, орихалка,
Был — как огнем обнесен!

Высилась в центре громада
Храма Прозрачного Света —
Дерзостной воли мечта,

Мысли и взорам улада,
Костью слоновой одета,
Золотом вся залита.

Статуи, фрески, колонны,
Вязь драгоценных металлов,
Сноп самоцветных камней;
Сонм неисчетный, бессонный,—
В блеск жемчугов и кораллов,
В шолк облаченных людей!

Первенец древнего мира,
Был он единственным чудом,
Город, владыка земель,
Тот, где певучая лира
Вольно царила над людом,
Кисть, и резец, и свирель;

Тот, где издавна привыкли
Чтить мудрецов; где лежали
Ниц перед ними цари;
Тот, где все знанья возникли,
Чтоб обессмертить все дали
Благостью новой зари!

Был — золотой Атлантиды
Остров таинственно-властный,
Ставивший вехи в веках:
Символы числ, пирамиды,—
В Мексике жгуче-прекрасной,
В пильских бесплодных песках.

Был,— но его совершенства
Грани предельной достигли,
Может быть, грань перешли...
И, исчерпав все блаженства,
Все, что возможно, постигли
Первые дети Земли.

Дерзко умы молодые
Дальше, вперед посягнули,
К целям запретным стремясь...

Грозно восстали стихии,
В буре, и в громе, и в гуле
Мира нарушили связь.

Пламя, и дымы, и пены
Встали, как вихрь урагана;
Рухнули тверди высот;
Рухнули башни и стены,
Всё,— и простор Океана
Хлынул над Городом Вод!

1917

ЖЕНЩИНЫ ЛАБИРИНТА

Город — дом многоколонный,
Залы, храмы, лестниц винт,
Двор, дворцами огражденный,
Сеть проходов, переходов,
Галерей, балконов, сводов,—
Мир в строеньи: Лабиринт!

Яркий мрамор, медь и золото,
Двери в броне серебра,
Роскошь утвари богатой,—
И кипенье жизни сложной,
Почью — тайной, днем — тревожной,
Буйной с утра до утра.

Там,— при факелах палящих,
Шумно правились пиры;
Девы, в туниках сквозящих,
С хором юношей, в мнистах,
В блеске локонов сквозистых,
Круг сплетали для игры;

Там — надменные миносы
Колебали взором мир;
Там — предвечные вопросы
Мудрецы в тиши судили;
Там — под кистью краски жили,
Пели струны вещей лир!

Все, чем мы живем поныне,—
В древнем городе-дворце
Расцветало в правде линий,
В тайне книг, в узоре чисел;
Человек чело там высил
Гордо, в лавровом венце!

Всё, что ведала Эллада,—
Только память, только тень,
Только отзвук Дома-Града;
Песнь Гомера, гимн Орфея —
Это голос твой, Эгейя,
Твой, вторично вставший, день!

Пусть преданья промолчали;
Камень, глина и металл,
Фрески, статуи, эмали,
Встали, как живые были,—
Гроб раскрылся, и в могиле
Мы нашли свой идеал!

И, венчая правду сказки,
Облик женщины возник,—
Не она ль в священной пляске,
Шла вдоль длинных коридоров,—
И летели стрелы взоров,
Чтоб в се вонзиться лик?

Не она ль взбивала кудри,
К блеску зеркала склонясь,
Подбирала гребень к пудре,
Серьги, кольца, украшения,
Ароматы, умощенья,
Мазь для губ, для щечек мазь?

Минул ряд тысячелетий,
Лабиринт — лишь скудный прах...
Но те кольца, бусы эти,
Геммы, мелочи былого,—
С давним сердцем близят снова:
Нить жемчужная в веках!

1917

ЭГЕЙСКИЕ ВАЗЫ

Они пленительны и нежны,
Они изысканно-небрежны,
То гармонически размерны,
То соблазнительно неверны,
Всегда законченны и цельны,
Неизмеримо-нераздельны,
И завершенность линий их
Звучит, как полнопевный стих.

От грозных и огромных пифов
До тонких, выточенных скифов,
Амфоры, лèкифи, фиалы,
Арибаллы и самый малый
Каликий, все — живое чудо:
В чертах разбитого сосуда,
Загадку смерти разреша,
Таится некая душа!

Как исхищрённы их узоры,
Ласкающие сладко взоры:
В запутанности линий гнутых,
То разомкнутых, то сомкнутых,
Как много жизни претворенной,
Пресыщенной и утомленной
Холодным строем красоты,
В исканьях новой остроты!

.

На черном поле звезды — рдяны,
Горят, как маленькие раны,
А фон лазурный иль червлённый
Взрезают черные фестоны;
Глазам и сладостно и больно,
И мысль прикована невольно
К созданиям чужой мечты,
Горящим светом красоты.

Глубокий мрак тысячелетий
Расходится при этом свете!

И пусть преданья мира — немы!
Как стих божественной поэмы,

Как вечно ценные алмазы,
Гласят раздробленные вазы,
Что их творец, хотя б на миг,
Все тайны вечности постиг!

1916—1917

В духе эллинских поэтов

ИЗ ПЕСНЕЙ САПФО

*

Ты кудри свои, Дика, укрась, милые мне, венками,
И ломкий анис ты заплети сладостными руками.
В цветах ты грядешь; вместе с тобой — благодетельные
Хариты.
Но чужды богам — те, кто придут, розами не увиты.

*

Геспер, приводишь ты всё, размстала что светлая Эос,
Агницев ведешь, ведешь коз, но от матери дочь уводишь.

*

Рыбарю Пелагону отец Мениск водрузил здесь
Вершу и весло, горького память житья.

К САПФО

Ты не в гробнице лежишь, под украшенным лирою
Шумного моря простор — твой вечно зыблемый гроб.
Но не напевам ли волн твои были песни подобны
И, как воды глубина, не был ли дух твой глубок!
Гимн Афродите бессмертной сложившая, смертная Сапфо,
Всех, кого гонит любовь к морю, заступница ты!

ПЗ «ВЕНКА»

Где твои стрелы, Эрот, разившие взором Ифтимы,
Нежные, словно уста Гелиодоры младой,
Быстрые, словно улыбка Наиды, как Айа, живые?
Пусть твой колчан, все они в сердце вонзились мое.

В духе латинской антологии

I

Алую розу любви, цветок, Эрицине любезный:

Он — на святых алтарях, в косах он радостных дев.
Если ты чтить бессмертных, если ты к девам влечешься,
Розы алый намек знаком своим избери.

Тот же, кто дружбе, сердца врачующей, ввериться хочет,
Пусть полюбит мирт, отроков свежий венок.

Пеннорожденной не чужд, мирт на мистериях темных
Тайну Вакха хранит, бога, прошедшего смерть.

II

Мне говорят, что Марина многим дарит свои ласки.

Что ж! получаю ли я меньше любви оттого?

Если солнце живет шиповник в саду у соседа,

Хуже ль в саду у меня алый сверкает тюльпан?

Если Зэфир овеял Лукании луг утомленный,

Лацию в летний день меньше ль прохлады он даст?

Ласки любовников всех лишь огонь разжигают в Марине,

Жаждет, пылая, она, пламя чтоб я погасил.

III

Голос, груди, глаза, уста, волоса, плечи, руки,

Бедер ее аромат, краска румяных ланит,

Сколько лукавых сетей, расставленных хитрым Амором,

Чтобы одну поймать певчую птицу — меня!

ПОЕТА CATULLIANUS

Обманули твои, ах! поцелуй,
Те, что ночь напролет я пил, как струп.
Я мечтал навсегда насытить жажду,
Но сегодня, как Скиф, без кубка стражду.
Ты солгал, о Насон, любимец бога!
Нет науки любви. И, глядя строго,
Беспощадный Амор над тем хохочет,
Кто исторгнуть стрелу из сердца хочет.
Должно нам принимать богов решения
Кротко: радости и любви мученья.

1913

ОДА В ДУХЕ ГОРАЦИЯ

Не тем горжусь я, Фебом отмеченный,
Что стих мой звонкий римские юноши
На шумном пире повторяют,
Ритм выбивая узорной чашей.
Не тем я счастлив, Юлией избранный,
Что стих мой нежный губы красавицы
Твердят, когда она снимает
Строгий, сойти соглашаясь на ложе.
Надеждой высшей дух мой возносится,
Хочу я верить, — боги позволили, —
Что будут звуки этих гимнов
Некогда слышны в неизвестных странах.
Где ныне Парфы ловкие лучники,
Грозят несмело легионариями,
Под сводом новых Академий,
Свиток мой древний вращать будет ретор.
Где прежде алчный царь Эфиопии
Давал Нептуну праздник торжественный,
Мудрец грядущий с кожей черной
Имя мое благочестно вспомнит.
В равнинах скудных сумрачной Скифии,
Где реки стынут в льдистом обличии,
Певец земли Гиперборейской
Станет моим подражать напевам.

1913

VIA APPIA

Звучный, мерный стук копыт...
Кони бьют о камень плит,
Мчась вперед в усерды пылком...
Мимо, с гиком, в две гурьбы,
Плети взвив, бегут рабы,
Пролагая путь носилкам.
Ропот, говор, шум шагов;
Пестрых столл и белых тог
Смесь и блеск; сплетенье линий,
Смена видов... Сном застыл,
Через белый строй могил,
Темный свод роскошных пиний.

1914

В духе персидской лирики

ГАЗЕЛИ

* * *

В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня,
С тобой мы были рядом, и ты любил меня.

Твой взгляд, как у газели, был вспышками огня,
И ты газельим взглядом всю ночь палил меня.

Как в тесноте ущелий томит пыланье дня,
Так ты, маня к усладам, всю ночь томил меня.

Злой дух, в горах у ели, таится, клад храня.
Ах, ты не тем ли кладом всю ночь манил меня?

Минуты розовели, с востока тень гоня.
Как будто по аркадам ты вел, без сил, меня.

Пусть птицы мне звенели, что близко западня:
В ту ночь любовным ядом ты отравил меня.

1915

твой взор

Пылают летом розы, как жгучий костер.
Пылает летней ночью жесточе твой взор.

Пьянит весенним утром расцветший миндаль.
Пьянит сильнее, вонзаясь в темь ночи, твой взор.

Звезда ведет дорогу в небесную даль.
Дорогу знает к сердцу короче твой взор.

Певец веселой песней смягчает печаль.
Я весел, если смотрит мне в очи твой взор.

Забыть я все согласен, чем жил до сих пор.
Из памяти исторгнуть нет мочи твой взор.

[1913]

Из индийской лирики

ПОДРАЖАНЬЯ ЛИРИКЕ VI века н. э.

1

Дождь! тебя благословляю!
Ты смочил ее одежды:
Как под влажной тканью четко
Рисовалось тело милой!

Ты была — как обнаженной,
И твои дрожали груди!
Кто ж согрел их поцелуем,
В час, как радуга сверкнула?

2

Уже за горы канул месяц,
Уже восток зарей зарделся,
Уже в саду запели птицы,
А я, Любовь, смотри, все плачу!

3

Я брошен ею, но я не плачу:
Видишь ли: я улыбаюсь.
— Твоя улыбка — рассвет печальный
Над погоревшею деревней.

4

Через речку цепкие лианы
Провели несокрушимый мост.
Там качаться любят обезьяны,
Окрутив вокруг лианы хвост.

От меня и прямо к сердцу милой
Проведен любовью крепкий мост.
Там качаться любят злые силы,
Окрутив вокруг желаний хвост.

5

Я не всходил на Гималаи,
Жемчужин не искал на дне,
Паломником не плыл на Цейлон,—
Даль, глубь и высь я знал в Любви!

1913

ПОДРАЖАНИЕ РАВИНДРАНАТУ ТАГОРУ

Когда тебе, дитя, я приношу игрушки,
Мне ясно, почему так облака жемчужны,
И так ласкающе к цветам льнет ветер южный,—
Когда тебе, дитя, я приношу игрушки.

Когда тебе, дитя, даю я в руки сласти,
Мне ясно, почему цветок наполнен медом,
И сахарны плоды под нашим небосводом,
Когда тебе, дитя, даю я в руки сласти.

Когда тебя, дитя, целую я в глазенки,
Мне ясно, почему так небо утром чисто,
И ветерок так свеж над пальмой серебристой,
Когда тебя, дитя, целую я в глазенки.

1913

Малайские песни

* * *

Белы волны на побережьи моря,
Днем и в полночь они шумят.
Белых цветов в поле много,
Лишь на один из них мои глаза глядят.
Глубже воды в часы прилива,
Смелых сглотнет их алчная пасть...
Глубже в душе тоска о милой,
Ни днем, ни в полночь мне ее не ласкать.
На небе месяц белый и круглый,
И море от месяца пляшет, пьяно.
Лицо твое — месяц, алы — твои губы,
В груди моей сердце пляшет, пьяно.

12 ноября 1909

* * *

Ветер качает, надышавшийся чампаком,
Фиги, бананы, панданы, кокосы;
Ведут невесту подруги с лампами,
У нее руки в запястьях, у нее с лентами косы.
Рисовое поле бело под месяцем;
Черны и красны, шныряют летучие мыши.
С новобрачной мужу на цыновке весело,
Целует в спину, обнимает подмышки.
Утром уходят тигры в заросли,
Утром змеи прячутся в норы.
Утром меня солнце опалит без жалости,
Уйду искать тени на высокие горы.

17 ноября 1909

В стиле японской лирики

ТАНКИ

1

Вижу лик луны,
Видишь лунный лик и ты,
И томят мечты:
Если б так из зеркала
Ты взглянула с вышины.

2

В синеве пруда
Белый аист отражен;
Миг — и нет следа.
Твой же образ заключен
В бедном сердце навсегда.

3

Не весенний снег
Убелил весь горный скат:
Это вишни цвет!
Ах, когда б моя любовь
Дожила и до плодов!

4

Роса ложится, но солнце всходит,
И в росах тают все отраженья,
Но дни, и ночи, и года проходят,—
В душе моей все те ж любви мученья.

По волнам реки
 Неустанный ветер с гор
 Гонит лепестки.
 Если твой я видел взор,
 Жить мне как же с этих пор!

Это ты, луна,
 Душу мне томишь тоской,
 Как мертвец бледна?
 Или милый взор слезой
 Омрачился надо мной?

1912—1915

С китайского

1

Твой ум — глубок, как море,
Твой дух — высок, как горы.

2

Пусть этот чайник ясный,
В час нежный, отразит
Лик женщины прекрасной
И алый цвет ланит.

3

Ты мне дороже, чем злато,
Чем добрый взгляд государя:
Будь любви моей рада,
Как кормщик, к берегу причаля.

4

Все дни — друг на друга похожи:
Как муравьи — одинаково серы.
Работай, чти старших, чти голос божий.
Завяжи узел — труда, почтения, веры.

5

Глупец восклицает: «Ломок
Стебель памяти о заслугах!»
Мудрый говорит: «Буду скромн,
И меня прославят речи друга!»

2 декабря 1914

РИМЛЯНЕ В КИТАЕ

166 г. н. э.

Все улицы полны народом,
Бегут и торговцы и воины...
Лишь там, где дворец, перед входом
Прибой толпы успокоены.

В столице Срединного Царства
Прибывших из-за моря чествуют.
Со свитой послы государства
Далекого медленно шествуют.

Вдоль лестниц до самой вершины
Сверкают стоцветные фонарики;
Стоят наверху мандарины,
Качая почетные шарики;

По стенам — дракон над драконом,
Причудливо свитые в кольчики;
Смеются серебряным звоном
Из всех уголков колокольчики;

Там — золото, перлы, алмазы;
Там — лики, страшнее, чем фурии;
И высятся странные вазы,
Роскошней, чем вазы Этрурии.

Послы, величавы и строги,
Приблизилась к трону заветному;
Их длинные белые тоги
Блистают в тон блеску стоцветному...

1916

ПЕСНЯ ГРЕНЛАНДЦЕВ

Высока гора Кунак на Юге,
Я вижу ее.

Высока гора Кунак на Юге,
Я смотрю на нее.

Яркий блеск над горой на Юге,
Я дивлюсь на него.

Солнце блестит на облаках на Юге,
Я люблюсь на блеск.

Смотри на цвета над горой на тучах,
Я смотрю на Юг.

Смотри, как черна гора под тучей,
Я поеду на Юг!

1913

ПЕСНЯ НОРМАННОВ В СИЦИЛИИ

Здесь в рощах помавают лавры,
Здесь ярки дни и ночи темны.
Здесь флейты ропшут, быют литавры, —
Но ты суровый север помни!

Здесь были во дворцах колонны,
Покои пышны и огромны,
В саду — фонтан, что ключ бессонный, —
Но ты суровый север помни!

Здесь девы гибки, жены статны,
Их взгляды и слова нескромны,
А ночью косы ароматны, —
Но ты суровый север помни!

Здесь люди дремлют в пьяной неге,
Ведут войну рукой наемной,
Им чужды вольные набеги, —
Но ты суровый север помни!

Здесь обрели, в стране богатой,
Мы — род скитальцев, род бездомный —
Дворцы, коней, рабынь и золото...
Но ты — родимый север помни!

15 декабря 1914

Итальянская лирика

ИТАЛЬЯНСКИЙ СОНЕТ В ДУХЕ XIV в.

Тебе ль не жаль родимых побережий,
Где так в садах благоуханны розы!
Я здесь брожу, на сердце раны свежи,
И, как ручей, из глаз струятся слезы!

Не так с небес поток свергают грозы,
И осени дожди нежней и реже.
О, посмотри, все залито, и где же
Домой пройдут со склонов горных козы?

Ручей течет; ручей из слез весь в пене;
Сломал цветы, и ветви гнет растений,
И смыть дома, рассерженный, грозитя.

Что делать мне? моя тоска безмерна,
Не внемлешь ты! одно мне — в честь неверной
В пучину слез упасть и утопиться!

1914

СОНЕТЫ В ДУХЕ ПЕТРАРКИ

* * *

Вчера лесной я проезжал дорогой,
И было грустно мне в молчаньи бора,
Но вдруг, в одежде скромной и убогой,
Как странника, увидел я Амора.

Мне показалось, что прошел он много
И много ведал скорби и позора;
Задумчивый, смотрел он без укора,
Но в то же время сумрачно и строго.

Меня узнав, по имени окликнул
И мне сказал: «Пришел я издалека,—
Где сердца твоего уединенье.

Его несу на новое служенье!»
Я задрожал, а он, в мгновенье ока,
Исчез — так непонятно, как возникнул.

* * *

Как всякий, кто Любви застенков ведал,
Где Страсть пытается, ласковый палач,—
Освобожден, я дух бесстрастьем предал,
И смех стал чуждым мне, безвестным плач.

Но в лабиринте тусклых снов, как Дёдал,
Предстала ты, тоски волшебный врач,
Взманила к крыльям... Я ответа не дал,
Отвыкший верить Гению удач.

И вновь влача по миру цепь бессилья,
Вновь одинок, как скорбный Филоктет,
Я грустно помню радужные крылья

И страсти новой за тобой просвет.
Мне горько жаль, что с юношеским жаром
Я не взлетел, чтоб в море пасть Икаром.

10 марта 1912

Франция XV—XVI вв.

ВПЛАНЭЛЬ

Все это было сон мгновенный,
Я вновь на свете одинок,
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Мне снился облик незабвенный,
Румянец милых, нежных щек...
Все это было сон мгновенный!

Вновь жизнь шумит, как неизменный
Меж камней скачущий поток,
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Звучал нам с неба зов блаженный,
Надежды расцветал цветок...
Все это было сон мгновенный!

Швырнул мне камень драгоценный
Водоворот и вновь увлек...
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Прими, царица, мой смиренный
Привет, в оправе стройных строк...
Все это было сон мгновенный,

Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

1910

ПОДРАЖАНИЕ ТРУВЕРАМ

Нет, пикогда не мог Амур в сем мире
Так сердце мучить, как меня она!
Я из-за той, кто всех прекрасней в мире,
Не знаю отдыха, не знаю сна.
Увы! не знает жалости она,
И мне укрыться некуда в сем мире,
Затем, что всюду мне она видна!

Лети, о песня, и скажи прекрасной,
Что чрез нее покой утратил я!
Что сердцем я страдаю по прекрасной,
Затем, что зло покинут ею я!
Ах, заслужила ль то любовь моя!
По если я умру, пускай прекрасной
Все песня скажет, правды не тая!

3 марта 1908

БАЛЛАДА О ЖЕНЩИНАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Из Франсуа Вийона

Скажите, где, в стране ль теней,
Дочь Рима, Флора, перл бесценный?
Архиппа где? Таида с ней,
Сестра-подруга незабвенной?
Где Эхо, чей ответ мгновенный
Живил, когда-то, тихий брег,
С ее красою несравненной?
Увы, где прошлогодний снег!

Где Элонза, всех мудрей,
Та, за кого был дерзновенный
Пьер Абеляр лишен страстей,
И сам ушел в приют священный?
Где та царица, кем, надменной,
Был Буридан, под злобный смех,
В мешке опущен в холод пенный?
Увы, где прошлогодний снег!

Где Бланка, лилии белей,
Чей всех пленял напев сиренный?

Алиса? Биче? Берта?— чей
Призыв был крепче клятвы ленной?
Где Жанна, что познала, пленной,
Костер и смерть за славный грех?
Где все, владычица вселенной?
Увы, где прошлогодний снег!

П о с ы л к а

О государь! с тоской смиренной
Педемь и лет мы встретим бег;
Припев пребудет неизменный:
Увы, где прошлогодний снег!

КАНЦОНА ДАМЕ

Подражание средневековым провансальским трубадурам

Судил мне бог пылать любовью,
Я взором Дамы взят в полон,
Ей в дар песу и явь и сон,
Ей честь воздам стихом и кровью,
Ее эмблему чтить я рад,
Как чтит присягу верный ленник.
И пусть мой взгляд
Вовеки пленник;
Ловя другую даму, он — изменник.

Простой певец, я недостойн
Надеть на шлем Ее цвета.
Но так гранатны — чьи уста,
Чей лик — так снежен, рост — так строен?
Погибель мне! Нежнее нет
Ни рук, ни шей в мире целом!
Гордится свет
Прекрасным телом,
А взор Ее сравню я с самострелом.

Любовь вливает в грудь отвагу,
Терпенья дар даст сердцам.
Во имя Дамы жизнь отдам,
Но к Ней вовек я не прилягу.

Служить нам честно долг велит
Синьору в битве, богу — в храме,
Но пусть звенит,
Гремя хвалами,
Искусная канцона — только Даме.

1910

БРЕТОНСКАЯ ПЕСЕНКА

Когда я девочкой была,
Меня все звали Маргаритой,
И я тогда овец пасла.

Когда я девочкой была,
Я, на поляне под ракитой,
Овец и коз тогда пасла.

Их было мало у меня:
Одну козу, одну овечку
Пасла я до заката дня.

Их было мало у меня,
Но все ж вела я их на речку
Обеих на закате дня.

Их было мало у меня.

1911

В духе французских лириков XVIII в.

РУЧЕЙ

Ручей, играющий в долине,
Ты к нам бежишь издалека;
Ты родился на той вершине,
Где льды в покое спят века.

И над тобой орлы кричали,
Когда ты, неприметно мал,
Сбегал, журча, к зеленой дали
По грядям обнаженных скал.

Природа в утреннем тумане
Была невинна и тиха,
Когда внимал ты на поляне
Беспечным песням пастуха.

И, огибая замок древний,
Под сенью ивовых ветвей,
Ты слышал, как звучат в деревне
Живые оклики детей.

Теперь, катясь волной кристальной
Меж тучных, плодоносных нив,
Ты поишь люд многострадальный,
О горных высях позабыв;

И ниже, завертев колеса
Шумливой мельницы, опять
Спокойной речкой вдоль откоса
Пойдешь пристанища искать.

А вечером на берег темный
Две тени юные придут,
Чтоб близ тебя найти укромный
Для непритворных клятв приют.

И в миг, когда они с улыбкой
Склонятся к легкой дрожи струй,—
Ты отразишь, картиной зыбкой,
Их первый, чистый поцелуй.

16 августа 1913

ПРОГУЛКА

Как вдруг неожиданно стали гулки
Шаги среди больших стволов;
И в первый раз во всей прогулке
Смолк смех и говор голосов.

И вы, Алина, с робкой дрожью,
Ко мне прижались в полумгле,
И — как, не знаю, — но к подножью
Сосны мы сели на земле,

Ваш детский страх, ваш страх наивный
Я успокаивал, шутя...
А вечер, пламенный и дивный,
Гас, иглы сосен золотя.

Не потому ль, когда догнали
Друзей мы у лесной реки,
Заката отблеском сверкали
У вас два пятнышка щеки?

1911

Подражание испанской поэзии

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Веселой тешились охотой
Король и рыцари его;
Веселой тешились охотой
И не убили ничего.

Все сокола их разлетелись,
И утомил бесплодный путь,
Все сокола их разлетелись, —
Настало время отдохнуть.

Поблизости был древний замок,
Там, где кончался темный лес;
Поблизости был древний замок,
И в нем прекрасная Иньес.

Ее увидел рыцарь Рико —
И все на свете позабыл;
Ее увидел рыцарь Рико —
И деву страстно полюбил.

На утро, замок покидая,
Еще при блеске ранних рос,
На утро, замок покидая,
Коварно деву он увез.

— Не об отце ль, Иньес, ты плачешь?
Забудь: не встанет больше он.
О брате ли, Иньес, ты плачешь?
Моим мечом он поражен.

— Не плачу я, сеньор любезный,
Но мне наряд мешает мой,
Мне дайте нож, сеньор любезный:
Я длинный шлейф обрежу свой...

Тогда учтиво рыцарь Рико
Кинжал толедский подает,
Тогда учтиво рыцарь Рико,
Полет коня замедлив, ждет.

Лицо Иньес к нему склоняет,
Чтоб взор ее он видеть мог,
И в грудь ему Иньес вонзает
В Толедо кованый клинок.

1915

ИНЬЕС

Вам знакома ли Иньес,
Та, чьи косы — цвета смолы,
А глаза — лазурь небес?
Вам знакома ли Иньес,
Та царица своеволий,
Каждый взгляд которой — бес?

Поднимая кастаньеты,
Выгибает стан она,
Шалью шелковой одетый;
Поднимает кастаньеты, —
И толпа уже пьяна:
Все — безумцы, все — поэты!

Веер черный приоткрыв,
Чуть она им губы тронет, —
Тогоз весь — один порыв!
Веер черный приоткрыв,
Чуть она лицо наклонит, —
Каждый ею только жив!

Говорила вся Гренада,
Будто в двери крался к ней,
Как-то ночью наш эспада;

Говорила вся Гренада,
Будто с ним она — нежней,
Чем с мужчиной быть ей надо.

Только это, верно, ложь!
Как Иньес быть благосклонной
К одному? Другие что ж?
Если б то была не ложь,
Каждый был бы — оскорбленный,
А у каждого есть — нож!

/1910/

ИСПАНСКАЯ ПЕСЕНКА

В темном поле, в темном поле
Бродит Альма без дороги;
В темном поле, в темном поле
Видит вход в шалаш убогий.

Альма входит, Альма входит,
Видит — бедно там и тесно.
Альма входит, Альма входит,
Видит — рыцарь неизвестный.

Говорит: «Я заблудилась,
В стужу ноги онемели!»
Говорит: «Я заблудилась,
Ах, довериться тебе ли!»

Рыцарь ей в ответ: «Сеньора,
Знаю, вам я неизвестен,
Но, клянусь крестом, сеньора,
Благороден я и честен.

Вот вам ложка половина,
Я свой меч кладу меж нами.
Вот вам ложка половина!
Не коснусь я вас устами».

Ночь проходит, ночь проходит,
Свет дневной румяно льется.
Альма в поле вновь выходит
И смеется, и смеется.

Рыцарь спрашивает Альму
С грустью пламенного взора,
Рыцарь спрашивает Альму:
«Что смеетесь вы, сеньора?»

«Я смеюсь тому, мой рыцарь,
Что здесь было ночью темной,
Что могли всю ночь, мой рыцарь,
Вы со мной лежать так скромно!»

1920

В духе английских баллад

КОРОЛЬ АРТУР

Король Артур на войну спешит,
И громко трубят трубы.
Прощаясь, Джиневру, свою жену,
Целует он в лоб и в губы.

«Прощай, Джиневра, моя жена,
Недолог разлуки год». —
Джиневра вся дрожит от слез,
Смотрит, смеясь, Ланцелот.

Не скрылся еще Артуров шлем,
Еще были слышны трубы,
Но страстно Джиневра и Ланцелот,
Целуясь, сблизили губы.

«Тебе служил я, тебя любил
И ждал за годом год.
Настало время насытить страсть», —
Смотрит, смеясь, Ланцелот.

Король Артур победам друг,
Его прославляют трубы,
И девушке самой красивой в стране
Целует он алые губы.

Король обратно спешит домой.
«Я верен тебе был весь год,
А верность мне хранила ль ты?»
Смотрит, смеясь, Ланцелот.

1916

СМЕРТЬ РЫЦАРЯ ЛАНЦЕЛОТА

За круглый стол однажды сел
Седой король Артур.
Певец о славе предков пел,
По старца взор был хмур.

Из всех сидевших за столом,
Кто трону был оплот,
Прекрасней всех других лицом
Был рыцарь Ланцелот.

Король Артур, подняв бокал,
Сказал: «Пусть пьет со мной,
Кто на меня не умышлял,
Невинен предо мной!»

И пили все до дна, до дна,
Все пили в свой черед;
Не выпил хмельного вина
Лишь рыцарь Ланцелот.

Король Артур был стар и сед,
Но в гневе задрожал,
И вот поднялся сэр Мордред
И рыцарю сказал:

«Ты, Ланцелот, не захотел
Исполнить долг святой.
Когда ты честен или смел,
Иди на бой со мной!»

И встали все из-за стола,
Молчал король Артур;
Его брада была бела,
Но взор угрюм и хмур.

Оруженосцы подвели
Двух пламенных коней,
И все далеко отошли,
Чтоб бой кипел вольней.

Вот скачет яростный Мордред,
Его копьё свистит.
Но Ланцелот, дитя побед,
Поймал его на цит.

Копьё пускает Ланцелот,
Но, чарами храним,
Мордред склоняется, и вот
Оно летит над ним.

Хватают рыцари мечи
И рубятся сплеча.
Как искры от ночной свечи,—
Так искры от меча.

«Моргану помни и бледней!» —
Взывает так Мордред.
«Ни в чем не грешен перед ней!» -
Так Ланцелот в ответ.

Но тут Джиневру вспомнил он,
И взор застлался мглой,
И в то ж мгновенье, поражен,
Упал вниз головой.

Рыдали рыцари кругом,
Кто трона был оплот;
Прекрасней всех других лицом
Был рыцарь Ланцелот.

И лишь один из всех вокруг
Стоял угрюм и хмур:
Джиневры царственной супруг,
Стоял король Артур.

Германия XVI в.

НАДПИСИ НА ВОРОТАХ

1

Кто поздно иль рано придет к сим воротам,
Пусть говорит учтиво и другом станет нам.
Молчание не трудно, и в нем позора нет,
А болтовня пустая приносит часто вред.

2

Путник! в этом городе можешь дни провести.
Путник! в этом городе можешь выбрать гроб.
Всех, живущих в городе, можно знать и счесть.
Всех, умерших в городе, знает только бог.

3

В этом замке живет рыцарь сильный.
Если хочешь его дружбы, — поклонись.
Если хочешь с ним побиться, — постучись.
Всего лучше ж, молча, иди мимо.

1913

ПЕСНИ В ДУХЕ Г. ГЕЙНЕ

1

Тихо плещут воды Рейна,
Лижут сглаженный утес.
На моей груди лилейной
Ворох спутанных волос.

Странник, ты, что правишь лодкой!
Задержиcь на полчаса.
Хочешь видеть, как красотка
Гребнем чешет волоса?

Я когда-то здесь бродила
С милым другом над рекой;
Я страдала, я любила,
Но теперь в душе покой.

Если хочешь быть свободным,
Подплывай скорей ко мне:
Во дворце моем подводном
Мы с тобой уснем на дне!

2

Луна была скрыта за тучей,
Мы сидели с тобою в саду,
И о счастии ветер летучий
Тебе шептал, как в бреду.

И о счастии ты мне шептала,
Наклонясь к моим губам.
А липа цветы роняла
С вышины на колени нам.

И казалось, что будет сыпать
Свой дождь она вечный срок.
Отчего же сегодня липа
Роняет цветы на песок?

/1911/

ПОХИЩЕНИЕ БЕРТЫ

Романтическая баллада

Шел пир небывалый за круглым столом.
Блистали в шелках паладины,
И кравчие в кубки огромным ковшом
Цедили шипящие вина.
Был красен от выпитых кубков Наим;
Гемон, улыбаясь, дремал перед ним;

Атласный камзол Оливьера
Был яркими пятнами весь обгабен;
И только один неподкупный Милон
Хранил все величие пэра.

Вдруг, в страхе, весь бледный, вбегает гонец:
«Случилось великое худо!
Послала меня в Ингельгеймский дворец
С такими словами Ротруда:
Пока, позабыв про воинственный стан,
Вы заняты пиром, проник великан
Неведомый в нашу обитель,
Разграбил капеллу, монахов убил,
Кресты поломал у священных могил,
И дочь мою, Берту, похитил!»

Услышав известие, Карл задрожал,
Он встал с золоченого трона,
Звеня, покатился упавший бокал,
Упав, застучала корона.
«О, горе нам! — так он воскликнул, дрожа, —
Мне Берта дороже, чем жизнь и душа,
Не жить без нее мне, поверьте!
Вы, рыцари! тотчас берите мечи!
Наим, мой любимец! вставай и скажи
На помощь к беспомощной Берте!»

Наим, в колебании, угрюмо встает,
Лицо его слишком румяно.
«Ну, да, — говорит, — если б знать наперед,
Где должно искать великана!
Есть много ущелий, леса велики,
Нельзя же идти по течению реки,
Подумать нам должно сначала,
Где дерзкого вора возможно словить.
Когда же отыщем, не трудно сразить:
Я в жизни побил их немало!»

«Но ты, Оливьер! — тогда Карл говорит, —
Наверно, ты медлить не будешь!
Хватайся за меч, надевай верный щит,
Ты внучку обратно добудешь!
Награду любую проси у меня!
Ты будешь любимцем моим с того дня,

Тебя я над всеми поставлю,—
И имя твое в назиданье другим,—
Того, кто был Карлом Великим любим,—
По целому миру прославлю!»

«Конечно, недолго,— в ответ Оливьер,—
Дать хищнику суд и расправу!
На нем покажу я злодеям пример.
А кстати, добуду и славу!
Спокоен будь, Карл! будешь ты отомщен!» —
Сказал Оливьер, и направился он
В покой, подле залы соседней:
Пред подвигом должен он был отдохнуть,
Прилег и собрался направиться в путь
На утро лишь, после обедни.

«А ты,— Карл взывает,— мой верный Тюрпин,
Снесешь ли обиду такую?
Ты — церкви служитель и ревностный сын,
Вступишь же за веру святую!
Тебе ли терпеть разрушение капелл,
Тебе ли снести, что неверный посмел
Служителей храма коснуться!
Сам бог поведет по дороге прямой
Тебя к гордецу. С великана главой
Ты должен обратно вернуться!»

Тюрпин отвечает: «Я знаю свой долг,
Сумею и честь уберечь я,
Но все ж великан не кабан и не волк,
В нем все же душа человеческая.
И прежде, чем в яростный бой полететь,
Мне должно хоть сутки одни поговорить
И богу грехи исповедать.
Беда — нераскаянным встать под копыто:
Сгублю тем навек я спасенье свое,
А боя исход как изведать?»

В отчаянии Карл взором пэров обвел,
Опять говорит — Ганелону:
«Ты мудр, как судья, все науки прошел,
Подпорой ты был всегда трону,
Ужель не поможешь сегодня ты мне?
Ужель не поскачешь на быстром коне

В догонку за наглым злодеем?
Нам Берту верни, что милее цветка,
И щедро откроется наша рука, —
Друзей награждать мы умеем!»

В ответ Ганелон: «Что за польза сгубить
Цвет рыцарства в тщетной погоне?
В таком предприятии поможет не прыть,
Не копыя и борзые кони.
Но должно обдумать, где скрылся злодей;
Составить отряды из ратных людей;
Потом у проклятой пещеры,
Костры распалив, гнать усиленно дым,
И сам, как медведь, тогда выйдет он к ним...
Вот будут разумные меры!»

И Карл уронил безнадежно главу...
Но встал тогда граф Агландский.
«Я стар, — говорит, — много лет я живу,
Но помню обет христианский:
Наш первый обет — жизнь за веру отдать,
Второй наш обет — за сеньора стоять;
Я ныне исполню их оба!
Подайте мне меч, подведите коня, —
Иль с Бертой увидите скоро меня,
Иль лягу в объятия гроба!»

Еще говорил неподкупный Милон,
Еще не dokonчил он речи,
Как клики со всех загрели сторон
И отзвук помчался далече,
Раскрылася дверь, и, лучом осиян,
Предстал сын Милона, отважный Ролан
В доспехе и бранной кольчуге.
Главу великана держал он в руках,
И Берту за ним на скрещенных мечах
Несли восхищенные слуги.

И Карл возгласил: «Будь прославлен, герой!
Проси чего хочешь в награду!
А ты, моя Берта! садись здесь со мной,
Улыбкою деда обрадуй!»

И все восклицали Ролану: «Добро!»
И только шепнул Ганелон: «Не хитро
Добиться любого успеха,
Когда в состязаньи соперника нет!
Легко в наши дни изумить целый свет!»
И весь он затрясся от смеха.

1912

На мотивы финских песен

* * *

Баю, баюшки, баю,
Спи, дитя, усни, баю.
Баю дитятке пою,
В санки сна его кладу.
Сон, приди, возьми его,
Сон, бери, клади его
В золотые свои санки,
Во серебряные санки!
Посади дитя во санки,
В свои праздничные санки,
Медным полем покати,
По свинцовому пути.
Дорогого повези,
Золотого проводи
На серебряную гору,
На вершину золотую,
В златолиственный ивняк,
В златолистый березняк,
Где кукушки золотые,
Где серебряные птицы.

* * *

Коль пришел бы мой желанный,
Мой знакомый, долгожданный,
За версту пойду навстречу,
Побегу и за две — встречу,

Загородку отворить,
Новый мостик подложить.
Протяну ему я руку,
Хоть бы он держал гадюку,
Зацелую не в черед,
Будь хоть в волчьей крови рот,
Охвачу руками шею,
Хоть бы смерть была за нею,
Да и сяду с ним рядком,
Будь хоть все в крови кругом!

* * *

Ах, была, была я прежде —
Словно яблоньки цветочек!
Ягодкой, когда дремала,
Листиком, когда бежала,
Всех пригожей, коль сiju,
Всех милее, коль гляжу.
На меня ж прохожий глянет, —
Оборачиваться станет!
А теперь лицо — другое,
Стало старое, худое,
Мои щеки потемнели,
Глаза стали словно щели,
С горя вся я стала хуже,
А лицо с заботы — уже.
Конь от горести худеет,
В горе женщина дурнеет.

* * *

Лучше было б, лучше было б,
Мне бы много лучше было —
Не родиться, не расти,
Здесь на свете не цвести.
Для чего земля растила,
Грудь родимая кормила!
Мне б трехночной умереть,
В люльке мне б окоченеть!

Пядень платья износила б,
Локтя дерева хватило б,
Двух локтей земли под гроб,
Слова три сказал бы поп,
Полмолитвы прогнусавил,
Разик в колокол ударил!

[1916]

На мотивы латвийской народной песни

* * *

Дай мне вечер, дай мне отдых,
Солнце, к богу уходя.
Тяжкий труд мой долог, долог,
Вечеров нет для меня.

А — а — а — а — а — а — а!

Черный Змей на камне в море
Мелет белую муку:
Хлеб для тех господ суровых,
Что влекут меня к труду.

У — у — у — у — у — у — у!

Солнце в лодочке вечерней
Поздно едет на покой,
Поутру нам рано светит,
Челн покинув золотой.

О — о — о — о — о — о — о!

Что сегодня поздно встало?
Где гостил твой ясный лик?
Там, за синими горами,
Грея пасынков моих.

И — и — и — и — и — и — и!

* * *

Щука синяя, зеленая,
Приходи играть со мной!
У тебя вода глубокая,
У меня дубовый челн.

Брошу в море сети частые,
Белый парус подыму.
Челн несется в даль блестящую,
Белый парус ветром полн.

Челн несется в даль блестящую,
К дальней Северной стране.
Ах, прекрасна дева Севера,
На нее взглянуть плыву.

— К нам приехал ты напрасно,
За тебя я не пойду:
Дома лучше по грязи ходить,
Чем по гатям на чужбине.

1913

Подражание русской народной поэзии

ДРУЗЬЯ

Вышел Леший, сел на пенё,
Чует запах деревень,
Палку новую кремнем обтесывает,
Порой бороду почесывает,
Сидит, морщится,
Уши у него топорщатся.
Видит: узенькой тропой
Идет в гости Домовой.

«Здравствуй, дед! давно не бывал!
А я стар стал, жить устал:
Нет бывалого простора!
Вырубили половину бора.
Куда ни пойдешь, везде мужик.
Инда я гулять отвык!»

Домовой присел меж кочек,
Будто съежился в комочек.
Говорит: «Да, старина,
Пришли худы времена!
Мужики в меня не верят,
То есть как бы вовсе херят.
Не дают мне молока,
Замыкают в два замка
На конюшне лошадей.
Впору помирать, — ей-ей!»

Леший бороду почесывает,
Палку сумрачно обтесывает,
Кремень щёлк да щёлк.
Домовой примолк.

Пень обтянут повиликой,
Пахнет свежей земляникой,
Сосны дюже велики.
Слышен сиплый крик с реки.
Вопрошает Домовой:
«То не дед ли Водяной?»

1909

ЧОРТ И ВЕДЬМА

Ну, затеял перебранку
Косолапый лысый чорт!
Голос — точно быют в жестянку,
Морда — хуже песьих морд.

Да и ведьма тож непрóмах:
Чорт ей слово, баба — два.
Лапы гнутся, как в изломах,
Точно дыня — голова.

Дьявол за косы; так что же!
Изловчилась, и сама
Кулаком его по роже.
И пошла тут кутерьма!

Ругань, крики, визги, накость!
Сбилось туш до десяти.
Ну, такая вышла пакость,
Хоть оглобли ворота.

Все смешалось в перепалке,
Раскачался наш котел.
Тут нечистый к этой свалке,
Помело взяв, подошел.

Крикнул, гикнул, дунул, плюнул,
Разом всех остепенил.
Этот хвост меж ног засунул,
Этот губу прикусил.

Сели, смотрят. А хозяин
Лишь рогами покачал,
Да проклятый чорт, умаян,
Поясницу зачесал.

13 ноября 1913

— Плохо приходится старому Лешему,
Мне, горемычному, брат Домовой!
Всюду дороги — телегам и пешему,
Летось от пса я ушел чуть живой,
Сын было думал помочь мне, — да где ж ему,
Бок ему месяц лечил я травой.

— Плохо, брат Леший, и мне, Домовому,
Фабрики всюду, везде корпуса,
Жить стало негде, дом каменный к дому,
В комнатах лампы горят, как глаза;
Веришь, и думать забыл про солому,
Видно, придется и мне к вам в леса.

1913

ЧАСТУШКИ

1

Я присела на крылечко,
Вася подарил колечко.
Я прошлася на лужочек,
Федя мне принес цветочек.
Я ввечер гоняла кошку,
Митрий преподнес мне брошку.
А когда я вышла в сени,
Подзатыльник дал мне Сеня.
Как подарки позабыть?
Буду каждого любить.

2

Ворожила мне маменька:
Не быть тебе старенькой,
Слишком милого любишь,
Свою душу загубишь.

Я же маменьке ответила:
Проживу жизнь весело;
Ежели подчас тоскую,
Зато милого пелую.

Говорила я маменьке,
Сидя на завалинке,—
А сама была не своя:
Бросил милый мой меня.

18 декабря 1914

3

Мой милый друг невозвратимый,
Как не томиться о тебе!
Моя тоска неукротима,
А ветер воет по трубе.

Вспоминаю про свиданья
Про наш непоправимый рай,
И от любовного страданья
Стекают слезы через край.

Стоит на черном горизонте
Одна печальная звезда.
Ах, ты погиб на дальнем фронте,
Не поцелуешь никогда.

Иль там с полячкой невзначаем
Спознался ты, на горе мне?
И я одна сижу за чаем,
Смотрю узоры на стене.

Мне Гриша подарил варенье,
Но горько все в моей судьбе.
Пью этот чай без одобренья,
А ветер воет по трубе.

30 декабря 1921

***Стихотворения,
не входившие в сборники***

* * *

Я люблю у застав переулки Москвы,
Разноцветные узкие, длинные,—
По углам у заборов обрывки травы,
Тротуары, и в полдень пустынные.

Эта тихая жизнь, эта жизнь слободы,
Эта тишь в долетающем грохоте
Так свободно на сердце сведают следы
Городской утомительной похоти.

В рассмеявшейся паре у ближних ворот
Открывается сердцу идиллия,
И от скучного хора всемирных забот
Я к стихам уношусь без усилия.

28 июня 1895

* * *

Я много лгал и лицемерил,
И сотворил я много зла,
Но мне за то, что много верил,
Мои отпустятся дела.

Я дорожил минутой каждой,
И каждый час мой был порыв.
Всю жизнь я жил великой жаждой,
Ее в пути не утолив.

На каждый зов готов ответить,
И, открывая душу всем,
Не мог я в мире друга встретить,
И для людей остался нем.

Любви я ждал и не изведаль
В ее бездонной полноте,—
Я сердце холодности предал
И изменял своей мечте.

Тех обманул я, тех обидел,
Тех погубил,— пусть вопиют!
Но я искал,— и это видел
Тот, кто один мне — правый суд!

16 апреля 1902

* * *

Ужель доселе не довольно,
Весь этот ужас, этот бред?
Еще ль язык мечты крамольной,
А не решающий ответ?

Не время ль, наконец, настало
Земных расплат, народных кар,
Когда довольно искры малой,
Чтоб охватил всю степь пожар!

Так кто же голос? Мы, поэты,—
Народа вольные уста!
И наши песни — вам ответы,
И наша речь — вовек проста!

Меж нами быть не может мира!
Вовек друг друга не пойдем!
Вы — шум, я — песнь, вы — меч, я — лира,
В одном строю — мы враг с врагом!

29 июля 1905

БЛИЗКИМ

I

Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши,
Мне странен ваш неокрыленный крик,
Но, в шумном круге, к вашей общей чаше
И я б, как верный, клятвенно приник!

Где вы — гроза, губящая стихия,
Я — голос ваш, я вашим хмелем пьян,
Зову крушить устои вековые,
Творить простор для будущих семян.

Где вы — как Рок, не знающий пощады,
Я — ваш трубач, ваш знаменосец я,
Зову на приступ, с боя брать преграды,
К святой земле, к свободе бытия!

Но там, где вы кричите мне: «Не боле!»
Но там, где вы поете песнь побед,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать — я буду с вами! строить — нет!

30 июля 1905

II

Нам руки свободные свяжут
И шею обтянут веревкой,
Попы нам прощение скажут,
Повесят нас быстро и ловко.

Я буду качаться, качаться,
Без пошлой опоры на землю,
И будет в бреду мне казаться:
Я шуму великому внемлю.

Мне будет казаться: народы
Собрались внизу перед нами,
Искателей новой свободы
Сошлись проводить со слезами.

И буду, качаясь, кивать я,
Как будто при громе приветствий,
Как будто все люди мне братья,
Как это мне грезилось в детстве.

Кругом, как я корчусь, взирая,
Все зрители будут смеяться,
А я, над толпой умирая,
Все буду качаться, качаться.

1905

К НАРОДУ
VOX POPULI

Давно я оставил высоты,
Где я и отважные товарищи мои,
Мы строили быстрокрылый а́рго,—
Птицу пустынных полетов,—
Мечтая перелететь на хребте ее
Пропасть от нашего крайнего края
До сапфирного мира безвестной вершины.

Давно я с тобой, в твоём теченьи, народ,
В твоём многошумном, многоцветном водовороте,
Но ты не узнал моего горького голоса,
Ты не признал моего близкого лица,—
В пестром плаще скомороха,
Под личиной площадного певца,
С гуслиями сказителя былых времен.

На полях под пламенным куполом,
На улицах в ущельях стен,
Со страниц стремительной книги,
С подмостков, куда вонзаются взоры,
Я слушал твой голос, народ!
Кто мудрец?— у меня своя мудрость!
Кто венценосец? — у меня своя воля!
Кто пророк? — я не лишен благодати!
Но твой голос, народ,— вселенская власть.
Твоему желанию — лишь покоряться,
Твоему кумиру — только служить.

Ты дал мне, народ, мой драгоценнейший дар:
Язык, на котором слагаю я песни.
В моих стихах возвращаю твои тайны — тебе!
Граню те алмазы, что ты сохранил в своих недрах!
Освобождаю напевы, что замкнул ты в золотой
скорлупе!
Я — маг, вызывающий духов, тобою рожденных,
нами убитых!

Без тебя, я — звезда без света,
Без тебя, я — творец без мира,
Буду жить, пока дышишь ты и созданный тобою
ЯЗЫК.

Повелевай, — повинуюсь.
Повяжи меня, как слепого, — пойду,
Дай мне быть камнем в твоей праше,
Войди в меня, как в одержимого демон,
Я — уста, говори, кричи мною.

Псалтырь моя!
Ты должна звенеть по воле властителя!
Я разобью тебя об утес, непослушная!
Я оборву вас, струны, как паутины, непокорные!
Раскидаю колышки, как сеют зерна весной.
Наложу обет молчания, если не подчинишься, псалтырь!
Останусь столпником, посмешищем праздных прохожих,
здесь, на большом перекрестке!

20—23 июля 1905

НИТЬ

Отдамся ль я случайному наитью,
Сознательно ль кую и правлю стих, —
Я все ж останусь телеграфной нитью,
Протянутой в века из дней моих!

И я смотрю, раскрыв с усилием веки
Мечты, уставшей, словно слабый глаз,
В грядущее! — как некогда аптеки
Смотрели в мир, предчувствуя в нем нас.

Август 1906

БАЛАГАНЫ

Балаганы, балаганы
На вечерней площади!
Свет горит, бьют барабаны,
Дверь открыта, — проходи.

Панорамы, граммофоны,
Новый синематограф,
Будды зуб и дрозд ученый,
Дева с рогом и удав.

За зеленой занавеской
Отделение для мужчин.
Много шума, много блеска.
Смотрят бюсты из витрин.

Зазвонили к перемене.
Красный занавес раскрыт.
Черный фрак на синей сцене
Мило публику смешит.

«Раритеты раритетов
Показать я вам готов:
Две находки — из предметов
Отдаленнейших веков.

Это — с петлею веревка
(Может каждый в руки взять).
Ей умели очень ловко
Жизнь, чью надо, убавлять.

Это - царская корона
(Крест — один, алмазов — сто).
Ей могли во время оно
Делать Некиим — ничто.

Все газетные заметки
Прославляют наш музей,
Верьте слову: ныне редки
Амулеты прежних дней».

Всяк, кто смотрит, рот разинул,
Все теснятся, стар и мал...
Зазвонили. Вечер минул.
Красный занавес упал.

Тихо молкнут барабаны,
Гаснут лампы впереди.
Спят спокойно балаганы
На базарной площади.

4 января 1907

ВСЕ НАПЕВЫ

Здесь раннего посева всходы,
Здесь воплощение давних грез,
Мечты бывшие я сквозь годы,
Как зерна чистые, пронес.

Я их лелеял одиноко,
Таил, как праведные сны,
И ждал, пока грозой жестокой
Не будут нивы вспоены.

И вот взошли мои посева,
Дрожат под солнцем, наконец,
И в час работы — Все напевы,
Я повторил, веселый жнец!

1909

* * *

Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной,
Когда кругом пруда реки Неглинной, где
Теперь разводят сквер, лежал пустырь огромный,
И утки вольные жизнь тешили в воде;

Когда поблизости гремели балаганы
Бессвязной музыкой, и ряд больших картин
Пред ними рисовал таинственные страны,
Покой гренландских льдов, Алжира знойный сплин;

Когда на улице звон двухэтажных конок
Был мелодичней, чем колес жестокий треск,
И лампы в фонарях дивились, как спросонок,
На газовый рожок, как на небесный блеск;

Когда еще был жив тот «город», где героев
Островский выбирал: мир скученных домов,
Промозглых, сумрачных, сырых, — какой-то Ноев
Ковчег, вмещающий все образы скотов.

Как изменилось всё! Ты стала, в буйной злобе,
Все сокрушать, спеша очиститься от скверн,
На месте флигельков встали небоскребы,
И всюду запестрел бесстыдный стиль-модерн...

/1909/

МОСКВА

Отрывок

Нет тебе на свете равных,
Стародавняя Москва!
Блеском дней, вовеки славных,
Будешь ты всегда жива!

Град, что строил Долгорукий
Посреди глухих лесов,
Вознесли любовно внуки
Выше прочих городов!

Здесь Иван Васильич Третий
Иго рабства раздробил,
Здесь, за длинный ряд столетий
Был источник наших сил.

Здесь нашла свою препону
Поляков надменных рать;
Здесь пришлось Наполеону
Зыбкость счастья разгадать.

Здесь, как было, так и ныне —
Сердце всей Руси святой,
Здесь стоят ее святыни,
За Кремлевскою стеной!

Здесь пути перекрестились
Ото всех шести морей,
Здесь великие учились —
Верить родине своей!

Расширяясь, возрастая,
Вся в дворцах и вся в садах,
Ты стоишь, Москва святая,
На своих семи холмах...

1911

* * *

Чуть видные слова селого манускрипта,
Божественный покой таинственных могил,
И веянье вокруг незримых дивных крыл,—
Вот, что мечталось мне при имени Египта.

Но все кругом не то! Под тенью эвкалипта
Толпятся нищие. Дым парохода скрыл
От взглядов даль песков, и мутен желтый Нил.
Гнусавый вой молитв доносится из крипта.

Я вечером вернусь в сверкающий отель
И, с томиком Ренье прилегши на постель,
Перенесусь мечтой на буйный берег Сены.

О, гордый фараон, безжалостный Рамсес!
Твой страшный мир погиб, развеялся, исчез,—
И Хронос празднует бесчисленные смены.

9 марта 1912

* * *

Всем душам нежным и сердцам влюбленным,
Кого земной Любви ласкали сны,
Кто пел Любовь во дни своей весны,
Я шлю привет напевом умиленным.

Вокруг меня святыня тишины,
Диана светит луком преклоненным,
И надо мной, печальным и бессонным,
Лик Данте, в даль глядящий со стены.

Поэт, кого вел по кругам Вергилий!
Своим сверканьем мой зажги сонет,
Будь твердым посохом моих бессилий!

Пою восторг и скорбь минувших лет,
Яд поцелуев, сладость смертной страсти...
Камены строгие! — я в вашей грозной власти.

1912

ПРИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВЕ

Я мальчиком мечтал, читая Жюль Верна,
Что тени вымысла плоть обретут для нас,
Что поплывет судно, громадней «Грет-Истерна»,
Что полюс покорит упрямый Гаттерас,
Что новых ламп лучи осветят тьму ночную,
Что по полям пойдет, влекомый паром, Слон,
Что «Наутилус» нырнет свободно в глубь морскую,
Что капитан Робюр прорежет небосклон.

Свершились все мечты, что были так далеки.
Победный ум прошел за годы сотни миль;
При электричестве пишу я эти строки,
И у ворот, гудя, стоит автомобиль;
На полюсах взвились звездистые знамена;
Семья «Титаников» колеблет океан;
Подводные суда его взрезают лоно,
И в синеву, треща, взлетел аэроплан.

Но есть еще мечта, чудесней и заветней;
Я снова предан ей, как в юные года
Там, далеко от нас, в лазури ночи летней,
Сверкает и зовет багряная звезда.
Томят мою мечту заветные каналы,
О существах иных твердят безвольно сны...
Марс, давний, старый друг! наш брат! двойник наш
алый!

Ужели мы с тобой вовек разлучены!

Не верю! Не хочу здесь, на зеленом лоне,
Как узник, взор смежить! Я жду, что сквозь эфир,
В свободной пустоте, помчит прибор Маркони
Приветствия земли в родной и чуждый мир;
Я жду, что, наконец, увижу шар блестящий,
Как точка малая, затерянный в огнях,
Путем намеченным к иной земле летящий
Чтоб братство воссоздать в разрозненных мирах.

28 мая 1912

ЭМИЛЮ ВЕРХАРНУ

Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных
Впервые расслышал шум жизни мировой:
От гула поездов до стога волн прибрежных,
От утренних гудков до воплей безнадежных
Покинутых полей, от песни роковой
Столиц ликующих до властного напева
Раздумий, что в тиши поют нам мудрецы,
Бросающие хлеб неведомого сева
На ниве жизненной во все ее концы,—
Я вдруг почувствовал, как страшно необъятен
Весь мир передо мной, и ужаснулся я

Громадности Земли, и вдруг мне стал понятен
Смысл нашего пути среди туманных пятен,
Смысл наших малых распрь в пучине бытия!

Верхарн! ты различил «властительные ритмы»
В пестройном голосе гудящих голосов.

1913

НЕВА

От пышно-полноводной Ладogi
До сумрачных Балтийских вод,
То преломляя краски радуги,
То зыбля дымный пароход,—

Полями радостно открытыми,
Прислушиваясь к шуму стад,
И алыми, во мгле, гранитами,
Глядя, как сфинксы мирно спят,—

Бежит Нева, и не изменится
Ее спокойно-строгий ход.
И лишь весной бурливо пенится
Разлив ее широких вод.

И в зиму, призрачно окована,
Не засыпает тяжким сном,
Мороза мглой не зачарована,
Вола бежит под тонким льдом.

Январь 1914

БОЛЬШЕ НИКОГДА

Когда Данте проходил по улице,
девушки робко шептали: «Видите,
как лицо его опалено адским
пламенем!»

Летописец XIV века

Больше никогда на нежное свиданье
Не сойду я в сад, обманутый луной,
Не узнаю сладкой пытки ожидания
Где-нибудь под старой царственной сосной.

Лик мой слишком строгий, как певца *Inferno*,
Девушек смущает тайной прошлых лет,
И когда вдоль улиц прохожу я мерно.
Шопот потаенный пробегает вслед.

Больше никогда, под громкий говор птичий,
Не замру вдвоем у звонко-шумных струй...
В прошлом — счастье, встречи, в прошлом —
Жизни смысл дающий робкий поцелуй!

В строфах многозвучных, с мировой трибуны,
Может быть, я вскрою тайны новых дней...
Но в ответ не встречу взгляд смущенно-юный,
И в толпе не станет чей-то лик бледней.

Может быть, пред смертью, я венок лавровый
Смутно угадаю на своем челе...
Но на нем не лягут, как цветок пунцовый,
Губы молодые, жаркие во мгле.

Умирают молча на устах признанья,
В мыслях скорбно тают страстные слова...
О, зачем мне снятся лунные свиданья,
Сосен мягкий сумрак и в росе трава!

1914

СТУПЕНИ РАЗРУШЕННОЙ ЛЕСТНИЦЫ

Ступени разрушенной лестницы
Уводят в глубокий овраг,
Где липы, столетью ровесницы,
Вечерний нахмурили мрак.

Река бегаёт излучиной
Приниженный берег. Во мгле
Толпой, беспорядочно скученной,
Рисуются избы в селе.

Лесами просторы обставлены,
Поет недалекий родник...
О город, о город отравленный,
Я здесь, твой всегдашний двойник!

28 июня 1914

Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи,
Все кажется, — под дальний гул пальбы
Дрожит земля до самых средоточий
И падают огромные столбы.

Все кажется, под страшный ропот боя,
Что старый мир разрушиться готов.
Не волны ли, неукротимо воя,
Ломают стены древних берегов?

Не жаль сознанию новой Атлантиды!
Пусть покрывает ясность глубины
Всю ложь веков, предвечные обиды
И тщетные, не явленные сны!

Пусть новый мир встает из бездн безвестных,
Не знающий, что в прошлом были мы:
О нем мечтаю, в свете звезд небесных,
Под гул пальбы смотря в провалы тьмы!

10 декабря 1914

ВСХОЖДЕНИЕ

И лестница все круче,
Не оступлюсь ли я.

В. Брюсов

Как винт чудовищный, свиваясь вокруг стены,
Восходит лестница на высь гигантской башни
Давно исчезло дно безмерной глубины,
Чтоб дальше сделать шаг, все должно быть бесстрашной.

За ярусом — другой; сквозь разрезы бойниц
Я вижу только ночь да слабый отблеск звездный;
И нет огней земли, и нет полночных птиц,
И в страшной пустоте висит мой путь железный.

Направо к камням жмусь; налево нет перил;
Зловеще под ногой колеблются ступени.
Гляжу наверх — темно; взглянуть назад — нет сил;
Бессильный факел мой бросает тень на тени.

Кто, дьявол или бог, какой народ, когда
Взвел башню к небесам, как древле в Вавилоне?
И кто, пророк иль враг, меня привел сюда
На склоне злого дня и дней моих на склоне?

И что там, в высоте? божественный покой,
Где снимет предо мной Изила покрывало?
Иль черное кольцо и только свод глухой,
И эхо прокричит во тьме: «Начни сначала!»

Не знаю. Но иду; мечу свой факел ввысь;
Ступени бью ногой: мой дух всхождением хмелен.
Огонь мой, дослужи! Нога, не оступись!..
Иль этот адский винт, и правда, беспределен?

8 декабря 1914

* * *

Я устал от светов электрических,
От глухих гудков автомобилей:
Сердце жаждет снова слов магических,
Радостных легенд и скорбных былей.

Давят душу стены неизменные,
Проволоки, спутанные в сети,
Выкликают новости военные,
Предлагая мне газету, дети;

Хочется мне замков, с их царевнами,
Озирающих просторы с башни.
Менестрелей с лютнями напевными,
Оглашающими лес и пашни;

Позабиться вымыслами хочется.—
Сказками, где ведьмы, феи, черти:
Пусть, готовя сналобье, пророчица
Мне предскажет час грядущей смерти;

Пусть прискачут в черных шлемах рыцари,
Со щитами, в пятнах черной крови
Ах, опять листок, в котором цинцери
Говорит про бой при Августове!

*4 апреля 1915
Варшава*

ЗАВЕТ СВЯТОСЛАВА

По знакомой дороге назад
Возвращались полки Святослава.
Потрясен был надменный Царьград,
Над героями реяла слава,
Близки были родимой земли
И равнины и мощные реки...
Но в горах на путях залегли,
Поджидая, коварные греки.

И, шеломы врагов опознав,
По холмам и утесам соседним,
Так дружине сказал Святослав:
«Видно, день — биться боем последним!
Пусть враги нас порубят, побьют,
Пусть обратно добычу отымут,—
Но певцы про нас славу споют,
Ибо мертвые сраму не имут!»

И рубились они до конца,
Полегли до последнего в поле;
Не осталось в живых и певца,
Чтобы спеть о губительной доле.
Сгиб в траве Святослава скелет,
Вихрем выветрен, ливнями вымыт...
Но поет ему славу поэт,
Ибо мертвые сраму не имут.

В наши грозные, тяжкие дни
Вспомним снова завет Святослава!
Как во тьме путевые огни,
Веку новому — прошлого слава!
Уступает народу народ
Города, и равнины, и реки,—
Только доблесть бессмертно живет,
Ибо храбрые славны вовеки!

Июль 1915

* * *

В моей душе, как в глубях океана,
Несчетность жизней, прожитых в былом:
Я был полип, и грезил я теплом,
Как ящер, крылья ширил средь тумана;

Меня с Ассуром знала Gordiana;
С Халдеем звездам я воспел псалом;
Шел с Гиксами я в Фивы напролом;
Гнал диких Даков под значком Траяна;
Крест на плече. я шел в Иерусалим;
Как магу Дьявол мне грозил сквозь дым;
Марà судил мне плаху гильотины;
И с Пушкиным я говорил как друг;
Но вняты мне звонки трамваев вокруг,
Как много всех, и все же я — единый!

1915

ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ

ПОЭМА В 6-ти ГЛАВАХ

(Обработка и окончание поэмы А. Пушкина)

1

Прекрасен и беспечен пир
В садах Египетской царицы,
И мнится: весь огромный мир
Вместился в узкие границы.
Там, где квадратный водоем
Мемфисским золотом обложен,
За пышно убранном столом
Круг для веселья отгорожен.
Кого не видно средь гостей?
Вот — Эллин, Римлянин, Испанец,
И сын Египта, и Британец,
Сириец, Индус, Иудей...

На ложах из слоновой кости
Лежат увенчанные гости.
Десятки бронзовых лампад
Багряный день кругом струят;
Беззвучно веют опахала,
Прохладу сладко наводя,
И мальчики скользят, цедя
Вино в хрустальные фиалы;
Порфирных львов лежат ряды,
Чудовищ с птичьей головою,

Из клювов золотых, чредою,
Точа во глубь струю воды;
Музыка стонет сладострастно;
Дары Финикии прекрасной,
Блистают сочные плоды;
А вдалеке, где гуще тени,
На мозаичные ступени
Теснятся толпами народ:
Завидуя, из-за ворот
Глядит на смены наслаждений.

Но что веселий праздник смолк?
Затихли флейты, гости немы;
В сверканьи светлой диадемы,
Царица клонит лик на шелк,
И тени сумрачной печали
Ее прозрачный взор застлали.
*Зачем печаль ее гнетет?
Чего еще не достает
Египта древнего царице?
В своей блистательной столице
Спокойно властвует она,
И часто пред ее глазами
Пирь сменяются пирами;
Она хвалою упоена,
И величавые искусства
Ей тешат дремлющие чувства.
Горит ли африканский день,
Свежее ли ночная тень,
Покорны ей земные боги;
Полны чудес ее чертоги;
В златых кадилах вечно там
Сирийский дышит фимиам,
Звучат тимпаны, флейты, лира
Певцов со всех пределов мира.*

Чего желать осталось ей?
Весь мир царице угрождает:
Сидон ей пурпур высылает;
Град Киликийский — лошадей;
Эллада — мрамор и картины;
Италия — златые вина,
И Балтика — янтарь седой.

Наскучил город ей? — *Вдоль Нила,*
Поставив пестрые ветрила,
Она в триreme золотой
Плывет. Ее взволнуют страсти? —
Пойдет, с сознанием гордой власти,
В покои тайные дворца,
Где ключ угрюмого скопца
Хранит невольников прекрасных
И юношей стыдливо-страстных.
И все ж она не весела:
Ей скучен хор льстецов наемных
И страсть красавцев подъяремных;
Не сходит тень с ее чела.
Ей все послушно, все доступно,
И лишь любовью неподкупной
Ей насладиться не дано!
И долго, с думою глубокой,
Она сидела одиноко.
И стыло гретое вино.

2

Был снова праздник в пышном зале
Александрийского дворца
На ложах гости возлежали;
Вокруг, при факелах, блистали
Создания кисти и резца;
Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир.
Сердца неслись к ее престолу.
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и дому
Поникла дивною главой...

И пышный пир как будто дремлет;
Безмолвны гости; хор молчит;
Но вновь она чело подымлет
И с видом ясным говорит:
«В моей любви для вас блаженство?
Блаженство можно вам купить...

Внемлите мне: могу равенство
Меж вами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю —
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»

Рекла, — и ужас всех объемлет.
И страстью дрогнули сердца...
Она смущенный ропот внемлет
С холодной дерзостью лица.
«Я жду, — вещает, — что ж молчите?
Или теперь бежите прочь?
Вас было много, — приступите,
Купите радостную ночь!»
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг из толпы один выходит,
Вослед за ним и два других:
Смела их поступь, ясны очи;
Навстречу им она встает.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти их зовет.

Благословенные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый — Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседель;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья:
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
За ним — Критон, молодой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва разбитый,
Последний — имени векам
Не передал; его ллниты

*Пух первый нежно оттенял;
Восторг в очах его сиял;
Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молсдом...
И с умилением на нем
Царица взор остановила.*

*— «Клянусь, о мать наслаждений!
Тебе неслыханно служу:
На ложе страстных искушений
Простой наемницей вхожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
И боги грозного Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю,
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утомо!
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь, под смертною секирой
Глава счастливец отпадет!»*

3

*И вот уже сокрылся день,
И блещет месяц златорогий.
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Окончен пир. Сверкая златом,
Идет царица в свой покой
По беломраморным палатам.
За ней — рабов покорный строй
И круг поклонников смущенных,
Вином и страстью утомленных.
Меж них, спокоен и угрюм,
Безмолвно выступает Флавий,
Речей внимая смутный шум...
Его судьбе и горькой славе
Дивятся гости, трепеща.
У всех, под складками плаща,
Сердца дрожат в глухой тревоге.
Но вот царица, на пороге,*

Замедлила, и ясный лик
К смущенным лицам обратила:
В ее глазах — какая сила!
Как нежен стал ее язык!

— «Я жду тебя, отважный воин:
Исполнить клятвы пробил час!
Я верю: будешь ты достоин
Обета, сблизившего нас!
Приди ко мне, желанный, смелый!
Я этой жертвы жду давно.
Мое прославленное тело
Тебе богами суждено!
С тобой хочу предаться страсти,
Неотвратимой, как судьба,
Твоей я подчиняюсь власти,
Как неподкупная раба!
Всего, чего возжаждешь, требуй:
Я здесь — для сладостных услуг!
Доколь не пробегут по небу
Лучи зари, ты — мой супруг!»

Сказала: и, простерши руки,
В объятья мужа приняла.
Раздались флейт поющих звуки
И хора стройная хвала.
И гости, сумрачны и бледны,
Боясь понять свою мечту,
Глядят, как полог заповедный
Скрывает новую чету.
И каждый, с трепетом желаний,
Невольно мыслит: «Мог и я...»
Но свисли пурпурные ткани,
Гимена тайны затая.

*Фонтаны бьют, горят лампы,
Куруется легкий фимиам,
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам;
В роскошном золотом покое,
Средь обольстительных чудес,
Под сенью пурпурных завес
Блестит ложе золотое.*

Что там? Свежительная мгла
Теперь каким признаньям внемлет,
Какие радости объемлет,
Лаская страстные тела?
Кто скажет! Только водомета
Струя, смеясь, лепечет что-то.

Замолк дворец. Устало спят
Рабы в своих каморках темных;
Безлюдны дали зал огромных;
Лишь сторожа стоят у врат.
В задумчивых аллеях сада —
Молчанье, сумрак и прохлада...
Но кто застыл в беседке роз?
Один, во власти мрачных грез,
Он смотрит на окно царицы,
И будет, молча, ждать денницы,
Прикован взором, недвижим,
Безумной ревностью томим,
Иль плакать вслух, как плачут дети!
Не он ли, хоть на краткий срок,
Царицы грустный взор привлек,
Не он ли вынул жребий третий?

4

Означились огни денницы;
Рабочий пробудился люд;
По узким улицам столицы
Ряды разносчиков снуют.
Глядяся в зеркала морские,
Встречает день Александрия.
Но тих торжественный дворец.
Еще угрюмый страж-скопец
Не отворял глухих затворов;
Еще, на беспощадный зов,
Во сне счастливый — сонм рабов
Не открывал в испуге взоров.
И лишь на ложе золотом
Царица гордая не дремлет,
Небрежно дальним шумам внемлет,
И смотрит, с пасмурным челом,
На мужа, кто простерт на ложе.

Ах, не она ль вчера ему,
Всем сладострастьем женской дрожи,
Как властелину своему
Вливала в жилы страсть? — И что же!
Ах, не она ль, среди затей,
Припоминала вдруг лукаво
События недавних дней
И Цезаря с бессмертной славой:
Как миродержец-исполин
Ее ласкал рукой могучей,
И прибавляла, с лестью жгучей,
Что он, пришлец, ей он один
Напомнил Цезаря? И что же!
За мигом миг казался строже
Взор гостя странного, и он,
Вином как будто упоен,
Вдруг твердо отстранил царицу:
— «Довольно, женщина! Пора
Пред дымом смертного костра
Мне сном приветствовать денницу!»
Он лег, заснул, и вот он спит.
Царица сумрачно глядит
На сон бестрепетно-спокойный,
И грудь ее — в тревоге знойной.

— «Проснися, воин! близок день!»
И Флавий открывает очи.
Давно исчезла летней ночи
Прозрачно-голубая тень;
Свет, через пурпурные ткани
Проникнув, бродит на полу,
И светлый дым благоуханий,
Виясь, колеблет полумглу.
— «Что, утро? Здравствуй, Феб-губитель!»
И, с ложа прянув, пояс свой
Гость надевает. Но, с мольбой,
К нему царица: — «Мой властитель!
Еще есть время. Я — твоя!
Ужель и взгляда я не стою?
Я наслаждения утрою,
Пресыщу новой лаской я
Твои последние мгновенья!

Пади на ложе наслажденья,
Где ждет тебя любовь моя!»

Но странный гость, в ответ, сурово,
Бесстрастье гордое храня:
— «Ужель ты думаешь, мне ново —
Все, чем прельщаешь ты меня?
Ты прихотлива и затейна,
Но слаще вольная любовь,
В дубравах, за пределом Рейна!
Ты страстью распаляешь кровь,
Но в ласке девушки испанской,
В объятьях пленницы британской
Есть больше неги и огня!
Во дни жестокие Фарсала,
Я вспомнил, как и ты, ласкала
Одна фракиянка меня;
Но я забыл ее лобзанья,
Ее приманчивый напев,
Храня всегда воспоминанья
О днях блаженного свиданья
С одной из гордых галльских дев!
Прощай!»

Она дрожит от гнева,
Ее изменены черты.
— «Когда тебе любая дева
Милей, чем я, зачем же ты
Мой принял вызов? Посмеяться
Ты надо мной хотел? Тебе
Спокойно с жизнью не расстаться!
Твоей мучительной судьбе,
Твоей неумолимой казни
Все ужаснутся!»

Без боязни
Он смотрит на лицо ее.
— «Ты надо мной властна, быть может,
И тело бедное мое
Безжалостный палач изложет.
Но все ж я — прав. Что обещал,
Я, в эту ночь, исполнил честно:
С тобой я, как тебе известно,
До третьей стражи разделял

Твои, царица, вожделенья,
Как муж, я насыщал твой пыл...
Что ж! Я доволен в мире жил,
А ты — свершай свои решения!»

И он, *суровый сын войны,*
Клевет Великого Помпея,
Спокойным взором, не бледнея,
Встречает гневный взор жены.
Безмолвно, ярость подавляя,
Та бьет по меди молотком,
И звуки, стражу призывая,
Звения, разносятся кругом.
Раскрыты завесы у двери.
Рабы, как на веревках звери,
Вступают в золотой покой;
И, грозной стражей окруженный,
В свое раздумье погруженный,
Проходит воин через строй.
Палач у входа. Но царица
Уже зовет своих рабынь;
Бежит невольниц вереница,
Неся одежды, пух простынь,
Фиалы тонких умащений...
Бледнеет тень ночных видений,
И вновь, прекрасна и ясна,
На пир готовится она.

5

Все ограниченной, короче
Остаток малый новой ночи,
И снова первый робкий луч
Уже скользит меж завес окон
И трогает, огнист и жгуч,
Царицы сине-черный локон.
Не сонных в спальне луч застал!
Чу! говор, вздохи, поцелуи,
И звонко в искристый фиал,
Опены, сбегают струи.

— «Клянуся Бакхом! я — не сыт!
Царица! Ты — Андиомена,

Любимица молодых харит!
Мне кажется, морская пена
Доныне с ног твоих бежит.
Дай осушить ее устами!
Пред тем как Феб, грозя лучами,
Блеснет, — владычица любви,
Порыв жреца благослови!
Он здесь, коленопреклоненный,
Лобзает, весь горя огнем,
Святыни, спрятанные днем,
И каждый волос благовонный
На теле божеском твоём!»

Он — счастлив, он — безумен страстью,
Он медлить заклинает тьму,
Чтоб до конца упиться властью,
На срок дарованной ему;
Не признавая утомлений,
Творит хотенье из хотений;
Но пресыщенно холодна
На свет зари глядит она.
Довольно! Пробил час. Аврора
Открыла дверь. Помчится скоро
По крутизне лазури Феб.
Она встает...

Но он ослеп,
Он ничего не видит, кроме
Прекрасной груди, рук и плеч,
Он молит, в трепетной истоме,
Опять на мягкий пух прилечь,
О близкой смерти забывая.
Он обречен, но ласки ждет.
И, неохотно уступая,
Как милостыню подавая,
Царица снова предаёт
Свой стан объятьям распаленным;
Но, внемля клятвам исступленным,
Приемля зной палящих губ,
Она ненужных слов не тратит
И мыслит:

— «Он — красив, не глуп,
Он жизнью эту ночь оплатит,

Но почему так чужд мне он?
Простой невольник и Критон,
Мудрец изнеженный, — меж ними
Какая разница? Своими
Лобзаньями, на краткий час,
Они развлечь умеют нас,
И только. В рощах *Арголиды*
Он воспринял завет *Киприды*;
Но той же страстью распалит
На рынке купленный Нумид!
Другие, нашими жрецами
Воспитанные в тайном храме,
Объятий странных новизной
На время изумить способны...
Но все — что листья, все — подобны,
Для ночи созданы одной!»
Очнулась, поднялась на ложе.
Он снова припадает к ней,
Он смотрит ей в глаза. Но строже,
Чем прежде, взгляд ее очей.
— «Настало время расставанья».
— «Еще, еще одно лобзанье!»
— «Пора. Сияет в окна день».
— «Нет! Погляди! повсюду тень!»
— «Конец!» Она встает и властно
Идет, чтоб дать условный знак,
Но он влечется сладострастно
За ней, целуя каждый шаг.
— «Помедли! Видишь, я не трачу
Ни мига даром! Пью до дна
Блаженство! Я от счастья плачу,
Что ты была мне суждена.
Что Зевс, с его безмерной силой!
За весь Олимп я не отдам
Того, что есть, того, что было,
И не завидую богам!»

Одета белым покрывалом,
Она стоит перед кимвалом,
Не отвечает и стучит.
Все ближе по порфиру плит
Шаги. — «Пока они у двери,
Хоть поцелуй по крайней мере!»

Молчит.— «Хоть раз позволю взглянуть
Мне — на божественную грудь!»
Вошли. Рабы теснятся строем,
Влекут его, но, обратясь,
Он, сладко плача и смеясь,
Любуется ночным покоем...

На двор мощный за дворцом
Из храмины *Критон* выходит;
Палач с тяжелым топором
Его на лобный камень взводит.
Но юноша в последний раз
К рассвету простирает руки:
«Постой, палач! В свой смертный час,
За счастье принимая муки,
Хочу приветствовать зарю!
Тебя, о Феб, благодарю!
Ты во-время на колеснице
Надел лучистый ореол!
Кто эту ночь, как я, провел,
Вдвоем с божественной царицей,
Не может и не должен жить:
Мне больше некого любить!
Пока ты светишь в этом мире,
Гласи сияньем, что нельзя
Блаженней быть, чем ныне я!»
И наклонился он к секире.
Палач ударил, раз и два;
Упала наземь голова,
И струи алые помчались,
И кровью площадь залита...
Но все ж, казалось, улыбались
У мертвой головы — уста.

6

И третья ночь прошла. Он спит,
Ребенок, страстью истомленный.
Царица, с думой потаенной,
Печально на него глядит.
Так молод! Были так *стыдливы*
Его невольные порывы,
Так робки просьбы детских глаз!
В ответ на хитрые соблазны,

Он лепет повторял бессвязный
И вспыхивал и быстро гас.
Напрасно ласково учила
Она его игре страстей:
Его неопытная сила
Чуждалась пламенных затей.
Он плакал в буйстве наслаждений,
Страшась изысканных забав,
Потом, обняв ее колени,
Молчал, к возлюбленной припав,
И долго, счастьем умиленный,
Смотрел во взор ее бездонный.

Он спит. Но сонные уста
Так чисты! Так ресницы милы!
Ужели эта красота
Сегодня станет прах могилы?
Какая страшная мечта!

Царица вздрогнула невольно,
Как будто вдруг уязвлена;
Ей жутко, ей почти что больно.
Над спящим тихо склонена,
Касаньем ласковым она
Ребенка будит осторожно:
— «Проснись, мой мальчик, рассвело!»
И на прекрасное чело
Кладет свой поцелуй тревожно.

Он пробуждается. Уже?
Все вспомнил. Так: чертог, парица,
И в окна бьющая денница,
И он стоит на рубеже...
Воспоминанья жгучей ласки
На миг лицо зажгли; потом
С его ланит сбежали краски:
Он бледен, страшен он лицом.
И сердце царственной блудницы
Внезапной болью стеснено,
И чувства, спавшие давно,
Оживлены в душе парицы,
И двое на лучи денницы,
Равно дрожа, глядят в окно.

И, голос понижая, словно
Кого-то разбудить страшась,
Лепечет быстро и любовно
Царица, к юноше склонясь:
— «Мой мальчик! встань, иди за мною!
Я тайный путь тебе открою!
Хочу спасти тебя! Беги!
Есть дверь за северной колонной.
Проход выводит потаенный
У Нила, в поле... Чу! шаги!
Нельзя нам медлить. Я не властна
Нарушить грозный свой обет.
Час минет, — и спасенья нет.
Беги!»

Он смотрит. Та — прекрасна;
Божественны ее черты.
И он с волнением ей: — «А ты?»
— «Что я? Беги, пока есть время!»
— «Жить без тебя? Какое бремя!
И дни и годы пустоты!
Беги со мной!» — «Но ты безумен!
Твой зов нелеп и неразумен.
Послушай: дорог каждый миг!
Я всем скажу, что задремала,
Не догадалась, не слыхала,
Что ты в подземный ход проник...»

Она зовет, почти что молит,
Она его войти неволит
В дверь отворенную. Но он,
И слепо счастлив и смущен,
Противится, твердя упорно: —
«Беги со мной!» Пред ними ход,
Ведущий вглубь, угрюмый, черный;
Она туда его влечет:
— «Спеши! Иль ты себя погубишь!
А он: — «Нет, ты меня не любишь!»
— «Ты позабыл, кто ты, кто я!
Есть у тебя отец, родные.
Живи для них! Сии края
Покинув, удались в чужие...»
И, новой грусти не тая,

Он возражает ей упрямо:
— «Не любишь ты! Скажи мне прямо!
И я умру рабом твоим.
Но если... если я любим!
Какое дивное блаженство!
Любовь нам возвратит равенство;
Как боги счастливы, вдвоем
В другие страны мы уйдем!
Иль дорожишь ты багряницей?
Тебя пленяет пышный прах?
Ты будешь для меня царицей
В моей душе, не на словах!
Что знаешь ты? Притворство лести,
Обманы! Я, и день и ночь,
С тобой единой буду вместе,
Не отходя ни шагу прочь!
Подумай: видеть, просыпаясь,
Черты любимого лица,
И жить вдвоем, не расставаясь,
До вожделенного конца!»

Что может отвечать царица
На детский, на бессвязный бред?
А за стеной шумит столица...
Он — обречен; спасенья нет.
Но юноша, не понимая,
Что значит складка роковая
На лбу царицы, шепчет вновь:
— «Бежим! Нас позвала любовь!
Я понял: это — воля Рока!
Меня привел он издалека,
Чтоб вывести тебя!» И вот
Мечтатель, взорами сверкая,
Спешит, царицу побуждая
Сойти за ним в подземный ход.

Но та безумца отстранила.
Ее чело пробороzdило
Раздумье тайное. Потом,
Скользнув к своей постели гибко,
Она, с обманчивой улыбкой,
Наполнила бокал вином.
— «Ты — прав! Мне вдруг понятно стало,
Что я тебя лишь ожидала!

Так! Мы бежим из этих зал!
Прочь, злато, ткани и камня!
Но, уходя, в знак единенья,
Прощальный выпьем мы фиал!»

Он кубок пьет. Она руками
Его любовно обвила,
И снова нежными устами
Коснулась детского чела.
Улыбкой неземного счастья
Он отвечает, будто вновь
Дрожит на лоне сладострастья...
Но с алых губ сбегает кровь,
Взор потухает отененный,
И все лицо покрыто тьмой...
Короткий вздох,— и труп немой
Лежит пред северной колонной.

Закрыв ненужную теперь
Над лестницей подземной дверь,
Царица долго любовалась,
Склонясь к недвижному лицу,
И долго странно улыбалась...
И вдруг, далеко по дворцу
Пронесся медный зов кимвала.
Заслыша им знакомый звон,
Бегут рабы со всех сторон
И раскрывают опахала;
Рабыни выбрали давно
Наряд для утреннего часа;
Уже разубрана терраса,
Над ней алеет полотно...
Все приготовлено для пира:
Сегодня во дворце своем,
За пышно убранным столом,
Царица встретит триумвира.

И вот идет толпа гостей;
Сверкают шлемы, блещут брони;
И, посреди своих друзей,
Привыкший удивлять царей,
К царице близится Антоний.

1914—1916

* * *

Закат ударил в окна красные
И, как по клавишам стуча,
Запел свои напевы страстные;
А ветер с буйством скрипача
Уже мелодии ненастные
Готовил, ветвями стуча.

Симфония тоски и золота,—
Огней и звуков слитый хор,—
Казалась в миг иной расколота:
И такт, с певцом вступая в спор,
Выстукивал ударом молота
Незримый мощный дирижер.

То вал стучал в углы прибрежные,
Ломая скалы, дик и пьян,
И всё: заката звуки нежные,
Сверканье ветра, и фонтан,
Лепечущий рассказы снежные,
Крыл гулким стуком Океан!

1916

В НЕДРАХ

Мстит лабиринт...

Urbi et Orbi

Ко мне ль судьба была скупа,
Не мне ль дары бросала щедро?
Но жизни темная тропа
Вела меня в глухие недра.

Я шел беспечен, смел и юн,
Целуя дев, срывая розы,
Касаясь плектром вещей струн,
И людям поверяя грезы;

Порой вступал во мглу пещер,
Где слышал грозный рев чудовищ,
Но выходил, зажав химер,
С руками, полными сокровищ.

И снова шел в цветах, в лучах,
Под щебет птиц, под ропот моря,
И я не знал, что значит страх,
И был я рад мгновеньям горя.

Но вновь моя тропа сошла
Под черноту подземных сводов;
Кругом, везде,— и тишь и мгла,
Вой чудищ, призраки уродов.

Смотрю назад,— но входа нет,
Вперед,— но выхода не видно.
Мне повстречать ли снова свет,
Луной дышать ли серповидной?

Вверх или вниз, но путь ведет,
Он с каждым шагом — безысходней...
Но все равно! иду — вперед,
Пою и в недрах преисподней!

1916

* * *

Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет.

А. Пушкин

Пришли рассеяния годы,
Нам круг друзей не соединить:
Один уже сошел под своды,
Которых нам не сокрушить;
Тот, Роком самовластным брошен
В изгнанье, на чужой гранит;
Тот, в цвете дум, болезнью скошен,
Не жив, не умер,— словно спит;
Тот бродит по далеким странам,
Тоской гоним, всегда один,
От нас отрезан, как туманом,
Чредой изменчивых картин;
Еще иные — в поле ратном,
В окопах, под дождем свинца!
Согласно при луче закатном
У нас забьются ли сердца?
Как знать? Но будь еще помянут
Один: он факел снов задул;

Не нами тайный враг обманут,
Нас друг неверный обманул!
Быть может, прежним идеалам
Остался верен только я:
Доныне не была причалом
Оскорблена ладья моя;
Но жизни бурями испытан,
Таю глубины грез моих,
И ядом горечи напитан
Нередко мой вечерний стих.

29 июля 1916

* * *

Я — междумирик. Равен первым,
Я на собраньи знати — пэр,
И каждым вздохом, каждым нервом
Я вторю высшим духам сфер.

Сумел мечтами подсмотреть я
Те чувства, что взойти должны,
Как пышный сев, спустя столетья,—
Но ныне редким суждены!

Но создан я из темной глины,
На мне ее тяжелый гнет.
Пусть я достиг земной вершины,—
Мой корень из низин растет.

Мне Гёте — близкий, друг — Вергилий,
Верхарну я дарю любовь...
Но ввысь всходил не без усилий —
Тот, в жилах чьих мужичья кровь.

Я — твой, Россия, твой по роду!
Мой предок вел соху в полях.
Люблю твой мир, твою природу,
Твоих творящих сил размах!

И там, где нивы спелой рожью
Труду поют хвалу свою,
Я в пахаре, с любовной дрожью,
Безвестный, брата узнаю!

1911—1918

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Импровизация

Есть ряд картин, и близких и далеких,
Таимых свято в глубине души;
Они, в часы раздумий одиноких,
Встают, как яркий сон, в ночной тиши:

Картина утра, — миги до восхода,
Когда весь мир — как в ожиданьи зал;
Явления солнца жадно ждет природа,
И первый луч зеленовато-ал;

Картина вечера: луной холодной
Волшебно залит лес, балкон иль сад;
Все с фейной сказкой так чудесно сходно,
И губы ищут ласки наугад;

Картина первой встречи, и разлуки,
И страстной ласки, и прощальных слез;
Вот, в темноте, ломает кто-то руки...
Вот плечи жжет касанье черных кос...

Есть ряд картин, — банальных, но которых
Нельзя без трепета увидеть вновь:
Мы любим свет луны, сирени шорох, —
За то, что наша в них влита любовь!

И вот в числе таких картин священных
Есть, в памяти моей, еще одна;
Как скромный перл меж перлов драгоценных,
В их ожерелье вплетена она:

Картина вешних вод, когда, как море,
Разлиты реки; всюду — синева;
И лишь вода отражена во взоре,
Да кое-где кусты, как острова.

То — символ вечного стремленья к воле,
Лик возрожденья, в мощной красоте...
Но дали вод, затопленное поле
Иным намеком дороги мечте!

Мне помнится — безбрежная Волга...
Мы — рядом двое, склонены к рулю...
Был теплый вечер... Мы стояли долго,
И в первый раз я прошептал: «люблю»!

О, этот образ! Он глубоко нежит,
Язвит, как жало ласковой змеи,
Как сталь кинжала, беспощадно режет
Все новые желания мои!

Он говорит о чувствах, недоступных
Теперь душе; об том, что много лет
Прошло с тех пор, мучительных, преступных;
Что оживет земля, а сердце — нет!

Пусть этот образ реет так, — далекий
И вместе близкий, в тайниках души,
Порой вставая, как упрек жестокий,
И в людном зале, и в ночной тиши!

1918

НАРОДНЫЕ ВОЖДИ

Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей
И ветром поднятый победно в вышину.
Вкруг — неумолчный рев, крик разъяренных фурий,
Шум яростной волны, сшибающей волну;

Вкруг — гибель кораблей: изломанные снасти,
Обломки мачт и рей, скарб жалкий, и везде
Мельканье чьих-то тел — у темных сил во власти,
Носимых горестно на досках по воде!

И видят, в грозный миг, глотая соль, матросы,
Как вал, велик и горд, проходит мимо них,
Чтоб грудью поднятой ударить об утесы,
И дальше путь пробить для вольных волн морских!

За ним громады волн стремятся, и покорно
Они идут, куда их вал зовет идти:
То губят вместе с ним под твердью грозно-черной,
То, вместе с ним, творят грядущему пути.

Но, морем поднятый, вал только морем властен,
Он волнами влеком, как волны он влечет —
Так ты, народный вождь, и силен и прекрасен,
Пока, как гребень волн, несет тебя — народ!

1918

* * *

Слепой циклон, опустошив
Селенья и поля в отчизне,
Уходит вдаль... Кто только жив,
С земли вставай для новой жизни!

Тела разбросаны вокруг...
Не время тосковать на тризне!
Свой заступ ладь, веди свой плуг,—
Пора за труд — для новой жизни!

Иной в час бури был не смел:
Что пользы в поздней укоризне?
Сзывай работать всех, кто цел,—
Готовить жатву новой жизни!

Судьба меняет часто вид,
Лукавой женщины капризней,
И ярче после гроз горит
В лазури солнце новой жизни!

На души мертвые людей
Живой водой, как в сказке, брызги:
Зови! буди! Надежды сей!
Сам верь в возможность новой жизни

1918

СВЕТОЧ МЫСЛИ

Венок сонетов

1. АТЛАНТИДА

Пад буйным хаосом стихийных сил
Зажглось издревле Слово в человеке:
Твердь оживили имена светил,
Злак разошелся с тварью, с сушей — реп.

Врубаясь в мир, ведя везде просеки,
Под свист пращей, под визги первых пил,
Охотник, пастырь, плужник, кто чем был,—
Вскрывали части тайны в каждом веке.

Впервые светоч из священных слов
Зажгли Лемуры, хмурые гиганты;
Его до неба вознесли Атланты.

Он заблистал для будущих веков,
И с той поры все пламенной, все шире
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.

II. ХАЛДЕИ

Сияла людям Мысль, как свет в эфире;
Ее лучи лились чрез океан —
Из Атлантиды в души разных стран;
Так луч зенита отражен в надире!

Свет приняли — Китай и Индостан,
Края эгейцев и страна Наири,
Он просверкал у Аймарá и в Тире,
Где чтим был Ягве, Зевс и Кукулкап.

И ярко факел вспыхнул в Вавилоне;
Вещанья звезд прочтя на небосклоне,
Их в символы Семит пытливый влил.

Седмица дней и Зодиак, — идеи,
Пребудут знаком, что уже в Халдее
Исканьем тайн дух человека жил.

III. ЕГИПЕТ

Исканьем тайн дух человека жил,
И он сберег Атлантов древних тайны,
В стране, где, просверлив песок бескрайный,
Поит пустыню многоводный Нил.

Терпенье, труд, упорный, чрезвычайный,
Воздвигли там ряд каменных могил,
Чтоб в них навек зов истины застыл:
Их формы, грани, связи — не случайны!

Египет цели благодной достиг.
Хранят поныне плиты пирамиды
Живой завет погибшей Атлантиды.

Бог Тот чертил слова гигантских книг,
Чтоб в числах три, двенадцать и четыре
Мощь разума распространялась в мире.

IV. ЭЛЛАДА

Мощь разума распространялась в мире —
Египет креп, как строгое звено,
Но было людям жизнь понять дано
И в радости: в резне, в палитре, в лире.

Влилась в века Эллада, как вино,—
В дворцовой фреске, в мраморном кумире,
В живом стихе, в обточенном сапфире,
Явя, что было, есть и суждено.

Но, строя храмы, вознося колонны,
Могла ль она забыть зов потаенный,
Что край Осириса ей повторил?

Шел Эллин к знанию по пути мистерий,—
Но дух народа блеск давал и вере,
Прекрасен, светел, венчан, златокрыл.

V. ЭЛЛИНИЗМ И РИМ

Прекрасен, светел, венчан, златокрыл
Цвел гений Греции. Но предстояло
Спать в одно — халдейские начала
И мысли эллинской священный пыл.

Встал Александр! Все ж Року было мало
Фалангой всюду созданных горнил;
И вот, чтоб Рим весь мир объединил,
Медь грозных легионов застонала.

В те дни, как Азия спешила взять
Дар Запада, и каждый край, как призма,
Лил, преломляя, краски эллинизма,

К завоеванью всей вселенной — рать
Вел Римлянин; при первом триумвире
Он встал, как царь, в торжественной порфире.

VI. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Он встал, как царь, в торжественной порфире,
Укрыв под ней весь мировой простор,
От скал Сахары до Шотландских гор,
От врат Мелькарта до снегов Сибири.

Столетий и племен смиряя спор,
Сливая голоса в безмерном клире,
Всем дав участие на вселенском пире,
Рим над землей свое крыло простер.

Все истины, что выступали к свету,—
Под гул побед, под сенью римских прав,
Переплавлились властно в новый сплав.

Вела империя работу эту,
Хоть вихрь порой величья не щадил,
Хоть иногда лампы Рок гасил.

VII. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Хоть иногда лампы Рок гасил,
Рим до конца исполнил труд владыки.
Он был свершен, когда, под вопль и крики,
Сонм варваров империю свалил.

Народы хлынули, свирепы, дики;
Мрак разостлался, тягостен, уныл;
Казалось: луч наук навек почил,
И тщетно трон свой высыл Карл Великий.

Но в мгле крушений отблеск золотой
Искал путей, везде сверкал мечтой,
Под стук мечей, под грозный скок валькирий.

Меж камней, бывших кесарских палат,
Под робкий свет монашеских лампад
Дух знания жил, скрыт в тайном эликсире.

VIII. СРЕДНИЕ ВЕКА

Дух знания жил, скрыт в тайном эликсире,
Поя целебно мутный мрак веков.
Пусть жизнь была сплошной борьбой врагов,
Пусть меч звенел в бою и на турнире,—

Искал алхимик камень мудрецов,
Ум утончался в пренях о вампире,
Познать творца пытался богослов,—
И мысль качала мировые гири.

Монах, судейский, рыцарь, менестрель,—
Все смутно видели святую цель,
Хоть к ней и шли не по одной дороге.

В дни ужасов, огня, убийств, тревоги,
Та цель сияла, как звезда: она
Во все века жила, затаена.

IX. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Во все века жила, затаена,
И жажда светлых, благостных веселий.
Настали сроки: струны вновь запели,
И краски вновь зардели с полотна.

Из дряхлой Византии в жизнь — весна
Вошла, напомнив о любви, о теле;
В своих созданиях Винчи, Рафаэли
Блеск бытия исчерпали до дна.

Те плыли за Колумбом в даль Америк,
Те с Кортесом несли на чуждый берег
Крест, чтоб с ним меч победно пронести.

Стремились все — открыть, изобрести,
Найти, создать... Царила в эти годы
Надежда — вскрыть все таинства природы.

X. РЕФОРМАЦИЯ

Надежда — вскрыть все таинства природы —
Мир к высшей тайне привела, — и бог
Восстал над бурей будничных тревог,
Над сном народов, над игрушкой моды.

За громом Лютера прошли походы
Густава, Тилли; снова сумрак, строг,
Окутал землю, и военный рог
К войне за веру звал из рода в роды.

Промчался Кромвель; прогремела Ночь
Варфоломея; люди в пытках гибли;
Стал дыбой — крест, костром — страницы библий.

Но Истина, исканий смелых дочь,
Жива осталась в вихрях непогоды;
К великой цели двигались народы.

XI. РЕВОЛЮЦИЯ

К великой цели двигались народы.
Век философии расцвел, отцвел;
Он разум обострил, вскрыл глубь зол
И людям вспыхнул маяком свободы.

Упали с гулом вековые своды,
Был свергнут в бездну старый произвол,
Поток идей разлился, словно воды,
Что в марте затопляют луг и дол.

Гудели волны буйного потока,
Учение братства разнеся широко,
Под знамя воли клича племена.

Бороться с правдой силился напрасно
Державный Север: под зарницей красной,
Шумя, Европу обняла война.

XII. НАПОЛЕОН

Шумя, Европу обняла война,
Глася: «Мир хижинам и гибель тронам!»
Пусть эта брань потом Наполеоном,
В дыму побед, была усмирена.

Навек осталась вскрытой глубина;
Над ней теперь гудело вещим звоном
Все то, об чем шептали лишь ученым
Намеки книг в былые времена.

Ваграм и Дрезден, Аустерлиц и Иена,
Вы — двух начал таинственная смена:
Толпе открыли вы свободный путь.

Народ рванулся ветром тайн дохнуть...
Но не давал дышать им в полной мере
Все ж топот армий, гулы артиллерий.

ХІІІ. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Все ж топот армий, гулы артиллерий
Затихли; смолк войны зловеший звон;
И к знанью сразу распахнулись двери,
Природу человек вдруг взял в полон.

Упали в прах обломки суеверий,
Наука в правду превратила сон:
В пар, в телеграф, в фонограф, в телефон,
Познав составы звезд и жизнь бактерий.

Античный мир вел к вечным тайнам нить;
Мир новый дал уму власть над природой;
Века борьбы венчали всех свободой.

Осталось: знанье с тайной съединить.
Мы близимся к концу, и новой эре
Не заглушить стремлений к высшей сфере.

ХІV. МИРОВАЯ ВОЙНА XX ВЕКА

Не заглушить стремлений к высшей сфере
И буре той, что днесь шумит кругом!
Пусть вновь все люди — злобный враг с врагом,
Пусть в новых душах вновь воскресли звери.

На суше, в море, в вольной атмосфере,
Везде — война, кровь, выстрелы и гром...
Рок ныне судит неземным судом —
Позор республик лживых и империй!

Сквозь эту бурю истина пройдет,
Народ свободу полно обретет
И сам найдет пути к мечте столетий!

Пройдут бессильно ужасы и эти,
И Мысль взлетит размахом мощных крыл
Над буйным хаосом стихийных сил!

ХV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Над буйным хаосом стихийных сил
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.
Исканьем тайн дух человека жил,
Мощь разума распространялась в мире.

Прекрасен, светел, венчан, златокрыл,
Он встал, как царь, в торжественной порфире,
Хоть иногда лампы Рок гасил,
Дух знания жил, скрыт в дивном эликсире.

Во все века жила, затаена,
Надежда — вскрыть все таинства природы.
К великой цели двигались народы.

Шумя, Европу обняла война...
Все ж топот армий, гулы артиллерий
Не заглушат стремлений к высшей сфере.

1918

ТРУД

В мире слов разнообразных,
Что блещут, горят и жгут,—
Золотых, стальных, алмазных,—
Нет священной слова: «труд!»

Троглодит стал человеком
В тот заветный день, когда
Он сошник повел к просекам,
Начиная круг труда.

Все, что пьем мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Все довольство жизни нашей,
Все, чем красен каждый дом.

Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лет бесследный,—
Все — наследие трудов!

Все искусства, знания, книги —
Воплощенные труды!
В каждом шаге, в каждом миге
Явно видны их следы.

И на место в жизни право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам — слава,
Только им — венок в веках!

Но когда заря смеется,
Встретив позднюю звезду, —
Что за радость в душу льется
Всех, кто бодро встал к труду!

И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награжден,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершен!

1919

ПРАЗДНИК ТРУДА

Гимн Первого Мая 1919 года

На сонных каналах Венеции
Колышут весло гондольеры;
С весной пробуждаются в Греции
Античных столетий Химеры;
Смеется беспечная Франция,
Сбор золота щедро посеяв;
Мне кажется: в пламенном танце я,
Взглянув на зубцы Пиренеев;
Грозась, торжествует Британия,
По свету суда рассылая...
Как будто и кровь и страдания
Забыты пред праздником Мая!
Но лишь единому народу,
Ликуя, можно встретить Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда, —
И Мая первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!
Что день, исчезают бесследнее
Безумства, царившие долго;
Прносятся залпы последние
Над Вислой, над Бугом, над Волгой;
Кончается бред неестественный,
Пять лет всех томивший сурово;

Выходят из пропасти бедственной
Заветные тени былого;
Вновь людям звучит всё державнее:
«Свобода! — Равенство! — Братство!»
Кровавое время недавнее
Страшит, как в мечтах святотатство...

Но лишь единому народу,
Ликуя, можно встретить Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда,—
И Мая первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!
Из праха встает, что разрушено:
Селения, фабрики, школы.
Пусть море из слез не осушено:
Жизнь кличет на подвиг тяжелый.
Вот снова машины стогудные
Завыли в казармах стооких,
Воскресли часы многотрудные
Под взорами стражей жестоких;
И, хитро таясь, но уверенно,
Вновь частую сеть капитала
Незримые руки — размеренно
Бросают в толпу, как бывало...

И лишь единому народу,
Ликуя, можно встретить Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда,—
И Мая первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!

30 апреля 1919

* * *

Я доживаю полстолетья,
И на события все ясней
Могу, со стороны, смотреть я,
Свидетель отшедших дней.

Мое мечтательное детство
Касалось тех далеких лет,
Когда, как светлое наследство,
Мерцал «Реформ» прощальный свет.

И, мальчик, пережил, как быть, я
Те чаянья родной земли.
Что на последние усилия
В день марта первого ушли.

Потом упала ризой черной
На всю Россию темнота,
Сдавила тяжко и позорно
Всех самовластия пята.

Я забывал, что снилось прежде,
Я задыхался меж других,
И верить отвыкал надежде,
И мой в неволе вырос стих.

О, как забилося сердце жадно.
Когда, за ужасом Цусим.
Промчался снова вихрь отрадный
И знамя красное за ним!

Но вновь весы судьбы качнулись,
Свободы чаша отошла.
И цепи рабства протянулись,
И снова набежала мгла.

Но сердце верило... И снова
Гром грянул, молнии зажглись,
И флаги красные сурово
Взвились в торжественную высь.

Простой свидетель, не участник,
Я ждал, я верил, я мечтал...

1919

* * *

Что день, то сердце все устaley
Стучит в груди; что день, в глазах —
Тусклей наряд зеленых далей,
И шум и смутный звон в ушах;

Все чаще безотчетно давит,
Со дна вставая, душу грусть,
И песнь, как смерть от дум избавит,
Пропеть я мог бы наизусть.

Так что ж! Еще работы много,
И все не кончен трудный путь.
Веди ж вперед, моя дорога,
Нет, все не время — отдохнуть!

И под дождем лучей огнистых,
Под пылью шумного пути,
Мне должно, мимо роц тенистых,
С привала на привал идти.

Не смею я припасть к фонтану,
Чтоб освежить огонь лица,
Но у глухой судьбы не стану
Просить пощады — до конца!

Путем, мной выбранным однажды.
Без ропота, клонясь, пойду,
И лишь взгляну, томясь от жажды,
На свежесть роз в чужом саду.

1919

БУНТ

В огне ночном — мне некий дух предрек:
«Что значит бунт? — Начало жизни новой.
Объято небо полосой багровой,
Кровь метит волны возмущенных рек.

Великим днем в века пройдет наш век,
Крушит он яро крепы и основы.
Разверзта даль. приять венец готовый,
В сиянии братства входит человек.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты!»

1920

* * *

Не довольно ль вы прошлое нежили,
К былому льнули, как дети?
Не прекрасней ли мир нынешний, нежели
Мертвый хлам изжитых столетий?

Иль незримо не скрещены радио,
Чтобы кричать о вселенской правде,
Над дворцами, что строил Палладио,
Над твоими стенами, Клавдий!

Не жужжат монопланы пропеллером,
Не гремят крылом цеппелины
Над старым Ауэрбах-келлером,
Где пел дьявол под звон мандолины?

На дорогах, изогнутых змеями,
Авто не хохочут ль пьяно
Над застывшими в зное Помпеями,
Над черным сном Геркулана?

А там на просторе, гляньте-ка,
Вспенены китами ль пучины?
Под флотами стонет Атлантика,
Врезают глубь субмарины!

[1920]

* * *

Мы — в народе возрожденном,
Мы — в Республике Труда.
Мы — над старым миром сонным
Вдруг взошедшая звезда,
Мы — мечта тысячелетий,
Мы — земли воскресшей дети,
Те, кто встали навсегда!

Долг наш — тяжек и громаден,
Если вспять отступим мы,
Прежний сумрак, дик и жаден,
Скроет землю в волнах тьмы,

Вновь драконы старой были
Свяжут путами насилий
Волю, совесть и умы.

Да, мы только мира ищем,
Только славя труд поем,
Но подавленным и нищим
Весть высокую несем.
Уклониться мы не можем,
Нет, оружия не сложим,
До конца свой путь пройдем.

Мы нашли в борьбе кровавой
Право жизнью лучшей жить,
Будем рады — то же право
Всем обманутым добыть!
За свободу новой жизни,
За мечту — в своей отчизне
Радость братства утвердить!

29 мая 1920

* * *

Пусть вечно милы посевы, скаты,
Кудрявость рощи, кресты церквей,
Что в яркой сини живут, сверкая, —
И все ж, деревня, прощай, родная!
Обречена ты, обречена ты
Железным ходом судьбы своей.

Весь этот мирный, весь этот старый.
Немного грубый. тупой уклад,
Померкнуть должен, как в полдень брачный
Рассветных тучек узор прозрачный.
Уже, как громы, гулят удары,
Тараны Рока твой храм дробят.

Так что ж! В грядущем прекрасней будет
Земли воскресшей живой убор.
Придут иные, те, кто могучи,
Кто плыть по воле заставят тучи,
Кто чрево пашни рождать принудят,
Кто дланью сдавят морской простор.

Я вижу — фермы под вязью кленов;
Извивы свежих цветных садов;
Разлив потоков в гранитах ярком,
Под легкой стаей моторных барок,
Лес, возвращенный на мудрых склонах,
Листвы гигантской сгущает кров.

Победно весел в блистаньи светов,
Не затененных ненужной мглой,
Труд всенародный, труд хороводный,
Работный праздник души свободной,
Меж гордых статуй, под песнь поэтов,
Подобный пляске рука с рукой.

Ступив на поле, шагнув чрез пропасть,
Послушны чутко людским умам,
В размерном гуле стучат машины,
Взрывая глыбы под взмах единый,
И, словно призрак, кидают лопасть
С земли покорной, ввысь, к облакам.

22 июля 1920

* * *

Я вырастал в глухое время.
Когда весь мир был глух и тих,
И людям жить казалось в бремя.
А слуху был ненужен стих

Но смутно слышалось мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом всенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен Февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конеч, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

1920

* * *

Когда стоишь ты в звездном свете,
Смотря на небо, не забудь,
Что эти звезды, блески эти
И те, что слиты в Млечный путь,—

Все это — солнца огневые,
Как наше солнце, и кругом
Плывут шары земель,— такие,
Как шар земной, где мы живем.

В просторном океане неба,
Как в жизни нашей,— тот же круг:
Там тот же бодрый труд для хлеба,
Та ж радость песен и наук!

1920

ДВОРЕЦ ЦЕНТРОМАШИН

Из тьмы, из бездн иных столетий,
Встает, как некий исполин,
Величествен в недвижимом свете,
Центродворец мото-машин.

Сталь ребер он согнул высоко,
До облаков внес два плеча;
Циклопа огненное око
Слепит неистовством луча.

Хребет залег, горе подобный,
Стеклянной чешуей повит:
Но днем и ночью жар утробный
Сквозь тело тусклое разит.

Растя до звезд, он в глуби вдвинут,
В земные недра тяжко врос,
И горы легких не остынут,
Дыша в просторы гулом гроз.

Кипит расплавленное чрево,
Дрожит натруженная грудь,
Крутятся, из алчущего зева
Исходит в дымном клубе муть.

Огромной грудой угля сытый,
Дракон бескрылый, не устань!
Над распрями стихий — гуди ты
Призыв на вековую брань!

Вращайтесь, мощные колеса,
Свистите, длинные ремни,
Горите свыше, впрямь и косо,
Над взмахами валов, огни!

Пуды бросая, как пригоршни,
В своем разлете роковом,
Спешите, яростные поршни,
Бороться с мертвым естеством!

А вы, живые циферблаты,
Надменно-медленным перстом,
Безумьем точности объаты,
Вносите молча над числом!

Здесь — сердце города, здесь — в жилы
Столицы льются, вновь и вновь,
Незримо зиждущие силы,
Ее божественная кровь;

Чтоб город жил в огнях оконных,
В пылании лун на площадях;
Чтоб гром трамваев неуклонных
Не молк на спутанных путях;

Чтоб в кино быстрые картины
Сменялись в мерной чередѣ;
Чтоб дружно лязгали машины,
Пот нефтяной струя в труде!

Ревя, зверь мощный, множь удары,
Шли токи воля, не ослабей,
Чтоб город, созидатель старый,
Дышал свободно грудью всей,

Чтоб он, тебе предав заботы,
Тобой храним на всем пути,
За грань, сквозь толщу тайн, в высоты,
Мог мысль победную взнести!

17 декабря 1920

* * *

Мечта, внимай! Здесь, в полночи бездонной,
Где изнемог мрак, пологи стеля,
Как враг врагу, как другу брат влюбленный,
Тебе кричит, верша свой круг, Земля:

«Довольно, люди, грозных распрь! устала
Я дым вдыхать, кровь телом всем впивать!
Иль вам убийств, слав, дележей — все мало?
К оливе мира длань! — вас молит мать.

Взрыт океан огнем эскадр бродячих,
Поля пальбой дрожат до тучных недр,
Пожаров буйный блеск слепит незрячих...
Смиритесь, дети! дар мой будет щедр.

Грызите грудь мне остро-тяжким плугом,
Вдвигайте в чрево камни стройных стен,—
Но пусть с Востоком Запад, Север с Югом
Признают вновь мой дружественный плен!»

— Нет, мать Земля, молчи! ты миллиарды
Веков жила, чтоб встретить этот век;
Рождались черви, ящеры и парды,
Но смысл твоих рождений — человек!

Теперь он встал, чтоб жизнь твою осмыслить,
Твои дела венчать своим венцом.
Он смеет ныне мыслить, мерить, числить,
Он во вселенной хочет стать творцом.

Гул наших битв есть бой святой, последний,
Чтоб земли все связать в единый жгут,
Все силы слить в один порыв, победней
Взнести над миром мудро-дружный труд.

Земля, смотри! упор единой выи
Ввысь всюду взводит светлый ряд аркад;
Рабы нам воды, ветры, все стихии,
Ты вся — эдем, ты вся — поющий сад.

Мы челны шлем путем междупланетным,
Мы учим правде звездных мудрецов,
Твой мир несем мы, именем заветным
Твоим крестим мы жизнь иных миров.

Тебе, Земля, путь устроаем новый,
Твой, мощью знаний, оживляем прах,
Жуть вечных далее одолев, готовы
От солнца к солнцу плыть в эфирных днях!

[1920]

БОЛЕЗНЬ

Демон сумрачной болезни
Сел на грудь мою и жмет.
Все бесплодной, бесполезней
Дней бесцветных долгий счет.

Ночью сумрак мучит думы,
Утром светы множат грусть.
За окном все гулы, шумы
Знаю, помню наизусть.

То, что прежде так страшило,
Стало близким и простым:
Скоро новая могила
Встанет — с именем моим.

Что ж! порвать давно готов я
Жизни спутанную нить, —
Кончив повесть, послесловья
Всем понятного не длить.

Только жаль, мне не дожидаться
До конца тех бурь слепых,
Что гудят, летят, крутятся,
Над судьбой племен земных,

Словно, бывши на спектакле,
Пятый акт не досмотреть
И уйти... Куда? — во мрак ли,
В свет ли яркий?..

Мысль, ответь.

1920

* * *

Снова сумрак леса зелен,
Солнце жгуче, ветер чист;
В яме, вдоль ее расселин
Тянут травы тонкий лист.

Сквозь хвою недвижных елей
Полдень реет, как туман.
Вот он, царь земных веселий,
Древний бог, великий Пан!

Здравствуй, старый, мы знакомы,
Много раз я чтил тебя.
Вновь пришел, мечтой влекомый,
Веря, радуясь, любя.

Я ль не славил, в вещей песне,
Запах листьев, ширь полян —
Жажду петь еще чудесней:
Милый Пан! я счастьем пьян.

Старый, мудрый, стародавний,
Ты поймешь ли в этот день,
Что восторг любви — державней,
Чем высоких сосен тень?

Что лишь в час, когда ликуем
Мы от новых страстных ран,
Сладко метить поцелуем
Шерсть твою, Великий Пан!

1920

* * *

Последние дымы войны
Еще стелются в газетах.
Вековые сны
Плоть принимают в декретах.
В каждом дне — затаенный гром,
И на все кругом
Новая маска надета.

А где-то,
В переулке,
На продажу заколоты белые булки,
Из корзины таращит глаза сирень,
А ночью в скверике,
Прижавшись в тень,
Двое бессонных
Влюбленных
Открывают Америки.

1921

* * *

Дни для меня не замысловатые фокусы,
В них стройность математического уравнения.
Пусть звездятся по водам безжизненные лилии,
Но и ало пылают бесстыдные крокусы.
Лишь взвихренный атом космической пыли я,
Но, тем не менее,
Эти прожитые годы
(Точка в вечности вечной природы)
Так же полны значения,
Как функция $\sin x$ — $\cos x$ — ноль.
Богомольно сгибало страдание страсти,
К золотым островам уводили наркотики,
Гулы борьбы оглушали симфонией,
В безмерные дали
Провал разверзали,
Шелестя сцепленьями слов, библиотеки.
Но, с горькой иронией,
Анализируя
Переменные мигот и лет,

Вижу, что миру я
Был кем-то назначен,
Как назначены эллипсы солнц и планет.
И, когда, умиленным безумьем охвачен
Иль кротко покорен судьбе,
Я целую чье-то дрожащее веко,
Это — к формуле некой
Добавлю я «*a*» или «*b*».

26 февраля 1921

* * *

Еще раз, может быть, в последний,
Дороги выбор мне дарован,
На высях жизни, здесь, где воздух
Прозрачной ясностью окован,
Где жуть волшебней, заповедней,
Где часто, на порфирных скалах,
В сны без надежд проснуться — роздых
Склоняет путников усталых.

Высок бесстрастно купол синий,
Внизу, как змей извивы, тучи,
Под ними грива острых сосен,
Чу! водопад с соседней кручи...
Я ль не над миром, на вершине?
И ропщет ветер с лживой лаской:
Усни! Довольно зим и весен,
Путь завершен, стань вечной сказкой!

Не верю! Посох мой не сломан,
И тропы вьют к иным высотам,
Чрез новый лог, былых — огромней,
Где шумен пчел разлет по сотам,
Где легких птиц певучий гомон,
Где высь безмерней, даль бескрайней,
Где, может быть, припасть дано мне
К твоей, Любовь, предельной тайне!

28 февраля 1921

ПОЭТУ

Гном

Верь в звук слов:
Смысл тайн — в них, —
Тех дней зов,
Где возник стих.
Дай снам власть,
Пусть вихрь бьет;
Взвей стяг — страсть:
Путь вдаль — взлет!

13 октября 1921

* * *

Созвучья слова не случайны!
Пусть связь речений далека,
В ней неразгаданные тайны
Всегда живого языка.

К словам от слов, от мысли к мысли
Сплетенье верных рифм ведет;
И строфы, как гирлянды, свисли
Над глубиной прозрачных вод.

В заветной правде отражений
Удвоены, углублены —
Все истины земных стремлений,
Все наши праведные сны.

Поэт, живи в волнах созвучий,
Лови их радость на лету,
Чтоб, в звонких песнях, стих певучий
Замкнул крылатую мечту.

Ограждена двоякой гранью,
Бессмертью возвращенный прах,
Она смущенному сознанию
Сияет радугой в веках!

1922

* * *

Любы глазу родные привычки,—
Он просторы вдыхал не всегда ль!
И так хочется взять в кавычки
«Нивы», «небо» и «даль».

У реки замлелое стадо,
Василек на крутой борозде...
Какая пустая бутада,
Говорить, что отчизна везде!

Пой, семья мировая,
Победительный гимн труда!
Но каждый, незабудку срывая,
Не забудет родного пруда!

Мечтай о спайке великой
В союз всех восьми планет;
От России темной, безликой,
От матери отреченья нет!

[1922]

БУДУЩЕЕ

Будущее:
Интереснейший из романов!
Книга, что мне не дано прочитав!
Край, прикрытый прослойкой туманов!
Храм, чья стройка едва начата!

1922

* * *

Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!
Держите к ружьям примкнуты штыки!
Лишь в день, когда лопнет земное терпенье,
С ним цепь милитаризма разлетится в куски.

Чем орды гудели, даль тряся, при Саргоне,
Чем ухали пушки под топот Атилл,—
Нам вчера звенело с аппаратом Маркони,
Сегодня говор газет подхватил.

И бои, где за греком стоит англичанин,—
Перезвон под набатом исторических дат:
Что и сотый век на земле не причален
И к войне против войн вызван красный солдат.

Сентябрь 1922

* * *

Aux Champs-Élysées или на Риджент-стрите,
В кино-смене котелков, колясок, авто,
Улыбаясь, глаза, помыслит ли кто
О давнем, о не здешнем мудреце Демокрите?

Нам светят амперы, в лакеях — телефоны,
Радио по утрам — что кумушка, из газет.
Пусть чей-то лоб сморщен, вычисляя триллионы,
Пусть кому-то досужно на кометы глазеть!

А солнце в пространстве падает куда-то,
И крутится следом земля меж планет.
По спирали разбегу где первая дата?
Столба призового где стрелки? Их нет.

И система такая же, в таком же вращеньи,
Малый атом: там солнце, там планеты в бегу;
Но там взрывы, отлеты прочь, без возвращенья,—
Разбитые бриги на морском берегу.

Но на выю природы все уверенней, строже
Налагает Наука золотое ярмо.
Эй, Земля! берегись! в пустоте бездорожий,
Мы, быть может, тебя повернем кормой!

Свою борьбу с человеком, Элементы, вы длите ль?
Покоряйтесь, как тигры в клетке рыча!
Завещал нам победу древний мыслитель:
Расщепленный атом — Архимедов рычаг!

1922

ШАРМАНКА

Не запела, застонала,
Заскрипела то, что знала
И забыла,— была иль сон?
Песня — вздохи, пляска — стон:
Скорбный вопль за блеском балльным,
Вальс в напеве погребальном...
Вздрагнет, охнув, ржавый вал,
Кашель старческий обронит,—
И мазуркой вновь хоронит,
Плачем правит карнавал.

Наших бабушек приманка,
Как ты, шамкая, шарманка,
До трамваев дожила?
Краска с ящика сошла,
Доски гнилы, слева, справа;
Лишь на створке — немец бравый,
В шляпе — длинное перо.
Петь ты хочешь дряхлым хрипом,
Но, под полинялым трипом,
Ох, скрипит, болит нутро!

Звуки, словно в стужу, дрогнут.
А старик, над старой согнут,
Вертит, вертит рукоять...
Эй, бедняк! чего стоять!
Все — кто в кино, кто на даче...
Или ты не ждешь подачи,
Нищий мейстер? — что пятак!
Только б стоном удлиненным
Жить в былом, в похороненном:
Плакать можно ведь и так!

1923

* * *

Развертывается скатерть, как в рассказе о Савле,
Десятилетия и страны последних эпох;
Что ни год, он сраженьем промечен, прославлен,
Что ни дюйм, след оставил солдатский сапог.

Война на Филиппинах; война в Трансваале;
Русско-японская драма; гром на сцене Балкан;
Наконец, в грозном хоре,— был трагичней едва ли
Всеевропейский, всемирный кровавый канкан!

Но всхлип народов напрасен: «Поторговать бы мирно!»
Вот Деникин, вот Врангель, вот Колчак, вот поляк;
Вот и треск турецких пулеметов под Смирной,
А за турком таясь, снял француз шапокляк.

Жизнь, косясь в лихорадке, множит подсчеты
Броненосцев, бипланов, мортир, субмарин...
Человечество — Фауст! иль в музеях еще ты
Не развесил в досталь батальных картин?

Так было, так есть... неужели так будет?
«Марш!» и «пли!» — как молитва! Первенствуй, капитал!
Навсегда ль гулы армий — музыка будней?
Красный сок не довольно ль поля пропитал?

Пацифисты лепечут, в сюртуках и во фраках;
Их умильные речи — с клюквой сладкий сироп...
Но за рынками гонка — покрепче арака,
Хмельны взоры Америк, пьяны лапы Европ!

1923

УЛЬТИМАТУМ ВЕСНЫ

Каждогодно все так же, из миллионолетия в новыс,
В срочный день объявляет весна ультиматум,
Под широтами дальними на время основывая
Царство, где оборона отдана ароматам.

И поэты все так же, новаторы и старые,
Клянутся, что не могут «устоять при встрече»,
И церемонимейстер, с мебели бархат снега спарывая,
Расстилает парчу зелени вдоль поречий.

Каждое эхо, напролет не сутки ли,
Слушает клятвы возобновленных влюбленных,
Даже глядя на город, в каменной сутолке
Око синего неба становится ослепленным.

В этот век — черед мой; по жребии назначенный,
Должен я отмечать маятник мая,
Поблаторять в строфах, где персиначены,
Может быть, славословья Атлантиды и Майи.

Служить, не стыдась, весне, ее величеству,
Слагаю вновь, мимоходом, в миллионолетиях — году,
С травами, зеленью, небом, со всем, что приличествует
Природному поэту — очередную оду.

28 марта 1923

ТОВАРИЩАМ ПОЭТАМ

Нам кричат, нам грозятся товарищи:
«Нас манить ли к моренному морсу?
Хоть из-за моря крепче товар ищи,
Не по радио, ну так по морзу!»

Все равно, на Клондайк ли, в Камбодже ли.
Только было б и остро и пьяно!
Руки вверх! Мы казенный штамп отжили —
Вальс водить под ла-ла фортецяно.

Новым словом да в грудь до на-вылета,
Новой рифмой, да в мозг, чтоб засла!
Если жизнь белым пламенем вылита
В форму, лопнет сонет иль газелла.

Вы в ответ нам: отравное месиво?
Сахар, горечь, соль, уксус? — Но едко!
Вам же преснь! это — рок, это — месть его
Всем, кто вставлен клишейной виньеткой!

Эй, потише, потише, товарищи!
Нам не знать ли, что значит — ударить?
Но довольно ль надеть шароварища,
Чтобы вышел персидский царь, Дарий?

Слово сильно, и рифма сильнее еще...
Но есть мысль! мысль! ее вы забыли ль?
А по тверди, поныне синеющей,
Всё рассыпаны звездные пыли:

И не скучно ль вам, будто бы мудрости
Повторять, что оскосмин знакомей!
Это значит — на песне хомут растить,
Не пахать — сыиать в ряд те же комья!

Мир полн тайн, вне, внутри нас. Паук иной —
Тайна! Как же вертеть две-три темы?
Новь — в сознаньи, в познаньи! в науке новь!
Не в словах, как ни строй их в системы.

16 августа 1922

НА СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был Ленин!
Кто громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»

Сюда, под знаменем Советов,
Борцы из армии Труда!
Пусть умер он: его заветов
Мы не забудем никогда!

Он повел нас в последний
И решительный бой,
И к победе мы, Ленин,
Смело шли за тобой!
Мысль твоя твердо знала,
Где наш путь и какой:

С Интернационалом
Воспрянет род людской!
Мы стали вольны, стали сильны,
Нас к торжеству ведет судьба.
И мы кладем на прах могильный
Борца — его призыв: Борьба!

Он громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»
Перед гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был Ленин!

22 января 1924

* * *

Свет обмер, тени наклонились,
Пространней запах слитых лип;
Последний звон заходит, сисясь
Во тьме сдержат надгробный всхлип.

И стала ночь, и снова стало
Пустынно-тихо. Грезит луг,
Спят люди, не вернется стадо,
Реке дано катиться вслух.

Века, века, века учили
Земное — ночью никнуть в сон,
Мять думы дня в слепом точиле,
Закрыв глаза, пить небосклон.

Шныряют совы; шум летучих
Мышей; лет легких мотыльков...
Все это — искры звезд надучих,
Чей мертвый мир был далеко.

Нам солнца ждатель! Нам тьма — граница,
Нам тишь — черта меж гулов дней.
Наш мозг в дыханьях трав гранится,
Нам в снах вся явь борьбы видней.

18 мая 1924

DOLCE FAR NIENTE

Под столетним кедром тепл...
Tertia vigilia.

И после долгих, сложных, трудных
Лет, — блеск полуденных долин,
Свод сосен сизо-изумрудных
В чернь кипарисов, в желчь маслин;

И дали моря, зыбь цветная,
Всех синих красок полукруг,
Где томно тонет сонь дневная,
Зовя уснуть — не вслух, не вдруг...

Расплавлся полдень; зорь аркады,
Приблизясь, шлюют ручьи огня...
Но здесь трещат, как встарь, цикады,
И древний кедр признал меня.

Щекой припасть к коре шершавой,
Вобрать в глаза дрожанья вод...
Чу! скрипнул ключ, издавна ржавый,
Дверь вскрыта в сон былой,— и вот,

Пока там, в море, льются ленты,
Пока здесь, в уши, бьет прибой,
Пью снова dolce far niente
И, в юность возвращен судьбой.

8 июля 1924
Алушка

* * *

Краткими складками взморщи,
Ветер, пугливую гладь,
Пленную пену на взморьи
К темным утесам приладь!

Ветер! мы вместе взбивали —
Вспомни, верхушки олив,
Где им любовь напевали
Волны, взбегая в залив;

Ветер,— припомни,— пьянели
Вместе мы в снах миндалей,
Ты на лету пол не мне ли:
«Первую кручь одолей!»

Выше, где смолы сквозь горный
Воздух плывут, как пары,
Рыли мы древние горны
Гномов третичной поры,

После, сронив ароматы,
Прянув за грани скалы,
Мчались мы с бурей косматой
Тмином и мятой яйлы!

Ветер с мохнатых магнолий,
Ветер, мой давний свояк!
Прошное кануть могло ли,—
Утром задутый маяк?

Ветер, лихой запевало,
Гладь синеватую брось!
Чтоб на яйлу, как бывало,
Нам закружиться не врозь!

17 июля 1924

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании избранных произведений В. Я. Брюсова в первый том включены стихи и поэмы, написанные за время с 90-х годов по 1924 год, во второй том — переводы и литературно-критические статьи.

В расположении материала соблюдены принципы, установленные поэтом при издании им своих сочинений. Этим объясняется последовательность книг, из которых взяты стихи, и порядок расположения стихотворений внутри книг и циклов. Циклы, как правило, объединялись поэтом по тематическому, а не строго хронологическому принципу.

Тексты стихов первого тома заново сверены как с печатными, так и с рукописными редакциями. Брюсов до последних дней не прекращал работы над своими стихами и многие из них исправлял и дополнял. Некоторые из этих исправлений и вариантов воспроизведены в тексте, в отдельных случаях даны в примечаниях.

Все даты заново проверены по имеющимся рукописям; при отсутствии авторской датировки в рукописи приводится дата первой публикации, на что особо указывается в примечаниях.

При обозначении изданий, где впервые были опубликованы и по которым печатаются стихотворения в настоящем томе, приняты следующие условные сокращения:

Венок — В а л е р и й Б р ю с о в. Στέφανος. Венок. Стихи 1903—1905 гг. Книгоиздательство «Скорпион», М. 1906.

Все нап. — В а л е р и й Б р ю с о в. Все напевы. Стихи 1906—1909 гг. Книгоиздательство «Скорпион» («Пути и перепутья». Собрание стихов, т. III), М. 1909.

В т. дни — В а л е р и й Б р ю с о в. В такие дни. Стихи 1919—1920 гг. Государственное издательство, М. 1921.

- Дали* — В а л е р и й Б р ю с о в. Дали. Стихи 1922 г. Государственное издательство, М. 1922.
- Зерк. т.* — В а л е р и й Б р ю с о в. Зеркало теней. Стихи 1909—1912 гг. Книгоиздательство «Скорпион», М. 1912.
- Избр. «Academia»* — В а л е р и й Б р ю с о в. Избранные стихи. Редакция, вступительные статьи и комментарии Игоря Поступальского. Материалы к биографии Валерия Брюсова — Иоанны Брюсовой. «Academia», М.—Л. 1933.
- Избр. 1945* — В а л е р и й Б р ю с о в. Избранные стихотворения. Составление и редакция Иоанны Брюсовой. Вступительная статья А. Мясникова. Государственное издательство художественной литературы, М. 1945.
- Избр. произв., I* — В а л е р и й Б р ю с о в. Избранные произведения. Стихотворения 1894—1904 гг., т. I. Государственное издательство, М.—Л. 1926.
- Избр. произв., II* — В а л е р и й Б р ю с о в. Избранные произведения. Стихотворения 1905—1912 гг., т. II. Государственное издательство, М.—Л. 1926.
- Избр. произв., III* — В а л е р и й Б р ю с о в. Избранные произведения. Стихотворения 1913—1914 гг., т. III. Государственное издательство, М.—Л. 1927.
- Кн. разд.* — К. Д. Б а л ь м о н т, В а л е р и й Б р ю с о в, М о д е с т Д у р н о в, И в. К о н е в с к о й. Книга раздумий. СПб. 1899.
- Кругозор* — В а л е р и й Б р ю с о в. Кругозор. Избранные стихи. Государственное издательство, М. 1922.
- Меа* — В а л е р и й Б р ю с о в. Меа. Собрание стихов 1922—1924 гг. Государственное издательство, М. 1924.
- Мее* — В а л е р и й Б р ю с о в. Me eum esse (Это — я). Новая книга стихов. М. 1897.
- Миг* — В а л е р и й Б р ю с о в. Миг. Изд. З. И. Гризебина, Петербург — Берлин 1922.
- Неизд. 1928* — В а л е р и й Б р ю с о в. Неизданные стихи (1914—1924). Собранные И. М. Брюсовой. Под редакцией Н. С. Ашукина и А. А. Ильинского-Блюменау. Государственное издательство, М.—Л. 1928.
- Неизд. 1935* — В а л е р и й Б р ю с о в. Неизданные стихи. Редакция и примечания А. Тер-Мартirosяна. Государственное издательство «Художественная литература», М. 1935.
- Опыты* — В а л е р и й Б р ю с о в. Опыты. Книгоиздательство «Геликон», М. 1918.
- П. мечты* — В а л е р и й Б р ю с о в. Последние мечты. Лирика 1917—1919 гг. Книгоиздательство «Творчество», МСМХХ.

- ПП, I* — Валерий Брюсов. Пути и перепутья (1892—1901). Собрание стихов, т. I. Книгоиздательство «Скорпион», 1908.
- ПП, II* — Валерий Брюсов. Пути и перепутья (1892—1905). Собрание стихов, т. II. Книгоиздательство «Скорпион», 1908.
- ПСС, I* — Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов, т. I. Юношеские стихотворения. *Chefs d'œuvre. Me eum esse* (Стихи 1892—1899 гг.). Издательство «Сирин», СПб. 1913.
- ПСС, II* — Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов, т. II. *Tertia vigilia*. Стихи 1897—1901 гг. Издательство «Сирин». СПб. 1914.
- ПСС, III* — Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов, т. III. Стихи 1901—1904 гг. Издательство «Сирин», СПб. 1914.
- ПСС, IV* — Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов, т. IV. *Stephanos*. Все напевы (часть I). Стихи 1905—1909 гг. Издательство «Сирин», СПб. 1914.
- ПСС, XXI* — Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов, т. XXI. Французские лирики XIX в. Издательство «Сирин», СПб. 1913.
- Р. симв., I* — Русские символисты. Выпуск 1. Валерий Брюсов и А. А. Мировпольский. М. 1894.
- Р. симв., 2* — Русские символисты. Выпуск 2. Стихотворения Дарова, Бронина, Мартова, Мировпольского, Новича и др. Издание В. А. Маслова, М. 1894.
- Р. симв., 3* — Русские символисты. Лето 1895 г. М. 1895.
- Сборн. «Сирин»* — «Сирин». Сборник второй, СПб. 1913.
- Семь цв. р.* — Валерий Брюсов. Семь цветов радуги. Стихи 1912—1915 гг. Издание К. Ф. Некрасова, М. 1914.
- Стих. Малая с. 1939* — Валерий Брюсов. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания А. Островского. «Советский писатель». Библиотека поэта. Малая серия № 54, 1939.
- Стих. Малая с. 1952.* — Валерий Брюсов. Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Д. Максимова. Л. 1952.
- Tertia vig.* — Валерий Брюсов. *Tertia vigilia* (Третья стража). Книга новых стихов. 1897—1900. Книгоиздательство «Скорпион», М. 1900.
- Urbi et orbi* — Валерий Брюсов. *Urbi et orbi* (Граду и миру). Стихи 1900—1903 гг. Книгоиздательство «Скорпион», М. 1903.

Фр. лир. Пантсон — Французские лирики XIX в. Переводы в стихах и библиографические примечания Валерия Брюсова, с десятью портретами. Издательство «Пантеон», СПб. 1909.

Шедевры, I — В а л е р и й Б р ю с о в. Chefs d'œuvre (Шедевры). Сборник стихотворений (Осень 1894—весна 1895), М. 1895.

Шедевры, II — В а л е р и й Б р ю с о в. Chefs d'œuvre (Шедевры). Второе издание, с изменениями и дополнениями, М. 1896.

ИЗ КНИГ П «JUVENILIA» («ЮНОШЕСТВО»)

Стр. 43 *Сонет к форме*.— ППС, I; датировано 1892 г. Рукопись с этой датой не найдена. В сохранившейся — 6 июня 1895 г.

Осеннее чувство.— Р. симв., 1, где озаглавлено: «Пролог». Брюсов говорил, что это — подражание Маллармэ. В «Прологе» вторая кватрина читается:

От исхода до завязки
Завернувшись в траур сны,
И безмолвием окраски
Их гирлянды сплетены...

Стр. 44. *Уныние*.— Р. симв., 1, где озаглавлено: «Из Метерлинка», дата: зима 92-93 г. Печаталось в ПСС, I под названием «Уныние», с датой: 1893 г. Рукопись не найдена. Первая строфа обоих стихотворений совпадает, две последние в Р. симв., 1 читаются:

Чтобы в сумраке таинственном
Помрачился свод небес,
И казался снова лиственным
Оголенный бурей лес;

И тогда, счастлив обманами
Под угрозами лучей,
Упиваться буду странными
Повтореньями речей...

Творчество.— Р. симв., 3. Затем в ПСС, I; дата: 1894 г. В рукописи — 1 марта 1895 г. В Р. симв.— без заглавия. Разночтений нет, если не считать знаков препинания.

Брюсов писал в автобиографии: «Русские символисты»... вызвали совершенно несоответствующий им шум в печати. Посыпались десятки, а может быть, и сотни рецензий, заметок, пародий, и, наконец, их высмеял Вл. Соловьев, тем самым сделавший маленьких

начинающих поэтов, и прежде всех меня, известными широким кругам читателей. Имя «Валерий Брюсов» вдруг сделалось популярным — конечно, в писательской среде — и чуть ли не нарицательным.

Если однажды утром я не проснулся «знаменитым», как некогда Байрон, то, во всяком случае, быстро сделался печальным героем мелких газет и бойких, неразборчивых на темы фельетонистов».

Стр. 45. *«Она в густой траве запряталась ничком...»* — Р. симв., 3. Без подписи.

Стр. 46. *«Я с ней повстречался случайно...»* — В первой редакции: «Мы встретились с нею случайно». Впервые — Р. симв., 1. Навеяно стихотворением Гейне «Ein Jüngling liebt ein Mädchen». Эпиграф — «Вот сказка, которой // Быть юной всегда суждено...» — перевод двух первых стихов последней строфы указанного стихотворения Гейне.

Из письма. — Р. симв., 2. В рукописи озаглавлено: «Из письма Марселины Вальмор», там же эпиграф: «Les femmes ne doivent pas écrire — je le sais. — J'écris pourtant» («Женщинам не следует писать — я это знаю. — Но все же я пишу»). Марселина Деборд Вальмор (Marceline Desbordes Valmore) (1787—1859) — французская поэтесса. Переводы из Марселины Деборд Вальмор см. ПСС, XXI.

Стр. 48. *«Звезды тихонько шептались...»* — Р. симв., 1; дата: 16 сент. 1893 г.

Стр. 49. *Встреча после разлуки.* — ПСС, I; дата: 16 авг. 1895 г., в одной из рукописей озаглавлено: «Встреча».

ИЗ КНИГИ «CHEFS D'ŒUVRE» («ШЕДЕВРЫ»)

Стр. 53. *Все кончено.* — ПСС, I. Рукопись без заглавия.

Стр. 54. *Воспоминания о малютке Коре.* — ПСС, I.

Стр. 55. *На журчащей Годавери.* — Шедевры, I. Рукопись с датой: 15 ноября 1894 г., поправки — 30 ноября. Стихотворение было переиздано в ПП, I. Брюсов переработал это юношеское произведение в 1913 г. В настоящем издании приводится текст ПП, I. «Г о д а в е р и — река в Индии. Индусские женщины гадают о любви, пуская по течению рек листья банана с положенными на них цветами. Если лист опрокинется, это предвещает несчастье» (примеч. Брюсова). К а м а или К а м а д е в а — бог любви (инд. миф.), К а л и — богиня, жена главного индийского божества Шива (инд. миф.).

Стр. 56. *С кометы.* — Шедевры, I.

Стр. 57. *Моя мечта.* — Шедевры, I. Печатается по окончательному тексту рукописи. В ПСС, I три первых стиха переделаны Брюсовым.

Львица среди развалин.— ПСС, I. Справа надпись: «Сонет посв. Х. М. Эредиа» (Xavier Maria Heredia, 1842—1905). П а с а р г а д а — ныне развалины древнейшей столицы Персиды (Фарс или Фарсистан). Б э л — бог у вавилонян и других восточных народов — создатель небесного мира, указывающий звездам пути.

Стр. 58. *В старом Париже.*— Шедевры, II. Рукопись озаглавлена: «Из времен Генриха IV».

В прошлом.— Шедевры, I, где озаглавлено: «Давно», в Шедевры, II — «В прошедшем», в ПСС, I — «В прошлом». Рукопись не найдена, дата печатного текста.

Стр. 60. *Туманные ночи.*— Шедевры, II.

Первый снег.— Шедевры, I, где озаглавлено: «У окна»; 4-й стих печатался: «На снегу лучей игра», в Шедевры, II — «Оголенные вчера»; 8-й стих — «Новизной озарены».

Стр. 61. *Подруги.*— ПП, I, где отнесено к «Юношеским стихотворениям».

В камышах.— Шедевры II, где озаглавлено: «Село», как и в рукописи. Брюсов внес поправки для готовившегося нового издания, стих шестой был: «Чей плач нарушает»; последний стих: «Чу! кто-то рыдает... упало весло».

Стр. 62. *Когда бывлые дни я вижу сквозь туман...* — ПСС, I, где отнесено к Шедеврам.

Стр. 63. *Хорошо одному у окна...* — Шедевры, I.

Свиваются бледные тени... — Шедевры, I.

ПЗ КНИГИ «ME EUM ESSE» («ЭТО—Я»)

Стр. 67. *Холод.*— Мее.

Юному поэту.— Мее. Рукопись датирована: 15 июля 1896 г. Кавказ. В ПСС дата: 1896 г.

Стр. 68. *По поводу Chefs d'œuvre.*— Мее. В рукопись внесены поправки, которые вошли в печатный текст.

Стр. 69. *Весна.*— Мее, где, как и в рукописи, нет второй строфы, которая вошла в ПП, I и ПСС, I. В рукописи две зачеркнутые строфы:

Зимнее утро долго и долго ползло.

Вензель в морозных узорах хранило стекло.

Голуби снова садились на снег у окна.

Где-то за морем тогда расцветала весна.

Стр. 70 *«Холод ночи, смерзлись мужи...»* — ПСС, I.

Стр. 71. *«Мы ехали долго, без цели, куда-то...»* — ПП, I.

«Мерный шум колес...» — Мее. В рукописи озаглавлено: «Стихи из путешествия».

Стр. 72 *«Четкие линии гор...»* — Мее.

Вечер. — ПСС, I; в рукописи озаглавлено: «Скитания». Датировано: 27 июня 1896 г., Пятигорск.

«Поезд врывается в древние скалы...» — Мее. Рукопись озаглавлена: «Вечер», датировано: 31 мая 1897 г., у Магдебурга.

Стр. 73. *«Первая русская книга после далеких скитаний...»* — Печатается впервые. Датировано: 1 июня 1897 г. У Горна (Вестфалия).

Стр. 74. *«И снова дрожат они, грезы бессильные...»* — Мее.

«Я помню вечер, бледно-скромный...» — Мее. В рукописи заглавие: «Марии»; датировано: 22 июля 1896 г. Кисловодск. Исправлено — 7-й и 8-й стих первоначально читались:

В моих мечтах ее минуты,
Ее случайные глаза.

«Поблдевшие звезды дрожали...» — Мее. В рукописи заглавие: «Марии», датировано: 24 июня 1896 г. Пятигорск.

Стр. 75. *«Мы бродили, вдвоем и печальны...»* — Мее, где, так же как в рукописи, озаглавлено: «Свидание»; в ПП и в ПСС — без заглавия; датировано: 10 авг. 1896 г. Пятигорск.

«Это матовым вечером мая...» — Мее; дата: 9 сент. 1896 г. Москва.

Стр. 77. *«И ночи и дни примелькались...»* — Мее. 2-я строфа несколько раз переделывалась. Первоначально читалось:

И нет никого на земле
С лучисто ласкающим взором!
Одна паутина во мгле
Висит безобразным узором.

Рукопись датирована: 12 янв. 1896 г. Москва.

Последние слова. — Мее.

Стр. 78. *«Я бы умер с тайной радостью...»* — Кн. разд.; дата: 14 июля 1898 г.

Стр. 79 *«Ни красок, ни лучей, ни аромата...»* — Кн. разд.; дата в рукописи: 10 дек. 1898 г. Птрб.

Стр. 80. *«Тайны мрака побелели»* — Мее. Имеются две рукописи: первая — датированная 1 дек. 1895 г. и озаглавленная: «(Дети) Дочери неба»; вторая — озаглавленная: «Луч денницы», датированная 12 февр. 1896 г.

«Прохлада утренней весны...» — Мее.

Стр. 81. *Утро* («Не плачь и не думай...»). — Мее, где озаглавлено: «Утро»; в ПСС, I — без заглавия.

«О, когда бы я назвал своею...» — Кн. разд. В рукописи заглавие: «Тень». Эпиграф: «Madame tout pour votre ombre! Henri de

Régnier». Навеяно стихами, которые были напечатаны в *Revue de Paris*, Septembre 1897.

Стр. 82. *Числа*. — Кн. разд.

Стр. 83. *Идеал*. — Шедевры, I.

Стр. 84. *Сон пророческий*. — Мес.

ИЗ КНИГИ «TERTIA VIGILIA» («ТРЕТЬЯ СТРАЖА»)

Tertia vigilia. — В первом веке н. э., при Августе, был организован в Риме корпус вигильев, то есть стражников города. Последняя смена стражи, перед рассветом, называлась третьей стражей.

Стр. 89. *Я*. — *Tertia vig.*, без заглавия, которое впервые появляется в III, 1. *А с т а р т а* — у финикийцев и сирийцев — богиня луны и созвездий, в честь которой устраивались празднества. *Г е к а т а* (греч. миф.) — олицетворяла трех богинь: Луну — в небе, Диану — на земле, Прозерпину — в аду. Чаще всего Геката почиталась богиней преисподней. *Л и к е и* — крытая галерея в Афинах, где философы обучали своих учеников философии, риторике, политике и т. п. *А к а д е м и я* — философская школа в Афинах, получившая название от грека Академа, была основана в 380 г. до н. э.

Стр. 90. «*Ребенком я, не зная страху...*» — Впервые — «Северн. цветы», 1, 1901 г., затем в *Urbi et orbi*, где озаглавлено: «*Tertia vigilia*»; в ПСС, I — без заглавия и отнесено к книге «*Tertia vigilia*», с поправками: 4-я строфа, первый стих: «Я наконец» — было: «И ныне я», 3-й стих: «И обагрила» — было: «И заливает».

«*Давно ушел я в мир, где думы...*» — *Tertia vig.*, в ПСС, II; стихотворение по ошибке напечатано также в первом томе, где отнесено к Мес. В рукописи вместо заглавия — К.

Стр. 91. *Ассаргадон*. — Кн. разд. Датировано: 17 дек. 1897 г. *А с с а р г а д о н*, вернее Асар-Гаддон (707—667 гг. до н. э.), по-ассирийски: Ашурахид дин — ассирийский царь. Высеченная им на скале надпись о его подвигах в Нар-эль-Кельбе (Сирия) сохранилась до наших дней. *С и д о н* — один из городов Финикии, разрушенный Ассаргадоном, позднее Сидон был восстановлен; теперь это Саида или Сеида, приморский город в Азиатской Турции. *Э л а м* — древнее государство, расположенное к востоку от Ассирии.

Халдейский пастух. — *Tertia vig.*

Древнегреческие историки называли халдеями кочевников по устьям рек Тигра и Евфрата на северо-западном берегу Персидского залива. С древнейших времен халдеи считались звездочетами; они занимались астрономией, математикой, философией.

Стр. 92. *Жрец Изиды*. — *Tertia vig.*, где озаглавлено: «Ученик». В позднейших редакциях — «Жрец Изиды» (ПСС, II). И з и д а — египетская богиня Исет (греч. транскрипция), дочь Неба и Земли, супруга Озириса. Изиду почитали как мудрую и знающую все сокровенное. Ф и в ы — столица Египта в период Среднего царства, была расположена в Верхнем Египте на обоих берегах Нила. Ф т а или П т а — египетское божество, вначале только мемфисское, бог творец и бог мертвых. Приводим первоначальный вариант этого стихотворения:

У Ч Е Н И К

Я жрец Изиды светлокудрой,
Я ученик во храме Фта,
И мне в потомстве имя — мудрый,
Затем что жизнь моя чиста.

Но на пути годичном в Фивы,
На палубе я солнца ждал.
Чуть Нил влачил свои проливы,
Там где-то плакался шакал.

И женщина в покрове белом
Пришла на пристань у кормы
И стала в трепете несмелом
Перед порогом водной тьмы.

И наш корабль, качаясь мерно,
Чернел громадой перед ней,
А я с молитвой лицемерной
Укрылся в таинстве теней.

И словно чуя, кто-то рядом,
Та, в белом женщина, ждала,
И мглу пронизывала взглядом;
Но дрогнула пред утром мгла.

И было то мгновение смутно:
Я слышал плеск ночной воды,
Повеял ветерок попутный,
Вдали означились сады.

Зов кормщика раздался явно,
Вознесся якорь с быстротой,
И наш корабль, качаясь, плавно
Пошел — от пристани пустой.

Я жрец Изиды светлокудрой.
Я ученик во храме Фта,
И мне в потомстве имя — мудрый,
Затем что жизнь моя чиста.

Стр. 93. *Психея*.— *Tertia vig.* П с и х е я — простая смертная девушка, красавица, возлюбленная Э р о т а — бога любви, сына Киприды (Афродиты), богини любви и красоты (*греч. миф.*). А р е с — грозный и жестокий бог войны (*греч. миф.*); у римлян — М а р с.

Стр. 94. *Александр Великий*.— *Tertia vig.* В этом издании (и в следующем — ПП, I) печаталась 11-я строфа, позднее выпущенная:

Как хорош ты был, Могучий, с блеском гнева на лице!..

Разошлись войска, как тучи; ты один в своем дворце.

А л е к с а н д р В е л и к и й (356—323 гг. до н. э.) — македонский царь, великий полководец, сын Филиппа Македонского. Г а в г а м е л ы, С а р д ы, С у з ы, В а в и л о н — города, завоеванные Александром Великим. Ф а л а н г а — отряд пехотинцев, вооруженный пиками; македонская фаланга в большой мере способствовала успешным завоеваниям Александра Великого. Д а р и й III К о д о м а н — последний персидский царь, побежденный Александром Великим при Гавгамелах. А м м о н — ливийское божество. Р о к с а н а — жена Александра Великого.

Стр. 95. *Амалтея*.— Кн. разд. А м а л т е я — одна из сибилл. Греки и римляне называли сибиллами бродячих гадалщиц-предсказательниц. Амалтея — кумская сибилла (Кумы — эолийский город в Италии). А в е р н о — озеро, из которого подымались ядовитые испарения.

Скифы.— *Tertia vig.*, где озаглавлено, как и в рукописи: «К скифам». Вместо эпитафия — «Скифский рисунок. Моск. истор. музей, зал № 20». Рукопись не датирована; приблизительно — дек. 1899 г.

Стр. 96. *Клеопатра*.— *Tertia vig.* В рукописи вместо эпитафия — Rider Haggard. К л е о п а т р а — египетская царица (69—30 гг. до н. э.). Л а г и д ы — египетская династия. После того как Александр Македонский (в 332 г. до н. э.) покорил Египет и воздвиг Александрию, им был назначен правителем города и хранителем в нем греческой культуры — П т о л о м е й. Пресмником Птоломей был его сын, Л а г. Потомки Лага — Л а г и д ы.

Стр. 97. *Старый викинг*.— *Urbi et orbi*; при издании ПСС, II стихотворение перенесено в книгу *Tertia vig.* В и к и н г и — предводители норманских дружин, которые прославились своими набегами.

Данте.— *Tertia vig.* Д а н т е А л и г ъ е р и (1265—1321) — великий итальянский поэт, автор «Божественной Комедии» и книги лирических стихов «Новая жизнь». Данте жил в смутное время, когда жестокая и длительная война г в е л ь ф о в — папской партии («черных») и г и б е л л и н о в — партии имперской («белых») приходила к концу. Участвуя в политической жизни своей страны, выступал как сторонник гибеллинов, по тем временам прогрессив-

ной партии. После победы гвельфов жил в изгнании и был заочно приговорен к смертной казни через сожжение. «Божественная Комедия» — первая книга, написанная на итальянском языке, а не на латинском. Данте умер в Равенне.

Стр. 98. *Данте в Венеции*.— ПСС, II. В рукописи имеются два других окончания; приводим одно из них, после 9-й строфы в тексте:

И смолкли голоса почных забав;
На пришлеца взирая в дрожи смутной,
Познал невольно каждый, что неправ...

Но скрылся в тенях странник бесприютный —
Случайный отблеск будущих веков,
Как будто был и минул — сон минутный!

И громко грянул говор голосов,
И в вечность снова затворились двери...

Датированы оба варианта, как и окончательная рукопись: 18 дек. 1900 г.

Стр. 99. *Флоренция Декамерона*.— *Tertia vig.*, как и в последующих изданиях — без вариантов, по в ПСС, I — первый стих изменен:

Вы, женщины Флоренции — о вас...

Декамерон — сборник повелл Джованни Боккаччо (1313—1375). Флорентиец Боккаччо — один из первых гуманистов эпохи Возрождения. Его «Декамерон» — яркое описание быта и нравов эпохи, отличающееся реализмом, живым языком, веселостью, иногда излишней откровенностью бытовых сцен. Многие новеллы «Декамерона» проникнуты духом иронии, насмешкой над монашеским аскетизмом и лицемерием.

Стр. 100. *Баязет*.— Кн. разд. Баязет (1360—1403) — турецко-османский султан, сын султана Мурата (1319—1389). Баязет завоевал Болгарию, Македонию, Фессалию, Боснию, разбил при Никополе короля Чехии и Венгрии, осадил Константинополь, но в Малой Азии во владения Баязета вторгся Тамерлан, или Тимур. Баязет снял осаду Константинополя и с небольшим отрядом устремился к своему врагу. В сражении при Ангоре Баязет был разбит и взят в плен.

Дон Жуан.— *Tertia vig.* В рукописи эпиграф «*La luna llena*» («Ясная луна»). Дон Жуан, или Хуан — легендарный герой испанской литературы, один из наиболее популярных образов мировой литературы.

Стр. 101. *Мария Стюарт*.— *Urbi et orbi*, по в ПСС, II отнесено к *Tertia vig.* Мария Стюарт (1542—1587) — шот-

ландская королева. Воспитывалась во Франции при королевском дворе, шестнадцати лет была выдана замуж за Франциска II (1544—1560), ставшего королем Франции. После смерти английской королевы Марии Тюдор, Мария Стюарт приняла титул английской королевы, как правнучка Генриха VII, и, вернувшись в Шотландию, объятую смутой, возглавляла борьбу католической реакции с реформацией в Англии; отказалась признать законной наследницей Марии Тюдор ее сестру Елизавету, которой впоследствии была заточена в тюрьму и после восемнадцатилетнего заключения казнена.

Разоренный Киев.— ПСС, III. В стихотворении говорится об осаде Киева Батыем в 1240 г. Десятиная церковь — заложена в Киеве (989 г.) великим князем Владимиром, который выделил десятую часть (десятину) своих княжеских доходов на содержание этой церкви. Золотые ворота — в Киеве, построены великим князем Ярославом около 1037 г., когда город был обведен земляным валом со многими воротами. «Золотые» — главные ворота.

Стр. 102. *Наполеон.*— *Urbi et orbi.* В рукописи озаглавлено: Ода «Наполеон» (Из любимцев веков). В ПСС, I отнесено к *Tertia vig.*; в ПП, I — к Мее. В рукописи восемь строф, печаталось во всех изданиях семь. Начальные строфы и последние совпадают, кроме небольших разночтений. Приводим первоначальную редакцию, начиная с третьей строфы:

Ты вышел на борьбу несмело,
Не понимал своей судьбы,
Но пред тобой все онемело,
Ты ждал опоры: — все рабы!

Забыв свои войска в Каире,
Ты плыл, скрываясь как беглец.
Но гул восторга грянул в мире.
И подал мир тебе — венец!

Ты опьянял вином свободы,
Ты как пращой метал войска.
Столетия обращая в годы,
Ломал, что строили века.

Тебе удач все было мало.
Ты шел вперед, круша, дробя.
И, наконец, вселенной стало
Невмоготу носить тебя.

Она дохнула полной грудью...

Далее — как в тексте.

Стр. 103. *«Волны избегают и пенятся...»* — *Tertia vig.*

«Звезда затеплилась стыдливо...» — *Tertia vig.* Дата: 20 апр. 1898 г. Алупка.

«У перекрестка двух дорог...» — *Tertia vig.*

Стр. 104. *«Месяца свет электрический...»* — Tertia vig.
«Лежу на камне, солнцем разогретом...» — Tertia vig. В рукописи озаглавлено: «Море».

«Где подступает к морю сад...» — Tertia vig.

Стр. 105. *«Словно птица большая...»* — Tertia vig.

«Весь день был тусклый, бледный и туманный...» — Tertia vig.

«День растоплен; море сине...» — Tertia vig.

Стр. 106. *«Кипит встревоженное море...»* — Tertia vig.

«Волны приходят, и волны уходят...» — Tertia vig.

«Мерно ъдет дорога...» — Tertia vig. Под стихотворением: «За Чатырдагом».

Стр. 107. *«Обошла тропы утес...»* — Tertia vig.

«Небо чернело огнями...» — Tertia vig.

«Ветер с моря волны гонит...» — Tertia vig. Дата: 27 мая 1900 г. Ревель.

Стр. 108. *«Из-за облака скользящий...»* — Tertia vig. Дата: 5 июня 1900 г. Ревель.

Закат. — Tertia vig. В рукописи эпиграф:

И пыльный вечера пожар
Волна морская поглотила.

(Тютчев.)

Еще закат. — Tertia vig. Дата: 28 июня 1900 г. Катериненталь, близ Ревеля.

Стр. 109. *«Море — в бессильном покое...»* — Tertia vig.

Стр. 110. *Городу.* — Tertia vig. В рукописи озаглавлено: «К городу».

«Когда сижу один и в комнате темно...» — Tertia vig.

Стр. 111. *«Когда опускается штора...»* — Tertia vig.

«Люблю вечерний свет, и первые огни...» — Tertia vig.

«Я видел искры от кирки...» — Tertia vig.

Стр. 112. *«В борьбе с весной редет зимний холод...»* — Tertia vig. Рукопись озаглавлена: «Шутка».

Стр. 113. *Женщине.* — ПП, I. Рукопись озаглавлена: «От века. (Сопет о женщине)».

«Осенний день был тускл и скуден...» — ПП, I.

Стр. 114. *«Я — мотылек ночной. Послушно...»* — ПП, I.

«Роскошен лес в огне осеннем...» — ПП, I.

Стр. 115. *«Настал заветный час дремотный...»* — ПСС, II.

Стр. 116. *«Между двойною бездною...»* — ПСС, II, где — без заглавия, с эпиграфом: «Между двойною бездною...» Ф. Тютчев.

«И небо, и серое море...» — Tertia vig., в ПП, II стихотворение озаглавлено: «Близкой».

Стр. 117. *К портрету М. Ю. Лермонтова*.— ПП, I. В записных книжках «Мои стихи» Брюсов иногда ставил оценку «Хорошо» или «Плохо». Стихотворение в рукописи оценено: «Хорошо».

По поводу сборников «Русские символисты».— Tertia vig.

Стр. 118. *По поводу «Me suis sse»*. — Tertia vig. В рукописи озаглавлено: «Искушения».

К самому себе.— ПП, I. Рукопись озаглавлена: «Из неоконченных стихов».

Стр. 119. *Зеленый червячок*.— Tertia vig., без заглавия, как и в рукописи, где дата: 13 июня 1900 г. Р[евель]. Заглавие впервые дано в ПП, I, где первый стих четвертой строфы: «Каждым вихрем нас погубит» — изменен: «Вихрь иль буря нас погубят».

Стр. 120. *Мыши*.— Tertia vig.

Коляда.— Tertia vig. Дата в рукописи: «Для елки 1900 года 24-го декабря». К о л я д а, или коледа — по-польски Kolęda— колядовать, славить праздник и ходить ряжеными с песнями.

Стр. 121. *Утро* («Ночным дождем повалена...»).— ПП, I. В рукописи — эпиграф из стихотворения Тютчева «Утро в горах»:

Лазурь небесная,
Ночной омытая грозой...

Датирована рукопись: 25 июня 1900 г., Ревель, Екатерининталь.

Стр. 122. *Перед грозой*.—Tertia vig. В рукописи заглавие: «Отрывки и начала».

Стр. 123. *Тени прошлого*.— Tertia vig. Рукопись озаглавлена: «Из венка сонетов». Сонет первый.

Папоротник. — Tertia vig. В рукописи эпиграф из стихотворения Тютчева «В душном воздухе молчания»:

Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы...

Стр. 125. *В неоконченном здании*.— Tertia vig., где напечатано по рукописи с небольшими разночтениями; в последующих изданиях прибавлена строфа после третьей строфы: «Нам страшны размеры громадные».

Стр. 126. *Братьям соблазненным*.— Tertia vig., где печаталось по рукописи; позднее Брюсов переработал последнюю строфу.

Стр. 127. *Отрады*.— Tertia vig.

Стр. 128. *«В мире широком, в море шумящем...»* — Tertia vig., где, как и в рукописи, без заглавия. Позднее, в ПСС, II появилось заглавие: «Мы», вычеркнутое Брюсовым для готовящегося нового издания.

Залог.— Tertia vig.

Стр. 129. *Жернова.*— Tertia vig., где, как и в рукописи, без заглавия, которое впервые появилось в ПП, I. Дата рукописи: декабрь 1898 г. Петербург.

Стр. 130. *Краски.*— Tertia vig. Рукопись с небольшими поправками, внесенными Брюсовым. Дата: 1 дек. 1898 г.

Стр. 132. *Сказание о разбойнике.*— Tertia vig. А. М. Горький в ответ на посланное ему «Сказание о разбойнике» прислал поэту восторженный отзыв.

Стр. 133. *Замынутые.*— Впервые Urbi et orbi, где первоначальный неполный отрывок; позднее в ПП, I и ПСС, II. Дата: Ревель 1900 г. и Москва 1901 г.

Стр. 139. *Первая любовь.*— Tertia vig. В рукописи озаглавлено: «Отрывки из незакопченной поэмы»; зачеркнуты первые четыре стиха:

О детски-первая любовь!
Тыходишь в мир с улыбкой ясной,
Тебе все в этом мире вновь
И все божественно прекрасно.

ПЗ КНИГЫ «УРБИ ЕТ ОРБИ» («ГОРОДУ И МИРУ»)

Стр. 143. *«По улицам узким, и в шуме и ночью, в театрах, в садах я бродил...»* — Urbi et orbi. Впервые напечатано в «Северн. цветах», 1902 г., озаглавлено: «Вступление», под общим заглавием «Мой Песенник». Дата: янв. 1902 г. В рукописи зачеркнута предпоследняя строфа:

И дышит все тяжелей
Мечта под цепью дней,
Печалей и веселий
Как звеня в много в ней.

Стр. 144. *Лестница.*— Urbi et orbi.

Последнее желание.— Urbi et orbi. В рукописи третья строфа читается:

Иль в городе, где стены давят,
Среди подвалов и палат,
Я буду с теми, кто поставят
Векам преграды баррикад.

Стр. 145. *У себя.* — Urbi et orbi. Рукопись не найдена.

Стр. 146. *Побег.*— Urbi et orbi.

Стр. 147. *Работа.*— Urbi et orbi.

Мечтание.— Urbi et orbi. Дата: 1900 г.—1901 (дек.).

Стр. 148. *Искатель.* — Urbi et orbi.

Стр. 149. *Нить Ариадны.*— Urbi et orbi.

Стр. 150. *Блудный сын*.— Urbi et orbi. Рукопись датирована: три первые строфы: Пб., ноябрь 1902 г.; восемь последующих: Москва, дек. 1902 г.; последняя строфа: Пб., янв. 1903 г.

Стр. 151. *У земли*.— Urbi et orbi. Рукопись без даты. Эпиграф из стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу».

Стр. 152. *В ответ*.— Urbi et orbi. Эпиграф в рукописи:

скоро...
Отрешишь волов от плуга
На последней борозде.

(Пушкин.)

Стр. 154. *Детская*.— Urbi et orbi.

Стр. 155. *Путник*.— Urbi et orbi. Рукопись не сохранилась. Датруется: 1903 г.

Стр. 156. *У моря*.— Urbi et orbi.

Стр. 158. *L'ennui de vivre...* — Urbi et orbi. В рукописи — эпиграф из Верлена: «Ennuie de vivre entre les gens et dans les choses»; в переводе с франц. яз.: «Тоска жить среди людей и меж вещей» Рукопись испещрена поправками, есть пропуски строф. Сохранились гранки, правленные Брюсовым; все поправки введены в печатный текст, но, видимо, по вине типографии пропущены четыре стиха, имеющиеся и в рукописи и в гранках. Приводятся в тексте посло предпоследней строфы, вслед за стихом: «И все мои мечты распались горстью цепля».

Стр. 160. *Habet illa in alvo* (Она понесла во чреве — лат.).— Urbi et orbi. Рукопись черновая, где зачеркнуто два стиха:

В тебе — история! в тебе — слова наук!
Мечты пророков, образы Шекспира.

Р е б б е к а, или Реввека, Л и я — типы матерей по библии, первая родила близнецов Исава и Иакова, вторая — шесть сыновей.

Стр. 162. *Париж*.— Urbi et orbi. П е а н (у древних греков) — гимн в честь Аполлона, хвала. «А там за Сеной — приют священный, кругообразный храм и в бездне саркофаг» — могила Наполсона. М а л ь с т р е м — водоворот у Северных берегов Норвегии, образующийся от столкновения волны прилива и отлива.

Стр. 164. *Мир*.— Urbi et orbi. Написано по воспоминаниям ранних лет. Рукопись не датирована; дата по Urbi et orbi.

Стр. 166. *In hac lacrimarum valle*.— Urbi et orbi. Венеция. Печатается с купюрамп. *In hac lacrimarum valle* — «Здесь в долине слез» (лат).

Стр. 168. *Прощальный взгляд*.— Urbi et orbi.

Стр. 169. *К близкой*.— Urbi et orbi. Рукопись озаглавлена: «Ты». Датирована по ПСС, II

«*Не правда ли: мы в сказке...*» — Urbi et orbi. Рукопись — черновой набросок без даты.

Стр. 170. «*Когда твой поезд, с ровным шумом...*» — Urbi et orbi.

Mon règne familier. — Urbi et orbi. Рукопись датирована: 22 мая 1903 г. Старое село (близ Можайска); в ПСС, III неверно указана дата: Петровское-Разумовское, 1903 г. Эпиграф из Лермонтова: «Как часто, пестрою толпою окружен...».

Стр. 172. *Терцины к спискам книг.* — Urbi et orbi. Одна рукопись озаглавлена: «Списки книг», и датирована: апр. 10, 1901 г., другая — черновой набросок без заглавия и даты.

Стр. 174. *Люблю одно.* — Urbi et orbi.

Раньше утра. — Urbi et orbi. Датировано по ПСС. III.

Стр. 175. *Каменщик* («Каменщик, каменщик, в фартуке белом...»). — Urbi et orbi.

Стр. 176. *Голос часов.* — Urbi et orbi. Рукопись датирована: 28 июня, 11 июля 1902 г. Sancta Margherite. Ligure — Санта Маргарита. Лигурия (*итал.*). См. примеч. Брюсова «Молодость мира» («Дали»).

Ночь («Горящее лицо земля...»). — Urbi et orbi.

Стр. 177. *Зимние дымы.* — Urbi et orbi. В рукописи зачеркнуты две строфы. После четвертой:

Там по этим тяжким гудам
Бродит ужас, бродит дума.
Мы парим над этим людом
Мимо жизни, мимо шума.

После шестой:

Сладко нам в открытом поле
Заключать в объятья брата
И вдвсем нестись по воле,
Вместе гаснуть без возврата.

Стр. 178. *Облака.* — Urbi et orbi. Рукопись датирована: 21 авг. 1903 г. Старое село (близ Можайска).

Терем. — Urbi et orbi. Печаталось по чистовой рукописи, черновая датирована: янв. 1901 г. Приводим наиболее существенные разночтения. После пятой строфы:

Сладко в воскресенье слушать дальний клир,
Под огни и пенье — взгляд на чуждый мир,
Днем: игра, салазки, снежная гора.
Вечер: смех и пляски, песня гусяря...

Змей Горыныч, море, статный царский сын,
Радость, ужас, горе — все на миг один.

Стр. 179. *К устью*.— Urbi et orbi. Впервые в «Русск. лпстке», 1 янв. 1904 г., под заглавием: «На новый год». В ПСС, III, дата: 1903 г.

Стр. 180. *Лев святого Марка*.— Urbi et orbi. В Венеции на Пьяцетто (на Малой площади) близ храма св. Марка на гранитной колонне стоит бронзовый крылатый лев с раскрытой книгой, на которой написано: «*Pax tibi, Marce, evangeliste meus*» — «Мир тебе, Марк, евангелист мой» (лат.). Е в а н г е л и с т М а р к — патрон Венеции. Б е л л и н и — знаменитые венецианские художники: Джакомо Беллини (1400—1464) — отец; сыновья: Джентилье Беллини (1427—1507) и Джованни Беллини (1428—1516). Л а г у н а — залив, отделенный от моря песчаной грядой. Венеция расположена на лагуне, венецианская песчаная гряда превратилась в остров Лидо. Т о р к в а т о Т а с с о (1544—1595) — итальянский поэт-лирик, известен эпической поэмой «Освобожденный Иерусалим».

Стр. 181. *Венеция*.— Urbi et orbi.

Стр. 182. *Юргису Балтрушайтису*.— Urbi et orbi. Б а л т р у ш а й т и с Юргис Казимирович (1873—1943), — русский поэт-символист, переводчик.

ИЗ КНИГ «СТЕРНАНОС» («ВЕНОК»)

Стр. 185. *Ночью*.— Венок. Рукопись первоначально озаглавлена: «Ночные песни», затем — «Вечеровые». В Кругозоре — «Вечеровая песня»; последнее заглавие — «Ночью».

«*Помню вечер, помню лето...*» — Венок. В рукописи отнесено к «Вечеровым песням». Эпиграф из Тютчева: «Я помню время золотое!»

Стр. 186. *Туман*.— Венок.

Стр. 187. *Голос прошлого*.— Венок.

Охотник.— Венок.

Стр. 188. *Тишина*.— Венок. В рукописи 13-й стих читается: «Как серебряные нити...»; последняя строфа:

Сердце миром мы обманем,
Успокоим трепет свой
И на край небес не взглянем,
Где встает, грозя, в тумане
Призрак тучи грозовой.

Стр. 189. «*Меня, искавшего безумий...*» — Венок. Рукопись датирована: июнь 1905 г.

«*Желтым шолком, желтым шолком...*» — Венок.

Стр. 190. «*В дали, благостно сверкающей...*» — Венок.

«*Мох, да вереск, да граниты...*» — Венок. В рукописи третья строфа:

Дремлют дряхлые граниты...
Сердце! сердце! удержи ты
Здесь, в гниши, ненужный вздох.

Стр. 191. *«Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...»* — Венок.

«Голубое, голубое...» — Венок. В рукописи разночтения. Стих 6-й читался:

То глухой тоской объята...

Стих 8-й и 9-й:

То горишь в огнях заката
Блеском пурпура и злата.

Стр. 192 *К Деметре*. — Венок. Имеются три рукописи с значительными разночтениями. *Деметра* (*греч. миф.*) — богиня плодородия и земледелия; у римлян — Церера.

Стр. 193. *Тезей Ариадне*. — Венок. В рукописи шестая строфа читается:

Пусть дни любви, как солнце, сладостны,
Герой — их жертвует богам.
Я в путь иной, уже не радостный,
Корабль направлю по волнам.

Критский лабиринт, где заключен был Минотавр, по преданию, был построен Дедалом. Ариадна, — дочь критского царя, научила Тезея, как выйти из лабиринта с помощью клубка ниток, разматываемых по пути. Другие стихи Брюсова об Ариадне в книгах *«Urbī et orbī»* и *«П. мечты»*.

Стр. 194. *Антоний*. — Венок. Марк Антоний (83—30 гг. до н. э.) — римский государственный деятель, племянник Юлия Цезаря. Антоний, Октавиан и Лепид образовали Второй триумвират после одержания победы над Кассием и Брутом. В битве при Актии, оставленные без вождя, флот и сухопутное войско Антония были разбиты Октавианом (который по избрании его императором был назван Августом). Антоний покончил жизнь самоубийством, как и Клеопатра. Нимб — круг света вокруг головы, как изображали художники святых.

Стр. 195. *Портрет*. — Венок. В рукописи, как и в первых изданиях (Венок и III, II), отсутствует четвертая строфа.

Стр. 196. *Кубок*. — Венок. В рукописи имеется строфа:

В борьбе с тобой кинжал не нужен
И не укроет слабый щит.
Открыта грудь — я безоружен,
Не нужен щит, кинжал не нужен,
Пусть твоя удар меня разит!

В конце страницы — ряд эпитафий, которые, очевидно, подбирались к стихотворению: 1) «Не пьющий пламя подавляет крик»; 2)

печатался поэтом и приведен в наст. изд.; 3) «Эрос. непобедимый в битве» (*Софокл*).

Стр. 197. *Каменщик* («Камни, полдень, пыль и молот...»).— Венок. *Крысолов*.— Венок.

Стр. 198. *Гребцы триремы*.— Венок. В рукописи зачеркнуты строки после восьмой строфы:

Эх, если б, цепи сорвав,
Вырваться к свету и буре,
К миру борьбы и забав,
К миру восторгов и фурий!

Что, если б, цепи сорвав,
Вдруг мы пред ними предстали?

Цезарь! блудница! герой!
Ваша свободная дума
Бродит ли робко порой
В сумраке затхлого трюма?

Т р и р е м а — римское судно с тремя рядами весел (от латинского *tres remus* — три весла). *Ф р и з с к а я т и н а* — Северное море у берегов Фрисландии, провинция Голландии. *П а х и н о* — древнее название мыса, ныне: capo Пассаро — *Rachunum* (Пахинум) — на юге Сицилии. *Т р и т о н* — сын Нептуна, бога моря, трубящий, по повелению отца, в раковину, чтобы взволновать или укротить море (*греч. миф.*).

Стр. 200. *К олимпийцам*.— Венок. В рукописи зачеркнута последняя строфа:

Так все было, так все будет:
Победил и побежден.
Кто же нас с тобой рассудит,
Бесконечный небосклон!

О л и м п — гора в Греции, по греч. миф. — обиталище богов. *П р о м е т е й* — по древнему сказанию, за похищение огня с неба был прикован Зевсом к скале Кавказа (*греч. миф.*).

Стр. 201. *Кинжал*.— Венок. Дата: окт. 1904 г. Эпиграф из стихотворения Лермонтова «Кинжал». Рукопись не сохранилась. Есть основание полагать что написано в 1901 г.; один из корреспондентов Брюсова вспоминает день своего возвращения из ссылки в январе 1902 г., когда Брюсов читал это стихотворение; предназначалось для революционного нелегального борника, который в свет не вышел; было напечатано в «Новом пути» в 1904 г.

Стр. 202. *К Тихому океану*.— Венок.

Война.— Венок. *Б е л л о н а* — богиня войны (*римск. миф.*)

Стр. 203. *На новый 1905 год.*— Венок. Брюсов написал почти одновременно два стихотворения— «Весы качнулись мировые» («Факелы», 1905) и «На новый 1905 год» («Дело и отдых», 1905, № 1). Позднее, по цензурным соображениям, поэт соединил их. Из первого взяты две первых строфы, две последующих — из второго; все стихотворение заканчивается новой строфой.

Стр. 204. *Юлий Цезарь.*— Венок. Дата: авг. 1905 г. Ю л и й Ц е з а р ь (100—44 гг. до н. э.) — выдающийся римский политический деятель и полководец. Возглавлял народную партию в борьбе с могущественным консулом Помпеем (Гней Помпей, 107—48 гг. до н. э.), возглавлявшим аристократическую партию. В битве при Фарсале Юлий Цезарь разбил Помпея. В результате политического заговора Цезарь был убит Брутом, считавшимся его сыном. «И ты, мой сын!» — воскликнул Цезарь, умирая. М и л о н (умер в 48 г. до н. э.) — римский народный трибун, обвиненный в убийстве (в 52 г. до н. э.) своего политического врага К л о д и я — римского трибуна, демагога. Защитником Милона на суде выступал Цицерон (римский оратор), произнесший свою знаменитую речь «Pro Milone» («За Милона»). «Р и м с к и х л е г и о н о в з н а ч к и в о х р а м а х у п а р ф я н . . .» — Римский полководец Красс (115—53 гг. до н. э.), участник первого триумvirата, обманутый коварством парфян, завел свои легионы в непроходимые месопотамские равнины, где при Каррах их встретило парфянское войско во главе с армяно-парфянским вождем Суреном, который нанеся жестокое поражение римлянам; Красс был взят в плен, позднее убит. У Брюсова в стихотворении «Победа при Каррах» описан триумф парфян. Э р е б — преисподняя, подземная область, расположенная над адом (*греч. миф.*). Р у б и к о н — небольшая река, отделявшая Италию от Галлии Заальпийской, ныне река называется Писателло, или Фиумичино. Сенат, во избежание нападения галльских войск на Италию, постановил всякого, кто вздумал бы перейти Рубикон со своим легионом или даже с когортой (отряд пехоты), считать изменником родины и предавать проклятию. Это именно постановление и было нарушено Цезарем, когда он перешел через Рубикон, воскликнув при этом: «Жребий брошен!» («Alea jacta est!»).

Стр. 205. *Одному из братьев.*— Венок. В журнале «Вопросы жизни», сентябрь 1905 г., где было напечатано это стихотворение, имелось примечание редакции: «Три стихотв. Валерия Брюсова, так же посвященные современности, — «Близким», «Знакомая песнь» и «К ним», — мы не могли поместить в этом номере по независящим от редакции обстоятельствам». Первая рукопись

датирована: июль 15/16, 1905 г., последняя несколько раз потом переделывалась. Приводим один из вариантов, начиная с третьей строфы:

По ты пошел на труд суровый,
Долбишь упорный камень стен,—
А я хочу сломать оковы,
Какими дух запечатлен.

В моих папевах — яд палящий
Вливаю тайно я в сердца:
Мысль о свободе настоящей,
Мечту о воле без конца!

Что добыто в кровавом споре?
Все тот же бледный луч вдали.
Я жду на благостном фаворе
Преображенья всей земли.

Знакомая песнь.— Венок, где Брюсов даст примечания к стихотворению «Юлий Цезарь» и «Знакомая песнь». Гармодий — (514 г. до н. э.) — афинянин, составивший вместе со своим другом Аристогином заговор против сыновей афинского тирана Пизистрата — Гиппия и Гиппарха, правивших страной. Гармодий и Аристогитон считались у греков освободителями Афин, хотя их заговор не достиг цели. Марк-Юний-Брут (85—42 гг. до н. э.) — участник заговора против Юлия Цезаря и его убийца. Робеспьер Максимилиан (1758—1794) — видный деятель французской буржуазной революции. Казнен на следующий день после контрреволюционного переворота — 9 термидора 1794 г. Марат (Марá) Жак-Поль (1743—1793) — выдающийся деятель эпохи французской буржуазной революции, ученый, публицист, редактор газеты «Друг народа» («Ami du peuple»), отстаивавший интересы народных масс.

Стр. 206. *Паломникам свободы.*— ПСС, IV. В архиве Брюсова имеются две рукописи, обе не датированы, и обе испещрены поправками. Имеется также карандашный набросок сходного по духу стихотворения:

Что там за люди, угрюмые, темные,
Гул их угроза векам.
Что поднимают их руки огромные
Ввысь к облакам?
Что поднимают под вечные своды
Темные дети труда?
— Идол свободы.
Им ли незваным, им ли безвестным
Дерзко касаться до вечных святынь?
Все мы молились пред ликом небесным,
Как путники знойных пустынь...

Дата та же, что в печатном тексте.

Стр. 207. *Довольным.*— Венок. А г о р а — главная площадь в древних греческих городах, где происходили народные собрания. Стихи написаны под впечатлением манифеста 17 октября 1905 г.

Грядущие гунны. — Венок. Дата: 30 июля — 10 авг. 1905 г.

Стр. 208. *И счастливым.*— Венок. Дата: 1905 г.

Стр. 209 *Фонарики.*— Венок.

Стр. 211. *Слава толпе.*— Венок. Первоначально озаглавлено: «Городу»; в последней строфе рукописи после первых трех стихов следуют строки:

Народ выступает мятежный,
Властительный.
И рушит твердыни былого,
И плесень столетий смывает шумящей волной,
Чтоб нови засеять пшеницею новой!

Стр. 213. *Конь блед.*— Венок. Рукопись первоначально была озаглавлена: «На улице».

П З К Н И Г И «В С Е Н А П Е В Ы»

Стр. 217. *Поэту.*— Все нап. В рукописи на полях приписка: «пропущена строфа:

Не будет ни счастья, ни страсти
В твоей обреченной судьбе,
И знай, ты навеки во власти
У Тайны, безвестной тебе!»

Стр. 218. *Близкой.*— ПСС, IV. В архиве Брюсова имеется карандашная запись первоначального наброска:

В Е Н О К

Не верь, не верь поэту, дева!

Тютчев

От века терн — венец поэта,
Я не могу сплести пных.
И вместо братского привета
Всем близким раздаю я их.

Пусть чаши роз благоуханны
И ясны краски лепестков,
Но знает, розами венчанный,
Уколы скрытые шипов.

В стихах поэта, в каждом слове
Таится тонкая нгла,
И вижу я рубины крови
На склоне милого чела.

Кляпи венок, горящий кровью,—
Но я вручил мой дар, любя.
И с той же яростной любовью
Им увенчал я и себя!

(Неизд., 1935). В рукописи озаглавлено: «Дар поэта»; дата: 11 янв. 1908 г. На полях карандашом: «напеч. в провинциальных газетах (через бюро)». Напечатано одновременно под заглавием «Дар поэта» 16 янв. 1908 г.: «Киевский вестник», № 15; «Южный край» — Харьков; «Северный вестник» — Ярославль; «Вестник Либавы».

Стр. 219. *Одиночество*.— Все нап. В рукописи 15-й стих читался:

Сестры! матери! клятв не нарушу и ваш я навеки!

Стих 17-й:

Тихо город грохочет, как камни с волной в час отлива.

Стр. 220. *Сумерки*.— Все нап. В последнем стихе исправлено Брюсовым: «осените» вместо — «упоите».

Февраль.— Все нап.

Стр. 221. *Вечер среди снегов*.— Все нап. Рукопись без заглавия.

Быть без людей.— Все нап. В рукописи первая строфа — начало незаконченного стихотворения «Над Волгой».

Стр. 222. *К. Швеции*.— Все нап.

Стр. 223. *Стокгольм*.— «Весы», № 9 1906 г. Здесь под общим заголовком: «В Швеции» — объединено было одиннадцать стихотворений, с датой Stockholm.— Ninäshamn.— Wisby (Стокгольм, Нюнесгамн, Висби. 1906 г. июнь — июль).

М э л а р — озеро центральной Швеции, на его берегу расположен город Стокгольм. Д а л е к а р л и я — область в средней Швеции, гористая и лесистая местность, родина Густава Вазы. Пошведски ныне — Дáларне. Жители Даларне говорят на старошведском наречии, одеваются в старинные, пестро вышитые одесания.

На гранитах — См. примеч. к стихотв. «Стокгольм» (стр. 670).

Стр. 224. *В море*.— Т а м ж е

Угрюмый час.— Т а м ж е.

Стр. 225. *На Готланде*.— Т а м ж е. Г о т л а н д — большой остров в Балтийском море, с главным городом Висби, где Брюсов провел часть лета 1906 г. В рукописи сохранился первоначальный набросок этого стихотворения прозой: «Призраки стихотворения»:

Мох чахлый, скудные побеги травы.
Кустарник тощий,
Искривленные сосны из расщелин камня,
Словно лавой залитая поляна,
Облака белой известковой пыли,
Поседевшая (от нее) хвоя.

И вдруг,
За стремительным обрывом,
Простор бесконечного моря, пенного,
И узкая полоса,
Где нежная зелень,
Где стройные ели, горбатые капитаны,
И робко изгибается где маслина.

Висби.— Там же.

Стр. 226. *Прибой.*— Там же.

Эхо.— Там же.

Стр. 227. *В шихерах.*— Там же.

Стр. 228. *Век за веком.*— Все нап. В рукописи 4-й стих читается: «Пустые поля занесли».

Стр. 229. *Август.*— Все нап. В рукописи эпиграф: «И первый лист любезен падший».

Стр. 230. *Осеннее прощание элфа.*— Все нап.

Стр. 231. *Который раз.*— Все нап.

Грустный вечер.— Все нап. Брюсовым написана новая строфа, которую приводим в тексте: «Мир все глуше».

Стр. 232. *Усталость.*— Все нап. Дата в ПСС, IV: 1907 г. Брюсов переправил в рабочем экземпляре два стиха: 7-й начинается: «Может быть, за...», было: «Там за этим...»; 10-й стих — «Злые завесы...» и т. д., было: «От Востока до Заката надо мной проходит день».

Стр. 233. *Встреча.*— Все нап. В рукописи 8-й стих оканчивался: «...гимнов звуки (гимнов в честь твою, Аммон!)» Ра — бог солнца у египтян. О з и р и с — древнеегипетский бог, покровитель мертвых, супруг И з и д ы — богини брака, медицины, покровительницы культуры.

Стр. 234. *Ранняя осень.*— Впервые — в Венке, где озаглавлено, как и в рукописи: «Умирание любви». Дата: Весна 1906 г. и июль 24/28. Позднее — Все нап., под заглавием: «Ранняя осень». Текст в обоих изданиях совпадает.

Стр. 235. *Холод.*— Все нап.

Стр. 236. *Осенью.*— Все нап. В рукописи 3—5-й стихи читались первоначально:

Тишина дрожит в долине,
И в душе поет чуть слышно
Мой возлюбленный хорей.

La belle dame sans merci. (Прекрасная дама без пощады. (франц.)) Все нап.— Написано в духе поэзии рыцарского Средневековья.

Стр. 238. *Жизнь*.— Все нап. Третья строфа — «Прильну ли к толще скал...» — печатается впервые; Брюсовым в рукописи указано: «Выпущенная строфа», а в конце приписка: «Варианты последнего стиха:

Нас всех я славлю здесь, нам всем мой гимн пропет!
Мы скованы в одно, нам разлученья нет!»

Стр. 239. *За утесом*.— Все нап. 11-й стих прежде читался: «Но свист стрелы покой разрежет». Написано к гравюрам И. Заттлера, из серии «Пририйские города». Гравюры были помещены в «В е с а х», № 2, 1906 г. И. З а т т л е р — гравер-художник (род. 1867 г.).

Стр. 240. *Освобождение*.— Все нап.

Стр. 241. *Повольник*.— Все нап. П о в о л ь н и к — так в старину назывались люди вольницы (толпа вольных людей, гуль-ливая молодежь).

Голос мертвого.— Все нап.

Стр. 242. *Побег пастуха*.— Все нап. В рукописи эпитафия: «И Музам в дар на ветху ель повесить... свирель». (*Пушкин*). В чистой рукописи озаглавлено: «Голос пастуха».

Стр. 244. *Наша тень*.— Все нап. В рукописи первоначальное заглавие: «Их тень».

В том же парке.— Все нап. Третья строфа печатается впервые. В рукописи: «Стихи о умершей любви».

Стр. 246. *Городу*.— Впервые — в альманахе «Шиповник», кн. 1, 1907 г.

Стр. 247. *Вечерний прилив*.— Все нап.

Стр. 249. *Хвала человеку*.— Все нап. Рукопись датирована: 1 дек. 1906 г. и декабрь 1906 г.

Стр. 251. *Дедал и Икар*.— Все нап. Д е д а л — по греческому преданию, основатель искусства, механик, скульптор, архитектор. Дедал построил на Крите лабиринт, куда впоследствии был сам заточен Миносом, критским царем. Спасаясь вместе с сыном Икаром из лабиринта, Дедал сделал восковые крылья, на которых долетел до Кум, но Икар дорогою погиб. К у м ы — древний город в Малой Азии, греческая колония. Э р е б — сын Хаоса и Ночи; за оказанную Титану помощь был низринут в Аид и превращен в реку (*греч. миф.*) У поэтов Эреб — преисподняя, область под землей, выше ада.

Стр. 252. *Одиссей*.— Все нап. Имеется несколько рукописей без дат.

Я Одиссей, сын Лаэрта, я царь и герой хитроумный,
Горький мир я наполнил мольбой о себе многощумной,
Подвиги славят мои певцы на пирах златоблюдных...

— этот отрывок датирован: 1907 г. Шестая строфа — по последнему варианту Брюсова:

Мне мысль затмил туман багровый;
Не видя тлеющих костей,
Рвался я к девам. Но оковы
Вонзались в тело все сильнее!

О д и с с е й — легендарный царь И т а к и — один из греческих героев, осаждавших Троию. К а л и п с о — нимфа, дочь Атланта; по Гомеру, она жила на острове Огигия, на котором высадился Одиссей.

Стр. 253. *Эней*. — Все нап. Рукопись карандашом на французской железнодорожной карте Европы; шестая и восьмая строфы имеют разночтения с печатным текстом. Датируется приблизительно сентябрем 1908 г. Э н е й — троянский полководец, главный герой «Энеиды» Вергилия; основатель Лациума, будущего Рима. К а р ф а г е н — финикийский город на африканском берегу (близ нынешнего Туниса), построенный Дидоной (в VII в. до н. э.). Д и д о н а — тирская царица, дочь Бела, сестра Пигмалиона, бежала от свирепого брата и основала Карфаген. Дидона закололась на костре. Н о в а я Т р о я — Рим.

Стр. 256. *К Медному всаднику*. — Все нап. где примечание Брюсова: «Для понимания некоторых выражений в этом стихотворении надо возобновить в памяти «петербургскую повесть» Пушкина о «бедном Евгении» и стихи Тютчева «Декабристам». Рукопись озаглавлена: «К кумиру»; сверху карандашом: «К Медному всаднику».

Стр. 257. *К Собору Кемпэра*. — Все нап. К е м п э р — главный город департамента Финистер во Франции. Кемпэр по-бретонски — слияние; город стоит на слиянии двух рек, Олеты и Стейра; у Брюсова — «О невозможном слиянии силы и мечты» С о б о р с в я т о г о К о р э н т и н а — готическое здание XIII—XV вв. с двумя башнями, оканчивающимися стрелами. У Брюсова — «Созданье каууних столетий, вонзивших в небо две иглы».

На Форуме. — Все нап. Ф о р у м — римский Форум — место народных собраний и празднеств, пгр, обсуждения общественных дел, ведения торговых сделок и т. п. Б а з и л и к и — у римлян здание суда и биржи, здесь стояли арки, колонны, ростры, памятники А р к и К о н с т а н т и н а — триумфальная арка, поставлена Константином Великим (312 г.) в честь победы над римским императором Макрицем. Т р а я н — римский император (52—117).

Стр. 258—259. *Отлив. Прилив.* Под общим названием «Над океаном». — Все нап. В Сен Жан де Люсе, небольшом французском городе на берегу Атлантического океана, Брюсов провел август и сентябрь 1908 г.

Стр. 260. *Служителю муз.* — Все нап. В рукописи имеется зачеркнутая строфа после стиха «Поспешно отточь кинжал»:

Есть дни, когда удары святы,
Змеинный яд благословен!
И девять дсв и их вожатый
Простят тебе часы измен.

Архимед (ок. 287—212 гг. до н. э.) — величайший математик, геометр, изобретатель, механик, живший в Сиракузах — в государстве, образовавшемся из древних греческих колоний в Сицилии. Известно, что, оторвавшись от любимых занятий, Архимед при помощи своих изобретений — метательных снарядов, зажигательных огней и др. — помогал в течение двух лет родным Сиракузам, осажденным римлянами во главе с консулом Марцеллом. Сиракузы пали. Архимед был убит при взятии города. Урания — муза астрономии (*греч. миф.*).

Стр. 261. *Флореаль 3-го года.* — Все нап. Флореаль — восьмой месяц республиканского года во Франции (от 20 апр. до 19 мая).

Кому-то. — Все нап. Vannes (Ванн) — город во Франции, 480 км юго-западнее Парижа.

Стр. 263. *М. А. Врубелю.* — Все нап. Михаил Александрович Врубель (1856—1910) — русский художник.

Стр. 264. *Начинающему.* — Все нап. Эпиграф из стихотворения Пушкина «Памятник». Пиндар (521—441 гг. до н. э.) — греческий поэт, лирик, почитался королем поэтов. Вергилий (70—19 гг. до н. э.) — прославленный латинский поэт, автор «Энеиды», «Буколик» и «Георгик». Полигимния — муза лирической поэзии (*греч. миф.*).

Стр. 265. *Сеятель.* — Все нап. Рукопись без даты, совпадает с напечатанным текстом, кроме 8-го стиха, который читается: «Ключам бессмертных книг...»

Звезда. — Все нап. Имются три рукописи. Первая соответствует печатному тексту. Датируется приблизительно: 1907 г.

Стр. 266. *Фаэтон.* — Все нап. Фаэтон — по древнегреческому сказанию, юноша, сын Солнца, чтобы доказать людям свое божественное происхождение, испросил позволение провести колесницу Солнца по небу, но коней не сдержал, и Кронион (одно из названий Зевса), чтобы спасти землю, поразил Фаэтона молнией.

Стр. 269. *Веселый зов*.— Зерк. т. Датируется условно: 1910 г. В рукописи эпиграф из стихотворения Фета «Еще люблю, еще приемлю...»: «Покуда на груди земной хотя с трудом дышать я буду...»

Стр. 270. *На вечернем асфальте*.— Зерк. т.

Стр. 271. *Коварность*.— Зерк. т. В рукописи предпослан эпиграф из Тютчева:

Кто устоит перед дыханием
И первой встречей весны.

«Идут года. Но с прежней страстью...» — Зерк. т.

«Ты счастье Цезаря везешь...» — изречение Цезаря; когда однажды он поехал на утлом челне и поднялась буря, испуганный лодочник хотел вернуться, но Цезарь, веря своей судьбе, велел продолжать путь.

Стр. 273. *В моей стране*.— Зерк. т. В этом стихотворении Брюсов неверно оценивает политическую ситуацию в стране после поражения революции 1905 года, не видя перспектив нового подъема освободительной борьбы.

Стр. 274. *Зерно*.— Зерк. т. Дата рукописи: 11 ноября 1909.

Стр. 275. *По меже*.— Зерк. т. Рукопись датирована: июль 1910 г. Белкино.

Стр. 276. *Усадьбы*.— Зерк. т.; заглавие дано позднее в подготовленной Брюсовым рукописи, датированной: 1910—1911 гг.

В лесу.— Зерк. т. Стихотворение, как и предыдущее, озаглавлено позднее.

Стр. 277. *Летняя гроза*.— Зерк. т.

Стр. 278. *Дома*.— Зерк. т. В рукописи озаглавлено: «Путь», в машинописи 1910 г.— «Дома», «В поле».

Стр. 279. *«И снова я, простерши руки...»* — Зерк. т.

Стр. 280. *«Да, можно любить, ненавидя...»* — Зерк. т. Эпиграф— «*Odi et amo*» («Ненавижу и люблю» — лат.). Из сохранившихся трех рукописей последняя совпадает с печатаемым текстом. Первая и вторая (машинопись) состоят всего из пяти строф, сходных между собой по содержанию. Первая строфа этих вариантов, начинающаяся со 2-го стиха:

В душе презирая ее,
И в ней лишь, с проклятием, видя
Единое счастье свое...

Вторая строфа у всех трех вариантов одинакова, третья строфа первых двух вариантов:

В ней есть обаянье сильнее,
Чем в чарах земной красоты,
Чем в тѣх, кто свежей и умнее,
Чем даже в виденьях мечты.

Четвертая строфа почти совпадает с шестой окончательного варианта, а пятая тождественна с седьмой. К а т у л л (87—47 гг. до н. э.) — латинский поэт.

Стр. 281. *«Как птицы очковой змеей очарованы...»* — Зерк. т. Сохранилась только черновая рукопись без даты; приблизительно: 1911 г.

Стр. 282. *«Любовь ведет нас к одному...»* — Зерк. т. Эпиграф имеется в Зерк. т. В переводе: Amor condusse noi ad una (morte) — Любовь ведет нас лишь к (смерти) (лат.). В подготовленном изд. 1922 г. поэт вынес слова Amor condusse noi ad una в заглавие цикла.

Стр. 283. *Лидинка*. — Зерк. т.

Южный Крест. — Зерк. т. Имеется вариант конца сонета:

Но Южный Крест — мое обетованье,
Что я не кончил долгого скитанья...

С и р и у с — самая яркая звезда небесного свода, находится в созвездии Большого Пса. В е г а — звезда в созвездии Лиры, по яркости уступает только Сириусу. Обе эти звезды видны в наших широтах. Ю ж н ы й К р е с т — небольшое созвездие, видимое только в южном полушарии земли.

Стр. 284. *Предчувствие*. — Зерк. т.

На заре. — Зерк. т. Рукопись условно отнесена к 1911 г. Имеются два варианта. Первый, законченный, тождественен печатному. Второй — не закончен. Имеет разночтения с первым, на полях этого варианта отметка Брюсова: «плохо».

Стр. 286. *Вечеровая песня*. — Зерк. т., без даты; приблизительно: 1911 г.

Стр. 287. *Романс*. — Зерк. т.; дата: [1909 г.].

Стр. 288. *Близ моря*. — Зерк. т.

Стр. 289. *Фирвальдштеттское озеро*. — Зерк. т. — Vierwaldstättersee в переводе — озеро Четырех лесных кантонов. Л ю ц е р н — город в Швейцарии.

Мюльбах. — Зерк. т. М ю л ь б а х — водопад в местечке Бриенц.

Стр. 290. *На леднике*. — Зерк. т. Montenvers на Eismeer — так первоначально назвал Брюсов это стихотворение. М о н т а н в е р — горная станция.

В итальянском храме. — Зерк. т. Эпиграф в переводе: «Ранят все, последний (час) убивает» (лат.).

Стр. 291. *На могиле Ивана Коневского.*— Зерк. т. И в а н К о н е в с к о й — псевдоним Ивана Ивановича Ореуса (1877—1901). Брюсов посетил его могилу в Зегевольде — железнодорожная станция, близ Риги.

Стр. 293. *Поэт — музе.*— Зерк. т. В примечании Брюсов пишет: «Автор считает долгом указать, что первый стих стихотв. «Поэт — музе» напоминает стих. кн. Вяземского «Я пережил и многое и многих».

Стр. 294. *Родной язык.*— Зерк. т. В архиве Брюсова имеется вариант последних четырех строф:

Случалось, — в жажде святотатства,
С мечом врывался я во храм,
Хотел дробить твои богатства,
Хотел служить иным богам.

Но этот меч — тобой был кован,
Но этот храм твой — весь мой мир.
Вновь побежден, вновь очарован,
Благословлю я твой кумир!

И все ж бороться не устану
Я, как Израиль с Божеством.
Метнусь навстречу урагану,
Как птица с трепетным крылом.

Пусть мощь твоя меня раздавит
И бросит в придорожный прах,—
Все ж хоть ничтожный след оставит
Моя борьба в твоих путях!

Стр. 295. *Ответ.*— Зерк. т. Д е г а з (Dégas Hilaire Germain Edgar)— французский художник-импрессионист, писал, главным образом, балерин; родился в Париже в 1834 г.

Стр. 296. *Египетский раб.*— Зерк. т. В рукописи эпиграф: «Я вождь земных царей и царь — Ассаргадон». Брюсов переработал этот сонет из шестистопного ямба на пятистопный, сохранив при этом форму сонета и рифмовку. Приводим здесь этот шестистопный сонет, печатавшийся в Зерк. т.:

Е Г И П Е Т С К И Й Р А Б

Я жалкий раб царя. С восхода до заката,
Среди других рабов, свершаю тяжкий труд,
И хлеба кус гнилой — единственная плата
За слезы и за пот, за тысячи минут.

Когда порой душа отчаяньем объята,
Над сгорбленной спиной свистит жестокий кнут,
И каждый новый день товарища иль брата
В могилу общую крюками волокут.

Я жалкий раб царя, и жребий мой безвестен;
Как утренная тень, исчезну без следа,
Меня с лица земли века сотрут, как плесень;

Но не исчезнет след упорного труда,
И вечность простоит, близ озера Мерида,
Гробница царская, святая пирамида.

Клитемнестра.— Зерк. т. По сказаниям Гомера, Леда — жена легендарного спартанского царя Тиндара, К л и т е м н е с т р а и Е л е н а ее дочери. Кастор, Поллукс и Елена считались детьми от Зевса, являвшегося к Леде в виде лебедя. Поводом к Троянской войне было похищение Елены Парисом, троянским паревичем. А г а м е м н о н, также называвшийся А т р и д, сын Атрея, — микенский царь, муж Клитемнестры, старший брат Менелая, мужа Елены. И ф и г е н и я — дочь Клитемнестры и Агамемнона, приношенная в жертву богам, перед началом войны. А х е й с к и е с у д а — греческие суда. К а с с а н д р а — предсказательница, в которую Агамемнон влюбился. Э г и с т — двоюродный брат и возлюбленный Клитемнестры, убийца Агамемнона и Кассандры. Е в м е н и д ы или Э р и н н и и (у римлян — Фурии) — три дочери Земли, жившие в Тартаре (аду), Тисифона, Алектю и Мегеру, наказывавшие людей за преступления.

Стр. 298. *Смерть Александра.*— Зерк. т. Рукопись без даты, вторая — машинопись — датирована: 1900—1911 гг. Ф и л и п п М а к е д о н с к и й — царь Македонии (382—336 гг. до н. э.) — отец Александра Великого (см. примеч. к стихотв. «Александр Великий», *Tertia vig.*). С т и к с — река в Аиде, семь раз протекавшая вокруг Аида. Х а р о н — перевозчик через Стикс душ умерших. «З а л е т е й с к и й м р а к» — Л е т а — река забвения; умершие пьют из Леты, чтобы забыть прошлое (*греч. миф.*). Р а д а м а н т, Э а к, М и н о с — судьи в подземном царстве (*греч. миф.*). А х и л л — один из греческих героев, осаждавших Трою. С а л а м и н — остров близ берегов Аттики, завоеван в 316 г. до н. э. македонским полководцем Кассандром. М и л е т — древний ионийский город в Малой Азии, был отвоеван у персов Александром Великим. Г а в г а м е л ы — небольшое местечко в Малой Азии на левом берегу Тигра. Александр Великий разбил здесь персидское войско во главе с Дарием, который бежал (331 г. до н. э.). М е л е а г р, С е л е в к, П е р д и к к а, А н т и г о н, П т о л о м е й, А н т и п а т р — полководцы Александра Великого, диадохи, т. е. преемники его.

Стр. 300. *Фауст.*— Зерк. т. В рукописи имеется строфа, выпущенная в печатном тексте, между шестой и седьмой строфами:

Кто тайно все мои признанья
В клинок губящий превратил,
Мои стыдливые лобзанья
Сокрытым ядом напоил?

Стр. 302. *Александрийский столп*.— Зерк. т. А л е к с а н д р и й с к и й с т о л п — памятник победы над Наполеоном в Ленинграде на Дворцовой площади, работы архитектора А. А. Монферрана. Д р е в н и е с ф и н к с ы — сфинксы на набережной Невы в Ленинграде.

Стр. 303. *К финскому народу*.— Зерк. т.

Стр. 304. *К моей стране*.— Зерк. т.

ИЗ КНИГ П «СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ»

Стр. 307. *Sed non satiatius* («Но не утоленный» (лат.)).— Семь цв. р.

Стр. 308. *Юношам*.— Семь цв. р.

Стр. 309. *Ожерелье*.— Семь цв. р.

Стр. 310. *Летом 1912 года*.— Семь цв. р. В рукописи (карандашный набросок) совпадает с печатным текстом, кроме четырех стихов — 7-й и 6-й снизу:

Свое значение спокойно сознаю...

Так что же мне жалеть на этом свете?

Предпоследний и последний:

И этот страшный взмах того не потревожит,

Кем все изведено и кем все свершено.

Ф е н и к с — фантастическая птица, единственная в своем роде, жившая в Аравийской пустыне много веков; желая уничтожить себя, бросалась в горевший костер, но возрождалась вновь из пепла.

Должен был...— Семь цв. р.

Стр. 311. *Памятник*.— Семь цв. р. Эпиграф из XXX оды Горация «Памятник» — «*Sume superbiam quaestiam meritis*»; в переводе Ломоносова: «Взгордися праведной заслугой, муза». В черновой рукописи — эпиграф: «*Exegi monumentum*». Horatius; у Пушкина переведено: «Я памятник себе воздвиг...»

Стр. 312. *Сын земли*.— Семь цв. р.

Стр. 313. *Земле*.— Семь цв. р. Эпиграф из стихотворения И. Коневского «Море житейское».

Стр. 314. *Предвещание*.— Семь цв. р.

Стр. 315. *Детские упования*.— Семь цв. р.

Стр. 316. *Гимн богам*.— Семь цв. р.

Стр. 317 *Гимн Афродите*.— Семь цв. р. А ф р о д и т а — богиня любви; у римлян — Венера.

Ultima Thule.— Семь цв. р. «Крайняя Фула» — у древних римлян — самый северный край или остров, до которого они доплывали. По мнению одних, то была Исландия, других — один из островов Шотландии (примеч. Брюсова). В рукописи эниграф из стихотворения Гёте: «Es war ein König in Thule» — «Король был фульского края». Последняя строфа: «И как король в бессмертной балладе помянут» — из баллады Шиллера «Поликратов перстень» в переводе В. А. Жуковского.

Стр. 319. *В разные годы*.— Семь цв. р., где дата: 1915 г.
И м а т р а — водопад, стремнина реки Вуоксы в Финляндии.

Стр. 320. *Иматра*.— Семь цв. р.

Над Иматрой.— Семь цв. р.

Стр. 321. *Сайма* — Семь цв. р. С а й м а — озеро в Финляндии; В у о к с а н и с к а — дачная местность около Вуоксы.

Стр. 322. *Закат над морем*.— Семь цв. р. Noordwijkaan Zee (Нурдвайк) — курорт в Голландии, недалеко от города Лейдена.

Над Северным морем.— Семь цв. р. С х е в е н и н г е н — курорт в Голландии. Ф р и з ы — народ германского племени, с древних времен осевший на западной части Ютландского полуострова и южной, по берегу Немецкого моря Германии и Голландии до Зюдерзее.

Стр. 324. *Океан и дюны*.— Семь цв. р.

В Голландии.— Семь цв. р. А д р и э н в а н О с т а д е (1610—1685) — художник голландской школы.

Стр. 325. *Зимнее возвращение к морю*.— Семь цв. р. Э д и н б у р г — дачная местность на берегу моря, под Ригой.

Вечер над морем.— Семь цв. р.

Стр. 327. *Вечерний пан*.— Семь цв. р. В сборнике Брюсова «Опыты» помещено как пример по строфике.

Вечером в дороге.— Семь цв. р. В сборнике «Опыты» — как образец рифм дактиле-хорейческих.

Стр. 328. *Весной* («Попыскивают птицы...»).— Семь цв. р.

Весеннее.— Семь цв. р. Исправленное стихотворение датировано — март 1912 г. Исправления: 2-й стих, было: «перед весною», начало и конец последней строфы: «Весна! опять в душе избыток...»

Стр. 329. *Ночью светлой*.— Семь цв. р.; дата: 1912 г., печаталось в журнале «Женское дело» (№ 1, 1913 г.), где озаглавлено: «В сумраке».

Крот.— Семь цв. р.

Стр. 330. *Туман осенний*.— Семь цв. р.

Стр. 331. *Сухие листья*.— Семь цв. р. В сборнике «Опыты» — как образец звукозаписи.

Стр. 332. *В том же парке*.— Семь цв. р. В сборнике «Опыты» — как образец двух- трехдольников.

Стр. 333. *Сказка*.— Семь цв. р. Рукопись без заглавия.

Стр. 334. *В лодке*.— Семь цв. р.

Дождь и солнце.— Семь цв. р.; сохранилось два варианта; один — без заглавия, датированный: 1 июня 1913 г.; другой — названный «Под дождем».

Стр. 335. *После скитаний*.— Семь цв. р. Рукопись не датирована; вошло в сборник «Опыты» с подзаголовком: «Разложение дактилического гекзаметра».

Стр. 336. *«Итак, это — сон, моя маленькая...»* — Семь цв. р. Рукопись без даты, в печатном тексте: 1912 г. В сборник «Опыты» помещено, как пример строф в отделе «Строфика».

«Сумрак тихий, сумрак тайный».— Семь цв. р. Заглавие дано в подготовленном Брюсовым последнем издании.

Стр. 337. *Венок на могилу*.— Семь цв. р. — В рукописи и в Семь цв. р. — без заглавия. Заглавие и пушкинский эниграф взяты из подготовленного Брюсовым издания.

Стр. 339. *На санках*.— Семь цв. р. Рукопись без заглавия.

Стр. 340. *Умершим мир!*— Семь цв. р. Две рукописи, обе совпадают с печатным текстом. Обе датированы: 1914 г. Эдинбург.

Стр. 341. *Последняя война*.— Семь цв. р.; было напечатано в одном из сборников тех лет, но стихи 15-й и 16-й заменены были точками. Печаталось также в сборнике «Война в русской поэзии», но здесь были выпущены стихи 9-й и 22-й.

Стр. 342.— *Старый вопрос*. Семь цв. р. Из трех имеющихся рукописей в одной, по которой печаталось, не сходится только восьмая строфа. Приводим некоторые строфы:

Не надо заносчивых слов,
Пред нами огромное дело.
Безмерная тяжесть веков
Над нашей годиною осела...

Вторая строфа близка к печатному; третья:

Случайные гости? должны ль
Стоять, притаившись у двери?
И наше значение — быть,
Иль отзвук каких-то поверий?

Шестая:

Мы кто? Тот народ, где рожден
Был Пушкин, Толстой, Достоевский,
Где в ряду столь же ярких имен
Сияет мудрец Лобачевский.

Восьмая:

Им страшно ль, что некий француз,
Фламандец и мощный британец
Вступают с Россией в союз?
Но — спор не окончен, германец!

Стр. 343. *Круги на воде*. — Семь цв. р. М а р н а — река во Франции, приток Сены. В и с л а — река, берет начало в Карпатах, течет через Польшу, впадает в Балтийское море. А н г о л а — португальская колония на побережье Атлантического океана в южной части Африки. П е - ч е - л и, или Ч ж и - л и — Печелийский пролив, северо-западная часть Желтого моря, омывающая полуостров Ляо-дун.

Стр. 344. *На Карпатах*. — Семь цв. р. Первоначально было озаглавлено: «Галиция». В рукописи последний стих: «Вновь связанных братством славян». Затем приписка Брюсова: «или — «В веках разлученных славян», или — «Нашедших друг друга славян», или — «В объятии слитых славян», или — «Возвращенных в отчизну славян».

Стр. 345. *В Вильно*. — Семь цв. р. В «Русской мысли» к стихотворению дано следующее примечание Брюсова: «Замковая гора — парк на холме, в середине города, в нижней части парка — бюст Пушкина». «Вильна стародавняя» — выражение Тютчева»

Стр. 346. *В Варшаве*. — Семь цв. р., а также в «Русской мысли», кн. X, 3 сент. 1914 г., где примечание Брюсова: «Эти строки были написаны после обмена речами в «Польском товариществе писателей» в Варшаве, пожелавшем устроить особое заседание для приема автора стихов. Они напечатаны в газете, но здесь помещаются с некоторыми исправлениями».

В окопе. — Семь цв. р.

Стр. 347. *«Опять — развесистые липы»*. — Семь цв. р. В рукописи и в Семь цв. р. озаглавлено: «Деревенские рифмы». Позднее Брюсов зачеркнул заглавие.

Стр. 348. *Западный фронт*. — Семь цв. р.

Стр. 349. *Фламандцам*. — Семь цв. р. Э м и л ь В е р х а р н (1855—1916) — французский поэт, по происхождению фламандец. В стихотворении «Бодуэн Железная Рука» описаны храбрость и хитрость этого героя; в стихотворении «Герои Льежа» — одна из битв за Льеж. Б о д у э н Ж е л е з н а я Р у к а (Baudouin bras de fer) (ум. в 879 г.) — фламандский полководец. К а р л С м е л ы й (1433—1477) — последний герцог Бургундии. М а р а ф о н — селение в древней Греции, близ Афин, прославленное победой греков над персами, под предводительством афинского полководца Мильтиада (490 г. до н. э.).

Тевтону.— Семь цв. р. Имеется рукопись четырех строф; первая строфа совпадает с печатным текстом, остальные приводим:

И те, что охраняли свято,
В ряду столетий, Notre-Dame,
Завидя в Реймсе участь брата,
Врагами ринутся к врагам.

Налягут, как кошмар, на груди
Тех, кто прославил произвол,
Кто дула громовых орудий
На чудо творчества навел.

Наложат дьявольские бельма
Воскресшим гуннам на зрачки,
Смутят приспешников Вильгельма
Дыханьем сумрачной тоски.

Тевтоны — народ, населявший в древние времена Германию, здесь у Брюсова — германцы. В рукописи и в «Русской мысли» — эпиграф из Тютчева: «Нет, мера есть долготерпению!», там же примечание Брюсова: «Предполагают, что назначение «химер», гротескных статуй, помещенных на кровлях многих старинных католических соборов, было — воплощать в себе все земное зло и этим как бы отвращать его от храмов». *Notre-Dame* — Собор «Божьей матери» в Париже. «*В Реймсе каменная груда*» — собор в г. Реймсе, разрушенный бомбардировкой в империалистическую войну.

Стр. 351. *Женский портрет.*— Семь цв. р. Сохранился черновой набросок, который начинается: «Я вспомнил снова ясность ваших глаз...» С заглавием «Портрет» напечатано в «Русской мысли», кн. X, 1913 г.

Стр. 352. *Простенькая песня.* — Семь цв. р.

Стр. 354. *У канала.*— Семь цв. р. Рукопись без заглавия; последняя строфа:

Люблю стоять над зыбкостью канала,
Чтоб глубь воды смотрелась на меня,
Чтоб жизнь вдали неистово звучала
И в черноте дробился столб огня.

Стр. 355. *Две головки.*— Семь цв. р.

Стр. 356. *Баллада о любви и смерти.* — Семь цв. р. Рукопись не лагирована.

Стр. 357. *Баллада воспоминаний.* — Семь цв. р. В архиве Брюсова имеется рукопись стихотворения со строками, не вошедшими в печатный текст;

Чу! снова лай былой облавы!
 Чу! кони чуткие храпят.
 И снова лай былой облавы!
 Охотники, дрожа, летят
 И топчут утренние травы.
 Там, там у сумрачной канавы
 Настиг свою добычу ты,
 И хлынули, как море лавы,
 Твои заветные мечты.

Не надо ни любви, ни славы,
 Всей этой пыльной суеты:
 Они один навеки правы:
 Твои заветные мечты!

Стр. 358. *В разрушенном Мемфисе*.— Семь цв. р. Рукопись без заглавия, без даты. 1913 г.— дата печатного текста. М е м ф и с — столица древнего Египта. С т и к с — река забвения, река преисподней. Г и к с ы, или г и к с о с ы — объединившиеся азиатские племена, главным образом семиты и хетты, постоянно нападавшие с Востока на древний Египет. В XIV в. до н. э. гиксы овладели Египтом и продержались в нем несколько веков.

Стр. 360. *Гарибальди*.— Семь цв. р. Д ж у з е п п е Г а р п б а л ь д и (1807—1882) — народный герой Италии, один из вождей итальянской революционной демократии, борец за объединение и свободу родины, по профессии моряк. Имя Гарибальди носили партизанские отряды в борьбе итальянского народа против фашизма и гитлеровских оккупантов. Л а д з а р о н с (Lazarone) — неаполитанский босаяк.

Стр. 361. *Певцу «Слова»*.— Семь цв. р.; дата — в сборнике Семь цв. р.— 1912 г., имеется отрывок, датированный: 1907 г. «С л о в о о п о л к у И г о р е в е» — величайший памятник древнерусской литературы XII века. З е г з и ц а — кукушка. «Певцу «Слова» было напечатано в сборнике «Слово о полку Игореве» в разделе «Вариации на темы «Слова» («Советский писатель». Большая серия. 1952).

Петербург.— Семь цв. р. Рукописи (две) датированы: 1912 г. С а н с о в и н о (Andrea Sansovino, 1521—1586) — знаменитый итальянский скульптор и архитектор. Л е Н о т р (André Le Notre, 1613—1700) — декоратор садов, разработал план Версальского парка. Л и к у р г — спартанский законодатель, его деятельность относится к 884 г. до н. э.

Стр. 362. *Три кумира*.— Семь цв. р.

Стр. 363. *«Бахус» Рубенса*.— Семь цв. р. Рукопись озаглавлена: «Рубенс «Скорпиона». В редакции изд. «Скорпион» висела копия

картины фламандского художника Р у б е н с а (1577—1640) «Бахус». Бахус, Вакх — у римлян бог вина.

Стр. 364. *Калейдоскоп*.— Семь цв. р. К а л е й д о с к о п (по-гречески kalos — красивый, eidos — вид, skopeo — смотрю) — оптическая игрушка.

Стр. 366. *Единоборство*.— Семь цв. р.

Стр. 367. *Рондо*.— Семь цв. р.

Стр. 368. *Н. Н. Сапунову*.— Семь цв. р. С а п у н о в Николай Николаевич — молодой художник, утонул, катаясь на лодке.

На смерть А. Н. Скрябина.— Семь цв. р. С к р я б и н Александр Николаевич (1871—1915) — композитор.

Стр. 369. *Путь к высотам*.— Семь цв. р. Рукопись без заглавия, без поправок. Сонет-акrostих. В данном сонете, начальные буквы каждого стиха составляют: Поэту Гальперину. Г а л ь п е р и н Михаил Петрович (1882—1944) — поэт-переводчик.

Последний путь.— Неизд. 1928.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ КНИГИ «ДЕВЯТАЯ КАМЕНА»

О сборнике «Девятая Камена» Брюсов писал в предисловии к сборнику «Последние мечты»: «...остается добавить, обращаясь к тем читателям, которые раньше интересовались стихами, подписанными тем же именем, что предлагаемый сборник от д е л е н от вышедшего в 1915 г., под заглавием «Семь цветов радуги», ц е л о й к н и г о й, в печати еще не появлявшейся: «Девятая Камена». По обстоятельствам нашего времени, эта книга, вполне приготовленная к печати еще в 1917 г. (и набранная в одной петроградской типографии в 1918 г.), поныне еще остается в рукописи; только небольшая часть стихов, образующих эту книгу, была напечатана в сборнике «Опыты», М. 1918 г., а три-четыре стихотворения, — по сродству их тем с другими, — включены в «Последние мечты». Валерий Брюсов».

Многое из «Девятой Камени» было напечатано в отдельных сборниках «Неизданные стихи», кое-что печаталось в периодической печати.

Стр. 373. *Девятая Камена*. — В П. мечтах, где озаглавлено: «О себе самом», Брюсовым дано примечание: «Автор последовательно издавал сборники стихов под заглавием: «Juvenilia», «Chefs d'œuvre», «Me eum esse» (Это — я), «Tertia vigilia» (Третья стража), «Urbi et orbi» (Граду и миру), «Stephanos» (Венок), «Все напевы», «Зеркало теней», «Семь цветов радуги». «Девятая Камена». К а м е н а — муза (*греч. миф.*). Музы — богини поэзии, музыки, пляски и др. искусств. М у с а г е т — (*греч. миф.*) предводитель муз, у римлян — Аполлон.

Стр. 374. *Десятая часть*.— Кругозор Рукопись помещена на одной странице со стихотворением, отмеченным цифрой I,— «Что моя жизнь?» (см. дальше: «Афинский поденщик говорит»).

Стр. 375. *Лишь безмятежного мира...*— Опыты. В Опытах подзаголовок «Перезвучья». В рукописи — вместо 8-го стиха: «Жаждет душа без желаний лишь безмятежного мира». 9-й стих кончается: «Жаждет душа, наконец!»

Ожерелья дней.— П. мечты, где напечатано по окончательной исправленной машинописи. Рукописный первоначальный набросок, с большими поправками, датирован: 1916 г. февр. 10/24, и та же рукопись — 1916 г., май.

Стр. 378. *Освобожденная Россия*.— Неизд. 1928.

Стр. 379. *На улицах*.— Печатается впервые.

Стр. 380. *В мартовские дни*.— Кругозор. Рукопись — в двух экземплярах,— первая, озаглавленная: «Март 1917 г.», другая — «В мартовские дни». В обеих рукописях имеются незначительные разночтения.

Стр. 381. *Свобода и война*.— Избр. 1945. В а н — в то время, когда писалось стихотворение,— Турецкий вилайет в юго-восточной Армении. У с к ю б — город в европейской Турции. М о р а в а — приток Дуная в Моравии (Чехословакия).

Стр. 382. *Полно!*— Печатается впервые.

Стр. 383. *Потоп*.— Печатается впервые. В архиве Брюсова имеется вариант к первой строфе:

Долготерпенье истошилось,
И хлынул дождь с высот.
Разверзлись хляби, море вскрылось,
И встали горы вод.

Стр. 384. *Орел двуглавый*.— Избр. 1945. П е р у н Ю п и т с р а — молния. П о т е м к и н Григорий Александрович, князь (1739—1791) — государственный деятель екатерининской эпохи. Д е р ж а в и н Гавриил Романович (1743—1816) — выдающийся русский поэт, был также статс-секретарем Екатерины II. С п е р а н с к и й Михаил Михайлович (1772—1839) — видный государственный деятель при Александре I, которым был сослан в Сибирь. После ссылки служил при Николае I. Р а с п у т и н (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916) — авантюрист, пользовавшийся доверием Николая II и влиявший на решения государственных вопросов.

Стр. 385. *Песня* («Нет таких дней, когда песни не нужны...»).— Избр. 1945.

Стр. 386. *«Опять к любимым мелочам...»* — Неизд. 1928.

Стр. 387 *К армянам*.— Избр. произв., III К и р (VI в. до н. э.) — основатель древнеиранского царства, завоевал много госу-

дарств, между прочими и Край Найри (Армения). **А л е к с а н д р** — здесь Александр Великий, Македонский (см. примеч. к стихотв. «Александр Великий» и «Смерть Александра»). **К а р р ы** и **р и м с к и е з н а ч к и**. — «Римские историки считают поражение при Каррах самым тяжелым после несчастных сражений при Аллии (с галлами) и при Каннах (с Ганнибалом). Во главе римских легионов стоял Красс, один из членов так называемого «Первого триумvirата»; во главе армяно-парфянских войск — парф Сурена. В бою пало свыше 20 000 римлян, 10 000 было взято в плен. Захвачены были римские «значки» (знамена) и весь военный обоз, был убит сам Красс вместе со своим сыном. Сурена приказали отрубить у Красса голову и правую руку и отвезти эти трофеи царям: армянскому — Артавазду и парфскому — Оруду...» (из примечания Брюсова к стихотв. «Победа при Каррах», которое в нашем сборнике не печатается). **Ю с т и н и а н В е л и к и й** — восточный император, царствовал с 527 по 565 г. Полководцами его были Велизарий и Нерцесс, которые сражались в Галлии, в Италии в Персии, проходили через Кавказ, часто в походах пользовались наемными войсками. **Ч и н г и з - х а н** (1155—1227) — титул Тимучина, хана восточной Монголии, прославившегося своими завоеваниями. **Л е н г т и м у р**, или **Т а м е р л а н**. — Лентимур значит «хромой Тимур» (1336—1405) — монгольский завоеватель родом из города Кеше, Бухарского ханства. **Л у н а** — здесь символ магометанства, исламизма. **Ш и р а з** — город в Иране, родина поэта **С а а д и М у ш а р и ф Э д Д и н** (1184—1291) — автора книги «Гюлистан», или «Сад роз», где поэт воспел свою страну. **Н а р о д Т и г р а н а** — армянский край и армянский народ. **А г у р а м а з д** или **О р м у з д** — высшее божество в учении Заратустры (религия древних парсов — парсеизм), Агурамазд — символ добра. **А р и м а н** — символ зла, разрушения.

Стр. 389. *К Армении*. — Избр. 1945. **С р е т е н ь е** — христианский праздник. **Д е н ь и ц а** — утренняя заря. **Ц е в ь и ц а** — свирель.

В Баку. — Избр. пропозв., III. В «Русской мысли», кн. V, 1916 г., примечание Брюсова: «**Б ы б и - Э й б а т** — местность в Баку, одно из мест добычи нефти. **Ш и р а з** — город в Иране. **Ш а х - Н а м э** (Книга царей) — иранский эпос, поэма в 60 000 стихов, написанная **Ф и р д у с и** (933—1021). **Г а з е л ь** — двустихия иранской поэзии, где особенности этой формы были вызваны свойствами языка. Сущность газели в повторении заключительных слов 1-го стиха в конце 2-го стиха и в конце каждого двустихья». **Г а ф и з Ш е м с Э д д и н М а г о м е д** (IV в.) — один из поэтов-лириков в Иране, родился в Ширазе. **К ю р д а м п р** — железнодорожная станция,

недалеко от Баку. Написано по пути из Баку, куда в 1916 г. Брюсов был приглашен для чтения лекций.

Стр. 390. *В Тифлисе*.— Избр. произв., III. В рукописи примечание Брюсова: «Т и ф л и с — был столицей Грузинского царства. Т а м а р а — знаменитая царица Грузии (1184—1212). С а я т Н о в а (1719—1795) — знаменитый армянский народный поэт».

Стр. 391. *К Арарату*.— Кругозор, где дата: Эчмиадзин, 1916 г. В рукописи примечание Брюсова: «А л а г е з и л и А л а г я з — гора; в армянских народных песнях — Арарат (Масис) всегда олицетворяется, как старец, а Алагез — как дева в короне (верхние зубы Алагеза напоминают по форме венцы)».

Стр. 392. *Арарат из Эривани*.— Избр. 1945. В рукописи примечание Брюсова: «З а н г у — река в Эривани. Стены С а а р д а р а (г. е. господина) — развалины древней крепости в Эривани. М а с и с — армянское название Арарата. М а л ы й А р а р а т — расположен рядом с большим Араратом; обе горы — вулканического происхождения и представляют собой правильные конусы».

Стр. 394. *Мы — скифы*.— Избр. произв., III. Г е р а к л — Г е р к у л е с — герой греческой и римской мифологии. Э х и д н а — сказочное злое чудовище, полудева-полузмея, породившая Цербера, Лернскую гидру, Химеру и другие существа (*греч. миф.*). Т и г р — река в Малой Азии, которая, соединившись с другой рекой, Евфратом, впадает, уже как Шатт-эль-Араб, в Персидский залив. В е р х о в ь е Т и г р а — южный склон Таврской цепи, Арманские горы. И с т р — древнее название Дуная. К и р (599—530 гг. до н. э) — царь персидский, основатель Персидского царства, покоритель народов Малой Азии, ионийских городов.

Стр. 395. *Афинский поденщик говорит*.— Избр. произв., III, где озаглавлено: «Что моя жизнь!»

Эпитафия римским воинам.— Неизд. 1935.

Стр. 396. *Тайна деда*.— Неизд. 1928. Рукопись без даты. О л и м п — гора в Греции, почиталась древними греками как обиталище главных богов. П а н — олицетворение природы: пан — бог пастухов, стад; его изображали получеловеком, полукозлом с рожками, игравшим на изобретенной им флейте. Н и м ф ы — олицетворение туч, относились к отряду низших богов, также как д р и а д ы — бродячие нимфы дубовых лесов. М у з ы — богини, покровительницы искусств.

Драма в горах.— Неизд. 1935. Две рукописи, одна датирована: 1916 г., другая: 5 мая 1917 г.

Стр. 398. *Футуристический вечер*.— В рукописи озаглавлено: «Столичный вечер»; в подготовленном к изданию сборнике «Девятая Камена» озаглавлено: «Футуристический вечер».

Стр. 399. *Дама треф*.— П. мечты. Рукопись не датирована, в П. мечты — 1917 г.

Стр. 400. *Провинциальная картинка*.— Избр. пропозв., III. Рукопись без даты. Один ранний отрывок датирован: 1911 г.

В цыганском таборе.— Избр. произв., III. Вяземский Петр Андреевич (1792—1878)— поэт. Овидий (43—16 гг. до н. э.) — римский поэт, умер в ссылке.

Стр. 401. *Буря и затишие*.— Печатается впервые. Э о с — богиня зари, заря (греч. миф.).

Стр. 402. *Парус и чайка*.— Неизд. 1928.

Стр. 403. *Снежная Россия*.— П. мечты.

Стр. 404. *Утренняя тишь*.— Опыты.

Ланьши.— Избр. произв., III.

Стр. 405. *Венок из васильков*.— Неизд. 1928.

Стр. 406. *Лесные тропинки*.— Опыты.

Стр. 407. *В гамаке*.— Неизд. 1928.

Летняя идиллия.— Неизд. 1928. Имеются две рукописи, озаглавленные: «Летняя идиллия» и «По грибы». Дата: 1916 г. «В лесу Сапожниковых» (Тарасовка, под Москвой). В третьей строфе, к третьему стиху — сноска Брюсова: «липка — цветок».

Стр. 408. *Черные вороны*.— Неизд. 1935.

Стр. 409. *Вдоль моря*.— Неизд. 1935. На одном из листов рукописи имеется отрывок, относящийся к этому стихотворению:

Стены, окна, магазины,
Эталажи и витрины,
Электричества игра,—
Но с угла, в усталом взоре,
Засверкало — море! море!
Жидкой массой серебра.

Стр. 410. *Ночные страхи*.— Неизд. 1928. Эпиграф из стихотворения Тютчева «День и ночь».

Стр. 411. *Гребень волны*.— П. мечты. Рукопись без заглавия.

Петру Ивановичу Постникову.— Неизд. 1928. Стихотворение посвящено известному хирургу П. И. Постникову, в лечебнице которого Брюсов провел август и часть сентября 1916 г. Рукопись озаглавлена: «Хирургу П. И. Постникову».

Стр. 412. *Клавдии Николаевне*.— Печатается впервые. К л а в д и я Н и к о л а е в н а — доктор в лечебнице Постникова.

Стр. 413. *И. Иоаннисиану*.— (В альбом) «Русские писатели об Армении. Эривань. Армения, 1916 г.» И о а н н и с И о а н н и с п а н (1864—1929) — армянский поэт-лирик.

Ов. Туманяну.— Т а м ж е. Ованнес Фомич Т у м а н я н (1869—1923) — армянский поэт.

Последний спор.— Опыты.

«ПРЕДИСЛОВИЕ

От автора

Пометив в подзаголовке: «Лирика 1917—1919 гг.», автор желал указать, что в этой книге собраны только лирические стихотворения. Ряд поэм («Египетские ночи», «Симфония 1-я», «Любовь и смерть») и два «Венка сонетов», написанные автором за тот же период времени, не нашли себе места в сборнике, равно как и стихи по вопросам общественным, отзвув на современность, печатавшиеся автором за эти годы в разных газетах и журналах. Правда, современность — слишком властная в наши дни — не могла не проникнуть и в чистую лирику, но эти намеки и отзвуки, конечно, далеко не все, что автор пытался осознать в стихах из великих явлений, сменявшихся одно другим пред его глазами.

Июль 1919 г.

Валерий Брюсов.

Стр. 417. *В горнем свете.* — П. мечты.

Стр. 418. *Пророчества весны.* — П. мечты. Стихотворение из «Девятой Камени», но в «Девятой Камени» — лишь первоначальный набросок. В рукописи четвертая строфа начинается словами:

И вот весна — *сорок четвертая*
И тот же вешний блеск вокруг...

И далее:

Лазурь все так же дивно девственна,
Все та ж листва, никем не смятая,
Все тот же полон цвета луг.

Дальше намечен конец строфы:

И на призыв земле отвечаю,
Как прежде, песней молодой.

Стр. 419. *При свете луны.* П. мечты. Имеются две рукописи, обе датированы: 3 янв. 1918 г. С и н д б а д - м о р е п л а в а т е л ь — персонаж из сказок Шахерезады «1001 ночи».

Стр. 420. *Ученик Орфея.* — П. мечты. Имеются две рукописи, одна без заглавия, обе датированы: 20/7 февраля 1918 г. Орфей (у Брюсова: «сын бога, мой учитель») — считался сыном фракийского царя Эагра и музы поэзии Каллиопы, дочери Зевса, от которой Орфей унаследовал дар песен, счаровывая и людей, и зверей, и даже природу. Он участвовал с аргонавтами в их походе.

Стр. 422. *Зов автомобиля.* — П. мечты. К е н т а в р ы — легендарное племя дикарей, живших в Фессалии, между горами Оссой

и Пелионом; изображались как чудовища — полулюди, полукони.

Стр. 423. *Лунная ночь*.— П. мечты.

Солнцеворот.— П. мечты. Сохранившаяся машинопись датирована: 17 окт. 1910 г.

Стр. 424. *Веснянка*.— П. мечты.

Стр. 425. *Перед маем*.— П. мечты.

Стр. 427. *Работа*.— П. мечты. Рукопись не датирована. Стихотворение было напечатано в журн. «Свобода и жизнь» 18 сент. 1917 г.

Стр. 428. *Пока есть небо*.— П. мечты.

Стр. 429. *«Пусть пред окном моим...»*.— П. мечты.

Стр. 430. *Голос иных миров*.— Опыты.

Стр. 431. *Три яблока*.— П. мечты.

Стр. 432. *Жалоба Фессея*.— П. мечты.

Стр. 433. *Венец Ариадны*.— П. мечты.

Стр. 434. *Мировой кинематограф*.— П. мечты. Б а р к а с ы н а С о л н ц а.— По верованию египтян, бог солнца Ра совершает ежедневно путь по небу в барке. В а в и л о н — столица древней Халдеи, с гигантской башней, пышными постройками, висячими садами — считался одним из семи чудес мира. П е р с — здесь вместо персидских царей — К и р а и Д а р и я. Кир покорил Вавилон и даже отвел русло Евфрата от него. М а к е д о н е ц — Александр Македонский. К а р л В е л и к и й (742—814) — король франков.

Стр. 436. *Затравленный зверь*.— П. мечты.

Стр. 437. *Библиотеки*.— П. мечты.

Перед электрической лампой.— П. мечты.

Стр. 439. *Детская площадка*.— П. мечты.

Стр. 440. *Праздники*.— П. мечты.

Стр. 442. *Колыбельная*.— П. мечты. Рукопись не датирована, в печатном тексте — 1919 г.

Стр. 443. *Беглецы*.— П. мечты. В рукописи эпиграф: «После поражения при Каннах часть римлян, отчаявшись в спасении родины, замыслили бежать в чужие края. Но военные трибуны Аппий Клавдий и Публий Сципион сумели отклонить беглецов от их намерения. Военное счастье изменилось, и Рим вышел победителем из борьбы с Ганнибалом (из учебника истории)». Г а н н и б а л (247—183 гг. до н. э.) — карфагенский полководец. В т о р а я П у н и ч е с к а я в о й н а — вторая война Рима с Карфагеном. После победы при Каннах Ганнибал вернулся в Карфаген, где ему пришлось встретиться с войском Публия Сципиона, впоследствии прозванного Африканцем, с кем он уже ранее сражался в Испании. В 202 г. до н. э. в местечке Заме войско Ганнибала было разбито.

Максиму Горькому в июле 1917 года. — П. мечты. Сонет был написан Брюсовым в ответ на травлю, поднятую контрреволюционной печатью в Петрограде летом 1917 г. против Горького. Получив сонет от Брюсова, Горький (25 июля 1917 г.) прислал ему следующее письмо: «Вы очень тронули меня за сердце, Валерий Яковлевич, — редко случалось, чтоб я был так глубоко взволнован, как взволновало меня Ваше дружеское письмо и милый Ваш сонет. Спасибо Вам. Вы — первый литератор, почтивший меня выражением сочувствия, и — совершенно искренно говорю Вам — я хотел бы, чтоб Вы остались и единственным. Не сумею объяснить Вам, почему мне хочется, чтоб было так, но — Вы можете верить — я горжусь, что именно *Вы* прислали мне славное письмо. Мы с Вами редко встречались. Вы мало знаете меня, и мы, вероятно, далеки друг другу по духу нашему, по разнообразию и противоречию интересов, стремлений.

Тем лучше, — Вы поймете это, — тем ценнее для меня Ваше письмо. Спасибо.

Давно и пристально слежу я за Вашей подвижнической жизнью, за Вашей культурной работой, и я всегда говорю о Вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы — не знаю: эта — искренна.

Будьте здоровы, Валерий Яковлевич, и — всего доброго!

А. Пешков.

Меня не очень огорчает травля, поднятая против меня людьми, одичавшими со страха. В 5—6 годах меня обвиняли, что я «работаю на японские деньги» и обокрал Савву Морозова на три миллиона, кажется.

Но — вот что обидно: что это за страна, где все бесчестно, все продается и где *это никого не удивляет, а только злит?* Ведь суть-то в том, что это именно *не удивляет* никого, и это скверная суть, обиднейшая суть для всех нас!

Крепко жму руку. *А. П.*»

ИЗ КНИГКИ «В ТАКИЕ ДНИ»

Стр. 447. *России.* — В т. дни. В дни взятия Берлина советскими героическими войсками на стенах рейхстага неизвестным бойцом была выписана четвертая строфа этого стихотворения.

Стр. 448. *Третья осень.* — В т. дни.

Стр. 449. *К русской революции.* — В т. дни. В одной из рукописей третья строфа читается:

Ударяя тяжелым копытом,
Ты ломишь устои веков,
И гулок по сломаанным плитам
Стук беспощадных подков.

Стр. 450. *Парки в Москве*.— В т. дни. Парки — у римлян соответствовали греческим Мойрам — богиням судьбы. Парки — три богини преисподней, прявшие нить человеческой судьбы: Клото — богиня рождения, ее изображали с прялкой и куделью, Лахезис — с веретеном, Атропос — с ножницами.

Стр. 451. *Весной* («Не в первый раз твои поля...»).— В т. дни.

Стр. 452. *Нам проба*.— В т. дни.

Стр. 453. *Товарищам интеллигентам*.— В т. дни. Озаглавлено: «Инвектива». Инвектива (от латинского глагола invehere — разразиться против) — слова горького и резкого осуждения. В одной рукописи вариант восьмой строфы читается:

Что ж вы спешите от жизни мимо?
Иль вам бывшее стало любо,
А все, что ново, вам нестерпимо
И ваши чувства ранит грубо?

Стр. 454. *Только русский*.— В т. дни.

Стр. 455. *Серп и молот*.— В т. дни.

Стр. 456. *В такие дни*.— В т. дни. В рукописи первоначально предпоследняя строфа читалась:

В такие дни все внесено в безмерность,
Всем нервам — трепетать, всем снам — гореть!
Пьяней желанья, беспощадней верность,
Блаженный в час победы умереть!

На высях.— В т. дни. Елена прекрасная — жена спартанского царя Менелая, которую похитил Парид (Парис) — третий сын Приама, последнего Троянского царя. Похищение Елены считалось одним из поводов к нападению греков на троянцев. Франческа и Паоло — герои подлинной драмы, разыграншейся в Риме в XIII веке. Муж Франчески, Малатеста, из ревности убил ее и своего красавца брата Паоло.

Стр. 457. *Под гулы и взрывы*.— В т. дни. В черновой рукописи озаглавлено: «Под взлетом судьбы». Чистовая — без заглавия.

Стр. 458. *Гимн Афродите*.— В т. дни. Борей — бог северного ветра. Аквилон — сильный северный ветер (греч. миф.).

Стр. 459. *Романтикам*.— В т. дни.

Стр. 460. *Одиссей у Калипсо*.— В т. дни (см. примеч. к стихотв. «Одиссей»).

Цезарь Клеопатре.— В т. дни (см. примеч. к стихотв. «Юлий Цезарь»). Фаски — связанные пучки прутьев, со вложенной в них секирой, торчащей сверху. Эрос — греческий бог любви, римский Amor; Гест — бог огня и металлических изделий (у римлян — Вулкан), искусный кузнец (греч. миф.) Кифера — остров в Эгейском море славился почитателями Венеры. Фатум — судьба.

Стр. 462. *В первый раз.*— В т. дни.

Стр. 463. *День.*— В т. дни.

Одно лишь.— В т. дни.

ИЗ КНИГ «МИГ»

Книге предпослано предисловие Брюсова: «Почти все стихи, включенные в этот сборник, написаны в конце 1921 г. (август — ноябрь). И с к л ю ч е н и е составляет драматический этюд «Пифагорейцы», написанный в 1920 г., и два стихотв., одно 1919 г., другое 1917 г.

Автор».

Стр. 467. *Смотреть в былое.*— Миг. Т у а р е г и — кочевое племя.

Стр. 468. *Римини.* — Миг. Р и м и н и — город в Италии на западном побережьи Адриатического моря (см. примеч. к стихотв. «На высах»). Имеются несколько черновых набросков. Приводим вариант одного из них:

В твоём векам священном имени
Мечте звучит заветный зов.
Молюсь кровавой тайне Римини
Пред завесой семи веков.

Франческа! Паоло! Вы вверили
Любви безумные сердца,
Вы юной страстью измерили
Блаженство жизни до конца.

Вы не боялись — недосказанных
Страданий сказкой пренебречь,
Когда, в одном объятье связанных,
Вас поразил холодный меч!

Доныне тени нераздельные,
Вы рядом бродите в аду...
Что все мучения беспредельные
Тем, кто блажен в своем бреду!

Франческа! счастьем ты отравлена!
Прелюбодейка и дитя,
Ты Данте сумрачным прославлена,
Бессмертье дважды обрета.

1905, 1914.

На одной из рукописей эпиграф:

Как нимб, Любовь, твоё сиянье
Над всеми, кто погиб любя.

(Из стихотворения «Антоний»)

Апрель.— Миг.

Стр. 470. *Грядущий гимн.* — Миг.

Стр. 471. *Октябрь 1917 года.* — Миг. Печаталось под псевдонимом *Анатолий Галахов*, где стих 13-й, так же как и в Миг, печатался: «И та же Франция явила два желанья». (Шестистопный ямб вместо пятистопного, позднее исправлено Брюсовым.) И д ы М а р т а — памятный день 15 марта, когда был убит Юлий Цезарь. Иды — дни полнолуний. У римлян к этим дням приурочивалось большинство храмовых празднеств. П о с л е д н и й р и м с к и й в о л ь н о д у м е ц — Брут (86—42 гг. до н. э.). Ч е т ы р ь н а д ц а т о е д е к а б р я — день восстания декабристов (1825). Д в а д ц а т о е и ю н я — день, когда депутаты третьего сословия собрались в Jeu de Paume (манеж для игры в мяч) и поклялись не расходиться, пока не добьются прочного государственного строя. Д е с я т ы й д е н ь а в г у с т а — принятие национальным собранием Франции Декларации прав человека и гражданина. С к о р б н ы й д е н ь б р ю м е р — 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), день, когда Наполеон, по возвращении победителем из Египта, совершил государственный переворот и был избран пожизненно консулом.

Оклики. — Миг. В рукописи после подписи и даты есть еще одна строфа:

Чу! гудок фабричный! Чу! зывают
Свистом, пролетая, поезда.
Красные знамена обвивают
Русь былую, словно пояса.

Стр. 473. *Сеем Хронос.* — Миг. Х р о н о с (*греч. миф.*) — бог начала вещей, бог времени; у римлян — Сатурн. А р к а д с к и е б а с и и — Аркадия — страна в древней Греции, центральная часть Пелопоннеса, населенная пастухами, воспевалась поэтами, как страна счастья и благополучия. В о д ы Г е л л ы — Геллеспонт (ныне Дарданельский пролив). Г е л л а (*Helle*) — дочь Афаманса и Нафелы, вместе с братом убегая на золоторунном баране, упала в море, названное в честь нее Геллеспонтом (*греч. миф.*). М е н е с т р е л и — поэты и музыканты, сочинявшие стихи или песни и певшие их под аккомпанемент виолы (смычковый музыкальный инструмент о семи струнах).

Стр. 474. *Зачем?* — Миг. М и с т р а л ь — резкий, холодный ветер, дующий с севера или с северо-востока на юге Франции. Г о л ь ф ш т р е м (вернее Гольфстрем) — морское теплое течение, которое берет начало южнее Малых Антильских островов, образуясь от слияния экваториальных течений — Южного и Северного.

Инкогнито. — Миг. И н к о г н и т о — неизвестный, неузнанный (*лат.*).

Стр. 476. *Вскрою двери.* — Миг. Э л и с с а (*Dido*) — Дидона,

основательница Карфагена, как гласит римское предание. Эней, спасаясь после падения Трои, приплыл к Карфагену и был обласкан Дидоной; когда же он ее покинул, Дидона приказала сжечь себя, но, стоя на костре, пронзила себе грудь. У л и с с — Одиссей. П а р и д — Парис. И л и о н — одно из названий Трои. Г е р а к л — один из героев греческой мифологии (у римлян — Геркулес). И о л а — дочь Еврита, царя Эхалии, преследуемая Гераклом, бросилась со скалы, но благодаря вздувшейся от ветра одежде осталась жива — по одному сказанию; по другому — она погибла.

ПЗ КНИГ И «ДАЛИ»

Сборнику «Дали» Брюсовым было предпослано предисловие: «Стихам, собранным в этом сборнике, может быть сделан упрек, что в них слишком часто встречаются слова, не всем известные: термины из математики, астрономии, биологии, истории и других наук, а также намеки на разные научные теории и исторические события. Автор, конечно, должен признать этот факт, но не может согласиться, чтобы все это было запретным для поэзии. Ему думается, что поэт должен, по возможности, стоять на уровне современного научного знания и вправе мечтать о читателе с таким же мирозерцанием. Было бы несправедливо, если бы поэзия навеки должна была ограничиться, с одной стороны, мотивами «о любви и природе», с другой — «гражданскими темами». Все, что интересует и волнует современного человека, имеет право на отражение в поэзии...

Вообще можно и должно проводить полную параллель между наукой и искусством. Цели и задачи у них одни и те же; различны лишь методы. В области науки мы различаем длинную градацию произведений, от специальных трактатов,двигающих знание, до популярной брошюры. Такую же градацию мы должны установить для созданий искусства. Из того, что «Начала» Эвклида теперь доступны школьникам, не следует, что они выше, значительней, чем «мемуары» Гаусса, поныне читаемые лишь математиками. Что «сказки» и «легенды» Льва Толстого понятны почти каждому грамотному, не значит, что они художественнее, чем «Война и мир».

Между развитием науки и искусства и их распространением есть тесная связь. Чтобы плодотворно работала народная школа, должны существовать университеты и исследовательские институты. Только там возможна успешная популяризация знаний, где наука идет вперед. Только там искусство проникает в народ, где оно живо, не стоит на месте, ищет новых путей...

Автор, однако, чувствует, что сказал больше, чем требовалось от предисловия. Дело в том, что автор отнюдь не считает свою книжку

стихов каким-то специальным исследованием, доступным лишь для посвященных. В конце концов вопросы, затронутые в этих стихах, все должны быть достаточно знакомы среднему образованному человеку наших дней. Так что многое в предыдущих строках было сказано лишь «к слову».

Тем не менее автор еще раз признает, что стихи этой книги (не все, а некоторые) иногда требуют от читателя больше внимания и больше сведений, чем стихи его же других книг (хотя бы сборника, изданного Гос. изд-ом: «В такие дни»). Чтобы несколько ориентировать читателя, в конце книги приложены «некоторые пояснения», касающиеся, впрочем, только слов, менее распространенных, так как о том, что такое «плеозавр» или «Бергсон», можно, в крайности, справиться и в другом месте.

Валерий Брюсов.

Р. S. Все стихи, включенные в этот сборник, написаны за первые четыре месяца 1922 года, январь — апрель».

Стр. 479. *Красное знамя*.— Дали. В газете «Московский понедельник» (3 июля 1922 г.) озаглавлено: «К Новому». Брюсов дает следующее примечание: «М о й р ы — богини судьбы. Д и к е — богиня справедливости. П о с л о в у п о э т а — намек на стихи Тютчева:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.
.....
(Он) заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил».

Стр. 480. *Разочарование*.— Дали. «Л е д и з н о й л и ш ь.— Новейшие исследования точно определили среднюю температуру на поверхности планет, для Марса около -70° , для Венеры $+70^{\circ}$. З в е з д р я д ы с т р о и т ь...— намек на изменения взаимного расположения звезд, в зависимости (для земного наблюдателя) от поступательного движения солнца и (абсолютно) от их собственного поступательного движения». Примечание Брюсова.

Молодость мира.— Дали. «Л е м у р ы — полумифическая раса, достигшая на земле сравнительно высокой культуры (на исчезнувшем материке в Тихом океане). П е р с е и д ы — периодический поток метеоритов». Примечание Брюсова. Р а п а л л о — город в Италии на берегу Генуэзского залива. С а н т а М а р г а р и т а — местечко близ Рапалло.

Стр. 482. *Годы в былом*.— Дали. «В Иосафатовой долине — по христианской легенде, предстоит воскресение мертвых». Приме-

чение Брюсова; К о н к в и с т а д о р (испанск. conquistadores— завоеватели) — так назывались испанцы, впервые захватившие огромные земли в Америке.

Стр. 483. *В прятки.*— Дали.

От виска и до виска.— Дали. «Так как стихотворение передает «бред», то с него нельзя спрашивать географической и зоологической точности. На Самоа, в Тихом океане, конечно, «тигры» не рыщут. Валерий Брюсов» Примечание Брюсова.

Стр. 485. *Сегодня.*— Дали. «З а н з и б а р (в Африке) — шумный, торговый город. Г а в а й с к и е (Сандвичевы) острова (в Тихом океане) — поныне лесисты. М а н д р а г о р ы — намек на роман «Мандрогора», имевший большой успех в Германии за годы после войны. К а л и о с т р о (Cagliostro), или граф А л е к с а н д р о — вымышленные имена известного итальянского авантюриста Ж. Балсамо. Калиостро объездил всю Европу, всюду пользовался успехом, особенно при дворе Людовика XVI». Примечание Брюсова.

Стр. 486. *Над картой Европы 1922 года.*— Дали. «С т о л б ы М е л ь к а р т а, позже Геркулеса — Гибралтарский пролив. К о л х и д а — Кавказ. К р а й П е р и к л а — Аттика. К р а й Л и с а н д р а — Спарта. Ц а р с т в а М и д и й — Персия. Г а з д р у б а л — полководец карфагенян в их последней борьбе с Римом. На О с с у П е л и о н — намек на сказание о борьбе гигантов с Зевсом. К р о н — Хронос». Примечание Брюсова.

Стр. 487. *Новый синтаксис.*— Дали. Рукопись не датирована. «Э д и т а — намек на легенду об Эдите, Лебединой шее, искавшей тело Гаральда на Гастингском поле. (Г а р а л ь д II — король Англии. Легенда об Эдите воспета Гейне в стих. «Гастингское поле битвы». Г а с т и н г с — город в Англии. В 1066 г. Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандский, разбил Гаральда.— И. Б.) Х е м и — Египет. Ш л а к в И о а х и м с т а л е — содержит в себе урановую руду (радий). С ы н К р е з а — был нем до отрочества и заговорил под влиянием испуга, когда при взятии Сард смерть грозила его отцу. М е т ц е н ж е р и М а т и с с — современные французские художники. С у п р е м а т и з м — новейшее направление в живописи». Примечание Брюсова.

ИЗ КНИГ «МЕА» («СПЕШИ»)

В предисловии Брюсов писал: «Продолжая стоять на той же точке зрения (что была высказана в предисловии к сборнику «Дали». — И. Б.), имея в виду проложить пути к «научной поэзии», — автор

и в стихах этого сборника не считал возможным «приспосабливаться» к тому или иному уровню понимания. Он писал для читателя, который знает столько же, сколько он сам, и не настолько нескромен, чтобы считать такое требование преувеличенным. Понимая, однако, что один более ориентирован в одной области, напр., в механике, в технике, другой — в другой, напр., в истории, автор создавал, что отдельные термины и намеки могут оказаться неизвестными отдельным читателям. Поэтому автор и к этому сборнику, как к предыдущему, был принужден присоединить «примечания», в которых, настолько кратко, насколько то возможно, пояснены наименее известные имена, названия и т. п. Само собой разумеется, что словам общезвестным, как Наполеон, Шекспир, Гёте, Седан, Ренессанс, атавизм, атолл, координата, алгоритм и т. п. объяснений не дано. Заглавие «Меа» — латинское слово (повелит. наклонение от глагола *meare*), значит: «спеши».

Сборник «Меа» вышел 12 октября 1924 г., в день похорон Брюсова.

Стр. 491. *Магистраль*.— Меа. «Л е м у р ы , а т л а н т ы — полумифические расы, создатели первых культур на земле». Примечание Брюсова. С е м и р а м и д а — легендарная царица Ниневии, будто бы основательница Вавилона. Р а й м о н д П у а н к а р е — один из президентов Франции (был избран в 1913 г.).

Приводим, начиная со второй строфы, первоначальный текст рукописи:

Карты пестрели потом под феодами...
Страны сбирали опять короли...
Рушились троны и крепили... И одами
Славил поэт властелинов земли...

Войнами царства страдали, как родами.
Армии шли — убивать, умирать...
Кто-то добычу делил... Не народы лишь,
Та, от труда в бой влекомая рать!

Было так, длилось под разными флагами
С Семирамиды до Пуанкаре,
Те, кто владел и властью и благами,
Тесно смыкали приклады в карé;

Те, кто привык быть первыми, зваными,
Поработив труд на радость себе...
Но — ветер взвыл над земными саванами,
Буря, что издавна тлела в судьбе,

Буря, чтоб сбросить победно, решительно
Жизнь, что себя до конца изжила.
В страшных развалах, в разгроме крушительно
Подлинно новая эра взошла. ;

Дальше — как в печатном тексте.

Стр. 492. *После смерти В. И. Ленина.*— Меа.

Стр. 493. *Ленин.*— Меа.

Стр. 494. *У Кремля.*— Меа. «Ш п р е — в Берлине, П о н т и й-ские болота — под Римом, Тем за — в Лондоне, Го ан го — в Китае, Н е п а л — в Индии и т. д.». Примечание Брюсова. М е с о п о т а м и я — междуречье Тигра и Евфрата в Азии.

СССР.— Меа. «К с о з в е з д и ю Г е р а к л а (Геркулеса), предположительно, направляется наше солнце в своем поступательном движении по пространству». Примечание Брюсова.

Стр. 495. *ЗСФСР.*— Меа.

Стр. 497. *Машины.*— Меа. «И н т е г р а л — означается знаком \int ; d — условное обозначение дифференциала, f — функции». Примечание Брюсова.

Стр. 498. *Невозвратность.*— Меа. Рукопись озаглавлена: «Correspondances» («Соотношения»). «Движение планет вокруг солнца по эллипсам есть лишь условное допущение. В силу поступательного движения солнца, подлинные кривые, вычерчиваемые планетами в пространстве, нам неизвестны. Ф и л ь м популяризовавший «принцип относительности Эйнштейна», в 1923 г. обошел все кино Европы. Г о л ь ф ш т р е м, К у р о - С и в о — большие океанские течения». Примечание Брюсова.

Стр. 499. *Мир электрона.*— Меа. В газете «Московский Понедельник», 18 сент. 1922 г., озаглавлено: «Атом». «Современная физика рассматривает атом, как систему, где вокруг центрального ядра вращаются электроны». Примечание Брюсова.

Мир N измерений.— Меа. «Математика допускает возможность измерений свыше третьего, чему посвящен ряд исследований. П и ф а г о р — учил о «музыке сфер». Д е м о к р и т — основатель атомистической теории. Л о б а ч е в с к и й, Р и м а н — математики, много сделавшие для так называемой «не-эвклидовой» геометрии». Примечание Брюсова.

Стр. 500. *Как листья в осень.*— Меа. «См. «Илиада», песнь VI, стих 446 и следующ. «Листьям в дубравах подобны мы все, сыны человеков» и т. д. Вопрос о возможности научным путем бороться со смертью составлял предмет изысканий философа Федорова». Примечание Брюсова.

Стр. 502. «Не память...»— «Автор — внук костромского крестьянина». Примечание Брюсова.

Стр. 503. *Родное.*— Меа. «Б е а р н — во Франции; Б е р н — в Швейцарии. С е р е б р я н а я л а т ы н ь — условный термин латинского языка I—II вв. н. э.». Примечание Брюсова.

Умильные слова.— Меа. «Э р л к е н и г («Лесной царь») и

Л о р е л с и — образы германских народных сказаний». Примечание Брюсова. В одной из рукописей начало второй строфы:

Откуда, из надонных синей
Кто водолазил? кто принес?

Третья строфа:

Романтики цветные связи, —
Щит рыцаря, след мокасин!
Как блеснуть вам на влажном вязе,
Безмолвствовать под дрожь осин?

Стр. 504. *Лесная тьма*. — Меа. «П а н — в греческой мифологии — божество природы; д р и а д ы — там же — лесные полубожества». Примечание Брюсова. Приводим рукопись, где перечеркнуто:

Гуд оживленного металла
Прогнал богов, — и власть ума
Во тьму вихрь света разметала,
Чтоб стала свет — лесная тьма.

Сквозь этот зов гул своенравный
Теперь насквозь прошел наш ум, —
И предо мной, поэтом, равны
И мотóр и «зеленый шум»!

Стр. 505. *Вариации на тему «Медного Всадника»*. — Меа. Рукопись озаглавлена: «Вариации». «Он вариаций — Пушкин; время действия — эпоха польского восстания 1831 г. Д в о е п о д о д н и м п л а щ о м — Пушкин и Мицкевич; сохранилось известие, что Пушкин и Мицкевич однажды, во время ненастья, укрывались у памятника Петра под одним плащом. Н а р о д ы м и р а и т. д. — намек на стихи Пушкина к Мицкевичу, мечтавшему «о временах, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Д р у г о й — Мицкевич. З д е с ь — на Сенатской площади. П е р в о й в о л ь н о с т и п р е д т е ч и — декабристы. В и л ь г е л ь м — школьный товарищ Пушкина, Вильгельм Кюхельбекер, один из декабристов, сосланный в Сибирь. В стихотворении — ряд стихов и выражений из «Медного Всадника» Пушкина». Примечание Брюсова.

Стр. 507. *Мысленно, да!* — Меа. «Б и р м а — в Индо-Китае. М о з и - о - а - Т у н ь я (т. е. «дымы делают шум») — водопад на р. Замбези в Африке, который Ливингстон предлагал назвать «Водопад Виктории». С и р и й — правильное, чем Сириус». Примечание Брюсова.

Стр. 508. *Ариадне*. — Меа.

Стр. 509. *Пятьдесят лет*. — Меа. Имеются две рукописи; та, по которой печаталось стихотворение, озаглавлена: «Пятьдесят

вех», вторая — «Пятьдесят лет». В Меа озаглавлено по второй рукописи, которую приводим ниже. В обеих рукописях стихи — без разбивки на короткие, в обеих — по четырнадцать стихов.

П Я Т Ь Д Е С Я Т Л Е Т

1873—1923

Пятьдесят лет, пятьдесят лент, пятьдесят лестниц:
Медленный исход, на высоту, исход на виду у сотен сплетниц.
Прямо ли, криво ли лестницы прыгали (с ветром ли? с ношей ли?)
ярусны множились,
Узкие дали вдруг вырастали, гор кругозоры снизились, ожили!
Где я? — высоко! — что бархат осока низинных болот.
Что здесь? — поляны! куда и бипланы не взрежут полет.
Пятьдесят лет, пятьдесят лент, пятьдесят входов:
Всех минут зов был труд, каждый день был ступень, год за годом!
Вышина... Тишина... Звезды — вссть... Но ведь знаю,
Есть для рук сильных круг — шире! Есть даль иная!
Только бы дней! Вдвое вольней буду всходить! Ветер, не прошен ты!
В новый обзор дай кинуть взор, раньше, чем вниз ринусь я, сброшен-
ный!

Пятьдесят лет, пятьдесят лент, пятьдесят лестниц!
Еще этот счет! исход все вперед! И пусть на дне — суд обо мне миро-
вых сплетниц!

27 ноября 1923

Стр. 511. *Симпосион заката*.— Меа. «С и м п о с и о н — пир. С т е р л я д ь Д е р ж а в и н а — намек на стих Державина: «Шекспирская стерлядь золотая...» Далее — такие же намеки на стихи Пушкина и Языкова. Т и н т о р е т т о — итальянский художник XVI в». Примечание Брюсова.

Стр. 512. *Карусель*.— Меа. «К е р м е с с ы — народные праздники во Фландрии, которые любил изображать Рубенс». Примечание Брюсова.

ИЗ НЕЗАКОНЧЕННОЙ КНИГИ «СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Десятый том, подготовленный Брюсовым для издательства «Сириус», должен был появиться в 1916 г.; позднее, вплоть до 1924 г., «Сны человечества» многократно пересматривались и пополнялись новыми стихами. К «Снам человечества» Брюсов предпослал следующие объяснения:

«Предлагаемая вниманию читателей книга составляет первый выпуск задуманного мною большого — можно сказать, огромного — труда, озаглавленного «Сны человечества». По моему замыслу эти «Сны» должны представить «лирические отражения жизни всех времен и всех стран». Иными словами я хочу воспроизвести, на русском

языке, в последовательном ряде стихотворений, все формы, в какие облекалась человеческая лирика.

От безыскусственных песен первобытных племен, через лирику древнего Востока, античной древности народов, создавших новую Европу, и народов, населявших Америку до ее завоевания конквистадорами, через все многообразие искусственной поэзии, как она была разработана за последние три-четыре столетия, вплоть до форм, найденных недавним прошлым и отыскиваемых поэтами «сегодняшнего дня», — я хочу представить своим читателям образцы всех приемов, какими пользовался человек, чтобы выразить лирическое содержание своей души. В целом «Сны человечества» должны быть «Хрестоматией всемирной поэзии».

При таком замысле, мне вполне естественно могут сделать возражения: почему я не составил свою хрестоматию из переводов? Тогда читатели были бы уверены, что они знакомятся, действительно, с образцами поэзии определенной эпохи и определенного народа. Тогда как, читая оригинальные стихотворения, только написанные в стиле какой-либо литературной школы, читатели всегда могут сомневаться, насколько точно передан поэтом дух времени, не внес ли он в стихотворения слишком много своего, субъективного.

Свободно владея (кроме русского) языками латинским и французским, я знаю настолько, чтобы читать «без словаря» языки: древнегреческий, немецкий, английский, итальянский; с некоторым трудом могу читать по-испански и по-шведски; имею понятие о языках: санскрите (который изучал в университете), польском, чешском, болгарском, сербском; заглядывал в грамматики языков: древнееврейского, древнеегипетского, древнесарабского, персидского, японского, и хотя не имел досуга изучить их, все же мог составить себе некоторое о них понятие. Кроме того, я пользовался каждым случаем, чтобы, по возможности, пополнять свои сведения о неизвестных мне языках, особенно настойчиво (позволял себе быть даже навязчивым) расспрашивал лиц, сведущих о стихосложении различных языков. В этом отношении я должен здесь припнсти свою глубокую благодарность многим из моих собеседников и прежде всего С. А. Полякову, прекрасному лингвисту, который дал мне драгоценные сведения о стихосложении персидском и японском.

Разумеется, я привожу здесь этот несколько претенцпозный перечень не с целью похвалиться своими лингвистическими познаниями, которые, сравнительно, не велики, т. к. за пределами языков европейских познания мои крайне скудны и, по большей части, сводятся к тому, что я в разное время жизни изучал различные алфавиты, и с полным разумением каждого достигал того, что прочитывал несколько страниц или даже несколько строк какого-либо

литературного памятника вне европейских стран. Но думаю, что даже это немного — не осталось совершенно без влияния на мое представление о духе того или иного языка, а следовательно, и его литературы. По крайней мере я могу утверждать, что несколько персидских газел, прочитанных и переведенных мне С. А. Поляковым, дали мне безмерно больше представления о персидской поэзии, нежели целые томы исследований о персидской литературе.

...В «Снах человечества» мне хочется представить душу человечества, поскольку она выражалась в его лирике. Это не должны быть ни переводы, ни подражания, но ряд стихотворений, написанных в тех формах, какие себе создали последовательно века, чтобы выразить свои заветные мечты. Мне хотелось бы при этом слагать стихи не так именно, как слагали их первобытные люди, поэты восточной и античной древности, поэты Средних веков, эпохи Возрождения и всков, следующих вплоть до нашего времени, поэты разных стран Индии, Персии, Китая, Японии, Мексики, Малайского мира, но так, как они хотели слагать стихи. В обладании всеми теми средствами, какие дает техника современной поэзии, я хотел бы досказать то, что они порывались выразить... Мне хотелось бы перенять не столько внешность различных образов лирики, сколько их дух...»

Стр. 515. *«Кенгуру бежали быстро...»* — Избр. «Academia». Рукопись не датирована, относится к 1907 г.

Воинская песня. — Неизд. 1935.

Стр. 516. *«Царь, Бил-Ибус, я, это вырезал здесь...»* — Сборн. «Сирин». 1913.

Стр. 517. *Надпись.* — Неизд. 1935.

Стр. 518. *Царь о себе самом.* — Неизд. 1935. А м м о н — один из главных богов египетской мифологии.

Стр. 519. *Гимн Нилу.* — Неизд. 1935.

Стр. 520. *Поучение.* — Избр. «Academia».

Стр. 521. *Город вод.* Избр. произв., III. А т л а н т и д а — страна, будто бы существовавшая, но погибшая вследствие какого-то катаклизма, об ней имеется упоминание у Платона. О р и х а л к — металл, также упоминаемый Платоном.

Стр. 523. *Женщины Лабиринта.* — Избр. произв., II.

Стр. 525. *Эгейские вазы.* — Избр. произв., II.

Стр. 527. *Из песней Сапфо* (1. «Ты кудри свои, Дика, укрась, милые мне, венками». 2. «Геспер, приводишь ты все, разметала что светлая Эос». 3. «Рыбарю Пелагону отец Мениск водрузил здесь»). — Опыты; дата рукописи: 1914 г. С а п ф о — греческая поэтесса (VII—VI вв. до н. э.), современница поэта-лирика Алкея, который

являлся ее соперником в поэзии. Сапфо в отчаяньи бросилась со скалы в море. Г е с п е р (Hesperos) — вечерняя звезда. Э о с — утренняя звезда, богиня; Х а р и т ы — грации, богини — воплощение всего прекрасного и соблазнительного (греч. миф.).

К Сапфо («Ты не в гробнице лежишь под украшенным лирою камнем...») — Печатается впервые.

«Где твои стрелы, Эрот, разившие взором Ифтимы...» — Печатается впервые.

Стр. 528. «Алую розу люби, цветок, Эрицине любезный...» — Неизд. 1935.

«Мне говорят, что Марина многим дарит свои ласки...» — Неизд. 1935.

«Голос, груди, глаза, уста, волоса, плечи, руки...» — Неизд. 1935.

Стр. 529. *Poeta Catullianus*. — Опыты (Гендикасиллаб). Э р и ц и н и а — Венера. Catulle Caius Valerius — Катулл Кай Валерий (87—47 гг. до н. э.) — римский поэт. Н а с о п - П у б л и й - О в и д и й, Publius Ovidius Naso, (43—18 гг. до н. э.) — римский поэт. Из многочисленных его произведений известна «Наука любви». Овидий умер в ссылке, на берегу Черного моря в Томиде. У Пушкина в поэме «Цыганы», в рассказе старого цыгана, находим упоминание об Овидии в изгнании:

Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнание.
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозвание).

Ода в духе Горация. — Неизд. 1935. Г о р а ц и й, Quintus Horatius Flaccus (64—8 гг. до н. э.) — римский поэт. С т р о ф и й (strophium) — лифчик. У з о р н а я ч а ш а (patera) — плоская чаша, употреблявшаяся для жертвенных возлияний. Г и п е р б о р е й с к а я з е м л я — далекий Север.

Стр. 530. *Via Appia*. — Неизд. 1935. С т о л а (stola) — женское одеяние, придерживаемое на плечах пряжками. А п п и с в а д о р о г а — одна из дорог, проходившая через Аппиевы ворота наискось всей Италии, кончавшаяся в городе Бриндес, ныне Бриндизи. Построенная (в 312 г. до н. э.) Аппием Клавдием, дорога эта и доныне частью обставлена памятниками и мавзолеями.

Стр. 531. *Отрывок*. — Неизд. 1935.

Стр. 532. «В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня...» — Опыты, где печаталось, как пример газелы. (Брюсов производил «газела», от арабского — ghazal).

Твой взор. — Опыты.

Стр. 534. *Подражанье лирике VI—VII века н. эры.* — Неизд. 1935. В рукописи: «Подражание стихам Амару (VI в. н. э.)».

Стр. 535. *Подражание Рабиндранату Тагору.* — Неизд. 1935.

Стр. 536. *«Белы волны на побережьи моря...»* — Опыты.

«Ветер качает, надыхавшийся чампаком...» — Опыты.

Стр. 537. *«Вижу лик луны...»* — Сборн. «Сирин», 1913.

«В синеве пруда...» — Неизд. 1935.

«Не весенний снег...» — Неизд. 1935.

«Роса ложится, но солнце всходит...» — Неизд. 1935.

Стр. 538. *«По волнам реки...»* — Сборн. «Сирин», 1913.

«Это ты, луна...» — Сборн. «Сирин», 1913. **Т а н к и.** — Пояснение Брюсова: **Т а н к и и х а й - к а й.** **Т а н к а** — любимая форма старояпонских поэтов, стихотворение в 31 слог, расположенных в пяти стихах, по характеру японского языка — без рифм. **Х а й - к а й** — как бы укороченная танка, только ее три первых стиха». Пример хай-кай:

Кто назвал Любовь?
Имя ей он мог бы дать
И другое: Смерть.

Стр. 539. *«Твой ум — глубок, как море...»* — Опыты.

«Пусть этот чайник ясный...» — Печатается впервые.

«Ты мне дороже, чем золото...» — Печатается впервые.

«Все дни — друг на друга похожи...» — Опыты.

«Глупец восклицает: «Ломок»...» — Печатается впервые.

Стр. 540. *Римляне в Китае.* — Печатается впервые. Стихотворение не закончено и не датировано.

Стр. 541. *Песня гренландцев.* — Неизд. 1935.

Стр. 542. *Песнь норманнов в Сицилии.* — Опыты (пример из строфики — Припев). «Из скандинавской саги. В Эде есть пророчество о падении «мирового древа Игдразила, разрушении Азгарда, столицы светлых азов, и гибели всей вселенной. Злой Локки, со своим сыном, волком Фенриром, и дочерью, богиней мертвых Гелой, начнут войну против светлых богов и одолеют их. Вся вселенная сгорит, но из моря подымется новая земля, которая будет лучше прежней. — В. Б.» Примечание Брюсова.

Стр. 543. *Итальянский сонет в духе XIV в.* — Неизд. 1935.

Сонеты в духе Петрарки. *«Вчера лесной я проезжал дорогой...»* — Неизд. 1935.

Стр. 544. *«Как всякий, кто Любви застенков ведал...»* — Неизд. 1935. **Ф р а н ч е с к о П е т р а р к а** (1304—1374) — итальянский поэт, ученый, историк, археолог, видный гуманист эпохи Ренессанса, писал сонеты и канцоны, в которых воспевал любовь к Лауре.

Ф и л о к т е т — один из воителей, отплывший воевать против Трои, но по пути, укушенный змеей, был покинут на острове Лемносе, где жил, страдая от раны и одиночества, пока Одиссей и Диомедон не прибыли за ним на Лемнос.

Стр. 545. *Виланель*. — Опыты. Виланель. «Риторнель, триолет и виланель — «формы», дошедшие из старофранцузской, староитальянской и провансальской поэзии, где зародилось рондо и сонет (*Брюсов*)». Примечание Брюсова.

Стр. 546. *Подражание труверам*. — Неизд. 1935. **Т р у в е р ы** — средневековые поэты северной Франции, писали в жанрах эпической или чисто лирической поэзии. **Т р у б а д у р ы** — средневековые поэты, подвизавшиеся на юге Франции. Трубадуры услаждали своим пением сонетов, пасторалей и других песен владельцев замков и городских богачей.

Баллада о женищинах былых времен. — Сборн. «Сирин», 1913. **Ф р а н с у а В и й о н**, François Villon (1431—1489) — французский поэт, автор «Большого» и «Малого» завещания.

Стр. 547. *Канцона Даме*. — Сборн. «Сирин», 1913.

Стр. 548. *Бретонская песенка*. — Печатается впервые.

Стр. 549. *Ручей*. — Неизд. 1935.

Стр. 550. *Прогулка*. — Неизд. 1935.

Стр. 551. *Народная песня*. — Опыты. (Романские ассонансы.)

Стр. 552. *Иньес*. — Избр. произв., II. **Т о р о с** — бой быков.

Стр. 553. *Испанская песенка*. — Печатается впервые.

Стр. 555. *Король Артур*. — Неизд. 1935.

Стр. 556. *Смерть рыцаря Ланцелота*. — Неизд. 1935.

Стр. 558. *Надписи на воротах* («Кто поздно иль рано придет к сим воротам...»). — Неизд. 1935.

«Путник! в этом городе можешь дни провесть...» — **Т а м ж е**.

«В этом замке живет рыцарь сильный...» — **Т а м ж е**.

«Тихо плещут воды Рейна...» — **Т а м ж е**.

Стр. 559. *«Луна была скрыта за тучей...»* — **Т а м ж е**.

Похищение Берты. — **Т а м ж е**.

Стр. 564. *«Баю, баюшки, баю...»* — Печатается впервые.

«Коль пришел бы мой желанный...» — Печатается впервые.

Стр. 565. *«Ах была, была я прежде...»* — Печатается впервые

«Лучше было б, лучше было б...» — Печатается впервые

Стр. 567. *«Дай мне вечер. дай мне отдых...»* — Неизд. 1935.

«Шuka синяя, зеленая...» — Неизд. 1935.

Стр. 569. *Друзья*. — Опыты. Рукопись без заглавия.

Стр. 570. *Чорт и ведьма*. — Неизд. 1935.

Стр. 571. *«Плохо приходится старому лешему...»* — Печатается впервые.

«*Я присела на крылечко...*» — Опыты. Рукопись датирована: 18 дек. 1914 г. Варшава. Примечание Брюсова: «...Русское древне-народное стихосложение основано на числе образов (значимых), выражений в стихе. Склад новых народных песен (частушек) — почти тошеческий, но со смелыми ипостасами, анакрусами, синересами и т. д., переходящий иногда в склад двух- трехдольников».

«*Ворожила мне маменька...*» — Опыты.

Стр. 572. «*Мой милый друг невозвратимый...*» — Печатается впервые.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШЕ В СБОРНИКИ

1895

Стр. 575. «*Я люблю у застав переулки Москвы...*» — Неизд. 1935.
«*Я много лгал и лицемерил...*» — Неизд. 1935.

1905

Стр. 576. «*Ужель доселе не довольно...*» — Неизд. 1935.
«*Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши...*» — Избр. «Academia».
Стр. 577. «*Нам руки свободные свяжут...*» — Неизд. 1935.
Стр. 578. *К народу.* — Избр. произв., II.

1906

Стр. 579. *Нить.* — Избр. «Academia».

1907

Балаганы. — Неизд. 1935. Р а р и т е т ы — редкости, от латинского raritates.

1909

Стр. 581. *Все напевы.* — Неизд. 1935.

«*Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной...*» — Неизд. 1935. Рукопись со множеством поправок. Кроме приводимых строф, вчтается еще строфа — не полностью нами разобранный, которую приводим здесь:

Ты ночью залита тревожно рдяным светом
В снах электричества купаясь, как в воде.
И посылая весть невидимым планетам,
Чтоб видеть на земле ряд точек (волн?) в огне.

Стихотворение не окончено и не датировано.

1911

Стр. 582. *Москва.* — Стих. Малая. с. 1952. Черновой набросок.

«Чуть видные слова седого манускрипта...» — Избр. «Academia». К р и п т — склеп. Х р о н о с — Сог времени. Р е н ь е (Henri de Régnier) — французский поэт, род. в 1864 г.

Стр. 583. «Всем душам нежным и сердцам влюбленным...» — Неизд. 1935. Стихотворение представляет собой начало венка сонетов, на том же листе имеются два четверостишия следующего сонета:

Камены строгие! — я в вашей грозной власти,
Вы не позволите, чтоб пел я ложь.
Мне повторите: «Снова ты пройдешь
Путем былых блаженств, былых несчастий!»
Я помню, — вечер странно был хорош.
Лилась на землю, как из львиной пасти,
Кровь. Облака как ряд больших запястий
Вились. Была даль из гепардных кож.

При электричестве. — Избр. «Academia». Брюсов рассказывает в своих не изданных воспоминаниях следующее: «Жюль Верн... Не знаю писателя (кроме разве Эдгарда По), который произвел бы на меня такое впечатление. Я впивал в себя его романы. Некоторые страницы его производили на меня неотразимейшее действие. «Тайна таинственного острова» заставляла меня леденеть от ужаса. Заключительные слова «Путешествия капитана Гаттераса» были для меня высшей — доступной мне — поэзией... Последние страницы в «80 000 лье под водой», рассказ о «Наутилусе» (подводном корабле), замершем в безмолвии, до сих пор потрясают меня при перечитывании, может быть, по воспоминаниям». С е м ь я т и т а н и к о в — большие морские пароходы, названы по трагически погибшем пароходе «Титаник». П р и б о р М а р к о н и — беспроволочный телеграф, изобретенный Поповым; изобретение это приписывалось Маркони. В черновом наброске Брюсов озаглавил это стихотворение «Рассуждение в стихах».

Стр. 584. Эмилю Верхарну. — Неизд. 1935.

Стр. 585. Нева. — Неизд. 1935.

Больше никогда. — Неизд. 1928. Inferno — ад (итал.). П е в е ц I n f e r n o — Данте, Б е а т р и ч е — имя восплаемой им девушки.

Стр. 586. Ступени разрушенной лестницы. — Неизд. 1935.

Стр. 587. «Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи...» — Неизд. 1928.

Стр. 587. *Восхождение*. — Неизд. 1928. Варшава. Эпиграф из стихотворения Брюсова «Лестница».

1915

Стр. 588. «*Я устал от светов электрических...*» — Неизд. 1928. М е н е с т р е л и (от средневекового латинского *menestrels*) — бродячие скрипачи в Средние века. Ц и ц е р о — название шрифта.

Стр. 589. *Завет Святослава*. — Избр. 1945. С в я т о с л а в — великий князь Киевский (942—972).

«*В моей душе, как в глубях океана...*» — Неизд. 1928. Сонет заключительный (пятнадцатый) из задуманного венка сонетов. Кроме этого, имеется рукопись первого сонета и первый стих второго. П о л и п ы — животные из простейших организмов. К р ы л а т ы й я щ е р — ископаемое животное. А с с у р — родоначальник ассирийцев. G o r d i a n a — древнее название горной страны, к востоку от Ассирии, между озером Ван и Курдистаном. Г и к с ы — народы Азии, покорившие Египет, предполагают, что то были семитические и хеттские племена, заключившие между собой союз и господствовавшие около 1700—1590 гг. до н. э. Ф и в ы — столица Египта в период Среднего и частью Нового царства. Д а к и — народ фракийского племени, близкого к гетам, заселявший Трапильванию, Румынию и Бессарабию. Впервые о них имеются упоминания в IV в. до н. э. В начале второго века нашей эры даки были разбиты римским императором Траяном. К р е с т н а п л е ч е — эмблема на одежде воинов средневековой армии крестоносцев.

1914 — 1916

Стр. 590. *Египетские ночи*. — Альманах «Стремнины», 1. Москва, 1916 г. Приводим здесь предисловие Брюсова к «Египетским ночам»:

«Как известно, поэма «Египетские ночи» не была закончена Пушкиным. Сохранилось несколько черновых, подготовительных набросков и довольно большой отрывок, включенный в повесть, написанную прозой. Воссоздать по этим данным, что представляло бы целое, — и было задачей моей работы, которую можно назвать «дерзновенной», но ни в коем случае, думаю я, не «кошунственной», ибо исполнена она с подлинной любовью к великому поэту. Почти излишне говорить, что ни на миг не мечтал я сравниться с Пушкиным и своими стихами з а м е н и т ь не написанные части поэмы; я желал только помочь читателям, по намекам, оставленным самим Пушкиным, полнее представить себе одно из его глубочайших созданий. При этом я вовсе не стремился писать непременно «под Пушкина», что крайне стеснило бы свободу творчества, и, чуждаясь всякой стилизации, довольствовался тем, что старался не выходить за

пределы Пушкинского словаря, его ритмики, его рифм. Ограничивать себя теми выражениями, образами, мыслями, которые встречаются у Пушкина, казалось мне неправильным, так как поэт, в дальнейших главах поэмы мог обнаружить и такие стороны своего гения, которые еще не проявлялись отчетливо в других его произведениях.

Все, что уже было сделано Пушкиным для «Египетских ночей», тщательно мною сбережено, не исключая черновых набросков, и заняло соответственные места целого. Стихи, набросанные Пушкиным начерно, остались без изменений, хотя несомненно, что многие из них поэт переделал бы при окончательной обработке поэмы. В недовершенных Пушкиным строфах приходилось прибавлять иногда по одному или по два стиха, в недовершенных стихах — по одному, по два слова, необходимых для рифмы или для смысла, по таких добавлений — очень немного. Впрочем, чтобы быть вполне точным, я должен сказать, что, в одной из недовершенных Пушкиным строф, выражение «она пошла» изменено на «пойдет», а в известном, более обработанном отрывке, включенном в повесть, два слова переставлены для связи с предыдущим: вместо «вдруг» поставлено «вновь» и вместо «вновь» — «вдруг». Следует также добавить, что, во вновь написанных главах, в некоторые стихи введены образы и выражения Пушкина, взятые из чернового наброска, позднее переработанного поэтом (переложенного из шестистопных ямбов в четырехстопные).

В заключение для правильного определения моей ответственности, как поэта, считаю необходимым подробно перечислить все мои заимствования. Пушкину принадлежит: стихи 39—45, 47—54, первая половина стиха 55, стихи 58—59, рифмы стихов 64—65, стих 66, первое слово стиха 67, стихи 69—72, 88—111, 112—115 (из чернового наброска), 116—164, 165—168, 215—222, также отдельные выражения стихов 346—347, 421, 425—426, 468, 497, 505. Все остальные стихи принадлежат мне всецело. *Валерий Брюсов*.

А. М. Горький в письме к В. Я. Брюсову 23 февраля 1917 г. писал: «Прочитал «Египетские ночи». Если Вам интересно мнение профана в поэзии — эта вещь мне страшно понравилась! Читал и радостно улыбался. Вы — смелый и Вы — поэт божьей милостью, что бы не говорили и не писали люди «умственные». («Печать и Революция», кн. V за 1928 г.).

Г р а д К и л и к и й с к и й. — Киликия в древности юго-восточная область Малой Азии; А р г о л и д а — гористая местность в древней Греции. Г и м е н — бог бракосочетания. Д н и Ф а р с а л а (см. примеч. к «Юлию Цезарю») — дни, когда был побежден Помпей. Э п и к у р (342—270 гг. до н.э.) — греческий философ; учение его сводилось к тому, что высшим благом для человека является счастье, которое отнюдь не следует искать в чувст-

венных наслаждениях. Согласно этическому учению Эпикура, оно — в свободе от предрассудков и в знании законов природы

Стр. 607. *«Закат ударил в окна красные...»* — Неизд. 1928.

В недрах. — Неизд. 1928. Эпиграф из стихотворения Брюсова «Нить Ариадны». П л е к т о р (plectrum) — пластинка из слоновой кости, которой водили при игре по струнам лиры

Стр. 608. *«Пришли рассеяния годы...»* — Неизд. 1928. Эпиграф из стихотворения Пушкина «19 октября 1828 года».

1918

Стр. 609. *«Я — междумирок. Равен первым...»* — Неизд. 1928. В «Раннем утре», 1918 г., 7 июня (№ 1011) это стихотворение озаглавлено: «Признание». Датировано: 1911—1918 гг. Дается текст 1918 г.; первоначальный вариант 1911 г.:

Я — междумирок: равен первым,
Я — пэр меж знатностей земли,
И каждым чувством, каждым нервом
Я вторю тем, что не пришли.

Но создан я из темной глины,
И с низшими — родной я брат,
И если я достиг вершины,
Все ж каждый миг стремлюсь назад!

Мне Тенниссон и Бердели — братья,
Им гордо я дарю любовь,
Но людям всем открыл объятья
Тот, в жилах чьих мужичья кровь!

Я твой, Россия, твой по роду,
Мой предок вел соху в полях,
Люблю твой мир, твою природу,
Твоих творящих сил размах!

Поля, где с краю и до краю
Шел «в рабском виде» царь небес,
Любя, дрожа, благословляю:
Здесь я родился, здесь воскрес!

И там, где нивы спелой рожью
Поют Творцу хвалу свою,
Я в пахаре, с священной дрожью,
Безвестный, брата узнаю!

18 июля 1911

П э р ы — представители высшего дворянства в Англии, пользующиеся особыми политическими привилегиями. В е р г и л и й —

римский поэт. «Тот, в жилах чьих мужичья кровь» — дед Брюсова; Косьма Андреевич Брюсов был крепостным у помещицы Костромской губ. Алалыккиной, у которой откупился на волю. Тенниссон Альфред (1809—1892) — английский поэт. Обри Бердслей (1872—1928) — английский художник-график.

Стр. 610. *Вешние воды*. — Неизд. 1928. В рукописи к стихотворению, начисто переписанному, списка: «Предлагаемое стихотв. было автором импровизировано на тему «Вешние воды», предложенную из публики, на вечере в кафе «Десятая Муза» 30 (17) апреля с. г. Ред.» Брюсов в статье «Вчера и сегодня русской поэзии» («Печать и Революция», 1922 г., кн. VII) называет период увлечения чтением стихов с эстрады в кафе — «кафейным».

Стр. 611. *Народные вожди*. — Неизд. 1928.

Стр. 612. «*Слепой циклон, опустошив...*» — Неизд. 1928.

Светоч мысли. — Неизд. 1928. В Опытах Брюсов пишет о сонете: «...В идеальном сонете содержание должно быть расположено сообразно с внешним построением стихотв.: первая кватрина (первое четверостишие) — вводит основную мысль; вторая кватрина — развивает ее; первая терцина (первые три стиха) — противопоставляет основной мысли новую; вторая терцина — дает синтез обеих мыслей». Венок сонетов построен так, что последним стихом первого сонета начинается второй, и так последовательно связываются все четырнадцать сонетов, а последний 15-й сонет состоит из первых стихов всех четырнадцати сонетов и как бы заплетает венок.

I. *Атлантида* — см. примеч. к стихотв. «Город вод». Лемуры — полумифические расы, создатели первых культур на земле; Зенит (от арабск. *senit* — прямой путь) — воображаемая точка на видимом нам небосводе прямо над нашей головой, в любом месте земного шара, а Надир (арабск. *nadhara* — смотреть) — прямо противоположная точка зениту на небосводе другого полушария, которая пришлась бы прямо под нашими ногами, если провести воображаемую вертикальную линию через всю толщу земного шара.

Стр. 613. II. *Халдея*. — Аймара — индейское племя в Перу и Боливии; судя по развалинам грандиозных построек, можно предполагать о прежней высокой культуре народа. Тир — город в Финикии. Ягве, Иегова — еврейское название бога. Кукулкан — название божества у индейских племен. Вещание звезд — халдеи и вавилоняне первые звездочеты-астрологи. Зодиак — созвездия, расположенные полосой по эклиптике. Наири — древняя Армения.

III. *Египет*. — Бог Тот — древнеегипетский бог луны, времени, мудрости и культуры. Атланты — полумифические люди, обитатели Атлантиды. «Чтоб в числах три, двенадцать и

ч е т ы р е» — разные астрономические вычисления, по выражению Горация — «халдейское мудрствование».

Стр. 614. IV. *Эллада*. — Ф р е с к а — живопись по свежей, не просохшей штукатурке. В о б т о ч е н н о м с а п ф и р е — гемма, резьба из твердых камней. Древние греки мастерски вырезали — камси, инталли (вдавленный узор), посившие общее название гемм. О с и р и с — египетское божество, олицетворение доброго начала. М и с т е р и я — религиозный обряд.

V. *Эллинизм и Рим* — культура эллинов и римлян. П р и п е р в о м т р и у м в и р е — см. примеч. к стихотв. «Юлий Цезарь». Л е г и о н ы — войсковые соединения у римлян.

VI. *Римская империя*. — М е л ь к а р т или М е л и к а р т — «царь города», бог города Тира (*финикийский миф*). По греч. миф. — бог, покровитель буруеваемых кораблей. В р а т а М е л ь к а р т а — Гибралтарский пролив. К л и р — здесь — хор, но вообще — священнослужители.

Стр. 615. VII. *Переселение народов*. — К а р л В е л и к и й — см. примеч. к стихотв. «Мировой кинематограф».

VIII. *Средние века*. — Т у р п и р — рыцарские праздники, сражение всадников на тупых шпагах и копьях.

Стр. 616. IX. *Возрождение*. — Э п о х а В о з р о ж д е н и я — мощное культурное движение, возникшее в Италии на смену Средневековью.

X. *Реформация*. — Л ю т е р М а р т и н (1483—1546) — германский реформатор церкви. П е р к л а с — немецкий полководец, возглавлявший армию католической лиги, после ряда побед был разбит шведским королем Густавом Адольфом (1559—1632). К р о м в е л ь О л и в е р (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции XVII в., протектор республики. В а р ф о л о м е е в а н о ч ь — ночь (24 августа 1572 г.) избиения в Париже гугенотов католиками.

Стр. 617. XI. *Революция*. — Французская революция 1789 г. В е к ф и л о с о ф и и — Руссо Ж а н-Ж а к (1712—1778), Вольтер Ф р а н с у а М а р и А р у э (1694—1778), Д и д р о Д е н и (1713—1784) и др.

XII. *Наполеон*. — В а г р а м и Д р е з д е н, А у с т е р л и ц и И е н а — памятные места сражений Наполеона.

Стр. 619. *Труд*. — Неизд. 1928. Т р о г л о д и т — первобытный житель пещер.

Стр. 620. *Праздник труда*. — Неизд. 1928.

Стр. 621. *«Я доживаю полстолетья...»* — Неизд. 1935.

Стр. 622. *«Что день, то сердце все устaley...»* — Неизд. 1935.

1920

Стр. 623. *Бунт.* — Неизд. 1928.

Стр. 624. *«Не довольно ль вы прошлое не жили...»* — Неизд. 1928.

П а л л а д и о **А н д р е а** (1518—1580) — итальянский архитектор, который достроил собор св. Петра, после смерти архитектора Браманта. **К л а в д и й** — римский император, в годы его царствования (41—54 гг. н. э.) был возведен ряд больших построек. **А у э р б а х - К е л л е р** — погребок в Лейпциге. **П о м п е я** и **Г е р к у л а н** — римские города, погибшие при извержении вулкана Везувия. Помпея была засыпана пеплом, а Геркуланум был залит лавой (79 г. до н. э.). **«А т л а н т и к а»** — большой океанский пароход, погиб от столкновения с айсбергом.

«Мы — в народе возрожденном...» — Печатается впервые.

Стр. 625. *«Пусть вечно милы посеvy, скаты...»* — Неизд. 1928.

Стр. 626. *«Я вырастал в глухое время...»* — Неизд. 1928.

Стр. 627. *«Когда стоишь ты в звездном свете...»* — Неизд. 1928.

Дворец центромашин. — Неизд. 1928.

Стр. 629. *«Мечта, внимай! Здесь, в полночи бездонной...»* — Неизд. 1928.

Стр. 630. *Болезнь.* — Печатается впервые.

Стр. 631. *«Снова сумрак леса зелен...»* — Неизд. 1928.

1921

Стр. 632. *«Последние дымы войны...»* — Неизд. 1928.

«Дни для меня не замысловатые фокусы...» — Неизд. 1928.

Стр. 633. *«Еще раз, может быть в последний...»* — Неизд. 1935.

Стр. 634. *Поэту.* — Неизд. 1928. **Г н о м ы** — короткие выразительные изречения в древнегреческой поэзии. Данный гном представляет собой редкий в русской поэзии образец трехстопной спондеической строфы.

1922

Стр. 634. *«Созвучья слова не случайны.»* — Неизд. 1928.

Стр. 635. *«Любы глазу родные привычки.»* — Неизд. 1935. Стихотворение не кончено, первый стих пятой строфы недописан: «И те, за рубежом...» Имеются две строфы — варианты стихов: 1-й и 2-й ст.:

Любы глазу родные привычки, —
Он просторы вдыхал не всегда ль?

7-й и 8-й ст.:

Какая пустая бутада,
Что родина наша везде!

Будущее.— Неизд. 1928.

«Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!..» — Неизд. 1928. Саргон, или, вернее, Шаррукин (722—705 гг. до н. э.) — ассирийский царь, основатель династии Саргонидов; он разрушил царство израильтян, воевал с Египтом, Арменией и Халдеей.

Стр. 636. *Aux Champs-Élysées* или на Риджент-стрите». — Избр. «Academia». Aux Champs-Élysées — на Елисейских полях. Елисейские поля — большой парк, любимое место прогулок парижан. Риджент-стрит — улица в Лондоне, но Брюсов имел в виду Риджент-парк, один из больших лондонских парков. Демокрит — греческий философ, родился около 460 г., умер около 370 г. до н. э.; вместе со своим другом Левкиппом разрабатывал теорию атомов. Архимедов рычаг — очевидно, намек на будто бы сказанные Архимедом слова: «Дайте мне точку опоры, я переверну весь мир».

1923

Стр. 637. *Шарманка.*— Неизд. 1928, где ошибочно отнесено к 1924 г.

«Развертывается скатерть, как в рассказе о Савле...» — Неизд. 1928. Рассказ о Савле — история Савла (апостола Павла), изложенная в книге «Деяния апостолов». Канкан — танец. Шапо-кляк — складной цилиндр.

Стр. 638. *Ультиматум весны.*— Неизд. 1928. Атлантида — мифическая страна. Майя — страна майев, в древности население Юкатана, части Мексики и др. стран Центральной Америки.

Стр. 639. *Товарищам поэтам.*— Неизд. 1928. Клодайк — город в Канаде, граничащий с Аляской. Камбоджа — (Кхмер) — французская колония в южной части п-ова Индо-Китай.

Стр. 640. *На смерть вождя.* (1924).— Неизд. 1935.

Стр. 641. «Свет обмер, тени наклонились...» — Неизд. 1928.

Dolce far niente.— Неизд. 1928. Эпиграф из стихотв. Брюсова «День растоплен» (*Tertia vigilia*) *Dolce far niente* — приятное безделье (итал.). Написано в 1924 г. летом, в Алушке.

Стр. 642. «Краткими складками взморщи». — Неизд. 1928.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- Август — 229.
 Александр Великий — 94.
 Александрийский столп — 302.
 «Алую розу люби, цветок, Эрицине
 любезный...» — 528.
 Амалтея — 95.
 Антоний — 194.
 Апрель — 468.
 Арабат из Эривани — 392.
 Ариадна
 Жалоба Фессея — 432.
 Венец Ариадны — 433.
 Ариадне («Слышу: плачут волны
 Эльбы...») — 508.
 Ассаргадон. *Ассирийская надпись* —
 89.
 Атлантида — 612.
 Афинский поденщик говорит — 395.
 «Ах, была, была я прежде...» — 565.
 Балаганы — 579.
 Баллада воспоминаний («На склоне
 лет, когда в огне...») — 357.
 Баллада о женщинах былых времен
 (*Из Франсуа Вийона*) — 546.
 Баллада о любви и смерти («Когда
 торжественный Закат...») — 356.
 Балтика
 I. «Ветер с моря волны гонит...» —
 107.
 II. «Из-за облака скользящий...» —
 108.
 III. Закат — 108.
 IV. Еще закат — 108.
 V. «Море — в бессильном покое...»
 — 109.
 «Бахус» Рубенса — 363.
 «Баю, баюшки, баю...» — 564.
 Баязет — 100.
 Беглецы — 443.
 «Белы волны на побережьи моря...» —
 536.
 Библиотеки — 437.
 Близким
 I. «Нет, я не ваш! Мне чужды цели
 ваши...» — 576.
 II. «Нам руки свободные свяжут...» —
 577.
 Близкой — 218.
 Близ моря — 288.
 Блудный сын — 150.
 Болезнь — 630.
 Больше никогда — 585.
 Братьям соблазненным — 126.
 Бретонская песенка — 548.
 Будущее — 635.
 Бунт — 623.
 Буря и затишье — 401.
 Быть без людей — 221.
 Вариации на тему «Медного всадни-
 ка» — 505.
 В Баку — 389.
 «В борьбе с весной редет зимний
 холод...» — 112.
 В Варшаве — 346.
 В Вильно — 345.
 В гамане — 407.
 В Голландии — 324.
 В горнем свете — 417.

*Вдали, благостно сверкающей...» — 190.
 Вдоль моря — 409.
 Век за веком — 228.
 Венец Ариадны — 433.
 Венеция — 181.
 Венок из васильков («Любо василечки...») — 405.
 Венок на могилу («Я не был на твоей могиле...») — 337.
 Веселый зов — 269.
 Весеннее («Оснеженный последним снегом...») — 328.
 Весна («Белая роза дышала на тонком стебле...») — 69.
 Весной («Не в первый раз твои поля...») — 451.
 Весной («Попискивают птицы...») — 328.
 Веснянка — 424.
 *Весь день был тусклый, бледный и туманный...» — 105.
 *Ветер качает, надыпавшийся чам-паком...» — 536.
 *Ветер с моря волны гонит...» — 107.
 Вечер («Утомленный. сонный вечер...») — 72.
 Вечер над морем («Желтым золотом окрашены...») — 325.
 Вечерний Пан — 327.
 Вечерний прилив — 247.
 Вечеровая песня — 286.
 Вечером в дороге — 327.
 Вечер среди снегов — 221.
 Вешние воды. *Импровизация* — 610.
 Via Appia — 530.
 *Вижу лик луны...» — 537.
 Виланель — 545.
 Висби — 225.
 В итальянском храме — 290.
 В камышах — 61.
 В лесу — 276.
 В лодке — 334.
 В мартовские дни — 380.
 *В мире широком, в море шумящем...» — 128.
 *В моей душе, как в глубях океана...» — 589.
 В моей стране — 273.
 В море — 224.
 В недрах — 607.
 В неконченном здании — 125.
 Возрождение — 616.

Воинская песня — 515.
 Война — 202.
 В окопе — 346.
 *Волны избегают и пенятся...» — 103.
 *Волны приходят, п волны уходят...» — 406.
 *Ворожила мне маменька...» — 571.
 Воспоминания о малюточке Коре — 54.
 Восхождение — 587.
 В ответ — 152.
 В первый раз — 462.
 В прошлом — 58.
 В прятки — 483.
 В разные годы — 319.
 В разрушенном Мемфисе — 358.
 М. А. Врубелю — 263.
 *Все дни—друг на друга похожи...» — 539.
 Все кончено — 53.
 *Всем душам нежным и сердцам влюбленным...» — 583.
 Все напелы — 581.
 *В синеве пруда...» — 537.
 Вскрою двери — 476.
 В старом Париже (*XVII век*) — 58.
 Встреча («Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида, в царстве пламенного Ра...») — 233.
 Встреча после разлуки («Забытая, былая обстановка...») — 49.
 В такие дни — 456.
 В Тифлисе — 390.
 В том же парке («Здравствуй, листик, тихо падающий...») — 244.
 В том же парке («И в том же парке, давнем, старом...») — 332.
 *В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня...» — 532.
 В цыганском таборе — 400.
 *Вчера лесной я проезжал дорогой...» — 543.
 В пихерах — 227.
 *В этом замке живет рыцарь сильный...» — 558.
 Газели
 *В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня...» — 532.
 Твой взор — 532.
 Гарibaldi — 360.
 *Где подступает к морю сад...» — 104.

«Геспер. приводишь ты всё, размела что светлая Эос...» — 527.
 Гимн Афродите («Гимны слагать не стану бессмертной и светлой богине...») — 317.
 Гимн Афродите («За длительность вот этих мигнов странных...») — 458.
 Гимн богам — 316.
 Гимн Нибу — 519.
 «Глупец восклицает: «Ломок...» — 539.
 Годы в былом — 482.
 «Голос, груди, глаза, уста, волосы, плечи, руки...» — 528.
 Голос иных миров — 430.
 Голос мертвого — 241.
 Голос прошлого — 187.
 Голос часов — 176.
 «Голубое, голубое...» — 191.
 Город вод («Был он, за шумным простором...») — 521.
 Городу («Царя властительно над долом...») — 246.
 Городу («Я люблю большие дома...») — 110.
 Гребень волны — 411.
 Гребцы гиремы — 198.
 Грустный вечер — 231.
 Грядущие гунны — 207.
 Грядущий гимн — 470.
 «Давно ушел я в мир, где думы...» — 90.
 «Дай мне вечер, дай мне отдых...» — 567.
 Дама треф — 399.
 «Да, можно любить ненавидя...» — 280.
 Данте («Безумцы и поэты наших дней...») — 97.
 Данте в Венеции («По улицам Венеции, в вечерний...») — 98.
 Две головки — 355.
 Дворец центромашин — 627.
 Девятая Камена — 373.
 Девятнадцатый век — 618.
 Дедал и Икар — 251.
 День — 463.
 «День растоплен; море синее...» — 105.
 Десятая часть — 374.
 Детская — 154.
 Детская площадка — 439.
 Детские упования — 315.

«Дни для меня не замысловатые фокусы...» — 632.
 Довольным — 207.
 Дождь и солнце («Муаровые отблески сверкают под лучом...») — 334.
 «Дождь! тебя благословляю...» — 534.
 Должен был — 310.
Do!ce far niente — 641.
 Дома — 278.
 Дон Жуан — 100.
 Драма в горах. *Надпись к гравюре* — 396.
 Друзья — 569.
 Египет — 613.
 Египетские ночи. *Поэма в 6-ти главах* — 590.
 Египетский раб — 296.
 Единоборство — 366.
 Еще закат («Свой круг рисуя все ясней...») — 108.
 «Еще раз, может быть, в последний!..» — 633.
 Жалоба Фессея — 432.
 «Желтым шолком, желтым шолком...» — 189.
 Женский портрет — 351.
 Женщине — 113.
 Женщины Лабиринта — 523.
 Жернова — 129.
 Жизнь — 238.
 Жрец Изиды — 92.
 Завет Святослава — 589.
 Закат («Видел я над морем серым...») — 108.
 Закат над морем («Над морем из серого крепа...») — 322.
 «Закат ударил в окна красные...» — 607.
 Заключение — 618.
 Залог — 128.
 Замкнутые. *Отрывки из незаконченной поэмы* — 133.
 Западный фронт — 348.
 Затравленный зверь. *С гравюры* — 436.
 За утесом — 239.
 Зачем — 474.
 Звезда — 265.

«Звезда затеплилась стыдливо...» — 103.

«Звезды тихонько шептались...» — 48.

Зеленый червячок — 119.

Земле — 313.

Зерно — 274.

Зимнее возвращение к морю — 325.

Зимние дымы — 177.

Знакомая песнь — 205.

Зов автомобиля — 422.

ЗСФСР — 495.

Идеал — 83.

«Идут года. Но с прежней страстью...» — 271.

Из «Вепка» — 527.

Из дневника

Полно! — 382.

Потоп — 383.

«Из-за облака скользящий...» — 108.

Из песней Сапфо

«Ты кудри свои, Дика, укрась, милые мне, венками...» — 527.

«Геспер, приводишь ты всё, разметала что светлая Эос...» — 527.

«Рыбарю Пелагону отец Мениск водрузил здесь...» — 527;

К Сапфо — 527.

Из «Венка» — 527.

Из письма — 46.

Изречения

Афинский поденщик говорит — 395.

Эпитафия римским воинам — 395.

Иматра — 320.

«И небо, и серое море...» — 116.

Инкогнито — 474.

«И ночи и дни примелькались...» — 77.

И. Иоаннисиану. В альбом — 413.

In hac lacrimarum valle — 166.

Иньес — 552.

Искатель — 148.

«И снова дрожат они, грезы бессильные...» — 74.

«И снова я, простерши руки...» — 279.

Испанская песенка — 553.

«Итак, это — сон, моя маленькая...» — 336.

Итальянский сонет в духе XIV в. — 543.

«Как всякий, кто Любви застеноч ведал...» — 544.

Как листья в осень — 500.

«Как птицы очковой змеей очарованы...» — 281.

Калейдоскоп — 364.

Каменщик («Каменщик, каменщик в фартуне белом...») — 175.

Каменщик («Камни, полдень, пыль и молот...») — 197.

Канцона даме. Подражание средневековым провансальским трубадурам — 547.

К Арарату — 391.

К Армении («В тот год, когда господь сурово...») — 389.

К армянам («Да, вы поставлены на грани...») — 387.

Карусель — 512.

К близкой — 169.

К Деметре — 192.

Кенгуру бежали быстро... — 515.

Кинжал — 201.

«Кипит встревоженное море...» — 106.

Клавдии Николаевне — 412.

Клеопатра — 96.

Клитемнестра — 296.

К Медному всаднику — 256.

К моей стране — 304.

К народу. Vox populi — 578.

Коварность — 271.

«Когда были дни я вижу сквозь туман...» — 62.

«Когда опускается штора...» — 111.

«Когда сижу один, и в комнате темно...» — 110.

«Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи...» — 587.

«Когда стоишь ты в звездном свете...» — 627.

«Когда твой поезд, с ровным шумом...» — 170.

К олимпийцам — 200.

Кольбельная — 442.

«Коль пришел ты, мой желанный...» — 564.

Коляда — 120.

Кому-то — 261.

Конь блед — 213.

Король Артур — 555.

Который раз — 231.

К портрету М. Ю. Лермонтова — 117.

Краски — 130.

Красное знамя — 479.

Краткая автобиография — 35.

«Краткими складными вamorщи...» — 642.

Крот — 329.

Круги на воде — 343.

К русской революции — 449.

Крым. Черное море

I. «Волны избегают и пенят-ся...» — 103.

II. «Звезда затеплилась стыдливо...» — 103.

III. «У перекрестка двух до-рог...» — 103.

IV. «Месяца свет электриче-ский...» — 104.

V. «Лежу на камне, солнцем разогретом...» — 104.

VI. «Где подступает к морю сад...» — 104.

VII. «Словно птица Большая...» — 105.

VIII. «Весь день был тусклый, блед-ный и туманный...» — 105.

Крысолов — 197.

К самому себе — 113.

К Сапфо — 527.

К собору Кемпэра — 257.

К счастливым — 208.

К Тихому океану — 202.

«Кто поздно или рано придет к спм воротам...» — 558.

Кубок — 196.

К устью — 179.

К финскому народу — 303.

К Швеции — 222.

La belle dame sans merci — 256.

Ландыш — 404.

Лев святого Марка — 180.

«Лежу на камне, солнцем разогре-том...» — 104.

Ленин — 493.

L'enlui de vivre — 158.

Лесная тьма — 504.

Лесные тропинки — 406.

Лестница — 144.

Летняя гроза — 277.

Летняя идилия — 407.

Летом 1912 года — 310.

Лишь безмятежного мира — 375.

«Луна была скрыта за тучей...» — 519.

Лунная ночь — 423.

«Лучше было б, лучше было б...» — 565.

Львица среди развалин — 57.

Лыдинка — 283.

«Люблю вечерний свет, и первые ог-ни...» — 111.

Люблю одно — 174.

«Любовь ведет нас к одному...» — 282.

«Любы глазу родные привычки...» — 635.

Магистраль — 491.

Максиму Горькому в июле 1917 года — 443.

Мария Стюарт — 101.

Машины — 497.

Между двойною бездной — 116.

«Меня, искавшего безумий...» — 189.

«Мерно вьет дорога...» — 106.

«Мерный шум колес...» — 71.

«Месяца свет электрический...» — 104.

«Мечта, внимай! Здесь, в полночи бездонной...» — 629.

Мечтание — 147.

Мир — 164.

Мир N измерений — 499.

Мировая война XX века — 618.

Мировой кинематограф — 434.

Мир электрона — 499.

«Мне говорят, что Марина многим дарит свои ласки...» — 528.

«Мой милый друг невозвратимый...» — 572.

Молодость мира — 480.

Mon rêve familier — 170.

«Море — в бессильном покое...» — 109.

Москва. *Отрывок* — 582.

«Мох, да вереск, да граниты...» — 190.

Моя мечта — 57.

«Мы бродили, вдвоем и печальны...» — 75.

«Мы в лодке вдвоем, и ласкает вол-на...» — 191.

«Мы — в народе возрожденном...» — 624.

«Мы ехали долго, без цели, куда-то...» — 71.

Мы — скифы — 394.

Мысленно, да! — 507.

Мыши — 120.

Мюльбах — 289.

На вечернем асфальте — 270.

На высях — 456.

На Готланде — 225.
 На гранитах — 223.
 Над Иматрой — 320.
 Над картой Европы 1922 г. — 486.
 Над океаном
 Отлив — 258.
 Прилив — 259.
 Надписи на воротах
 1. «Кто поздно пль рано придет
 к сим воротам...» — 558.
 2. «Путник! в этом городе можешь
 дни провесть...» — 558.
 3. «В этом замке живет рыпяр
 спльный...» — 558.
 Надпись («Паше войско двигалось
 мирно...») — 517.
 Над Северным морем — 322.
 На журчащей Годавери — 55.
 На заре — 284.
 На Карпатах — 344.
 На Ладогe
 Буря и затишье — 401.
 Парус и чайка — 402.
 На леднике — 290.
 На могиле Ивана Коневского — 291.
 Нам проба — 452.
 «Нам руки свободные свяжут...» — 577.
 На новый 1905 год — 203.
 Наполеон («Да, на дороге поколе-
 ний...») — 102.
 Наполеон («Шумя, Европу обняла
 война...») — 617.
 Народная песня — 551.
 Народные вондп — 611.
 На санках — 339.
 На смерть вондп — 640.
 На смерть А. П. Скрябина — 368.
 «Настал заветный час дремотный...» —
 115.
 На улицах — 379.
 На форуме — 257.
 Начинаяшему — 264.
 Наша гень — 244.
 «Небо чернело огнями...» — 107.
 Нева — 585.
 «Не весенний снег...» — 537.
 Невозвратность — 498.
 «Не довольно ль вы прошлое нежп
 ли...» — 624.
 Не память — 502.
 «Не правда ли: мы в сказке...» — 169.
 «Нет, я не ваш! Мне чужды цели
 ваши...» — 576.

«Ни красок, ни лучей, ни арома-
 та...» — 79.
 Нить («Отдался ль я случайному
 наитью...») — 579.
 Нить Ариадны («Вперяю взор бес-
 спльно жадный...») — 149.
 Новый синтаксис — 487.
 Ночные страхи — 410.
 Ночь («Горящее лицо земля...») — 176.
 Ночью («Воздух становится си-
 ним...») — 185.
 Ночью светлой («Ночью светлой,
 ночью летней...») — 329.
 Облака — 178.
 «Обошла тропа утес...» — 107.
 Ода в духе Горация — 529.
 Одиночество — 219.
 Одиссей («Певцами всей земли про-
 славлен...») — 252.
 Одиссей у Калипсо («Сквозь мягкий
 дым земных воспоминаний...») —
 460.
 Одно лишь — 463.
 Одному из братьев (*утрекнувшему*
 меня, что мои стихи лишены об-
 щественного значения) — 205.
 Ожерелье («Руки, вечно молодые...») —
 309.
 Ожерелья дней («Пора бы жизнь
 осмыслить, подытожить...») — 375.
 Океан и дюны — 324.
 «О, когда бы я назвал своею...» — 81.
 Оклики. *Четвертый октябрь* — 471.
 Октябрь 1917 года — 471.
 «Она в густой траве запряталась
 ничком...» — 45.
 «Опять и любимым мелочам...» — 386.
 «Опять — развесистые липы...» — 347.
 Орел двуглавый — 384.
 Освобожденная Россия — 378.
 Освобождение — 240.
 Осеннее прощание альфа — 230.
 Осеннее чувство — 43.
 «Осенний день был тускл и скуден...» —
 113.
 Осенью («Небо ярко, небо сине...») —
 236.
 Ответ — 295.
 От виска п до виска — 483.
 Отлив — 258.
 Отрады — 127.
 Отырвок — 531.

Охотник — 187.

«Aux Champs-Élysées или на Риджент-стрите» — 636.

Паломникам свободы — 206.

Памятник — 311.

Папоротник — 123.

Париж — 162.

Парки в Москве — 450.

Парус и чайка — 402.

Певцу «Слова» — 361.

Первая любовь. *Отрывок из незаконченной поэмы* — 139.

«Первая русская книга после далеких скитаний...» — 73.

Первый снег — 60.

Перед грозой — 122.

Перед маем — 425.

Перед электрической лампой — 437.

Переселение народов — 615.

Песни в духе Г. Гейне

1. «Тихо плещут воды Рейна...» — 558.

2. «Луна была скрыта за тучей...» — 559.

Песня гренландцев — 541.

Песня («Нет таких дней, когда песни — не нужны...») — 385.

Песня норманнов в Сицилии («Здесь в рощах помавают лавры...») — 542.

Петербург — 361.

Петру Ивановичу Постникову — 411.

«Плохо приходится старому лешему...» — 571.

Побег («Мой трубный зов! ты мной слышан...») — 146.

Побег пастуха («На этой ели благосклонной...») — 242.

«Поблдевшие звезды дрожали...» — 74.

«По волнам реки...» — 538.

Повольник — 241.

Под гулы и взрывы — 457.

Подражание Рабиндранату Тагору — 535.

Подражание труверам — 546.

Подражанья лирине VI века н. э.

1. «Дождь! тебя благословляю!...» — 534.

2. «Уже за горы канул месяц...» — 534.

3. «Я брошен ею, но я не плачу...» — 534.

4. «Через речку цепкие лианы...» — 534.

5. «Я не всходил на Гималаи...» — 535.

Подруги — 61.

«Поезд врывается в древние скалы...» — 72.

Пока есть небо — 428.

Полно! — 382.

По меже — 275.

«Помню вечер, помню лето...» — 185.

По поводу «Me eum esse» — 118.

По поводу сборников «Русские символисты» — 117.

По поводу *Chefs d'œuvre* — 68.

Портрет — 195.

Последнее желанье — 144.

«Последние дымы войны...» — 632.

Последние слова — 77.

Последний путь — 369.

Последний спор. *Из дневника* — 413.

Последняя война — 341.

После скитаний — 335.

После смерти В. И. Ленина — 492.

Потоп — 383.

«По улицам узким, и в шуме и ночью, в театрах, в садах я бродил...» — 143.

Поучение — 520.

Похищение Берты. *Романтическая баллада* — 559.

Poeta Catullianus — 529.

Поэт — музе («Я изменял и многому и многим...») — 293.

Поэту («Ты должен быть гордым как знамя...») — 217.

Поэту. («Верь в звук слов...») — 634.

Праздники — 440.

Праздник труда. *Гимн Первого Мая 1919 года* — 620.

Предвещание — 314.

Пред грозой — 120.

Предчувствие — 284.

Прибой — 226.

Прилив — 259.

При свете луны — 419.

«Пришли рассеяния годы...» — 608.

При электричестве — 583.

Провинциальная картинка — 400.

Прогулка — 550.

Пророчества весны — 418.

Простенная песня — 352.

Противоречия

1. Песня — 385.
 2. «Опять к любимым мелочам...» — 386.
- «Прохлада утренней весны...» — 80.
Прощальный взгляд — 168.
Психея — 93.
«Пусть вечно милы посевы, скаты...» — 625.
«Пусть пред окном моим...» — 429.
«Пусть этот чайник ясный...» — 539.
«Путник! в этом городе можешь дни провести...» — 558.
Путник («По беломраморным ступеням...») — 155.
Путь к высотам. *Сонет-акrostих* — 369.
Пятьдесят лет — 509.

- Работа («Единое счастье — работа...») — 427.
Работа («Здравствуй, тяжкая работа...») — 147.
«Развертывается скатерть, как в рассказе о Савле...» — 637.
Разоренный Киев — 101.
Разочарование — 480.
Ранняя осень — 234.
Раньше утра — 174.
«Ребенком я, не зная страху...» — 90.
Революция — 617.
Реформация — 616.
Римини — 468.
Римляне в Китае. 166 г. н. э. — 540.
Римская империя — 614.
Родное — 503.
Родной язык — 294.
Родные цветы
Ландыш — 404.
Венок из васильков — 405.
Романс — 287.
Романтикам — 459.
Рондо — 367.
«Роса ложится, но солнце всходит...» — 537.
«Роскошен лес в огне осеннем...» — 114.
России — 447.
Ручей — 549.
«Рыбарю Пелагону, отец Мениск водрузил здесь...» — 527.
- Сайма — 321.
Н. Н. Сапунову — 868.

«Свет обмер, тени наклонились...» — 641.

Свечот мысли. Венок сонетов

- I. Атлантида — 612.
- II. Халдея — 613.
- III. Египет — 613.
- IV. Эллада — 614.
- V. Эллинизм и Рим — 614.
- VI. Римская империя — 614.
- VII. Переселение народов — 615.
- VIII. Средние века — 615.
- IX. Возрождение — 616.
- X. Реформация — 616.
- XI. Революция — 617.
- XII. Наполеон — 617.
- XIII. Деятнадцатый век — 618.
- XIV. Мировая война XX века — 618.
- XV. Заключение — 618.

«Свиваются бледные тени...» — 63.

- Свобода и война — 381.
Сегодня — 485.
Sed non satiat — 307.
Свет Хронос — 473.
Серп и молот — 455.
Сеятель — 265.
Симпосион заката — 511.
Сказание о разбойнике. *Из пролога* — 132.
Сказка — 333.
Скифы — 95.
С кометы — 56.
Слава толпе — 211.
«Слепой циклон, опустошив...» — 612.
«Словно птица большая...» — 105.
Служителю муз — 260.
Смерть Александра — 298.
Смерть рыцаря Ланселота — 556.
Смотреть в былое — 467.
Снежная Россия — 403.
«Снова сумрак леса зелен...» — 631.
«Созвучья слова не случайны...» — 634.
Солнцеворот — 423.
Сонет к форме — 43.
Сон пророческий — 84.
Средние века — 615.
СССР — 494.
Старый викинг — 97.
Старый вопрос — 342.
Стокгольм — 223.
Ступени разрушенной лестницы — 586.
Сумерки — 220.

«Сумрак тихий, сумрак тайный...» — 336.

Сухие листья — 331.

Сын земли — 312.

Тайна деда — 396.

Тайны мрака побелели... — 80.
Танки

1. «Вижу лик луны...» — 537.
2. «В синеве пруда...» — 537.
3. «Не весенний снег...» — 537.
4. «Роса ложится, но солнце всходит...» — 537.
5. «По волнам реки...» — 538.
6. «Это ты, луна...» — 538.

Твой взор — 532.

«Твой ум — глубок, как море...» — 539.

Творчество — 42.

Тевтону — 349.

Тезей Ариадне — 193.

Тени прошлого — 123.

Терем — 178.

Терцины к спискам книг — 172.

«Тихо плещут воды Рейна...» — 558.

Тишина — 188.

Товарищам интеллигентам. *Инвектива* — 452.

Товарищам поэтам — 639.

Только русский — 454.

Третья осень — 448.

Три кумира — 362.

Три яблока — 431.

Труд — 619.

Туман («Вдоль тихого канала...») — 186.

Туманные ночи («Вся дрожа, я стою на подъезде...») — 60.

Туман осенний («Туман осенний струится грустно над серой далью нагих полей...») — 330.

Ов. Туманяну. *Надпись на книге* — 413.

«Ты кудри свои, Дика, укрась, милые мне, венками...» — 527.

«Ты мне дороже, чем золото...» — 539.

Угрюмый час — 224.

«Уже за горы канул месяц...» — 534.

«Ужель доселе не ловольно...» — 576.

У земли — 151.

У канала — 354.

У Кремля — 494.

Ultima Thule — 317.

Ультиматум весны — 638.

Умершим мир! — 340.

Умильные слова — 503.

У моря — 156.

Уныние — 44.

«У перекрестка двух дорог...» — 103.

Усадьбы — 276.

У себя — 145.

Усталость — 232.

Утренняя тишь — 404.

Утро («Не плачь и не думай...») — 81.

Утро («Почным дождем повалена...») — 121.

Ученик Орфея — 420.

Фауст — 300.

Фаэтон — 266.

Февраль — 220.

Фирвальдштетское озеро — 289.

Фламандцам — 349.

Флореаль 3-го года — 261.

Флоренция Декамерона — 99.

Фонарики — 209.

Футуристический вечер — 398.

Habet illa in alvo — 160.

Халдейский пастух — 91.

Халдея — 613.

Хвала человеку — 249.

Холод («Как царство белого снега...») — 67.

«Холод ночи; смерзались лужи...» — 70.

Холод («Холод, тело тайно скрывающий...») — 235.

«Хорошо одному у окна...» — 63.

«Царь, Бил-Ибус, я, это вырезал здесь...» — 516.

Царь о себе самом — 518.

Цезарь Клеопатре — 460.

Частушки

1. «Я присела на крылечко...» — 571.

2. «Ворожила мне маменька...» — 571.

3. «Мой милый друг невозвратимый...» — 572.

«Через речку цепкие лианы...» — 534.

Черные вороны — 408.
«Четкие линии гор...» — 72.
Числа — 82.
Чорт и ведьма — 570.
«Что день, то сердце все усталей...» — 622.
«Чуть видные слова седого манускрипта...» — 582.

Шарманка — 637.

Швейцария:

Фирвальдштетское озеро — 289.

Мюльбах — 289.

На леднике — 290.

«Щука синяя, зеленая...» — 567.

Эгейские вазы — 525.

«Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье...» — 635.

Эллада — 614.

Эллинизм и Рим — 614.

Эмилию Верхарну — 584.

Эней — 253.

Эпитафия римским воинам — 395.

«Это матовым вечером мая...» — 75.

«Это ты, луна...» — 538.

Эхо — 226.

Южный берег

I. «День растоплен; море синее...» — 105.

II. «Кипит встревоженное море...» — 106.

III. «Волны приходят, и волны уходят...» — 106.

IV. «Мерно вьет дорога...» — 106.

V. «Обошла тропы утес...» — 107.

VI. «Небо чернело огнями...» — 107.

Южный Крест — 283.

Юлий Цезарь — 204.

Юному поэту — 67.

Юношам — 308.

Юргису Балтрушайтису — 182.

Я — 89.

«Я брошен ею, но я не плачу...» — 534.

«Я бы умер с тайной радостью...» — 78.

«Я видел искры от кирпичи...» — 111.

«Я вырастал в глухое время...» — 626.

«Я доживаю подстоletья...» — 621.

«Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной...» — 581.

«Я люблю у застав переулки Москвы...» — 575.

«Я — междумирон. Равен первым...» — 609.

«Я много лгал и лицемерил...» — 575.

«Я — мотылек ночной. Послушно...» — 114.

«Я не всходил на Гималаи...» — 535.

«Я помню вечер, бледно-скромный...» — 74.

«Я присела на крылечко...» — 571.

«Я с ней повстречался случайно...» — 46.

«Я устал от световых электрических...» — 588.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Мясников — В. Я. Брюсов</i>	3
Краткая автобиография	35

СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ

ИЗ КНИГИ «JUVENILIA» («ЮНОШЕСТВО»)

1892—1894

<i>Из цикла «Пролог»</i>	
Сонет к форме	43
Осеннее чувство	43
Уныние	44
Творчество	44
«Она в густой траве запряталась ничком..»	45
<i>Из цикла «Первые мечты»</i>	
«Я с ней повстречался случайно...»	46
Из письма	46
<i>Из цикла «Новые грезы»</i>	
«Звезды тихоночко шептались...»	48
<i>Из цикла «Лирические поэмы»</i>	
Встреча после разлуки	49

ИЗ КНИГИ «CHEFS D'ŒUVRE» («ШЕДЕВРЫ»)

1894—1896

<i>Из цикла «Стихи с любви»</i>	
Все кончено	53
Воспоминания о малюточке Коре	54
<i>Из цикла «Криптомерии»</i>	
На журчащей Годавери	55
С кометы	56
<i>Из цикла «Холм покинутых святынь»</i>	
Моя мечта	57
Львица среди развалин	57

В старом Париже	58
В прошлом	58
<i>Из цикла «В будни»</i>	
Туманныеочи	60
Первый снег	60
Подруги	61
В камышах	61
<i>Из цикла «Часы дней»</i>	
«Когда былые дни я вижу сквозь туман...» . .	62
<i>Из цикла «Méditations»</i>	
«Хорошо одному у окна!..»	63
«Свиваются бледные тени...»	63

ИЗ КНИГ «ME EUM ESSE» («ЭТО — Я»)

1896—1897

<i>Из цикла «Новые заветы»</i>	
Холод	67
Юному поэту	67
По поводу Chefs d'œuvre	68
<i>Из цикла «Видения»</i>	
Весна	69
<i>Из цикла «Мгновения»</i>	
«Холод ночи; смерзлись лужи...»	70
<i>Из цикла «Скитания»</i>	
I. «Мы ехали долго, без цели, куда-то...» .	71
II. «Мерный шум колес...»	71
III. «Четкие линии гор...»	72
IV. Вечер	72
V. «Поезд врывается в древние скалы...» .	72
VI. «Первая русская книга после далеких скитаний	73
<i>Из цикла «Непужная любовь»</i>	
«И снова дрожат они, грезы беспильные...» . .	74
«Я помню вечер, бледно-скромный...» . . .	74
«Побледневшие звезды дрожали...»	74
«Мы бродили, вдвоем и печальны...»	75
«Это матовым вечером мая...»	75
<i>Из цикла «Веянье смерти»</i>	
«И ночи и дни примелькались...»	77
Последние слова	77
«Я бы умер с тайной радостью...»	78
«Ни красок, ни лучей, ни аромата...»	79

<i>Из цикла «В пути»</i>	
«Тайны мрака побелели...»	80
«Прохлада утренней весны...»	80
Утро («Не плачь и — не думай...»)	81
«О, когда бы я назвал своею...»	81
<i>Из цикла «Завершение»</i>	
Числа	82
<i>Из цикла «Лирические поэмы»</i>	
Идеал	83
Сон пророческий	84

ИЗ КНИГИ «TERTIA VIGILIA» («ТРЕТЬЯ СТРАЖА»)

1898—1901

<i>Из цикла «Возвращение»</i>	
Я	89
«Ребенком я, не зная страху...»	90
«Давно ушел я в мир, где думы...»	90
<i>Из цикла «Любимцы веков»</i>	
Ассаргадон. Ассирийская надпись	91
Халдейский пастух	91
Жрец Изиды	92
Психея	93
Александр Великий.	94
Амалтея	95
Скифы	95
Клеопатра	96
Старый викинг	97
Данте	97
Данте в Венеции	98
Флоренция Декамерона	99
Баязет	100
Дон Жуан	100
Мария Стюарт	101
Разоренный Киев	101
Наполеон	102
<i>Из цикла «У моря»</i>	
Крым. Черное море.	
I. «Волны избегают и пенятся...»	103
II. «Звезда затеплилась стыдливо...»	103
III. «У перекрестка двух дорог...»	103
IV. «Месяца свет электрический...»	104
V. «Лежу на камне, солнцем разогретом...»	104

VI. «Где подступает к морю сад...»	104
VII. «Словно птица большая...»	105
VIII. «Весь день был тусклый, бледный и туман- ный...»	105
Южный берег	
I. «День растоплен; море силен...»	105
II. «Кипит встревоженное море...»	106
III. «Волны приходят, и волны уходят...»	106
IV. «Мерно вьет дорога...»	106
V. «Обошла тропа утес...»	107
VI. «Небо чернело огнями...»	107
Балтика	
I. «Ветер с моря волны гонит...»	107
II. «Из-за облака скользящий...»	108
III. Закат	108
IV. Еще закат.	108
V. «Море — в бессильном покое...»	109
<i>Из цикла «В стенах»</i>	
Городу.	110
«Когда сижу один, и в комнате темно...»	110
«Когда опускается штора...»	111
«Люблю вечерний свет, и первые огни...»	111
«Я видел искры от кирпичи...»	111
«В борьбе с весной редееет зимний холод...»	112
<i>Из цикла «Еще сказка»</i>	
Женщине	113
«Осенний день был тускл и скуден...»	113
«Я — мотылек ночной. Послушно...»	114
«Роскошен лес в огне осеннем...»	114
«Настал заветный час дремотный...»	115
<i>Из цикла «Милая правда»</i>	
«Между двойною бездной...»	116
«И небо и серое море...»	116
<i>Из цикла «Близким»</i>	
К портрету М. Ю. Лермонтова	117
По поводу сборников «Русские символисты»	117
По поводу «Me eum esse»	118
К самому себе	118
<i>Из цикла «Книжка для детей»</i>	
I. Зеленый червячок	119
II. Мыши	120
III. Коляда	120

IV. Утро («Ночным дождем повалена...»)	121
V. Пред грозой	122
<i>Из цикла «Из дневника»</i>	
Тени прошлого	123
Папоротник	123
<i>Из цикла «Прозрения»</i>	
В неконченном здании	125
Братьям соблазненным	126
Отрады	127
<i>Из цикла «Мы»</i>	
«В мире широком, в море шумящем...»	128
Залог	128
Жернова	129
<i>Из цикла «Лирические поэмы»</i>	
Краски	130
Сказание о разбойнике. Из Пролога	132
Замкнутые. Орывки из незаконченной поэмы	133
Первая любовь. Орывок из незаконченной поэмы	139
ИЗ КНИЖИ «URBI ET ORBI» («ГОРОДУ И МИРУ»)	
1901—1903	
<i>Из цикла «Вступление»</i>	
«По улицам узким, и в шуме и ночью, в театрах, в садах я бродил...»	143
Лестница	144
Последнее желанье	144
У себя	145
Побег	146
Работа	147
Мечтанье	147
Искатель	148
Нить Ариадны	149
Блудный сын	150
У земли	151
В ответ	152
<i>Из цикла «Песни»</i>	
Детская	154
<i>Из цикла «Баллады»</i>	
Путник	155
У моря	156
<i>Из цикла «Думы»</i>	
L'Ennui de vivre...	158
Habet illa in alvo	160

Париж	162
Мир	164
In hac lacrimarum valle	166
<i>Из цикла «Элегии»</i>	
Прощальный взгляд	168
К близкой	169
«Не правда ли: мы в сказке...»	169
«Когда твой поезд, с ровным шумом...»	170
<i>Из цикла «Сонеты и терцины»</i>	
Mon rêve familial	171
Терцины к спискам книг.	172
<i>Из цикла «Картины»</i>	
Люблю одно	174
Раньше утра	174
Каменщик («Каменщик, каменщик, в фартуке белом...»)	175
Голос часов	176
Ночь («Горящее лицо земля...»)	176
Зимние дымы	177
<i>Из цикла «Антология»</i>	
Облака	178
Терем	178
К устью	179
<i>Из цикла «Оды и послания»</i>	
Лев святого Марка.	180
Венеция	181
Юргису Балтрушайтису	182

ИЗ КНИЖИ «STEPHANOS» («ВЕНОК»)

1904—1905

<i>Из цикла «Вечеровые песни»</i>	
Ночью	185
«Помню вечер, помню лето...»	185
Туман	186
Голос прошлого	187
Охотник	187
Тишина	188
<i>Из цикла «На Сайме»</i>	
I. «Меня, искавшего безумий...»	189
II. «Желтым шолком, желтым шолком...»	189
III. «В дали, благостно сверкающей...»	190
IV. «Мох, да вереск, да граниты...»	190

V. «Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...»	191
VI. «Голубое, голубое...»	191
<i>Из цикла «Правда вечная кумиров»</i>	
К Деметре	192
Тезей Ариадне	193
Антоний	194
<i>Из цикла «Из ада изведенные»</i>	
Портрет	195
Кубок	196
<i>Из цикла «Повседневность»</i>	
Каменщик («Камни, полдень, пыль и молот...») 197	
Крысолов	197
Гребцы триремы	198
К олимпийцам	200
<i>Из цикла «Современность»</i>	
Кинжал	201
К Тихому океану	202
Война	202
На новый 1905 год	203
Юлий Цезарь	204
Одному из братьев (упрекнувшему меня, что мои стихи лишены общественного значения)	205
Знакомая песнь	205
Паломникам свободы	206
Довольным	207
Грядущие гуны	207
К счастливым	208
Фонарики	209
<i>Из цикла «Лирические поэмы»</i>	
Слава толпе	211
Конь блед	213

ИЗ КНИГИ «ВСЕ НАПЕВЫ»

1906—1909

Поэту	217
Близкой	218
<i>Из цикла «Элегии и буколики»</i>	
Одиночество	219
<i>Из цикла «Вечеровые песни»</i>	
Сумерки	220
Февраль	220
Вечер среди снегов	221
Быть без людей	221

<i>Из цикла «На гранитах»</i>	
К Швеции	222
Стокгольм	223
На гранитах	223
В море	224
Угрюмый час	224
На Готланде	225
Еисби	225
Прибой	226
Эхо	226
В шхерах	227
<i>Из цикла «В поле»</i>	
Век за веком	228
Август	229
Осеннее прощание эльфа	230
<i>Из цикла «Мгновения»</i>	
Который раз	231
Грустный вечер	231
Усталость	232
<i>Из цикла «Eros ànicate machan»</i>	
Встреча	233
<i>Из цикла «Мертвая любовь»</i>	
Ранняя осень	234
Холод	235
<i>Из цикла «Обреченный»</i>	
Осенью	236
La belle dame sans merci	236
<i>Из цикла «В эпическом роде»</i>	
Жизнь	238
<i>Из цикла «Надписи к гравюрам»</i>	
I. За утесом	239
II. Освобождение	240
<i>Из цикла «Видения»</i>	
Повольник	241
Голос мертвого	241
Побег пастуха	242
<i>Из цикла «Женщины»</i>	
Наша тень	244
В том же парке	244
<i>Из цикла «В городе»</i>	
Городу	246
Вечерний прилив	247

<i>Из цикла «Оды и послания»</i>	
Хвала человеку	249
<i>Из цикла «Правда вечная кумиров»</i>	
Дедал и Икар	251
Одиссей	252
Эней	253
<i>Из цикла «Приветствия»</i>	
К Медному всаднику	256
К собору Кемпэра	257
На Форуме	257
Над океаном	
Отлив	258
Прилив	259
<i>Из цикла «Современность»</i>	
Служителю муз	260
Флореаль 3-го года	261
Кому-то	261
<i>Из цикла «Послания»</i>	
М. А. Врубелю	263
Начинающему	264
<i>Из цикла «Заключение»</i>	
Сеятель	265
Звезда	265
Фазтон	266

ИЗ КНИГИ «ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ»
1909—1912

<i>Из цикла «На груди земной»</i>	
Веселый зов	269
На вечернем асфальте	270
Коварность	271
«Идут года. Но с прежней страстью...» . . .	271
<i>Из цикла «Под мертвой луной»</i>	
В моей стране	273
Зерно	274
<i>Из цикла «Родные степи»</i>	
По меже	275
Усадьбы	276
В лесу	276
Летняя гроза	277
Дома	278

<i>Из цикла «Страсти сны»</i>	
«И снова я, простерши руки...»	279
«Да, можно любить, ненавидя...»	280
«Как птицы очковой змеей очарованы...»	281
<i>Из цикла «Слова тоскующей любви»</i>	
«Любовь ведет нас к одному...»	282
Льдинка	283
Южный Крест	283
Предчувствие	284
На заре	284
<i>Из цикла «Жизни мгновения»</i>	
Вечеровая песня	286
<i>Из цикла «По торжищам»</i>	
Романс	287
<i>Из цикла «Милые воспоминания»</i>	
Близ моря	288
Швейцария	
Фирвальдштеттское озеро	289
Мюльбах	289
На леднике	290
В итальянском храме	290
На могиле Ивана Коневского	291
<i>Из цикла «Святое ремесло»</i>	
Поэт — музе	293
Родной язык	294
Ответ	295
<i>Из цикла «Властительные тени»</i>	
Египетский раб	296
Клитемнестра	296
Смерть Александра	298
Фауст	300
<i>Из цикла «Грядущему привет»</i>	
Александрейский столп	302
К финскому народу	303
К моей стране	304

ИЗ КНИГКИ «СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ»
1912—1915

<i>Из цикла «Я сам»</i>	
Sed non satiatius	307
Юношам	308
Ожерелье	309

Летом 1912 года.	310
Должен был...	310
Памятник	311
<i>Из цикла «Сын земли»</i>	
Сын земли	312
Земле	313
Предвешание	314
Детские упования	315
<i>Из цикла «Перед тобою я»</i>	
Гимн богам	316
Гимн Афродите	317
Ultima Thule	317
<i>Из цикла «В стране тишины»</i>	
В разные годы.	319
Иматра	320
Над Иматрой	320
Сайма	321
<i>Из цикла «Неведомый прохожий»</i>	
Закат над морем	322
Над Северным морем	322
Океан и дюны	324
В Голландии	324
Зимнее возвращение к морю	325
Вечер над морем	325
<i>Из цикла «Природы созлядайте!»</i>	
Вечерний Пап	327
Вечером в дороге	327
Весной («Поискивают птицы...»)	328
Весеннее	328
Ночью светлой	329
Крот	329
Туман осенний	330
Сухие листья	331
<i>Из цикла «Под улыбкой солнца»</i>	
В том же парке	332
Сказка	333
В лодке	334
Дождь и солнце	334
После скитаний	335
<i>Из цикла «В буйной слепоте»</i>	
«Итак, это — сон, моя маленькая...»	336
«Сумрак тихий, сумрак тайный...»	336
Венок на могилу	337

<i>Из цикла «Там, у входа»</i>	
На санках	339
Умершим мир!	340
<i>Из цикла «Стоим, мы слепы»</i>	
Последняя война	341
Старый вопрос	342
Круги на воде	343
На Карпатах	344
<i>Из цикла «Высоких зрелищ зритель»</i>	
В Вильно	345
В Варшаве	346
В окопе	346
«Опять — развесистые липы...»	347
<i>Из цикла «Там на западе»</i>	
Западный фронт	348
Фламандцам	349
Тевтону	349
<i>Из цикла «В жизни человеческой»</i>	
Женский портрет	351
Простенькая песня	352
<i>Из цикла «На шумных улицах»</i>	
У канала	354
<i>Из цикла «Детский блеск очей»</i>	
Две головки	355
<i>Из цикла «В старинном замке»</i>	
Баллада о любви и смерти	356
Баллада воспоминаний	357
<i>Из цикла «В маске»</i>	
В разрушенном Мемфисе	358
<i>Из цикла «В ваших чертогах»</i>	
Гарибальди	360
Певцу «Слова»	361
Петербург	361
Три кумира	362
«Бахус» Рубенса	363
<i>Из цикла «В душевной глубине»</i>	
Калейдоскоп	364
<i>Из цикла «В минуту жизни»</i>	
Единоборство	366
Рондо	367
<i>Из цикла «На памятном листке»</i>	
Н. Н. Сапунову	368
На смерть А. Н. Скрябина	368

Путь к высотам	369
Последний путь...	369

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ КНИГКИ «ДЕВЯТАЯ КАМЕНА»

1916—1917

<i>Из цикла «Наедине с собой»</i>	
Девятая Камена	373
Десятая часть	374
Лишь безмятежного мира...	375
Ожерелье дней.	375
<i>Из цикла «В дни Красных знамен»</i>	
Освобожденная Россия.	378
На улицах	379
В мартовские дни	380
Свобода и война.	381
Из дневника	
Полно!	382
Потоп	383
<i>Из цикла «Под зрелищем войны»</i>	
Орел двуглавый	384
Противоречия	
1. Песня («Нет таких дней, когда песни — не нужны...»)	385
2. «Опять к любимым мелочам...»	386
<i>Из цикла «В Армении»</i>	
К армянам	387
К Армении	389
В Баку	389
В Тифлисе	390
К Арарату	391
Арарат из Эривани	392
<i>Из цикла «Меж прошлым и будущим»</i>	
Мы — скифы	394
Изречения	
Афинский поденщик говорит	395
Эпитафия римским воинам	395
Тайна деда	396
Драма в горах. Надпись к гравюру.	396
<i>Из цикла «В действительности»</i>	
Футуристический вѣчер	398
Дама трѣф	399
Провинциальная картинка	400
В цыганском таборе	400

На Ладоге	
Буря и затишье	401
Парус и чайка	402
<i>Из цикла «В родных полях»</i>	
Снежная Россия	403
Утренняя тишь	404
Родные цветы	
Ландыш	404
Венок из васильков	405
Лесные тропинки	406
В гамаке	407
Летняя идиллия	407
Черные вороны	408
Вдоль моря	409
<i>Из цикла «Ночью»</i>	
Ночные страхи	410
<i>Из цикла «В альбомах»</i>	
Гребень волны	411
Петру Ивановичу Постникову	411
Клавдии Николаевне	412
И. Иоаннисиану. В альбом	413
Ов. Туманяну. Напись на книге	413
Последний спор. Из дневника	413

ИЗ КНИГКИ «ПОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ»

1917—1918

<i>Из цикла «Душа истощается»</i>	
В горнем свете	417
Пророчества весны	418
При свете луны	419
Ученик Орфея	420
<i>Из цикла «Жить на воле»</i>	
Зов автомобиля	422
Лунная ночь	423
Солнцеворот	423
Веснянка	424
Перед маем	425
<i>Из цикла «Единое счастье — работа!»</i>	
Работа	427
Пока есть небо	428

Пусть пред окном моим...	429
Голос иных миров	430
<i>Из цикла «Образы святые»</i>	
Три яблока	431
Ариадна	
Жалоба Фессея	432
Венец Ариадны	433
Мировой кинематограф	434
<i>Из цикла «Это все — кошмар!»</i>	
Затравленный зверь. С гравюры	436
Библиотеки	437
Перед электрической лампой	437
<i>Из цикла «Маленькие дети»</i>	
Детская площадка	439
Праздники	440
Колыбельная	442
<i>Из цикла «Сонеты»</i>	
Беглецы	443
Максиму Горькому в июле 1917 года	443

ИЗ КНИГИ «В ТАКИЕ ДНИ»

<i>Из цикла «В зареве пожара»</i>	
России	447
Третья осень	448
К русской революции	449
Парки в Москве	450
Весной («Не в первый раз твой поля...»)	451
Нам проба	452
Товарищам интеллигентам. Инвектива	452
Только русский	454
Серп и молот	455
<i>Из цикла «Над мировым костром»</i>	
В такие дни	456
На высях	456
Под гулы и взрывы	457
Гимн Афродите	458
<i>Из цикла «Завес веков»</i>	
Романтикам	459
Одиссей у Калипсо	460
Цезарь Клеопатре	460

Из цикла «А здесь, в уме»

В первый раз	462
День	463
Одно лишь	463

ИЗ КНИГ «МНГ»

Из цикла «Кругозор»

Смотреть в былое	467
Римини	468
Апрель	468

Из цикла «Из прежде в теперь»

Грядущий гимн	470
Октябрь 1917 года	471
Оклики. Четвертый Октябрь	471

Из цикла «Просверк»

Сеет Хронос	473
Зачем?	474
Инкогнито	474

Из цикла «Тень света»

Вскрою двери	476
------------------------	-----

ИЗ КНИГ «ДАЛН»

Из цикла «Века и пространства»

Красное знамя	479
Разочарование	480
Молодость мира	480

Из цикла «Минуты»

Годы в былом	482
В прятки	483
От виска и до виска	483

Из цикла «Чуть сквозь улыбку»

Сегодня	485
Над картой Европы 1922 г.	486
Новый синтаксис	487

ИЗ КНИГ «МЕА» («СПЕШИ»)

Из цикла «В наши дни»

Магистраль	491
После смерти В. И. Ленина	492
Ленин	493

У Кремля	494
СССР	494
ЗСФСР	495
<i>Из цикла «В мировом масштабе»</i>	
Машины	497
Невозвратность	498
Мир электрона	499
Мир N измерений	499
Как листья в осень	500
<i>Из цикла «В деревне»</i>	
Не память...	502
Родное	503
Умилные слова	503
Лесная тьма	504
<i>Из цикла «Из книг»</i>	
Вариации на тему «Медного всадника» . . .	505
<i>Из цикла «Мысленно»</i>	
Мысленно, да!	507
<i>Из цикла «Наедине с собой»</i>	
Ариадне	508
Пятьдесят лет	509
<i>Из цикла «Бреды»</i>	
Симпозион заката	511
Карусель	512

ИЗ НЕЗАКОНЧЕННОЙ КНИГИ «СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

1907 — 1924

<i>Песни первообытных племен</i>	
«Кенгуру бежали быстро...»	515
Воинская песня	515
<i>Ассирийская клинопись</i>	
«Царь, Бил-Ибус, я, это вырезал здесь...» . .	516
<i>В египетском стиле.</i>	
Надпись	517
Царь о себе самом	518
Гимн Нилу	519
Поучение	520
<i>Отзвуки Атлантиды</i>	
Город вод	521
Женщины Лабиринта	523
Эгейские вазы	525

В духе эллинских поэтов

Из песней Сапфо.

- «Ты кудри свои, Дика, укрась, милые
мне, венками...» 527
- «Геспер, приводишь ты всё, разметала
что светлая Эос...» 527
- «Рыбарю Пелагону, отец Мениск водру-
зил здесь...» 527
- К Сапфо («Ты не в гробнице лежишь,
под украшенным лирою камнем...») . . 527
- Из «Венка» («Где твои стрелы, Эрот, разив-
шие взором Ифтимы...») 527

В духе латинской антологии

- I. «Алую розу люби, цветок, Эрицине любезный...» 528
- II. «Мне говорят, что Марина многим дарит
свои ласки...» 528
- III. «Голос, груди, глаза, уста, волосы,
плечи, руки...» 528
- Poeta Catullianus 529
- Ода в духе Горация 529
- Via Appia 530

Подражание арабской лирике

- Отрывок 531

В духе персидской лирики

Газели

- «В ту ночь нам птицы шепч, как сереб-
ром звеня...» 532
- Твой взор 532

Из индийской лирики

Подражания лирике VI века н. э.

1. «Дождь! тебя благословляю!..» 534
2. «Уже за горы канул месяц...» 534
3. «Я брошен ею, но я не плачу...» 534
4. «Через речку цепкие лианы...» 534
5. «Я не всходил на Гималаи...» 535

Подражание Рабиндранату Тагору 535

Малайские песни

- «Белы волны на побережья моря...» . . . 536
- «Ветер качает, надышавшийся чампаком...» 536

В стиле японской лирики

Танки

1. «Виджу лик луны...» 537
2. «В синеве пруда...» 537

3. «Не весенний снег...»	537
4. «Роса ложится, но солнце всходит...»	537
5. «По волнам реки...»	538
6. «Это ты, луна...»	538
<i>С китайского</i>	
1. «Твой ум — глубокий, как море...»	539
2. «Пусть этот чайник ясный...»	539
3. «Ты мне дороже, чем золото...»	539
4. «Все дни — друг на друга похожи...»	539
5. «Глупец восклицает: «Помок...»	539
Римляне в Китае. 166 г. н. э.	540
<i>Песня гренландцев</i>	541
<i>Песня норманнов в Сицилии</i>	542
<i>Итальянская лирика</i>	
Итальянский сонет в духе XIV в.	543
Сонеты в духе Петрарки	
«Вчера лесной я проезжал дорогой...»	543
«Как всякий, кто Любви застенков ведал...»	544
<i>Франция XV—XVI вв.</i>	
Виланель	545
Подражание труверам	546
Баллада о женщинах былых времен Из	
Франсуа Вийона	546
Канцона даме. Подражание средневековым	
провансальским трубадурам	547
Бретонская песенка	548
<i>В духе французских лириков XVIII в.</i>	
Ручей	549
Прогулка	550
<i>Подражание испанской поэзии</i>	
Народная песня	551
Инъес	552
Испанская песенка	553
<i>В духе английских баллад</i>	
Король Артур	555
Смерть рыцаря Ланцелота	556
<i>Германия XVI в.</i>	
Надписи на воротах	
1. «Кто поздно или рано придет к сим воротам...»	558
2. «Путник! в этом городе можешь дни провести...»	558
3. «В этом замке живет рыцарь сильный...»	558

Песни в духе Г. Гейне	
1. «Тихо плещут воды Рейна...»	558
2. «Луна была скрыта за тучей...»	559
Похищение Берты. Романтическая баллада . . .	559
<i>На мотивы финских песен</i>	
«Баю, баюшки, баю...»	564
«Коль пришел бы мой желанный...»	564
«Ах, была, была я прежде...»	565
«Лучше было б, лучше было б...»	565
<i>На мотивы латвийской народной песни</i>	
«Дай мне вечер, дай мне отдых...»	567
«Щука синяя, зеленая...»	567
<i>Подражание русской народной поэзии</i>	
Друзья	569
Чорт и ведьма	570
«Плохо приходится старому лешему...» . . .	571
Частушки	
1. «Я присела на крылечко...»	571
2. «Ворожила мне маменька...»	571
3. «Мой милый друг невозвратимый...» . .	572

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В СБОРНИКИ

«Я люблю у застав переулки Москвы...»	575
«Я много лгал и лицемерил...»	575
«Ужель доселе не довольно?...»	576
Близким	
I. «Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши...»	576
II. «Нам руки свободные «вяжут...»	577
К народу. Vox populi	578
Нить	579
Балаганы	579
Все напевы	581
«Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной...»	581
Москва. Отрывок	582
«Чуть видны слова седого манускрипта...» . . .	582
«Всем душам нежным и сердцам влюбленным...»	583
При электричестве	583
Эмилю Верхарну	584
Нева	585
Больше никогда	585
Ступени разрушенной лестницы.	586
«Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи...» .	587

Восхождение	587
«Я устал от светов электрических...»	588
Завет Святослава	589
«В моей душе, как в глубях океана...»	589
Египетские ночи. Поэма в 6-ти главах	590
«Закат ударил в окна красные...»	607
В недрах	607
«Пришли рассеяния годы...»	608
«Я — междумирок. Равен первым...»	609
Вешние воды. Импровизация	610
Народные вожди	611
«Слепой циклон, опустошив...»	612
Светоч мысли. Венок советов	
I. Атлантида	612
II. Халдея	613
III. Египет	613
IV. Эллада	614
V. Эллинизм и Рим	614
VI. Римская империя	614
VII. Переселение народов	615
VIII. Средние века	615
IX. Возрождение	616
X. Реформация	616
XI. Революция	617
XII. Наполеон	617
XIII. Деятнадцатый век	618
XIV. Мировая война XX века	618
XV. Заключение	618
Труд	619
Праздник труда. Гимн Первого Мая 1919 года	620
«Я доживаю полстолетья...»	621
«Что день, то сердце все устaley...»	622
Бунт	623
«Не довольно ль вы прошлое не жили...»	624
«Мы — в народе возрожденном...» :	624
«Пусть вечно милы посеvy, скаты...»	625
«Я вырастал в глухое время...»	626
«Когда стоишь ты в звездном свете...»	627
Дворец центромашин	627
«Мечта, внимай! Здесь, в полночи бездонной...»	629
Болезнь	630
«Снова сумрак леса зелен...»	631
«Последние дымы войны...»	632

«Дни для меня не замысловатые фокусы...» . . .	632
«Еще раз, может быть, в последний...»	633
Поэту	634
«Созвучья слова не случайны...»	634
«Любы глазу родные привычки...»	635
Будущее	635
«Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!...»	635
«Aux Champs-Élysées или на Риджент-стрите...» .	636
Шарманка	637
«Развертывается скатерть, как в рассказе о Савле...»	637
Ультиматум весны	638
Товарищам поэтам	639
На смерть вождя	640
«Свет обмер, тени наклонились...»	641
Dolce far niente	641
«Краткими складками взморщи...»	642
П р и м е ч а н и я	647
Алфавитный указатель стихотворений	719

Редактор *Ю. Акимов*
Оформление художника *И. Литягино*
Технический редактор *В. Грищенко*
Корректор *Е. Мезис*

*

Сдано в набор 27/IX 1954 г.
Подписано к печати 29/XII 1954 г.
А09101. Бумага $84 \times 108^{1/32}$ —47 печ. л.,
38,54 усл. печ. л., 31,6 уч.-изд. +
1 вклейка = 31,63 л. Тираж 75 000
Цена 16 р.
Заказ № 1824.

Гослитиздат
Москва, Ново-Басманная, 19.

*

Министерство культуры СССР,
Главное управление полиграфической
промышленности.

Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова. Москва, Ж-54,
Валовая, 28.

